

№ 7 (78) 2010
Выпуск 14

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических наук,
профессор

Зам. главного редактора

Пересыткин А.П.

проректор по научной работе Белгородского
государственного университета, кандидат
педагогических наук

Ответственные секретари

Московкин В.М.

доктор географических наук, профессор
кафедры мировой экономики
Белгородского государственного
университета

Боруха С.Ю.

доцент кафедры педагогики
Белгородского государственного
университета, кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических наук,
профессор

Главный редактор

Шатовалов В.А.

доктор исторических наук, профессор
(Белгородский государственный университет)

Заместители главного редактора

Болгов Н.Н.

доктор исторических наук,
профессор (Белгородский
государственный университет)

Шатохин И.Т.

кандидат исторических наук, доцент
(Белгородский государственный университет)

Шилов В.Н.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный университет)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History Political science Economics
Information technologies

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Культ кошачьего хищника в мифологических верованиях цивилизаций Центральных Анд. **Ю.Г. Ещенко 5**

Старшие и младшие логографы. **В.М. Строгоцкий 13**

Палеоэкономическая модель развития хоры «малых» городов раннего Боспора. **С.Н. Прокопенко 19**

К вопросу об использовании боевых слонов в эллинистическом Египте (III–II вв. до н.э.). **А.А. Абакумов 25**

Трактовка платоновской традиции Климентом Александрийским. **И.В. Зайцева, А.М. Страхов 33**

Символизм и символы в древнехристианском искусстве (II–IV вв. н.э.). **Я.Ю. Иванюк, В.Н. Шилов 38**

Конфликт отторжения: готы в Византии в конце IV в.

Ю.Н. Сбитнева, В.В. Литич 44

Об истоках мистериальных культов (мистерии индоевропейцев от дионисийских таинств до ритуалов последователей ересей на Руси). **А.Г. Чередниченко, Н.А. Клышнюк, М.Е. Шенцов 49**

Вооружение и тактика варварских народов Западной Европы раннего Средневековья. **А.Н. Щендрыгин 57**

Золотоордынские города Северного Кавказа по данным археологических исследований. **Э.Д. Зиливинская 63**

К вопросу о социальных элитах «орденского государства» (по материалам ливонских ландтагов конца XV – начала XVI вв.). **М.Б. Бессуднова 69**

К вопросу о политической борьбе в Великобритании в 30-е гг. XX в. по проблемам внешней политики. **А.И. Дудка, Е.А. Антонов 77**

Политический плакат гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) как средство визуальной пропаганды.

Н.Н. Фомичев, Н.З. Бросова 82

Федеративные планы в отношении региона Центрально-Восточной Европы в политике польского и чехословацкого правительств в эмиграции и Великобритании, 1939–1943 гг.

В.В. Василенко 90

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Создание и деятельность приказов общественного призрения в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Ярославской и Костромской губерний). **А.В. Кузьмичев 98**

Становление и развитие духовных семинарий Русской православной церкви XVIII – начала XX веков. **М.А. Адамов 103**

Ответственный секретарь**Василенко В.В.**кандидат исторических наук
(Белгородский государственный университет)Члены редколлегии**Абрамзон М.Г.**, доктор исторических наук,
профессор (Магнитогорский государственный
университет)**Бортников В.И.**, доктор политических наук
(Волынский национальный университет
им. Леси Украинки, Луцк, Украина)**Гаврилюк Н.А.**, доктор исторических наук
(Институт археологии Национальной академии
наук Украины)**Глухова А.В.**, доктор политических наук,
профессор (Воронежский государственный
университет)**Казански М.**, доктор истории
(Центр изучения византийской цивилизации,
Париж, Франция)**Коробков А.В.**, доктор политологии
(Университет штата Теннесси, США)**Лобанов К.Н.**, доктор политических наук,
доцент (Белгородский юридический институт
МВД России)**Молев Е.А.**, доктор исторических наук,
профессор (Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)**Плувиано М.**, доктор истории
(Генуэзский университет, Италия)**Посохов С.И.**, доктор исторических наук,
профессор (Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина, Украина)**Пушкарева И.М.**, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник (Институт рос-
сийской истории Российской академии наук)**Сорочан С.Б.**, доктор исторических наук,
профессор (Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина, Украина)**Тельнов Н.П.**, доктор истории (Институт археоло-
гии Национальной академии наук Молдовы)**Тодоров И.М.**, доктор истории, доцент (Велико-
тырновский университет «Св. Кирилл и Мефодий»,
Болгария)**Щагин Э.М.**, доктор исторических наук,
профессор (Московский государственный
педагогический университет)Оригинал-макет В.В. Василенко, Н.А. Гапоненко
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ruПодписано в печать 14.06.2010
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 28,72
Тираж 1000 экз.
Заказ 126Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39723Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского государственного
университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Информация и профессиональная этика попечителя учебного
округа (Казань, первая четверть XIX века). **К.А. Ильина 111**

Начало издания либерального журнала «Вестник Европы».

А.В. Кайль 118Особенности изучения чиновного состава уездных казначейств
Нижегородской губернии середины 60-х гг. XIX в. (по данным
формулярных списков 1865 г.). **В.В. Морозов 125**Раскопки курганов на Юге России и становление полевой методи-
ки (середина XIX – начало XX вв.). **И.А. Сорокина 130**Вопросы городского благоустройства в деятельности органов
общественного управления Курской губернии в конце XIX в.**М.А. Сергиенко 137**

Теория революции в понимании П.А. Кропоткина.

О.С. Сафронов 145Патриотические и военно-спортивные организации в обществен-
но-политической жизни России начала XX века.**В.Ю. Рылов 150**

Советская историография ярославского мятежа 1918 г.

А.Е. Кидяров 159Осуществление политики красного террора по отношению к право-
славному духовенству и верующим в уездах Курской губернии в
1918–1919 гг. **П.Ю. Субботин 167**Чрезвычайные органы Воронежской и Курской губерний в ус-
ловиях военного времени: методы управления хозяйственной
деятельностью (1918–1920 гг.). **Г.А. Ямпольская 174**Становление советской семьи в 1920-е годы (на примере
Курской губернии). **М.А. Денисова 182**Очаги бытования фольклора и методика работы фольклориста-
фронтовика. **Л.Н. Пушкарев 188**О северокавказских участниках Куликовской битвы и их воору-
жении. **С.Я. Березин, Е.И. Нарожный 195****АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ**Неосистемная политология: поздний системный структурный
функционализм. **М.М. Смирнов 202**Современные исследования институтов политической власти
(сравнительный анализ теорий). **Д.С. Кокорхоева 208**Консолидация общества как фактор обеспечения
национальной безопасности Российской Федерации.**М.А. Варфоломеев 218**Механизмы формирования обратной связи в региональном
и муниципальном управлении. **Е.В. Реутов,
Р.А. Брусенская 222**Специфика муниципальной политики в различных
социальных сферах (на примере Ставропольского края).**С.В. Пушкин 229**

Многополярный мир: реальность и перспективы.

В.Г. Калужный 235**Сведения об авторах 240****Информация для авторов 243**

№ 7 (78) 2010
Issue 14

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

State educational establishment of higher professional education
«Belgorod State University»

Publisher:

Belgorod State University
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

Editorial board of journal

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

A.P. Peresypkin

Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

V.M. Moskovkin

Doctor of geographical sciences, professor of world economy department Belgorod State University

S.Yu. Borukha

Associate professor of Pedagogics department of Belgorod State University, candidate of pedagogical sciences

Editorial board of journal series

Chairman of editorial series

L.J. Djatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociological sciences, professor

Editor-in-chief

V.A. Shapovalov

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod State University)

Deputies of editor-in-chief

N.N. Bolgov

Doctor of historical sciences, Professor (Belgorod State University)

I.T. Shatokhin

Candidate of historical sciences, Associate professor (Belgorod State University)

V.N. Shilov

Doctor of philosophical sciences, Professor (Belgorod State University)

Belgorod State University

Scientific Bulletin

History Political science Economics

Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика

Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

The cult of the feline in mythological beliefs of the civilizations of Central Andes. **Yu.G. Eschenko 5**

Old and young logographs. **V.M. Strogetsky 13**

Chora of «small» cities of early Bosporus: paleoeconomic model.

S.N. Prokopenko 19

The Prolemaic elephant corps (3–2 cent. BC). **A.A. Abakoumov 25**

Treatment of Plato`s traditions in Clement of Alexandria`s works.

I.V. Zaitseva, A.M. Strakhov 33

Symbolism and symbols in early Christian art (2–4 cent. AD).

Ya.Yu. Ivanitskaya, V.N. Shilov 38

A conflict of hostility: Goths in Byzantium in late 4 cent. AD.

Yu.N. Sbitneva, V.V. Lipich 44

About sources of mysteries` cults (mysteries of Indo-Europeans from the Dionysia to the rituals of the followers of heresies in Russia).

A.G. Cherednochenko, N.A. Klyshnyuk,

M.E. Shentsov 49

Weapon and tactics of the barbarous people of Western Europe in Early Middle Ages. **A.N. Shchendrygin 57**

The Golden Horde cities in the North Caucasus from

the archaeological record. **E.D. Zilivinskaya 63**

About social elites of an «order state» (according to the materials of Livonian landtags at the turn of XV–XVI centuries).

M.B. Bessudnova 69

To question of political fight in Great Britain in 1930–1939 on problems of foreign policy. **A.I. Dudka, E.A. Antonov 77**

Political poster of Civil War in Spain (1936–1939) as an instrument of visual propaganda. **N.N. Fomichev, N.Z. Brosova 82**

Federative plans towards region of East-Central Europe in policy of the Polish and Czechoslovak émigré governments and

of Great Britain, 1939–1943. **V.V. Vasilenko 90**

RUSSIAN HISTORY

Creation and activity of public charity orders in the end of XVIII – first half of XIX centuries (on materials of the Yaroslavl and Kostroma provinces). **A.V. Kuzmichev 98**

Formation and development of theological seminaries of Russian Orthodox Church in XVIII – the first part of the XX centuries.

M.A. Adamov 103

Information and professional etiquette of the curator of the educational district (Kazan, the first quarter of the XIX century).

K.A. Ilyina 111

Editorial assistant

V.V. Vasilenko
Candidate of historical sciences
(Belgorod State University)

Members of editorial board

M.G. Abramzon, Doctor of historical sciences,
Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of political sciences
(Volyn National University named after Lesya
Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of historical sciences
(Institute of Archeology of National Academy
of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of political sciences,
Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History
and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science
(Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of political sciences,
Associate professor (Belgorod Juridical Institute
of Ministry of Home Affairs of Russian Federation)

E.A. Molev, Doctor of historical sciences,
Professor (Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History
(University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of historical sciences,
Professor (Kharkov National University named
after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of historical sciences,
Senior scientific worker (Institute of Russian
History of Russian Academy of Sciences)

E.M. Shagin, Doctor of historical sciences,
Professor (Moscow State Pedagogical University)

S.B. Sorochan, Doctor of historical sciences,
Professor (Kharkov National University named
after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute
of Archeology of National Academy of Sciences
of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate
Professor (Velikotyrnovo University
«St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

Dummy layout by V.V. Vasilenko,
N.A. Gaponenko
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 14.06.2010
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 28,72
Circulation 1000 copies
Order 126

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078,
In joint catalogue Pressa Rossii – 39723

Dummy layout is replicated at Belgorod
State University Publishing House
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

The beginning of liberal magazine «The Messenger of Europe».

A.V. Kayle 118

The study of official staff the district treasuries in the Nizhny Novgorod province in the middle sixties of XIX c. (according to the form registers of the year 1865). **V.V. Morozov 125**

Excavations of tumuli on the South of Russia and formation of the field archaeology methods (mid–XIX – beginning of XX centuries).

I.A. Sorokina 130

Questions of city accomplishment in activity of organs of government of Kursk province in the end of XIX century.

M.A. Sergienko 137

The theory of revolution in understanding of P.A. Kropotkin.

O.S. Safronov 145

Patriotic and military/sports societies in Russia at the beginning of the XX century. **V.Yu. Rylov 150**

The Soviet historiography of Yaroslavl riot of 1918.

A.E. Kidyarov 159

Realization of the policy of red terror in relation to Orthodox clergy and believers in districts of Kursk province in 1918–1919.

P.Yu. Subbotin 167

Extraordinary bodies of Voronezh and Kursk provinces during the war – methods of government of economic activity (1918–1920).

G.A. Yampolskaya 174

Formation of the Soviet family in 1920s (on the example of Kursk province). **M.A. Denisova 182**

Folklore usage and techniques of folklorist from the front-line.

L.N. Pushkarev 188

About Northern Caucasian participants of Kulikovskaya battle and their armaments. **S.Ya. Berezin, E.I. Narozhnyi 195**

POLITICAL SCIENCE

Neosystem political science: late system structural functionalism.

M.M. Smirnov 202

Contemporary studies of political power institutes (comparative theoretical analysis). **D.S. Kokorkhoeva 208**

Consolidation of society as a factor of the national security of Russian Federation. **M.A. Varfolomeev 218**

Mechanisms of formation of feedback in regional and municipal management. **E.V. Reutov, R.A. Brusenskaya 222**

Specificity of the municipal policy in various social spheres (on the example of Stavropol territory). **S.V. Pushkin 229**

The multipolar world: reality and prospects.

V.G. Kalyuzhnyi 235

Information about Authors 240

Information for Authors 243

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 291.212.4

КУЛЬТ КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АНД

Ю.Г. ЕЩЕНКО*Астраханский
государственный
университет**e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru*

Мифология культур Центральных Анд является недостаточно изученной темой в российской историографии. Цель работы состоит в анализе культа кошачьего хищника и выявлении основных функций данного животного в религиозных представлениях культур Центральных Анд. Для этого использовались, в основном, иконографический материал (так как исследуемые цивилизации являются бесписьменными культурами). В результате установлены основные функции божеств с чертами кошачьего хищника: они являлись символами власти, прародителями племени или королевской династии, покровителями сельского хозяйства, плодородия и скотоводства, главенствовали в земном и/или подземном мирах.

Ключевые слова: Центральные Анды, мифологические верования, культ кошачьего хищника, иконография, верховное божество, Чавин, Паракас, Мочика, Тиуанако.

В настоящее время американистика является динамично развивающимся направлением исторической науки. Несмотря на значительное количество работ, освещающих историю цивилизаций Нового Света, в отечественной науке до сегодняшнего дня существует лишь несколько историков, занимающихся изучением цивилизаций Центральноандского региона (В.А. Башилов, Ю.Е. Березкин, С.Н. Якушенков). В то же время, относительно истории древних обществ, существует огромное количество нерешенных вопросов. Исследование цивилизаций Центральных Анд дает богатейший материал для понимания мировосприятия древних людей и связанных с ним мифологических представлений.

Сложность при исследовании состоит в сравнительно малой изученности Центральноандского региона в отечественной историографии. К сожалению, многие из существующих работ (В.А. Башилова, Дж. Бушнелла, В.Г. Зубарева) носят обобщающий характер и не нацелены на решение конкретных задач, но, вместе с тем, они содержат богатейший иконографический материал, а также попытки его сравнительного анализа по многим культурам Центральных Анд. Проблемы при изучении свя-

заны и с тем, что приходится иметь дело с бесписьменными цивилизациями. Поэтому, в большинстве случаев, мы вынуждены ограничиваться только определением семантического значения мифологических персонажей и анализом содержания отдельных иконографических персонажей и сюжетов, тогда как попытка реконструировать полный сюжет мифа не представляется возможной. Кроме того, интерпретация многих иконографических сюжетов, явно мифологического содержания, при отсутствии сопоставимого фольклорного материала, невозможна.

Интереснейший материал по культуре, хозяйственной жизни и космогоническим представлениям древних американцев дают хроники времен конквисты. Несмотря на то, что хроники написаны не ранее XVI в., они отражают историю народов, населявших континент задолго до его открытия европейцами. Приходится обращаться и к работам зарубежных авторов, не только иллюстрирующим историю культур в социально-экономическом плане, но и показывающим роль мифологических верований в жизни автохтонного населения Центральных Анд. Значительно помогают в осмыслении религиозных представлений материалы зарубежных конференций и симпозиумов, посвященных исследованию отдельных аспектов мифологии древних индейцев.

Таким образом, реконструкцию религиозных представлений центральноандских цивилизаций приходится проводить на основании анализа дошедших до нас иконографических мотивов и древних мифологических образов, сохранившихся в верованиях некоторых ныне существующих аборигенных народов Америки, а также опираясь на испанские хроники времен открытия континента и работы зарубежных историков.

Нашей целью является анализ эволюции иконографических сюжетов с изображениями существ с чертами кошачьих хищников и определение их связи с мифологическими представлениями. Для этого использовался сравнительно-исторический метод, который позволил выявить общие и специфические черты в культе кошачьего хищника у населения Южной Америки. При этом удалось рассмотреть эволюцию образа кошачьего хищника в мифологических представлениях индейцев Центральных Анд (диахронный анализ) и определить характерные особенности культа данного животного у отдельных культур (синхронный анализ). Кроме того, применялись историко-мифологический, структурно-семантический методы.

Хищники семейства кошачьих – одно из самых распространенных священных животных. Их виды являлись предметами культа во многих цивилизациях в разные исторические эпохи. Не исключением является и американский континент, где они являлись излюбленной темой индейской мифологии.

Древнейшей из культур Центральных Анд считается цивилизация Чавин (XII–VIII вв. до н.э. – IV в. н.э.). Чавин и последующие центральноандские цивилизации получили возможность широкого распространения и развития в связи с наличием двух благоприятных факторов. К их числу относят обилие драгоценных металлов на северном побережье и в горах и выращивание хлопчатника на центральном и южном побережье. Поэтому большинство анализируемых иконографических сюжетов являются гравировками на ювелирных украшениях и орнаментацией на текстиле (позже – на керамике)¹.

Хищники семейства кошачьих, особенно ягуар и пума, были наиболее ярко представлены в культуре Чавин и в раннем искусстве Центральных Анд вообще. Некоторые исследователи утверждают, что «доминирующую роль играла пума», основываясь на факте ее распространения по всей территории Южной Америки, в то время как «ягуар обитал лишь в тропических лесах»². Исследование предметов искусства доказывает, что на большинстве изображений кошачьих не встречаются маркировки волосяного покрова, позволяющие идентифицировать животное как ягуара.

¹ Acosta J. de. Natural and moral history of the Indies. Vol. 2. London, 1892. P. 138.

² Бушнелл Дж. Перу. От ранних охотников до империи инков. М., 2003. С. 17.

Значит, подобное предположение весьма справедливо, но мы не можем утверждать и полное доминирование пумы в иконографии Чавин, так как археологические находки, точно показывающие ягуара, также не уникальны.

В Центральных Андах встречаются две разновидности иконографии кошачьих хищников – в их естественном виде и в сочетании с другими животными и/или человеком.

В естественном виде кошачьи довольно часто показываются на украшениях и в мелкой пластике, где очень детально прорисовываются все элементы (рис. 1). Как обычно, у хищников семейства кошачьих в стиле Чавин, конец хвоста сформирован как змея, или, как ее еще называют – «змея кота». Есть и другая версия (правда, более редкая) изображения хищников в Чавин – зеркальное отображение головы в профиль, украшающее заднюю часть животного. В большинстве случаев в такой двухпрофильной композиции два смежных лица в профиль присоединены к общему изображению туловища так, что они могут читаться, как два независимых силуэта. Данный тип изображения повторяется с незначительными видоизменениями, как в плоской резьбе, так и в объемной скульптуре³.

Рис. 1. Золотая пластина с изображением кошачьего хищника 400-300 гг. до н.э. Чавин⁴

Также в естественном виде кошки представлены в каменных рельефах и гравировках на керамике – например, это рельеф на карнизе в юго-западной части Нового Храма в Чавин-де-Уантар (рис. 2). В этих случаях хищные кошки пышно украшены стилизованными изображениями змей, что порой даже затрудняет восприятие сюжета.

Рис. 2. Изображение кошачьего хищника на карнизе в Новом Храме, Чавин-де-Уантар⁵

Вышеназванные типы изображений можно назвать классическими для художественного стиля Чавин – в них показаны основные стилистические приемы изображения кошачьих:

- круглый, широко открытый глаз с бровью в виде змеи;
- кошачий рот со скрещенными клыками;

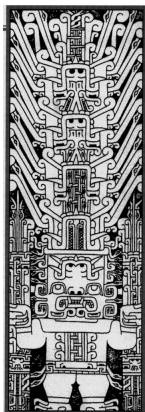
³ Burger R. Chavin // Andean Art at Dumbarton Oaks. Washington, 1996. P. 50-54.

⁴ The cult of the feline. A Conference in Pre-Columbian Iconography. Washington, 1970. P. 73.

⁵ Ibid. P. 71.

- маркировки волосяного покрова в виде перевернутой восьмерки;
 - лапы с огромными когтями; хвост и усы в виде причудливого переплетения змей.

Особая важность кошачьего мотива всегда подчеркивалась в обсуждениях художественного стиля Чавин. Так, Х. К. Тельо утверждал, что «ягуар был основным элементом искусства Чавин». Он также установил, что «слово «чави» на одном из

карибских языков означает «ягуар», а «чавинави» – «сыновья ягуара с копьями»⁶. К артефактам культуры Чавин относится стела Раймонди (рис. 3). На ней изображено антропоморфное божество со змеями у пояса, держащее в руках жезлы и сочетающее в себе черты человека и ягуара (клыки, когти). Наличие в руках у божества двух жезлов, символизирующих власть, дает возможность истолковать изображенное существо как верховное божество в пантеоне Чавин. Часто вместо жезлов божество держит в руках початки кукурузы, что олицетворяет собой плодородие.

Рис. 3. Стела Раймонди⁷

Элементы стиля Чавин: своеобразные мотивы и художественные приемы типа метафорической замены, двuproфильных композиций, четкой двусторонней симметрии, – найдены во многих регионах, подчас не входящих в зону влияния Чавин. Это говорит о том, что некоторые художественные особенности были заимствованы и распространены представителями более поздних культур.

Параллельно с культурой Чавин в бассейне реки Магдалена (несколько севернее от рассматриваемой нами географической области) существовала культура Сан-Агустин, также с частым использованием в искусстве кошачьего мотива. Ввиду удаленности территорий культур Чавин и Сан-Агустин, а также в связи с существенными различиями в иконографии и семантике кошачьих образов, можно заключить, что в Сан-Агустин кошачий мотив, будучи заимствован, далее развивался независимо от культа кошачьих в Чавин.

В Сан-Агустин найдено большое количество каменных статуй, большинство из которых имеют явно выраженные кошачьи черты. Существующие различия в форме, положении тела, технике изготовления объясняются исследователями принадлежностью к разным периодам времени. Однако археологические данные не позволяют систематизировать находки по времени создания⁸.

Все известные скульптуры можно объединить в три группы: сцены нападения хищника ягуара на женщину; фигуры человека с кошачьими чертами и композиции, в которых человек-ягуар находится в сопровождении других фантастических существ. Как видно, кошачий хищник здесь всегда показывается с человеком, а иногда даже ассоциируется. Объяснение такого художественного приема кроется в религиозных верованиях, где, очевидно, подобная связь является отражением центральной мифологической темы.

Довольно близко к району распространения культуры Сан-Агустин до настоящего времени проживает несколько тысяч индейцев языковой группы чибча, сохранивших в мифологических представлениях некоторые древние элементы. Так, известен миф, согласно которому, «когда-то в начале времен на молодую девушку напал ягуар и изнасиловал, после чего у нее родился ребенок-гром. Мальчик вырос, совер-

⁶ Башилов В.А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972. С. 52.

⁷ Burger R. Chavin // Andean Art at Dumbarton Oaks. Washington, 1996. P. 51.

⁸ Reichel-Dolmatoff G. The feline motif in prehistoric San Agustín sculpture // The cult of the feline. A Conference in Pre-Columbian Iconography. Washington, 1970. P. 51.

шил много подвигов и стал известным героем, дети которого объединяли в себе черты человека и ягуара. После смерти героя, его дух продолжал жить на берегу реки, заявляя о себе раскатами грома»⁹. Гром близко связан с духом ягуара и шаманами, которые во время транса могли перевоплощаться в ягуаров или в гром.

Данный миф объясняет смысл каменных статуй Сан-Агустин и наталкивает на проведение параллели между мотивом насилия индейской женщины кошачьим хищником и происхождением от этой связи божеств или нового племени людей. Эта тема часто встречается в индейской мифологии. Интересно, что здесь говорится о происхождении не всего человеческого рода, а лишь его отдельной группы, в то время как остальные люди вели свой род от других животных, деревьев и очень боялись людей-ягуаров. Можно сказать, что ягуар выступает в качестве тотемного животного, только применительно не к одному роду, а к целой культуре.

Культура Чавин, являющаяся, по мнению многих американистов, родоначальницей всех последующих цивилизаций не только в Центральных Андах, но и в других районах Южной Америки, оказала наиболее заметное влияние на культуру Паракас (VII–I вв. до н.э.). Сравнивая основные мотивы Чавин и ранней культуры Паракас, мы можем найти много общего в искусстве и основных приемах изображения мифологических существ, что позволяет сделать вывод о преемственности иконографии основных божеств культуры Паракас у Чавин, а, значит, и о сходстве их мифологических верований.

В зависимости от особенностей иконографии будет целесообразно рассмотреть три периода Паракас – ранний, средний и поздний. Запутанные и сложные элементы Чавин встречаются на большинстве найденной керамики и фрагментах тканей раннего стиля Паракас. Нетрудно заметить, что большинство изображений кошачьих представляют собой весьма точные копии каменных барельефов из храмов в Чавинде-Уантар. Наиболее распространенным орнаментом на тканях является фигура антропоморфного кошачьего божества с жезлами в руках, довольно явственно напоминающая рельеф на стеле Раймонди.

Это божество, а также другие фигуры в стиле Чавин присутствуют и на керамике, но в более упрощенном, стилизованном виде, без прорисовок мелких деталей, что свидетельствует о недостаточно развитом мастерстве росписи керамики.

Средний период Паракас характеризовался быстрым увеличением числа местных стилей в связи с переработкой традиционного стиля Чавин. Крупные кошачьи хищники все еще доминируют в искусстве иллюстрации, но начинают постепенно терять свою агрессивную манеру, исчезают огромные клыки и когти. В течение V в. до н.э. культура Паракас подверглась еще одной волне внешнего воздействия. Результатом был радикальный сдвиг в искусстве иллюстрации. Внимание сосредотачивается вокруг антропоморфной фигуры божества, имеющего в себе, в основном, черты птицы и змеи (о кошках напоминают лишь усы и маркировки волосяного покрова)¹⁰. В поздний период новое божество получает дальнейшее развитие, а малопонятную кошачью фигуру с жезлами постепенно забывают.

По мере исчезновения с исторической арены цивилизации Чавин, ослабло и ее влияние на соседние культуры; используемые ранее мотивы крупного хищного ягуара вытесняются другими животными – горным котом, орлом, обезьяной, выдрой и др. Появляется комбинация оцелот-выдра, символизирующая собой обилие воды, плодородие.

Индейцы Мочика (I–VII вв.) также были знакомы с ягуаром. Культурный комплекс Мочика «возводим главным образом к двум источникам – культурам Чавин и Салинар», первая из которых и принесла Мочика свое филиноидное наследие. Ю.Е. Березкин, сравнивая данные культуры, выделяет признаки стиля Мочика, «яв-

⁹ Ibid. P. 56.

¹⁰ Sawyer A. The feline in Paracas art // The cult of the feline. A Conference in Pre-Columbian Iconography. Washington, 1970. P. 91.

но восходящие к Чавин: реалистичное объемное изображение людей и животных, особенно кошачьих хищников (в Салинар те и другие более схематичны и примитивны), и изображение антропоморфного божества с клыками во рту и змеями у головы и (или) пояса (в Салинар полностью отсутствуют)¹¹. Таким образом, многие иконографические мотивы в искусстве Мочика, связанные с использованием кошачьих черт, восходят к Чавин. Хотя, возможно, существовали и другие источники.

Ягуар и пума встречаются в иконографии Мочика с самого начала существования данной культуры. Это антропоморфные изображения хищников семейства кошачьих на задних лапах. Данная особенность была вообще очень свойственна мочикскому искусству, ведь в орнаментах на керамике Мочика с завидной повторяемостью встречаются сцены шествий животных, олицетворяющих, как утверждает Ю.Е. Березкин, отдельные социальные слои мочикского общества. Среди мифических существ, участвующих в торжественных процессиях, нередко изображение кошачьего божества. Отличительными признаками «пумы или ягуара являются толстый длинный хвост, морда хищника». Определить ягуара можно по соответствующим маркировкам волосяного покрова. Подобный «персонаж обычно показан в костюме воина, со щитом или палицей, почти без украшений». Это позволяет говорить о причастности кошачьего божества к войне и его покровительстве воинам¹².

Рассматривая ряд сюжетов на керамике Мочика, мы можем заметить некоторую закономерность в использовании кошачьего мотива. Когда кошачий хищник изображен в виде антропоморфного существа, стоящего на задних лапах, то он обычно не выделяется среди ряда других персонажей. Однако присутствуют и изображения ягуара или пумы в их естественном виде. В данном случае они всегда расположены поблизости от такой фигуры как бог с лучами: рядом с ним, в его носилках или вблизи трона. Ю.Е. Березкин считает, что этот персонаж олицетворял верховного владыку, или владык мочикского общества, так как у Мочика «правитель не являлся единоличным: он либо правил с соправителями, либо избирался на определенный срок»¹³.

Кроме того, в ряде захоронений присутствуют клыки и когти хищных кошачьих. Сопутствующий археологический материал таких погребений явственно свидетельствует, что покойные были представителями элиты мочикского общества, а, возможно, являлись и правителями. Данные факты позволяют говорить о кошачьем хищнике еще и как о символе власти в индейской мифологии.

Церемониальный центр Тиауанако (VI–XI вв.) интересен большим количеством каменных сооружений и изваяний, дающих материал для понимания религиозных основ данной культуры. Наиболее интересным сооружением являются Инти-Лунку («Врата солнца») (рис. 4). Верхняя часть ворот украшена богатым рельефом, в центре которого фигура «плачущего божества» – Виракочи, являвшегося создателем Вселенной и всего сущего в представлениях местных жителей¹⁴.

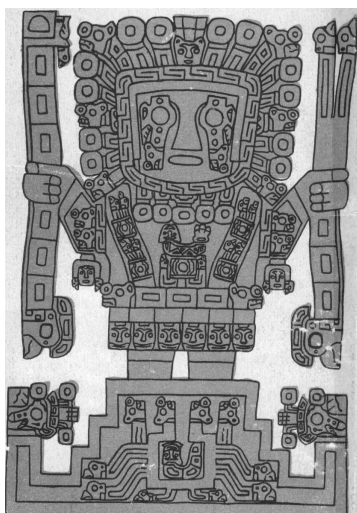

Рис. 4. Виракоча. Фигура на верхнем карнизе на «Вратах солнца», Тиауанако¹⁵

¹¹ Березкин Ю.Е. Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I–VII вв. М., 1983. С. 21–22.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Там же. С. 139.

¹⁴ Бушнелл Дж. Указ. соч. С. 41–42.

¹⁵ Rivero M.E., Tschudi J.J. Peruvian antiquities. New York, 1858. P. 213.

Хищная птица и пума постоянно сопровождают изображение верховного божества. За всю эпоху развития Андской цивилизации, начиная с культуры Чавин и заканчивая Тиауанако (и даже империей инков), образ верховного божества не претерпел особых изменений. Это является следствием преемственности культур и их взаимосвязи. Как верховный владыка, творец всего сущего, Виракоча неизменно появляется в сопровождении птицы, пумы и змеи, что символизирует его власть над всеми тремя уровнями мира¹⁶. В трехчленном делении мира кошачьи покровительствовали земному уровню мироздания, в двухчленной структуре – подземному и/или земному.

Главенство в подземном мире проявлялось в таких функциях кошачьего божества как покровительство сельскому хозяйству и скотоводству. Как хищники, кошачьи защищали посевы от травоядных животных, охотясь на них. В то же время плодородие в религиозных представлениях древних всегда было неразрывно связано с культом умерших предков – прародителей, в роли которых во многих культурах и выступал кошачий хищник.

Хищники семейства кошачьих – один из наиболее распространенных элементов в космогонических представлениях автохтонного населения южноамериканского континента. Тем не менее, несмотря на его широкую распространенность в Америке, образ кошачьего божества имел огромное количество вариаций, связанных с географическим положением цивилизации и временем ее существования.

В древних культурах Центральных Анд культ кошачьего хищника – предка или покровителя – проявляется почти повсеместно, подменяя собой всех остальных божеств (Чавин, ранний период Паракас). Анализ иконографических сюжетов позволяет выделить основные функции кошачьего хищника как сверхъестественного существа в религиозных верованиях древних американцев:

- в трехчленной структуре мира кошки символизируют собой земной мир (в двухчленной – земной и подземный миры) и покровительствуют сельскому хозяйству и скотоводству;

- кошачьи представлялись не только как божественные покровители, но и как прародители племени, народа или правящей династии, чем и объясняется огромное количество иконографических мотивов, показывающих фантастических людей-ягуаров, а также наличие у шаманов способности перевоплощаться во время транса в кошек;

- кошачьи – один из самых распространенных символов власти. Они неизменно сопровождают верховного бога (либо сами являются им), а также земных правителей.

В зависимости от географических условий кошачий хищник был представлен ягуаром, пумой или горным котом. В искусстве Центральных Анд кошачий хищник сильно стилизован, находится в сочетании с растительными орнаментами (Чавин) или представляет собой антропоморфное божество (Мочика) с чертами не только кошачьего, но и других животных – орла, рыбы, змеи (Паракас, Тиауанако, Наска).

Частая повторяемость кошачьего мотива в мифологии и иконографии повсеместно на территории Америки (как в рассматриваемой нами Южной Америке, так и в Мезоамерике) заставляет многих ученых искать генетические связи, доказывающие преемственность всех цивилизаций Нового света от какой-либо одной, наиболее ранней по времени возникновения. Однако присутствие культа кошачьего хищника или домашних кошек во многих культурах не только на американском континенте, но и за его пределами, в очередной раз подтверждает универсальность и самобытность религиозных верований и художественных стилей, основанных на поклонении хищникам семейства кошачьих у разных народов мира. Ягуар, пума и другие крупные кошки поражали воображение древних людей, заставляя их, независимо

¹⁶ Якушенков С.Н. Семиотический анализ духовной культуры аймара Перу и Боливии. Астрахань, 1999. С. 29.

друг от друга, выбирать свирепого хищника в качестве своего прародителя, покровителя или верховного божества.

THE CULT OF THE FELINE IN MYTHOLOGICAL BELIEFS OF THE CIVILIZATIONS OF CENTRAL ANDES

Yu.G. ESCHENKO

Astrakhan State University

e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

The mythology of the cultures of Central Andes is a theme, which studied insufficiently in the Russian historiography. The objective of our work consists in the analysis of a cult of the feline and detection of the basic functions of these animals in religious representations in the cultures of Central Andes. We used iconographic material for revealing the basic functions of the feline as supernatural beings in mythological beliefs because these civilizations were unwritten cultures. As a result, we established the basic functions of the feline deities: they were power symbols, primogenitors of a tribe or a royal dynasty, patrons of agriculture, fertility and cattle breeding; they predominated in the terrestrial and underground worlds.

Key words: Central Andes, mythological beliefs, cult of the feline, Chavin, Paracas, Moche, Tiauanako, iconography, supreme deity.

СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ ЛОГОГРАФЫ

В.М. СТРОГЕЦКИЙ

*Нижегородский
государственный
лингвистический
университет*

e-mail: strogetsk@lunn.ru

В статье дается анализ ранней греческой историографической традиции, представленной старшей и младшей ветвями логографов – авторов, писавших не только историю, но и сочетавших ее с местными легендами, мифами, географическими описаниями.

Ключевые слова: логографы, история, традиция, Древняя Греция.

Как известно, предшественниками Геродота в области историописания были так называемые логографы. Дионисий Галикарнасский разделил их на старших и младших.

Первым логографом был Кадм из Милета (VI в. до н.э.), автор сочинения «Об основании Милета и всей Ионии». Однако уже в древности высказывались сомнения в принадлежности ему этого сочинения и утверждали, что его смешивали с финикийским Кадмом, с именем которого связано принесение в Грецию алфавитного письма (т.н. кадмейские письмена).

Самым крупным из предшественников Геродота был Гекатей Милетский¹, выходец из аристократического рода, родившийся около 540 г. до н.э. Он участник Ионийского восстания. Накануне восстания Гекатей, имея опыт путешественника и зная, каково было могущество Персидской державы, убеждал соотечественников отказаться от восстания (Геродот II.143), но лидеры восстания его не послушались. После первых неудач восставших Гекатей советовал им занять остров Лерос и сделать его центром обороны (Геродот V.125). Этот совет также не имел успеха, и следствием этого было поражение ионийцев в битве при Ладе. После подавления восстания он упросил Артаферна вернуть независимость ионийским городам (Диод. X. 25.2). Свида сообщает, что Гекатей пережил Персидские войны. Все его поступки свидетельствовали о том, что он был человеком с твердым характером, независимым, рассудительным умом, чуждый всякой иллюзии и слабости.

Ему принадлежали два сочинения: «Генеалогии» и «Землеописание». «Генеалогии» состояли из 4 книг, от которых сохранилось 37 отрывков. В этом сочинении рассказывалось о потомках Девкалиона и других мифических родоначальниках эллинского народа. Тут фигурировали Эллин и его сыновья, Геракл и Гераклиды, затем иноземные герои – Египт, Кадм, Данай и др. Здесь Гекатей следовал традиции своих предшественников. Возможно, его произведение заканчивалось описанием греческой колонизации.

Следующий трактат «Землеописание» состоял из 3 книг (Европа, Азия, Африка), от которых сохранился 331 отрывок. Гекатей также привел карту. Как считают современные ученые, это была усовершенствованная карта, впервые составленная Анаксимандром – философом милетской школы (Страб. I.11). Научное значение «Описания Земли» весьма велико. По крайней мере, оставшиеся фрагменты позволяют судить о широте познаний Гекатея и его влиянии на последующих авторов, как историков, так и географов, причем самого Гекатея даже называют отцом греческой географии.

Источниками информации Гекатея могли быть как сведения, полученные от купцов в Милете, так и его собственные наблюдения. Известно, что он сам много пу-

¹ Nenci G. Hekataei Milesii Fragmentae. Firenze, 1954; Fritz K. von. Die Griechische Geschichtsschreibung. Berlin, 1967. S. 409 ff.

тешествовал. Его называли *ανήρ πολυπλανής*. Гекатей известен также тем, что пытался давать этимологическое объяснение некоторым названиям, в том числе географическим. Так он полагал, что название острова Хиос от слова *χιών* – снег.

Наиболее подробно Гекатей описывал Египет. От этого описания сохранился целый ряд фрагментов: о причинах разлива Нила; о редких птицах и животных (гиппопотам (*υπλος ο ποταμός*, т.е. речная лошадь), крокодил (*κροκόδειλος*), птица Феникс (*φοινίξ* – баснословная золотисто-пурпурная птица, раз в 500 лет прилетавшая из Аравии в Гелиополь; в древнерусском фольклоре это жар-птица). В трактате Гекатея имели место описания жизни и быта некоторых народов. Сохранились отрывки, рассказывающие о фракийском племени пеонов и малорослых племенах пигмеев (*πύγμαος* – карлик, средний рост мужчин этого племени 145-150 см).

Гекатей высказывал критическое отношение к тем сообщениям, которые оказывались в его распоряжении. Однако критика его носила субъективный и весьма примитивный характер. Так, в одном из фрагментов Гекатей говорит: «это я пишу, как оно мне кажется истинным, ибо рассказы эллинов многочисленны и смешны» («Генеалогии», 332). Он старался устранить из эллинских мифов и сказаний сверхъестественный элемент и сделать их более правдоподобными. Характерно, что подобный же подход использовался в XIX в. протестантскими богословами. Они считали необходимым очистить от сверхъестественного библейские сюжеты и предания, стараясь дать им реалистическое объяснение. Конечно, критика Гекатея была субъективной и слишком упрощенной, тем не менее, следует отметить, что это был первый шаг в развитии греческой исторической мысли. Значение его критики заключалось в том, что он вносил рационализм, хотя и поверхностный, в толкование мифов; кроме того, она свидетельствовала о его здравом уме, который заставлял его выбирать из нескольких преданий менее невероятное, более согласующееся с другими известными фактами.

Гекатей стал задумываться и о хронологии. Так он внес в свою историю некоторый хронологический порядок, вводя счет по поколениям и полагая на каждое поколение 40 лет. Наконец, в историописании Гекатея наметился переход от местной истории к более общей. На протяжении всей древности Гекатей пользовался большой славой.

Писатель II в. Гермоген поставил Гекатея в один ряд с Геродотом, Фукидидом и Ксенофонтом (Rhetores graeci II, ed. Spengel. P. 424, 10-19).

Страбон, говоря о достойных упоминаниях уроженцах Милета, упоминает Гекатея рядом с Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом (Страб. XIV. 1,7. P. 635).

Отрицательное отношение к Гекатею высказал Гераклит Эфесский, поместив его среди других поэтов и мыслителей, которых он оценил негативно. Так, он утверждал: «Многознание не дает ума, иначе оно дало бы ум Гесиоду, Пифагору, Ксенофану и Гекатею» (Диог. Лаэрт. IX.1.1).

Итак, безусловно, Гекатей был уже весьма значительным историком, хотя, несомненно, у него еще не было последовательного критического подхода как к той информации, которой он пользовался, так и к оценкам излагаемых событий. Писал Гекатей на ионийском диалекте.

Ко второй пол. VI в. до н.э. относился также Акусилай Аргосский. Он написал поэму «Генеалогии» в трех книгах. Подражая Гесиоду, он начинал свое изложение рассказом о сотворении мира. Поэма заканчивалась описанием приключения героев, возвращавшихся из-под Трои. Источниками Акусилая были сочинения Гесиода «Теогония», «Каталог женщин». Иосиф Флавий в сочинении «Против Апиона» (1034) отмечал, что Акусилай исправлял Гесиода, иногда дополняя его другими вариантами мифа, почерпнутыми из других источников. Главной целью своей Акусилай считал собирание мифов. Текст начинался с рассказа о хаосе, продолжался о Гее и Эроте, как у Гесиода, затем переходил к Форонею, первому человеку, и к древним именам людей. Автор доводил свое повествование до героических поколений. Иногда

некоторые сказания у него представляли небольшие новеллы, например, сказание об Орифии, похищенной Бореем.

На конец VI – середину V в. до н.э. приходилось творчество Харона из Лампсака (520–460 гг. до н.э.)². Ему принадлежали два сочинения: «Персидская история» в 2-х книгах и «Летопись Лампсака» в четырех книгах. Первое сочинение начиналось рассказом о времени царя Нина и заканчивалось свиданием Фемистокла с персидским царем Артаксерксом вскоре после вступления его на престол в 465 г. до н.э. Он кратко описал те же события, о которых рассказывает и Геродот, и довел свою историю до 465 г. до н.э. От этого сочинения сохранилось незначительное количество отрывков.

От второго сочинения «Летопись Лампсака» сохранилось всего шесть отрывков. Харон отдавал предпочтение реальной истории. Он первый начал писать о Греко-персидских войнах, очевидцем и, возможно, участником, которых он был. У него были попытки исторической критики, но, вместе с тем, он немало места уделял генеалогическим легендам и мифологическим сказаниям, наивно веря в них. Он имел пристрастие к анекдотам, предзнаменованиям и преданиям. Что касается фактов, то он лишь кратко их перечислял, поскольку он писал не историю, а летопись. Нередко его изложение напоминает сказку (frg. 9). Харон писал на ионийском диалекте.

К младшим логографам, жившим уже в нач. V в. до н.э., можно отнести прежде всего Ксанфа Лидийского³. О нем сохранились сведения у Свида. Жил он (или родился: Свидя употреблял глагол *ὑέγωνα* от *ὑίνομαι*) во время взятия Сард. Правда, неясным остается вопрос, о каком взятии идет речь: персами ли в 546 г. до н.э. или ионийцами во время восстания в 498 г. до н.э. Согласно свидетельству Дионисия Галикарнасского, Ксанф – один из тех историков, которые жили незадолго перед Пелопоннесской войной, будучи старшими современниками Фукидида. В одном из фрагментов Ксанф рассказывает о засухе, случившейся в царствование Артаксеркса I (465–425 гг. до н.э.). Поэтому большинство исследователей определяет его время жизни 500–440 гг. до н.э. Он написал «Лидийскую историю» в четырех книгах, от которой сохранилось 27 отрывков.

Для характеристики его творчества важное значение имеет замечание Дионисия Галикарнасского (Дион. Гал. I.28) о том, что «Ксанф более чем кто-либо другой сведущ в древней истории, а относительно отечественной не уступал никому». Сочинение Ксанфа служило источником для Николая Дамасского (I в. н.э.), которому принадлежит сочинение «Всеобщая история», сохранившееся в большей части и переведенное на русский язык. Критика источников у Ксанфа отсутствовала. Его произведение пронизано глубокой религиозностью.

К младшему поколению логографов относится также Гелланик Митиленский⁴, современник Геродота и Фукидида. Он родился около 490/480 гг. до н.э. и умер в 410/406 гг. до н.э. Более точное определение времени жизни Гелланика невозможно из-за противоречивых суждений у древних. О нем упоминала Памфила, поэтесса и ученая женщина, жившая во время римского императора Нерона, в своем сочинении «О знаменитых мужах древности». Дионисий Галикарнасский считал его одним из историков, живших раньше Геродота. По свидетельству Псевдо-Лукиана, Гелланик прожил 85 лет (Макроб. 22). Из схолиев к «Лягушкам» Аристофана (стихи 690 и 720) следует, что Гелланик описывал события 407/406 гг. до н.э.

От сочинений Гелланика сохранилось 179 отрывков. Он был одним из наиболее плодотворных логографов. Только по фрагментам известно 30 наименований его произведений. Его сочинения можно разделить на 3 группы.

² О Хароне Лампсакском см. Hepperle A. Charon von Lampsakos // Festschriften. Regenbogen. Heidelberg, 1956. 5.67.

³ О Ксанфе Лидийском см. Diller H. Zwei Erzählungen des Lyders Xanthos / Navicula Chiloniensis (Festschriften. F. Jacoby). Leiden, 1956. S. 66.

⁴ Fritz K. von. Die Griechische Geschichtsschreibung. Bd. I. (2 Teile). Berlin, 1967; Jacoby F. Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxford, 1949.

Генеалогические сочинения свидетельствуют о его глубоком интересе к легендарным событиям. В этих сочинениях он описал древнейшую историю Аргоса, Фесалии. У него была поэма «Атлантида», содержание которой осталось неизвестным. О Троянской войне Гелланик рассказал в «Троянских событиях». Дионисий позаимствовал у него рассказ о бегстве Энея из горящей Трои.

Хорографические сочинения свидетельствуют о том, что Гелланика интересовали не только легендарные, но и реальные события. К этим сочинениям относятся 2 книги «Истории Эолии», 2 книги «Истории Персии» и 4 книги «Истории Аттики» или «Аттиды». В этих сочинениях речь шла об основании городов и об их истории с древности до времени жизни автора. История Аттики написана в летописной форме и доведена до конца Пелопоннесской войны. Этим сочинением Гелланик открыл длинный ряд так называемых «аттидографов» – писателей истории Аттики⁵.

К хронологическим сочинениям относятся «Карнейские победы» и «Жрицы Геры» в трех книгах. Первое из этих сочинений заключало в себе список победителей на Карнейских играх в честь Аполлона; второе – летопись, в которой излагались события всей Эллады. Год обозначался именем жрицы, и под этим годом описывались происшедшие события. В основу хронологии были взяты имена жриц, потому что храм Геры в Арголиде пользовался уважением в Элладе, и по жрицам его велся счет лет не только в Арголиде, но и в других местах. Поэтому и Фукидид в своей «Истории» говорит, что Пелопоннесская война началась в 48-й год жречества Хрисиды (Фукид. II.1).

В этой Хронике Гелланик изложил также мифологические события в Италии и Сицилии. Так, Дионисий Галикарнасский, ссылаясь на рассказ Гелланика, сообщает о том, что «сикелийский народ» оставил Италию за три поколения до Троянской войны в 26-й год жречества Алкиопы в Аргосе (Дион. Галик. I.22). Опираясь также на Гелланика, Дионисий приводит рассказ о том, как Эней, придя вместе с Одиссеем из земли молоссов в Италию, основал город и назвал его Роме (Ρόμη) по имени одной троянки (Дион. Гал. I.72).

Гелланик собрал и систематизировал огромный материал по мифологической истории Греции. Мифы и сказания в его изложении лишились чудесного элемента и всякой поэзии; боги и герои превратились в обыкновенных царей. Таким образом, Гелланик старался сгладить и примирить противоречия в разных вариантах мифа. Древние авторы упрекали Гелланика в неточности. Его критиковали Фукидид, Эфор и Страбон. Так, Фукидид обвинил Гелланика в том, что он события 478-432 гг. до н.э. изложил кратко и, в отношении хронологии, неточно (I.97.2). Его хронология действительно была неточна. Она основывалась на генеалогии, и он считал, что 3 поколения составляли 100 лет.

Младшим логографом, современником Геродота и Фукидида, был Ферекид из Афин⁶. Дионисий Галикарнасский отзывался о Ферекиде как об «одном из древних историков, не уступающем никому из генеалогических писателей (Дион. Гал. I.131). Аполлоний Родосский цитировал Ферекида столько же раз, сколько всех других лого-

⁵ В основе этих сочинений лежат списки архонтов, к которым присоединялись записи о важнейших происшествиях и природных явлениях. Авторы этих сочинений касались хронологии и топографии, политической и литературной истории, в частности истории государственных учреждений. Они отличались стремлением к точной хронологии, нередко прибегали к цитатам из постановлений и законов. От сочинений аттидографов сохранились только фрагменты. Наиболее известными аттидографами были Андротион и Филохор, возможно, один из последних представителей этого направления. Филохор, самый выдающийся из аттидографов, жил в конце IV – нач. III вв. до н.э. Он принадлежал к жречеству. Его «Аттида» состояла из 17 книг и охватывала всю историю Аттики с древнейших времен и до 201 г. до н.э. От нее сохранилось 155 фрагментов, и несколько фрагментов найдены в папирусе, содержащем комментарий Дидима к Демосфену. К этому см. Jacoby F. *Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford, 1949.

⁶ О Ферекиде Афинском см. Uhl A. *Pherekides von Athen. Grundris und Einheit des Werkes*. Münch., 1964.

графов вместе. В древности говорилось о двух и даже трех Ферекидах: о Ферекиде логографе и философе. Ферекида логографа называли то леросцем, то афинянином. Обычное объяснение заключается в том, что Ферекид якобы был уроженцем Лероса, а свое главное сочинение написал в Афинах и питал большое уважение и интерес к этому городу. Ферекида-философа характеризуют как уроженца Сирии либо острова Сирова (*Σύριος*), жившего в VI в. до н.э. и написавшего космологическое сочинение о пяти стихиях (*Πεντέμυχος*, т.е. об эфире, огне, воде и земле). На основании сообщений Евсевия и Псевдо-Лукиана время его рождения относится к 500-490 гг. до н.э.

Свида приписывал Ферекиду несколько сочинений, но сохранились отрывки от его сочинения «Истории», состоявшего из 10 книг. В нем речь шла о происхождении богов и знатных родов. Так в первой книге рассказывалось о Теогонии и гигантомахии, во второй книге – о Прометее, в III книге – о Геракле, в IV-V книгах – об аргосских и критских сказаниях, в VI-VIII книгах – об эолийских сказаниях и о походе Аргонавтов, в IX-X книгах – об аркадских, лаконских и аттических сказаниях. От этого сочинения сохранилось 118 отрывков.

К сожалению, остается неизвестным, до какого времени Ферекид довел свой труд. Исследователи сомневаются в том, что он мог рассматривать современные ему события. Скорее все его истории заканчивались рассказом о вторжении дорийцев в Пелопоннес и о выселении эллинов на берега Малой Азии. Относительно этих событий есть несколько отрывков, где речь идет о героической смерти царя Кодра (фр.110), о первоначальных жителях Ионийского побережья – карийцах и лелегах, изгнанных переселенцами (фр.11) и об основании города Теоса (фр.112).

Главное достоинство сочинения Ферекида состоит в обилии собранного им материала и в простом пересказе, лишенном даже простейшего толкования легенд. Диалект, на котором писал Ферекид – ионийский, но в нем встречаются многие аттические формы, что свидетельствует о его длительном пребывании в Афинах. Ферекида очень часто цитировали, в том числе и византийские хронисты.

Итак, завершая рассмотрение творчества логографов, следует отметить важнейшие особенности их историописания. Они были первыми прозаическими писателями из М. Азии, писавшими на ионийском диалекте. До этого господствующими были эпический и эолийский диалекты. Уделяя значительное внимание мифологии и генеалогии, они, вместе с тем, обработали и богатейший исторический материал. Они описывали историю как отдельных городов и местностей, так и всеобщую. В произведениях логографов содержались экскурсы на мифологические, географические и этнографические темы. Такой комплексный подход к историописанию послужил образцом для всей последующей греческой историографии. В их произведениях уже были попытки критической переработки древних преданий и рационалистического толкования мифов. Однако этот рационализм и критика были еще очень субъективны и примитивны. Их хронологические построения были, конечно, не точны, но они первыми обратились к использованию списков царей и должностных лиц, ввели понятия «поколение» и «век», равный 100 годам или 3-м поколениям. Источниками для логографов служили: эпос, лирика (особенно элегии и ямбы), местные летописи и хроники, собственные наблюдения, рассказы купцов, моряков и путешественников.

Историописание логографов было прозаическим, но в их языке сохранилось еще немало подражаний поэтической речи. Поэтому произведениям их была свойственна художественная форма. Именно это заставляет некоторых скептически настроенных ученых не признавать в них историков. Но если учитывать не только форму их произведений, но и их содержательную сущность, а также то, что в VI – нач. V вв. до н.э. появилось весьма большое число этих писателей, востребованных обществом,

можно с уверенностью утверждать, что греческая историография появилась именно в это время, а ее творцы – логографы – и были первыми греческими историками.

OLD AND YOUNG LOGOGRAPHS

V.M. STROGETSKY

*Nizhny Novgorod
Linguistic University*

e-mail: strogetsk@lunn.ru

The author studies the Early Greek historical tradition, including old and young generations of Logographers as authors who wrote history, as well as local legends, myths, geographical descriptions (horographia).

Key words: Logographers, history, tradition, Ancient Greece.

ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ХОРЫ «МАЛЫХ» ГОРОДОВ РАННЕГО БОСПОРА*

С.Н. ПРОКОПЕНКО

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: sprokopenko@bsu.edu.ru

В работе моделируется палеоэкономическая ситуация развития хоры «малых» городов Боспора на примере Китея в период его наивысшего расцвета в IV в. до н.э. Палеоэкономическая реконструкция производится на основе следующих показателей: размеры городища, количество населения, проживающего в городе и за его пределами на сельской округе, количество зерновых, необходимых для питания, размеров пашни и т.д. Оптимальное функционирование хоры «малых» городов Боспора достигалось в рамках их микронзон, преимущественно не превышающих 50 кв. км, при этом обеспечивалась жизнедеятельность 1200-1500 человек, при размерах городища в 5 га.

Ключевые слова: хора, Боспор, палеоэкономическая модель, микронзона, поселение, сельская территория.

В исследовании хоры городов Боспора существует определенное смещение акцентов в сторону изучения сельской округи наиболее крупных городов Боспора, таких как Феодосия, Нимфей, Фанагория, Кепы, Гермонасса. Хора же т.н. «малых» городов Боспора до сих пор остается в тени. Большинство исследователей крайне скептически относятся к возможности исследования хоры «малых» городов Боспора (Мирмекий, Китей, Киммерик, Акра, Патрэй и др.), что, на наш взгляд, не вполне объективно. Да, действительно, в распоряжении исследователя, рискнувшего разработать указанную проблему, будет мало источников, что не позволит изучить предмет всесторонне и детально, но игнорировать данную проблему только по этой причине не совсем правильно.

В изучении социально-экономического развития Северного Причерноморья в античный период в последнее время особое значение отводят построению палеоэкономических моделей функционирования хоры полисов¹. Исследования в данном направлении позволяют с учетом ряда погрешностей и упрощений выявить основные тенденции развития сельской округи городов. Зачастую, работы подобного рода могут служить отправной точкой более детального изучения городской хоры античного Боспора, что особенно актуально в отношении «малых» городов, предместья которых остаются археологически наименее изученными.

Палеоэкономическая реконструкция может осуществляться различными путями, но практически всегда в основе построений будет находиться такой показатель, как размер городища. Рассмотрим фрагменты оборонительных сооружений Китея IV в. до н.э., одного из типичных «малых» городов Боспора. Они были исследованы Е.А. Молевым на восточном, северном и западном участках городи-

* Работа выполнена в рамках проекта «Сельское хозяйство как доминанта экономической системы Раннего Боспора» (Гос. контракт № П1059 от 21.08.2009).

¹ См. напр.: Крижицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. №1. С. 46-56; Кутайсов В.А. Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья (на примере Керкинитиды) // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). Вып. X. М.-Магнитогорск, 2000. С. 134-144; он же. Керкинитиды в античную эпоху. Киев, 2004. С. 36-41; Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. С. 107-108; Зинько В.Н. Хора городов европейского Боспора // Боспорские исследования. Вып. XV. Симферополь-Керчь, 2007. С. 284-285.

ща². Стены ограничили площадь городской застройки, равной приблизительно 4,5 га. Необходимо учесть также береговую абразию, которая с античного периода до наших дней в данном месте составила не менее 30-50 м, а, возможно, достигла значений, установленных для района античной Акры (100-150 м)³. Можно предположить, что море уничтожило от 30% до 60% городища. Анализируя вышеприведенные цифры, мы можем констатировать, что городище Китей в IV в. до н.э. в своих размерах не могло быть менее 4,5 га и более 10 га⁴, что в целом соответствует данным по размерам «малых» городов Боспора⁵ и среднестатистического древнегреческого полиса Эгеиды.

Взяв за основу указанные размеры Китея, мы можем вычислить минимальное и максимальное значения количества населения, проживавшего в нем в рассматриваемый период, по предложенной С.Д. Крыжицким⁶ и переработанной М.А. Колесниковым⁷ формуле – $P_t = 226 \times S_t$, где P_t – полная численность населения городища, S_t – общая площадь жилой застройки⁸.

Для адекватного палеоэкономического моделирования необходимо вычислить количество населения, проживавшего на хоре Китея. Для полисов классической Эгеиды с главным городом размером от 10 до 20 га количество сельских жителей составляло 20-30% от общей численности населения полиса⁹, причем, чем меньше полис, тем меньше в процентном соотношении число сельских жителей. На хоре Китея количество сельских жителей, скорее всего, не превышало 20%.

Следующий показатель палеоэкономических построений – урожайность зерновых. За основу мы взяли данные В.Д. Блаватского об урожайности почв в Северном Причерноморье (Боспора в том числе), поддержанных большинством исследователей. Для пшеницы – «сам»-6-7, для ячменя – «сам»-5 (7-8 ц/га)¹⁰. Совсем уж завышенными нам кажутся цифры, превышающие среднюю урожайность в 10 ц/га¹¹. Возможно, урожайность зерновых достигала указанных показателей, но это было эпизо-

² Молев Е.А. Система обороны Китея // Боспорские исследования. Вып. II. Симферополь, 2002. С. 300-302; он же. Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 122; он же. Боспорский город Китей. К., 2010. С. 32-41.

³ Голенко В.К., Клюкин А.А. Некоторые вопросы исторической географии Черноморского побережья Керченского полуострова // www.crimea.edu/internet/Education/pontida/rus/2000/golenko.html

⁴ Болгов Н.Н. Быт и повседневная жизнь китейцев позднеантичного времени (III – VI вв.) // История глазами молодых исследователей. Сборник научных работ международной научной конференции. Т. I. Донецк, 1999. С. 226-227; он же. Город Китей в позднеантичный период: особенности топографии и новые материалы // Боспорский феномен. СПб., 2007. С. 171.

⁵ Киммерик – 4,5 га; Акра – 4-5 га; Мирмекий – 1,5 га и др., см. напр.: Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006. С. 96; Куликов А.В. О хронологии культурных слоев античного городища Акра // Боспорский феномен. Ч. I. СПб., 2004. С. 160; Чистов Д.Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени (сер. V – нач. III в. до н.э.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 9.

⁶ Крыжицкий С.Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1982. С. 47-48.

⁷ Колесников М.А. Метод грубой оценки динамики роста численности населения и возраста греческой колонии по полной площади городища // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 63.

⁸ Здесь и далее полученные показатели в результате подсчетов см. в таблице.

⁹ Bintliff J. Issues in the Economic and Ecological Understanding of the *Chora* of the Classical *Polis* in its Social Context: A View from the Intensive Survey Tradition of the Greek Homeland // Surveying the Greek *Chora* the black sea region in a comparative perspective. Aarhus, 2006. P. 16.

¹⁰ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 159. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 162; Кутайсов В.А. Об урожайности основных зерновых культур в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Ч. II. СПб., 2001. С. 258.

¹¹ Паромов Я.М. К вопросу о хозяйственном и экономическом потенциале Азиатского Боспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 60-61; Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Херсонесский сборник. Вып. 6. Симферополь, 1961. С. 83.

дическим явлением. Сообщение Страбона об урожае в «сам»-зо (Strab. VII. 4.6) не заслуживает доверия.

Потребность в зерновых на 1 человека в год в античном мире по разным данным составляла от 200 до 300 кг. Причем В.Н. Зинько в палеоэкономическом моделировании оперирует цифрой в 237 кг, ссылаясь на Л. Фоксхолла и Х. Форбса¹², В.Д. Блаватский – 250 кг¹³, а В.А. Кутайсов – 310 кг¹⁴. Мы оттолкнемся от минимальных значений количества зерна, необходимого для пропитания, из расчета на 1 чел в год – 237 кг. Если перемножим этот показатель на количество населения Китея и его хоры, то получим цифровое выражение зерновых, необходимых для обеспечения населения за год. К приведенным цифрам необходимо добавить зерно, формирующее семенной запас (приблизительно 1/5 часть от урожая). Для получения данных о размерах сельскохозяйственных угодий, необходимых для выращивания представленного количества зерновых, необходимо разделить количество зерновых на среднюю урожайность с гектара (7 ц/га) и умножить на два, учитывая паровую систему землепользования¹⁵.

Под ячмень, в качестве кормовой культуры, могло высаживаться не менее 30% от общей площади возделываемых земель¹⁶.

Исходя из известного соотношения 1/4 площадей под виноградники и зерновые в античных комплексных отраслевых хозяйствах, мы можем предположить, что под виноградниками находилось приблизительно 20% обрабатываемых земель¹⁷.

Для выращивания огородных культур и фруктов использовалось не менее 10% обрабатываемых земель¹⁸.

Необходимо учесть земли, доход с которых направлялся на отправление религиозных культов города (полиса). В.А. Кутайсов со ссылкой на сообщение Фукидида (Thuc. III. 50.2) предполагает, что размер пашни, предназначенной для указанных нужд, составлял не менее 10% от общей площади обрабатываемых земель¹⁹.

Размеры земель, предназначенных для выпаса скота, также могли достигать существенных значений. Как показали исследования А.В. Одрина в отношении хоры Ольвии, не следует недооценивать роль скотоводства на землях античных городов Северного Причерноморья классического и раннеэллинистического периода²⁰. По мнению В.А. Кутайсова, площадь пастбищ могла составлять 30% от размеров хоры города²¹.

Узнав площадь хоры Китея, мы можем вычислить радиус распространения хоры по следующей формуле: $R_h = \sqrt{2S_h/\pi}$, где R_h – радиус распространения хоры, а S_h – площадь хоры.

В итоге хора Китея в рассматриваемый период могла занимать территорию радиусом от 5,6 до 8,34 км, что укладывается в представления о развитии хоры городов Боспора IV в. до н.э.

¹² Foxhall L., Forbes H.A. *Στοματεία: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity* // *Chiron*. München, 1982. Band 12. P. 72, tab.3; Зинько В.Н. Хора городов европейского Боспора... С. 285.

¹³ Блаватский В.Д. *Земледелие в античных государствах...* С. 175, 177.

¹⁴ Кутайсов В.А. *Палеоэкономическая модель развития хоры...* С. 135; он же. *Керкинитида в античную эпоху...* С. 37.

¹⁵ Кутайсов В.А. *Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII–I вв. до н.э.* СПб., 2006. С. 95.

¹⁶ Кутайсов В.А. *Палеоэкономическая модель развития хоры...* С. 136; он же. *Керкинитида в античную эпоху...* С. 37.

¹⁷ Винокуров Н.И. *Виноделие античного Боспора.* М., 1999. С. 88–89.

¹⁸ Кутайсов В.А. *Керкинитида в античную эпоху...* С. 37.

¹⁹ Там же. С. 37–38.

²⁰ Одрин А.В. *Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI–IV вв. до н.э. // Боспорский феномен.* Ч. I. СПб., 2004. С. 55.

²¹ Кутайсов В.А. *Керкинитида в античную эпоху...* С. 38.

Несколько меньшие цифры размеров хоры мы можем получить, если применим другой подход в палеоэкономическом моделировании. Попытаемся вычислить размеры пашни, необходимой для обеспечения пропитания зерновыми в течение года одной среднестатистической боспорской семьи (7-9 человек). Для этого показатель потребности в зерновых (пшеница), указанный нами выше, на 1 человека в год в античном мире (237 кг) умножим на общее количество членов семьи; получим общее количество пшеницы, необходимой для пропитания семьи. Затем полученные данные разделим на среднюю урожайность (7 ц/га). В итоге, для семьи из семи человек минимальный размер пашни должен составлять 2,37 га, для семьи из девяти человек – 3,05 га. Если представить, что эти цифры отражают лишь 2/3-1/2 частей от полного размера наделов, то приблизительный размер участка сопоставим со средним размером участка гоплита на Балканском полуострове (3,8-5,4 га)²², клерами Херсонеса (4,41 га)²³, а также наделами Ольвии²⁴. Если в среднем одна китейская семья обладала наделом в 4-5 га, то для обеспечения каждой семьи наделом необходимо как минимум от 564 до 1570 га. Заметим, что данные цифры отражают минимальные значения необходимых земель для наделения граждан землей.

Необходимо учитывать и ландшафтную характеристику Китейской микрозоны²⁵. При эффективном освоении земель формируется экономическая (территориально-хозяйственная) микрозона в естественных природных рубежах (море, цепи холмов). Ее размеры определяются с учетом особенностей рельефа, наличия соседей, убежища и других факторов, а также исходя из здравого смысла и экономической целесообразности. Так, например, в «археологии поселений» (settlement pattern archaeology) существует и используется понятие «ресурсной зоны» – территории вокруг крупного поселения, легко достижимой пешком (3-5 км)²⁶. Для античного города малых и средних размеров ресурсную зону можно увеличить в два, максимум в три раза (10-15 км). Только в таких условиях было возможно эффективное экономическое функционирование сельской округи города. Из анализа микрозоны на местности следует, что хора Китея, скорее всего, размещалась в пределах полосы шириной 4 км, вытянутой вдоль Черного моря от м. Такиль до Чебакской балки. Площадь выделенной территории составила приблизительно 50 кв. км, что согласуется с размером хоры Китея наименьшего значения. Расширение хоры Китея за рамки микрозоны ограничено в связи с непосредственным контактом с землями, которые могли принадлежать Акре и Киммерику. Наиболее вероятным направлением расширения, на наш взгляд, является северо-западное, в направлении совр. с. Марьевка.

Мы можем констатировать, что оптимальное функционирование хоры Китея достигалось в рамках микрозоны (приблизительно 50 кв. км), при этом обеспечивалась жизнедеятельность 1200-1500 человек, при размерах самого Китея приблизительно 5 га. Что же касается хоры Китея размером в 109 кв. км, то возможность ее существования исключать нельзя, т.к. общая площадь юго-восточной части Керченского полуострова²⁷ составляет свыше 360 кв.км., при этом размеры Акры и Киммерика составляют 4-5 га²⁸, следовательно, размеры их хоры, исходя из наших палео-

²² Bintliff J. Issues in the Economic... P. 13.

²³ Щеглов А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 30-32.

²⁴ Лисецкий Ф.Н. Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического общества. Одесса, 1994. С. 239.

²⁵ См. подр.: Прокопенко С.Н. Хора городов юго-востока Европейского Боспора (конец VI – 1-я четверть III вв. до н.э.) // ПИФК. Вып. XXI. М.; Магнитогорск, 2008. С. 407.

²⁶ Гуляев В.И. Проблемы изучения древних поселений в археологии социологический аспект // КСИА. Вып. 201. М., 1990. С. 95.

²⁷ Территории, ограниченной с востока Керченским проливом, с юга Черным морем, с севера оз. Тобечик, с запада оз. Узунлар.

²⁸ Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа... С. 96; Куликов А.В. О хронологии культурных слоев античного городища Акра... С. 160.

экономических построений, составят всего 100 кв. км на двоих – запас, как минимум, 160 кв.км.

Вышеописанный подход к палеоэкономической реконструкции применим для исследования хоры «малых» городов Боспора, но полученные данные необходимо согласовывать с археологическими источниками и результатами ландшафтных исследований хоры каждого города в отдельности.

Таблица 1

Основные показатели палеоэкономического моделирования развития хоры Китея V-IV в. до н.э.

	%	4,5 га	10 га
Численность населения Китея (человек/семей)	80	1017 113	2260 251
Численность населения сельской округи Китея (человек/семей)	20	254 28	565 63
Общая численность населения Китея и его округи (человек/семей)	100	1271 141	2825 314
Необходимое количество пшеницы для пропитания на год с учетом семенного запаса (тонна)	_____	361,472	803,430
Размеры пашни, отведенной под пшеницу, выращиваемую для пропитания населения (га/кв.км.)	30	1032,778 10,328	2295,514 22,955
Размеры пашни, необходимой для выращивания ячменя – основной кормовой культуры (га/кв.км.)	30	1032,778 10,328	2295,514 22,955
Размеры виноградников (га/кв.км.)	20	688,519 6,885	1530,343 15,303
Размеры обрабатываемых земель, выделенных под выращивание огородных культур и садов (га/кв.км.)	10	344,259 3,443	765,171 7,651
Размеры земель, отведенных для получения дохода, необходимого для отправления религиозных культов города (га/кв.км.)	10	344,259 3,443	765,171 7,651
Всего обрабатываемых земель (га/кв.км.)	100 70% – S _{хоры} Китея	3442,593 34,426	7651,713 76,517
Пастбища (га/кв.км.)	30	1475,397 14,754	3279,305 32,793
Общий размер хоры Китея (га/кв.км.)	100	4917,99 49,18	10931,018 109,31
		Семья из 7 чел.	Семья из 9 чел.
Общее количество пшеницы, необходимое для пропитания семьи (тонна)		1,659	2,133
Размеры пашни, необходимой для обеспечения пропитания пшеницей в течение года одной среднестатистической боспорской семьи (га)		2,37	3,05
		141 семья	314 семей
Размер хоры Китея, отведенной под наделы гражданам (га/кв. км.)		564-705 5,64 – 7,05	1256-1570 12,56-15,70

CHORA OF «SMALL» CITIES OF EARLY BOSPORUS: PALEOECONOMIC MODEL

S.N. PROKOPENKO

Belgorod State University

e-mail: sprokopenko@bsu.edu.ru

The author models paleoeconomic situation of *chora* development in the ancient small cities of the Kerch and Taman peninsulas in 6-4 cent. BC. The paleoeconomic reconstruction is based on the following indicators: size of the settlement, population of *polis* and rural areas, grain yield, grain consumption, etc. Thus, optimal functioning of the *chora* Kytaiia was achieved in microzones not exceeding 50 square kilometers, while ensuring the vital activity of 1200-1500 people, with the size of the whale about 5 hectares.

Key words: Chora, Bosphorus, paleoeconomic model, zonulea, settlement, rural area.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БОЕВЫХ СЛОНОВ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ (III–II ВВ. ДО Н.Э.)

А.А. АБАКУМОВ

*Педагогический
институт
Южного федерального
университета*

e-mail: arc79@yandex.ru

В статье излагается история слоновьего корпуса армии птолемеевского Египта (III – сер. II в. до н.э.). Применение боевых слонов стало одной из главных особенностей эллинистического военного искусства; стремясь обладать самой сильной армией слонов, Египет Птолемея и империя Селевкидов в III в. до н.э. вступили в настоящую «гонку вооружений». Ее кульминацией стало сражение при Рафии (217 г. до н.э.); по общему мнению, африканские слоны Птолемея проиграли индийским слонам Селевкидов. Однако Птолеми продолжали использовать боевых слонов, по-видимому, до неудачного вторжения в Сирию в 145 г. до н.э. – в последующий период египетские слоны в источниках не упоминаются. Разочарование в итогах битвы при Рафии сыграло в этом определенную, но вряд ли решающую роль. Тем не менее, она остается наиболее известным сражением, в котором участвовал слоновый корпус Птолемея.

Ключевые слова: боевые слоны, Египет, Птолеми, Селевкиды, Птолемей II Филадельф, слоновый корпус, битва при Рафии.

Боевые слоны стали широко известны на Западе после битвы Александра Македонского с индийцами при Гидаспе (июль 326 г. до н.э.). Она убедительно продемонстрировала возможности нового в античном мире оружия; как отмечает М. Ростовцев, «со временем высокая репутация боевых слонов не снизилась, поскольку неудачи слонов Пирра в Италии были компенсированы ошеломительным успехом в войнах с кельтами»¹. В сражении участвовал и основатель новой египетской династии, Птолемей Лаг (Птолемей I Сотер, прав. 306–282 гг. до н.э.).

К концу правления Александра Великого в македонской армии появился собственный слоновый корпус численностью около 200 животных. После смерти Александра он достался регенту Пердикке. Птолемей, ставший сатрапом Египта, первоначально не пытался обзавестись собственными слонами – более того, прославился главным образом как борец с ними. В 321 г. до н.э., обороняя от войск регента Верблюжьей крепость, он ударами сариссы ослепил вожака слонов Пердикки, ранил погонщика и воодушевил своим примером воинов (Diod. XVIII. 34). Затем в битве с Деметрием при Газе (312 г. до н.э.) Птолемей и Селевк – тоже отличившийся при Гидаспе – сорвали атаку неприятельских слонов, приказав установить на их пути колючие заграждения (Diod. XVIII. 34; XIX. 83).

После победы в битве при Газе Птолемею достались все слоны противника, которых, согласно Диодору, было 43 (Diod. XIX. 82). Возможно, именно они стали первыми в египетской армии, хотя, по мнению П. Арманди, первых слонов Птолемей мог отбить у Пердикки 9-ю годами раньше². Не исключено, что в начале III в. до н.э. Птолемей приобрел новых животных, но вряд ли этого было достаточно, чтобы покрыть естественную убыль. Анализируя сведения о грандиозном параде в Александрии, проведенном Птолемеем II Филадельфом (прав. 282–246 гг. до н.э.), Г. Скаллард приходит к заключению, что отец оставил царю около 30 слонов³.

¹ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1998. Vol. I. P. 383.

² Armandi P. Histoire militaire des elephants, depuis les temps les plus recules jusqu'a' l'introduction des armes a' feu; avec des observations critiques sur quelques-uns de plus celebres faits d'armes de l' antiquite. Paris, 1843. P. 78.

³ Scullard H. The Elephant in the Greek and Roman world. London, 1974. P. 125.

История слоновяного корпуса Птолемея на протяжении всего III в. до н.э. была связана главным образом с Сирийскими войнами – чередой конфликтов с Селевкидами из-за Келесирии (южная Сирия и Палестина, богатые строевым лесом и являющиеся центром пересечения важных торговых путей). Ни одна из сторон не могла убедительно доказать свои права на спорную территорию, поэтому Птолемей I и Селевк I удержались от войны. Положение изменилось в начале III в. со сменой правителей в обоих царствах. К тому времени во владениях Селевка боевые слоны стали важной частью вооруженных сил; на востоке регулярно приобретались новые животные. Первоначально это могли делать и египетские цари, однако затем сухопутное сообщение с Индией оказалось прерванным. Перевозить животных морем было невозможно даже для богатого Египта. Птолемеям пришлось изыскивать другой источник получения слонов.

К тому времени на территории собственно Египта слоны уже давно вымерли, они водились южнее – на территории современного Судана, Эфиопии, Эритреи и Сомали. Большинство современных исследователей считает, что эти слоны принадлежали к лесному подвиду африканского слона; ещё Полибий (Polyb. V. 84) отмечал, что они меньше и слабее индийских⁴.

Египетские фараоны охотились на слонов издавна; их изображения встречаются на наскальных рисунках в Верхнем Египте, датированных началом III тыс. до н.э. Но из этого не следует, что животных ловили (и тем более приручали) – на рисунках присутствуют только сцены охоты. К тому же слон не фигурирует в египетской мифологии или на египетских памятниках. По-видимому, фараонов интересовала исключительно слоновая кость⁵. О том, владели ли искусством ловли и дрессировки слонов соседние народы (в частности, жители суданского царства Мероэ⁶), чей опыт мог бы пригодиться Птолемеям, достоверные свидетельства отсутствуют.

Первая экспедиция на юг из Александрии, возможно, была направлена еще в конце царствования Птолемея I; возглавлял ее некий Филон. Однако активное изучение внутренних регионов Африки историки связывают с его преемником – Птолемеем II Филадельфом; при этом Я. Зайберт отмечает, что, поскольку он не участвовал в походах Александра и войнах диадохов, личного опыта в обращении со слонами не имел⁷.

Как пишет П. Арманди, Птолемей «послал на разведку корабли под командованием Аристона, Сатира, Тимосфена и других, чтобы они прошли вдоль побережья тропических, т.е. той части Эфиопии, которая простиралась вплоть до входа в Арабский пролив. Они должны были исследовать побережье, высадиться, войти в контакт с туземцами, чтобы открыть места, изобилующие слонами»⁸. Сатир основал первую колонию Птолемея на берегу Красного моря, назвав ее в честь сестры царя Филотерой. Эвмед недалеко от озера Монолеве заложил самую известную охотничью базу – Птолемаиду Эпиферу (Охотничью), или Птолемаиду Ферон. Надпись на Питомской стеле (между 270 и 264 гг. до н.э.) гласит: «...он построил для царя великий город и дал ему славное имя царя... он разбил поля на земле, никогда не знавшей плуга. Он поймал много слонов для царя и послал их по морю к царю, чтобы порадовать его»⁹.

⁴ По своим размерам и весу лесные слоны уступают как индийским, так и более известным саванновым африканским: рост 2-2,5 м и вес 2-4,5 т против соответственно 2-3,5 м / 2-5 т и 3-4 м / 4-7 т. Как считается, в античности лесные слоны были широко распространены на севере и востоке Африки.

⁵ Sukumar R. *The Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behavior, and Conservation*. Oxford, 2003. P. 81.

⁶ В храме в Мусаварат-эс-Суфра имеются изображения слонов; это позволяет предположить, что жители царства умели их приручать, однако они могли научиться этому уже после Птолемея.

⁷ Seibert J. *Der Einsatz von Kriegselefanten // Gymnasium*. Bd. 26. 1973. S. 355.

⁸ Armandi P. *Op. cit.* P. 81-82.

⁹ Цит. по: Cohen G. *The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin and North Africa*. Berkeley, 2006. P. 341.

Источники упоминают и других путешественников, основывавших новые поселения и охотничьи лагеря, – Антифила, Стратона, Конона, Деметрия и других. Однако уже на месте выяснилось, что у местного населения не было опыта ловли слонов – так, «троглодиты» охотились на них ради мяса (Plin. Nat. Hist. VIII. 8). Г. Скаллард приводит показательную выдержку из Агафархида: «Птолемей распорядился, чтобы охотники не убивали слонов, поскольку те ему нужны живыми... но он их не только не убедил, но и услышал в ответ, что они не променяют свои обычаи даже на все царство Египетское»¹⁰. Таким образом, Птолемаем пришлось формировать собственные охотничьи партии.

Главными экспертами в ловле и приручении слонов заслуженно считались индийцы. По-видимому, именно они налаживали охоту в Африке; с целью нанять специалистов Птолемей Филадельф отправил в Индию специальное посольство во главе с Дионисием¹¹. Любопытный пассаж можно найти у Элиана: «Птолемаю II... подарили молодого слона; он вырос там, где говорят по-гречески, и научился понимать его. Ранее же считалось, что слоны понимают только наречие индийцев» (Ael. De Nat. Anim. XI. 25). Впоследствии слово «индиец» в эллинистическом мире стало нарицательным для погонщиков слонов независимо от их происхождения. В этом значении оно используется, в частности, Полибием (Polyb. I. 40.15).

Как именно ловили слонов индийцы, описывает Страбон, ссылаясь на Мегасфена – селевкидского посла при дворе царя Чандрагупты: «...место, лишенное растительности, приблизительно 4 или 5 стадий в окружности обводят глубоким рвом, а вход соединяют весьма узким мостом. Затем в загон впускают трех или четырех самых смиренных самок, а сами охотники поджидают, лежа в засаде, в укрытых хижинах... Когда слоны вошли в загон, охотники незаметно запирают выход, затем впускают туда самых сильных прирученных слонов-бойцов и заставляют их биться с дикими и вместе с тем изнуряют голодом» (Strab. XV. I. 43). Об аналогичном методе рассказывает и Арриан в «Индице» (Arr. Ind. 13). По словам Плиния, «в Африке слона заманивают в яму» (т.е., надо полагать, их ловили не стадом, а поодиночке), однако раньше стадо слонов загоняли «в узкую теснину, вырытую таким образом, чтобы обмануть зверей ее длиной; пойманных там, их приручали голодом; в доказательство тому зверь должен был тихо взять ветку, протянутую одним из охотников» (Plin. Nat. Hist. VIII. 8). Хотя, возможно, здесь имеется в виду все тот же метод, описанный Мегасфеном. По мнению Д. Кистлера, рытье ям для ловли слонов не годилось – велика была вероятность убить или серьезно покалечить зверя¹².

Слишком старых, молодых и больных зверей затем отпускали на волю. Пригодными для дрессировки считались слоны, достигшие 20-летнего возраста. Согласно индийскому трактату «Артхашастра», «лучший вид слона нижеследующий: 7 локтей высоты, 9 локтей в длину и 10 в объеме. Таков должен быть размер при 40-летнем возрасте. Среднего качества слон есть 30-летний, а низшего качества – 25-летний» (Artha. II. 31). Неизвестно, правда, работали ли эти правила для африканских слонов.

Пойманных зверей сначала везли из Эритреи морем, затем высаживали в Беренике Троглодитике. Оттуда слонов перегоняли сушей в Коптос по специально построенной дороге, а затем, вниз по Нилу, в Мемфис – там находился главный слоновник Птолемеев. Дорога из Береники в Коптос занимала 12 дней, из-за жары приходилось идти ночью¹³. Часть животных отбирали для зоосада, который Птолемей II открыл в Александрии. Для морских перевозок строились специальные транспортные суда – элефантеры; «они были весьма широки и имели особые сходни, чтобы

¹⁰ Scullard H. Op. cit. P. 130.

¹¹ Tarn W. Ptolemy II // The Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 14. No. 3/4 (Nov. 1928). P. 251.

¹² Kistler D. War Elephants. Lincoln, 2007. P. 73.

¹³ Cohen G. Op. cit. P. 320.

слонов легко было заводить и выводить с них»¹⁴. Они обычно ходили под парусом, а не на веслах, поэтому сильно зависели от погодных условий и времени года – из Египта на юг они отправлялись в июне-сентябре, а обратно возвращались в октябре-мае¹⁵. Путешествие в оба конца занимало 1-2 месяца в зависимости от силы ветра.

Об опасностях такого плавания рассказывает Диодор: «Суда, везущие слонов, имеют большую осадку из-за тяжелого груза и подвергают моряков большой и ужасной опасности. Так как они идут под парусом, часто ночью, ветер то и дело бросает их то на мель, то на скалы. Моряки не могут сойти с корабля, поскольку вода глубже человеческого роста, и когда все их попытки оттолкнуться шестами и освободить корабль ни к чему не приводят, они бросают за борт все, кроме запасов продовольствия» (Diod. III. 40. 4-6). Возможно, именно поэтому в обломках (Птолемей распорядился оставлять их как памятник погибшим матросам и назидание другим) иногда находили кости слонов¹⁶.

По возвращении элефантеры обычно везли груз зерна для удаленных поселений. Из письма, отправленного в 224 г. до н.э. из Береники на другую базу на юге, следует, что по пути на юг транспорт затонул; жители Береники просят товарищей не волноваться, говоря, что новый транспорт уже почти готов и привезет зерно позже¹⁷.

Скорее всего, азы дрессировки слонам преподавали ещё перед погрузкой на суда – запаниковавшее животное легко могло повредить и даже потопить корабль. Поэтому охотничьи лагеря были оборудованы загонами и помещениями для дрессировщиков.

В годы правления Птолемея II на ловлю слонов в Эритрею отправлялись сотни людей. Одна такая экспедиция могла длиться целый год. Работа была рискованной и опасной, так что ею занимались солдаты. Им приходилось щедро платить: «Второй Птолемей, будучи страстным поклонником охоты на слонов, не жалел золота в награду тем, кто, рискуя жизнью, ловил этих страшных зверей», – пишет Диодор (Diod. III. 36.3). Один документ 223 г. до н.э. содержит распоряжение царского банкира в Аполлинополе (Эдфу) выдать жалование для очередной экспедиции – 4 серебряных обол в день. Как отмечает П. Левек, ловцам слонов платили столько же, сколько писцам высшего разряда¹⁸. Однако, по-видимому, добровольцев не всегда хватало – У. Тарн ставит участие в охотах в число повинностей, которыми облагались коренные египтяне¹⁹.

В результате Птолемею Филадельфу удалось собрать внушительный корпус африканских слонов; его численность Аппиан определил в 300 животных, а Св. Иероним – в 400²⁰. Большинство исследователей считают эти цифры чрезмерно завышенными, однако Д. Кистлер полагает, что они включали не только боевых слонов, поэтому вполне реальны²¹.

При Птолемеях III Эвергете (прав. 246-221 г. до н.э.) и Птолемеях IV Филопаторе (прав. 221-204 гг. до н.э.) ловцам пришлось уходить все дальше на юг и основывать там новые базы – популяция слонов сокращалась. Из сочинения Диодора мы узнаем, что Птолемей III отправил на поиски новых охотничьих угодий «в страну ихтиофагов» одного из своих приближенных, Симмия; тот изучил страну «самым внимательным образом» (Diod. III. 18. 3-4). Постепенно цепь египетских колоний и охотничьих лагерей протянулась по побережью Красного моря до самого Баб-эль-Мандеба (напротив современного г. Аден). На тогдашней карте африканского побережья появи-

¹⁴ Armandi P. Op. cit. P. 83.

¹⁵ Kistler D. Op. cit. P. 72.

¹⁶ Scullard H. Op. cit. P. 131.

¹⁷ Bevan E.R. The House of Ptolemy: A History of Hellenistic Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London, 1927. P. 177.

¹⁸ Левек П. Эллинистический мир / Пер. с франц. Е. Чиковой. М., 1989. С. 199.

¹⁹ Tarn W. Ptolemy... P. 259.

²⁰ Scullard H. Op. cit. P. 133.

²¹ Kistler D. Op. cit. P. 73.

лись новые имена – Пифолая, Лихи, Пифангела, Льва, Хариморта (Strab. XVI. IV. 15). «С полной уверенностью мы можем утверждать, что Эвергет открыл новые торговые пути, военные посты для связей Египта с Эфиопией. Охота на слонов при нём должна была достичь огромных масштабов. Возможно, уже в то время слонов стали доставлять в Александрию по суше, путём менее опасным, чем морской», – пишет П. Арманди²².

Сами боевые слоны первоначально мало напоминали «танки древности». Войны, если они были (по-видимому, на раннем этапе «экипаж» мог ограничиваться только корнаком), сидели прямо на спине животного – скорее всего, индийцы не знали боевых башен, и они были изобретены в Средиземноморье самостоятельно (по одной версии, в начале III в. до н.э.²³). Деревянный каркас обшивался досками или толстой кожей, а затем привязывался к спине животного веревками или цепями. Относительно подробностей конструкции башен, их веса и размеров мнения исследователей разнятся – соответствующие описания в источниках отсутствуют, а сохранившиеся изображения можно трактовать по-разному. Обычно башни изображают сплошными, однако Н. Секунда упоминает о нетипичной «открытой» башне у птолемеевских слонов, напоминавшей своего рода корзину²⁴. Возможно, такие делались с целью снизить вес и не перегружать животное.

Башня была рассчитана на трех-четырёх солдат, которые вооружались сариссами, луками и дротиками. Таким образом, «экипаж» вместе с корнаком (индийцем или африканцем) мог составлять до 5 чел. Бытует мнение, что африканские слоны Птолемея были слишком слабы для того, чтобы нести на себе башню; его разделяет, в частности, П. Коннолли²⁵. Однако, как отмечает Г. Скаллард, Птолемею IV в битве при Рафии в любом случае пришлось бы воспользоваться башнями – иначе селевкидские экипажи просто перекололи бы сариссами его корнаков и солдат²⁶.

О том, защищали ли Птолемеи своих слонов броней, достоверных свидетельств нет. Н. Секунда в своей работе приводит реконструкцию чешуйчатой брони африканского слона сер. II в. до н.э.²⁷, но не поясняет, была ли это птолемеявская или селевкидская традиция (речь идет о слонах Птолемея VI Филометора, попавших к Селевкидам). Возможно, атрибуты для устрашения противника (красная попона, колокол на шее животного) в корпусе Птолемея использовались; судя по изображению, сохранившемуся в гробнице в Мариссе (кон. III в. до н.э.), уши слона тоже могли раскрашивать красным.

Неизвестно также, был ли корпус Птолемея организован так, как описывает Асклепиодот: «...при слонах начальник одного слона называется «зоарх», двух же – «терарх», а соединение – «терархия», «эпитерарх» же – начальник 4-х слонов, а соединение – «эпитерархия», «иларх» же – начальник 8-ми слонов, а 16-ти – «элефантарх», «керарх» же – возглавляющий соединение из 32-х слонов, а начальник их удвоенного числа – «фалангарх» и их соединение назовут одноименно по каждому начальству» (Asclepiod. IX). С другой стороны, Г. Скаллард вполне допускает, что илархия из восьми зверей могла быть основным подразделением на поле боя²⁸; возможно, это было верно и для египетской армии. Для поддержки слонов в бою обычно использовались отряды легкой пехоты.

²² Armandi P. Op. cit. P. 86.

²³ Плутарх упоминает о боевых башнях в жизнеописании Эвмена (Plut. Eum. 14), однако Г. Скаллард, в частности, считает этот фрагмент позднейшей вставкой. Сам он относит появление башен на слонах ко времени войн Пирра в Италии, т.е. примерно к 280 г. до н.э. (см. Scullard, H. Op. cit. P. 241).

²⁴ Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168-145 BC. Vol. 2: The Ptolemaic Army under Ptolemy VI Philometor. Stockport, 1995. P. 40, 72.

²⁵ Connolly P. Greece and Rome at War. London, 1998. P. 74.

²⁶ Scullard H. Op. cit. P. 143.

²⁷ Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168-145 BC. Vol. 1: The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Stockport, 1994. P. 72, 78.

²⁸ Scullard H. Op. cit. P. 236-237.

Однако о реальном боевом применении слонов Птолемея в источниках сведений почти нет. Известно, что они использовались в первых трех Сирийских войнах, но степень их участия в сражениях неясна – за исключением того, что слоновые корпуса часто переходили от побежденного к победителю. В частности, знаменитая надпись в Адулисе, расписывающая успехи Птолемея III в 3-й Сирийской войне (246-241 гг. до н.э.), упоминает в составе его армии слонов «из страны троглодитов и Эфиопии». Там же говорится, что после победы Птолемею достались индийские слоны противника²⁹. К сожалению, неизвестно, сколько животных было у Селевка II в начале кампании, сколько досталось Птолемею и каким образом (в бою, в качестве контрибуции, или, возможно, он захватил царский слоновник в Апамее). Ясно одно: у Селевка должно было оставаться достаточно слонов, приобретенных его дедом и отцом после победы над галатами в 273 г. до н.э. (если только к тому времени большую часть стада не отправили в Вавилон), и Птолемей в результате получил смешанный корпус – и из своих африканских слонов, и из трофейных индийских.

Однако в следующей, 4-й Сирийской войне (219-217 гг. до н.э.), новый фараон Птолемей IV Филопатор выставил против армии Антиоха III всего 73 слона, когда как у сирийцев было 102 (Polyb. V. 79). Правда, П. Арманди считает, что это могли быть далеко не все египетские слоны: «Говорили, что Филопатор создал в Александрии помещение на 500 слонов; если это так, то выходит, что в кампании участвовали только самые сильные и подготовленные»³⁰.

Решающее сражение этой войны состоялось 22 июня 217 гг. до н.э. при Рафии; оно хорошо известно, благодаря рассказу Полибия, и является первым задокументированным упоминанием об участии египетских слонов в бою.

По мнению Б. Бар-Кохбы, Птолемей уже при выборе места битвы учел преимущество неприятеля в слонах и легкой коннице. Поэтому он выбрал участок, защищенный с двух сторон песчаными дюнами; он опередил Антиоха и в разворачивании, поставив своих слонов впереди флангов. В результате Антиох не смог прикрыть слонами свою легкую пехоту в центре³¹. Таким образом, оба царя разделили свои слоновые корпуса. Большая часть животных находилась на «царских» флангах – 60 слонов Антиоха на его правом фланге против 40 слонов Птолемея на его левом.

Именно битва слонов открыла битву при Рафии: слоны Антиоха атаковали слонов Птолемея и опрокинули их. Полибий, оставил яркое описание этой атаки: «Некоторые слоны Птолемея бросились на врагов; помещавшиеся на слонах воины доблестно сражались с башен; действуя сариссами на близком расстоянии, они нанесли удары друг другу, но еще лучше дрались животные, с ожесточением кидаясь одни на других. Борьба слонов происходит приблизительно таким образом: вонзив друг в друга клыки и сцепившись, они напирают со всею силою, причем каждый желает удержать за собою занимаемое место, пока не одолеет сильнейший и не отведет в сторону хобота противника. Лишь только победителю удастся захватить побежденного сбоку, он ранит его клыками подобно тому, как быки рогами. Птолемеявы слоны большею частью страшались битвы, что бывает обыкновенно с ливийскими слонами. Дело в том, что они не выносят запаха и рева индийских слонов, пугаются, как я полагаю, роста их и силы и убегают тотчас еще издали. Так случилось и теперь. В беспорядке звери стали теснить ряды своих же воинов...» (Polyb. V. 84). В этот момент на левое крыло Птолемея, обойдя слонов с одной стороны, обрушилась отборная конница Антиоха во главе с ним самим, а с другой стороны – греческая наемная пехота. Всё крыло египтян было расстроено и начало отступать.

²⁹ The Hellenistic Period: Historical Sources in Translation / Ed. By R.S. Bagnall and P. Derow. Oxford, 2004. P. 51-53.

³⁰ Armandi P. Op. cit. P. 87.

³¹ Bar-Kochva B. The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976. P. 134.

Однако на правом крыле ситуация отобразилась с точностью до наоборот. Его командующий Эхекрат выжидал, чем кончится первая фаза сражения, и, видя, что слоны Птолемея отказываются атаковать слонов Антиоха (Polyb. V. 84), бросил своих греческих наемников против находившейся напротив восточной пехоты, а сам во главе конницы обошел левое крыло сирийской армии и ударил ему во фланг и тыл. О том, сражались ли на этом участке слоны, данных нет. Возможно, 33 слона на правом крыле египтян вообще не вступали в бой и, соответственно, не несли потерь.

Таким образом, правые крылья обеих армий разгромили противостоявшие им левые крылья. Исход сражения решил бой фаланг, стоявших в центре и оставшихся без прикрытия. К тому времени самые боеспособные войска Антиоха, включая его самого, на поле боя отсутствовали – они преследовали разбитые ими египетские части. Напротив, Птолемей после поражения своего крыла смог вернуться; воодушевленная им фаланга опрокинула селевкидскую тяжелую пехоту, и Антиох не успел прийти к ней на помощь.

Сражение закончилось победой египтян. «Число павших воинов Антиоха было немного меньше десяти тысяч пехоты и больше трехсот конницы; в плен попало более четырех тысяч человек. Из слонов три остались на поле битвы, а два других пали от ран. На стороне Птолемея было убитых около 1500 человек пехоты и до 700 конницы; слонов пало 16, а большая часть захвачена неприятелем» (Polyb. V. 86).

Сведения Полибия о потерях часто цитируются в исторической литературе, однако Г. Скаллард считает их ошибочными – солдаты Антиоха просто не могли захватить почти 60 египетских слонов, поскольку сражение в целом они проиграли. Скорее всего, по мнению ученого, в данном случае либо сам Полибий, либо переписчик перепутали цифры³².

Согласно надписи, оставленной в ноябре 217 г. до н.э. в Питоме, все слоны Антиоха достались Птолемею. Поражение при Рафии закончило 4-ю Сирийскую войну. Поход сирийской армии в Египет был сорван, Антиох III на какое-то время отказался от притязаний на Келесирию.

Это сражение имело два основных итога. Во-первых, как отмечает У. Тарн, изменилась тактическая роль слонов в бою – их «больше не использовали как заслон против конницы. Они сражались друг с другом, и победоносные индийские слоны прорвали вражеский строй»³³. Во-вторых, в античной литературе широко распространилась мысль о слабости африканских слонов в сравнении с индийскими; постепенно она стала своего рода аксиомой. Правда, в этой связи неясно, как трактовать фразу Полибия о «некоторых слонах Птолемея», бросившихся на врагов. Возможно, как предполагают Г. Скаллард и особенно М. Чарльз, посвятивший этому вопросу отдельную статью³⁴, это как раз и были те немногие оставшиеся у Птолемея индийские слоны, которые могли сражаться со слонами Антиоха на равных. С другой стороны, по словам Скалларда, возможно, и не стоит лишать африканских слонов их заслуженной славы – ко всему прочему, они сильно проигрывали противнику числом (40 против 60). Если кто-то из них в таких условиях не запаниковал и принял бой, это характеризует их самым положительным образом. Г. Дельбрюк вообще склонен объяснять поражение египтян не лучшими качествами слонов Антиоха, а искусством сирийских корнаков – они были родом из Индии и владели своей профессией куда лучше корнаков Птолемея³⁵.

³² Scullard H. Op. cit. P. 143.

³³ Tarn W. Hellenistic Military and Naval Developments. Cheshire, 1998. P. 98-99.

³⁴ Scullard H. Op. cit. P. 143; Charles M. Elephants at Raphia: Reinterpreting Polybius 5.84-85 // Classical Quarterly. 2007. Vol. 57. P. 306-311.

³⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 2005. С. 455.

Известно, что после победы Птолемей IV принёс четверых слонов в жертву богу Гелиосу³⁶. Иногда это тоже списывают на разочарование от итогов битвы, хотя после Рафии Птолемей по примеру своих предшественников продолжал охоту. То, что ее масштабы скоро начали сокращаться, можно объяснить общим ухудшением ситуации в государстве, в том числе из-за крупного восстания в Верхнем Египте в 206 г. до н.э. Восстановить здесь свою власть Птолемям удалось только через 20 лет. Вместе с тем имеется и другая точка зрения: новые слоны были просто не нужны, так как за счет успешной ловли и победы в войне Птолемей IV и без того собрал их достаточно³⁷.

Должность элевантарха (начальника над слонами) сохранялась при александрийском дворе еще долго, однако, по мнению П. Арманди, африканские слоны использовались преимущественно на парадах, а на войне – только «те, которые были получены из Индии»³⁸. В битве при Панионе (ок. 200 г. до н.э.), ставшей реваншем Антиоха III за поражение при Рафии, слоны в составе египетской армии не упоминаются.

По-видимому, последним делом египетского слоновяного корпуса стало вторжение Птолемея VI Филометора (прав. 180-145 гг. до н.э.) в Сирию. Однако с гибелью царя (Иосиф Флавий (Jos. Ant. IV. 8) сообщает, что виной тому тоже стал слон – лошадь Птолемея испугалась рева и сбросила всадника) кампания потерпела крах, а все слоны достались противнику. Для Селевкидов это был новый опыт – ранее им не доводилось командовать африканскими слонами. Птолемей же, очевидно, отныне полностью утратил интерес к этому роду войск. Ловля, содержание и дрессировка слонов требовали больших трат, которые слабеющее государство не могло себе позволить.

Таким образом, что бы ни послужило истинной причиной отказа египетских правителей от использования боевых слонов (только ли разочарование итогами битвы при Рафии или куда более серьезные соображения экономического или политического свойства), в любом случае можно констатировать, что «гонку вооружений» с Селевкидами Птолемей проиграл. Эта битва осталась первым и последним настоящим сражением в истории слоновяного корпуса эллинистического Египта.

THE PTOLEMAIC ELEPHANT CORPS (3–2 CENT. BC)

A.A. ABAKOUMOV

*Pedagogical Institute
Southern Federal University*

e-mail: arc79@yandex.ru

One can consider war elephants as most picturesque feature of Hellenistic warfare. In the 3rd century BC Hellenistic rulers of Egypt were engaged in the elephant arms race against their Seleucid rivals. Seleucid and Egyptian elephant armies fought each other at Raphia (217 BC), and Ptolemaic African elephants reputedly lost that crucial battle to Seleucid Indian elephants. However the Ptolemies continued using their elephant corps for some time. Seemingly they have discarded it completely after 145 BC, but the battle at Raphia remains the only known major battle of Ptolemaic elephant corps.

Key words: war elephants, Egypt, the Ptolemies, the Seleucids, Ptolemy II Philadelphos, elephant corps, the battle at Raphia.

³⁶ Шаму Ф. Эллинистическая цивилизация / Пер. с франц. Н. Шевченко. М., 2008. С. 126.

³⁷ Cohen G. Op. cit. P. 48.

³⁸ Armandi P. Op. cit. P. 88.

ТРАКТОВКА ПЛАТОНОВСКОЙ ТРАДИЦИИ КЛИМЕНТОМ АЛЕКСАНДРИЙСКИМ*

И.В. ЗАЙЦЕВА¹
А.М. СТРАХОВ²

*Белгородский
государственный
университет*

**e-mail: state@bupk.ru*

Работа посвящена рассмотрению учения Платона одним из раннехристианских отцов церкви Климентом Александрийским. Выбор подобной проблемы обусловлен повышенным исследовательским интересом к проблеме взаимодействия языческой и христианской религии на момент становления христианства. Исследуя данный вопрос, авторы уделили внимание нескольким основным проблемам в учении Платона, которые рассматривались Климентом Александрийским.

Ключевые слова: Климент, христианство, философия, античность, традиция.

К рассмотрению данного вопроса мы обращаемся, прежде всего, потому, что среди всех античных философов Климент Александрийский выделял именно Платона, как человека наиболее «верных» взглядов, нежели остальные язычники.

Обратимся кратко к биографическим данным о Платоне и его творческом пути, чтобы более чётко проследить точки соприкосновения его с Титом Флавием Климентом.

Платон (427-347 гг. до н.э.) родился в Афинах в аристократической семье. Его отец Аристон происходил из рода последнего афинского царя Кодра и афинского законодателя Солона, а мать – Периктиона была двоюродной сестрой одного из 30 афинских тиранов Крития¹. В юности его готовили к занятиям политикой. Он много читал, слушал философа Кратила, последователя Гераклита. Но приблизительно с 407 г. до н.э. Платон оказался в числе слушателей Сократа, и это событие изменило его судьбу: он сжег все материалы, которые написал до этого, отказался от мечты о политической карьере и принял решение заниматься только философией.

После казни Сократа в 399 г. до н.э. Платон на десять лет уехал из Афин и путешествовал по Южной Италии, Сицилии, Египту. Во время этих поездок он оказался при дворе сиракузского тирана Дионисия I, которому попытался изложить свои идеи о наилучшем государственном устройстве. Однако Дионисий стал подозревать философа в подготовке заговора с целью переворота и продал его в рабство. После возвращения в Афины (ок. 388-387 гг. до н.э.) Платон купил там землю и организовал собственную школу – Академию².

Основная мысль философии Платона – учение об идеях. Он считал, что как тени относятся к реальным существам, их отбрасывающим, так и вся область чувственно воспринимаемого в целом относится к вещам умопостигаемым: идея настолько же реальнее и живее зримой вещи, насколько вещь подлиннее своей тени. Идеи находятся в «мыслимом месте», – сфере умопостигаемого, которая в самой себе имеет градацию: там пребывают вечные идеи, постижимые только интуитивным умом, но также числа и геометрические объекты как предмет, постигаемый дискурсивным

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ 2010 г. ВКАС № 30-10 и в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., госконтракт П322 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

¹ Васильева Т.В. Путь к Платону. М., 1999. С. 57.

² Васильева Т.В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985. С. 144.

знанием³. В целом умопостигаемый космос обладает бытием благодаря наивысшему трансцендентному принципу – единому благу, которое находится «по ту сторону сущности», неизреченно и непознаваемо, но без него никакое бытие невозможно, так как чтобы быть, всякая вещь должна быть самой собою, быть чем-то единым и одним. Данный нам в чувствах мир – это область «становления», где все возникает и погибает, вечно меняясь и никогда подлинно не существуя. Вещи существуют лишь благодаря своей причастности идеям, вечным и неизменным образцам.

Души являются третьей важной онтологической реальностью наряду с вещами и идеями, они выступают как посредствующее звено между чувственным и умопостигаемым. Душа представляется у Платона состоящей из трех частей: вожделеющей, пылкой и разумной. Существовая в чувственных телах, души образуют с телом «совокупное целое» – живое существо (имеются в виду и животные и люди)⁴. Но только души людей обладают разумом и поэтому могут познавать мир идей, если пройдут необходимый путь очищения и воспитания. Души животных (и растений) смертны, а разумные души людей бессмертны, поскольку они сотворены Богом из того же состава, что и бессмертная мировая душа. После смерти души попадают на суд и получают возможность выбрать себе новую жизнь, статус в которой будет зависеть от добродетельности или порочности уже прожитой жизни. Так, очень кратко можно описать основные философские идеи Платона.

Климент Александрийский обращается к философии Платона в «Строматах» и в «Увещании к язычникам». Вначале мы предлагаем обратиться именно к «Протрептику», поскольку, на наш взгляд, в этом произведении христианский богослов сделал основной акцент на характеристику идей Платона, несмотря на то, что упоминает он о нём лишь в 4-х местах своего труда. Поставив перед собой задачу приведения язычников в лоно христианства, Климент столкнулся с вопросом о помощи в этом со стороны самих язычников. Так он говорит: «Кого ты дашь мне помощником в поисках... Пожалуй Платона. Где, о Платон, надо искать Бога?» (Protr. VI. LXVIII). То есть, мы видим, что у автора не возникает сомнений в выборе своего помощника, более того, он сразу же обращается к нему с главным для христиан вопросом: где искать Бога? Вырывая из контекста фразы Платона, он восхищается им: «прекрасно, о Платон, ты прикасаешься к истине... И Платон, размышляя подобным образом, имеет в виду Бога: Всё находится во власти царя вселенной, Он – причина всего прекрасного» (Protr. VI. LXVIII).

Безусловно, необходимо сказать, что Климент, являясь одним из первых христиан, не отвергавших полностью язычество, видел в Платоне похожие задатки, говоря: «Откуда у тебя, о Платон, эти проблески знания истины? Откуда взялся этот щедрый, предвещающий благочестие, источник слов? «От более мудрых – говорит, – нежели греки, варварских племён». Знаю твоих учителей, даже если ты и захочешь их скрыть: геометрии ты учился у египтян, астрономии – у вавилонян, целительные заклинания ты заимствовал у фракийцев. Многому тебя научили и ассирийцы. Истинные законы и представления о Боге были получены тобой от самих евреев» (Protr. VI. LXX). На данном высказывании в «Увещании к язычникам» заканчиваются упоминания о Платоне, однако, можно сделать вывод, что столь лестные высказывания о языческом философе выдают в Клименте человека незаурядного ума, стремящегося к постижению истины⁵.

Обратимся теперь к «Строматам». В данном труде Климент Александрийский упоминает Платона, по нашим подсчетам, 89 раз в семи книгах (не считая одного упоминания Платона как комического поэта, о котором мы не можем с уверенностью сказать, кого автор имел в виду на самом деле). Рассматривая трактовку платонов-

³ Васильева Т.В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М., 1985. С. 147.

⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 31.

⁵ Лосев А.Ф. Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 139.

ской традиции в этом произведении, можно обратиться вначале к характеристике Климентом языческой философии. Он утверждал, что не только богословие, но и светские науки, прежде всего, философия, хотя бы отчасти имеют небесное происхождение: «И может быть философия, прежде чем Господь призвал эллинов к Себе, была дана им до времени и на первый случай – с той же целью, с какой и евреям – Писание. Она была для эллинов таким же детоводителем ко Христу, каким и закон для евреев»⁶. На наш взгляд, под «философией» Климент понимал не учение какого-либо отдельного греческого мыслителя, а совокупность всего «наилучшего», то есть не противоречащего христианскому Откровению в системах Платона, Аристотеля, Эпикура, стоиков: «Под философией же я понимаю ... философию эклектическую – то лучшее, что каждая из этих школ говорит о справедливом и благочестивом знании»⁷. Однако, стоит отметить, что Тит Флавий Климент не включает сюда учения софистов, так как они выступали «против самой истины», которая, согласно Писанию, есть Бог. В то же время, памятуя о предупреждении апостола Павла, Климент предостерегает от увлечения философией стоиков и эпикурейцев, своеобразных «античных материалистов», так как это «философия по стихиям мира сего», а не по Христу⁸. Истинная же философия, по Клименту, отстаивает существование Творца мира и высшего бытия. Именно поэтому Платон в глазах Климента оказывается в выигрышном положении перед другими философами, и не случайно он называет его «другом истины», «говорившим по божественному внушению»⁹. Климент также высказывает мысль, которую потом будут повторять многие христианские толкователи Платона, что афинский философ вдохновлялся книгами Моисея, к чему мы уже обращались, рассматривая его высказывание в «Увещании к язычникам». Но также и в «Строматах» он вновь повторяется, говоря: «Платон не отрицает того, что все наиболее прекрасное в его философии он заимствовал у чужеземцев и признает, что путешествовал в Египет. В «Федоне» же он прямо говорит, что философ не должен гнушаться никакими источниками познания: «Эллада велика, Кебет, отвечал Сократ, и в ней есть много добрых людей, много и варварских племен» (Strom. I, 66).

Довольно часто он сравнивает Платона с другими языческими философами, которых укоряет в непонимании истины, которая была открыта, по его мнению, Платону: «Таким образом, Платон признает, что и у варваров есть свои философы, противореча в этом Эпикуру, который полагает, что только среди эллинов возникла и процветает философия» (Strom. I, 67). Но мы находим случаи, когда Климент изыскивает у других философов положительные отзывы о Платоне. Так он говорит: «Аристобул в первой книге своего сочинения «К Филометору» пишет: «Платон также следовал началам нашего законодательства. И очевидно, что он самым внимательным образом вникал во все его подробности... Нумений, пифагорейский философ, прямо говорит: «Что такое Платон, как не Моисей, говорящий на аттическом наречии?»» (Strom. I, 150).

Стоит сказать, что проблеме истины Климент уделял особое внимание и тем интереснее посмотреть отношение к истине самого Платона. По мнению Климента, в связи с тем, что Платон учился у лучших варваров, которые также обладали истинным знанием, он и сам этим знанием обладает: «Поэтому-то мы не всякую философию без разбора признаем истинной, но только ту, о которой и Сократ говорит у Платона следующее: «Как говорят посвященные в мистерии, тирсоносцев много, но вакхантами становятся лишь некоторые»» (Strom. I, 92). Далее он озвучивает следующую мысль: «В «Демодоке» (если только это сочинение принадлежит Платону) тот же Сократ говорит: «Не думайте, что я называю философом человека, прошедшего жизнь в

⁶ Отцы и Учителя Церкви III века. Антология. Составление биографические библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). М., 1996. С. 43.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ Chadwick H. Clement of Alexandria // The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy / ed. A.H. Armstrong. Cambridge, 1967. P. 65.

⁹ Генон Р. Очерки о Традиции и метафизике. СПб., 2000. С. 127.

трудах по освоению различных наук и искусств, или же в погоне за многознанием. Это был бы скандал для философии» (Strom. I, 93). Даже в трактате Платона «Государство» Тит Флавий Климент обращается к мысли об истине: «В пятой книге «Государства» мы снова встречаем нечто подобное: «Всех ли этих и подобных им людей, стремящихся узнать нечто или же научиться какому-нибудь ремеслу, мы назовем философами? – Отнюдь нет, ответил я, разве только похожими на них. – Но, возразил он, кто же тогда заслуживает имени истинных философов? – Те, кто любит усматривать истину, ответил я» (Strom. I, 93).

В «Государстве» Климент находит и упоминание Платона о едином Боге, на которого необходимо «взирать и действовать справедливо» (Strom. I, 165). Здесь, по мнению автора, Платон выступает в качестве главного толкователя закона, который заимствует свои собственные положения из закона Моисея¹⁰. На наш взгляд, данное произведение Платона очень высоко ценилось Климентом Александрийским, который полностью разделял взгляды философа на управление государством: «Он говорит также, что искусство управления государством состоит из двух частей: одно касается закона, другое – его осуществления, то есть собственно политики. Говоря об идеале политика, в своем одноименном произведении он, прежде всего, имеет в виду демиурга, называя политиками тех, кто обращен к нему, ведет жизнь деятельную и справедливую, не лишенную, однако созерцательности» (Strom. I, 165).

Кроме прочего, Климент находит в учении Платона и схожесть со Священным писанием, которую он усматривает в следующих словах: «В «Федре» он называет мудреца богачом, так восклицая: «О Пан возлюбленный и все вы здесь присутствующие боги, даруйте мне внутреннюю красоту! А то, что есть у меня внешнего, пусть будет дружественно тому, что у меня есть внутри. Пусть богатым считается мудрец...Афинский же его гость, осуждая мнивших себя богачами потому лишь, что скопили много золота, так выражает свое негодование: «Стать богатым, оставаясь добродетельным, невозможно – по крайней мере богатыми в том смысле, как это понимает большинство. Ведь богатыми называют тех избранных людей, которые приобрели имущество, оцениваемое огромной суммой, хотя бы и сам владелец был дурным человеком». Напротив, Писание называет блаженными нищих, с чем соглашается и Платон: «Бедность заключается не в уменьшении имущества, но в увеличении ненасытности» (Strom. I, 168).

Особое внимание в трактовке платоновской традиции Климент Александрийский уделил понятию «вера»¹¹. Он считает, что Платон твёрдо утверждал, что вера необходима всегда: «Не прибегая к силе добродетели, остаться верным и в здравом уме во время смуты невозможно. Борцы готовы умереть в битве, но многие из них гибнут из-за своей жадности. Большая часть народа дичает, забывает о справедливости, становится жестокой и неразумной. Отличаются от этой толпы лишь немногие. И если это так, то всякий законодатель, если он не лишен понимания того, что необходимо, в своих законах должен преследовать единственную цель – содействие высшей добродетели» (Strom. II, 23). Из этих утверждений следует, что вера – мать всех добродетелей на земле, как по мнению Климента, так и по мнению Платона¹².

Двояка, по мнению Климента Александрийского, мысль Платона о том, в чём состоит цель человеческой жизни. С одной стороны, Платон утверждает, что в идеях, с другой – в уподоблении Богу¹³: «Порой он отождествляет это счастье с жизнью упорядоченной и гармоничной во всем, иногда же утверждает, что счастье состоит в совершенстве, которое согласно с доблестью. И совершенство это, по его мнению, состоит в научном знании Блага и уподоблении Богу» (Strom. II, 131). Но здесь же Кли-

¹⁰ Edwards M.J. Clement of Alexandria and his Doctrine of Logos // *Vigiliae Christianae*. 54. 2000. P. 162.

¹¹ Генон Р. Символика креста. М., 2004. С. 268.

¹² Procter E. Christian Controversy in Alexandria: Clement's Polemic against the Basilideans and Valentinians. New York, 1995. P. 168.

¹³ The Early Church and Greko-Roman Thought / Ed. E. Ferguson. New York – London, 1993. P. 101.

мент говорит и о том, что он согласен с этой мыслью Платона, поскольку «и из наших учителей не соглашаются ли некоторые с ним в том, что человек с рождения является «образом Бога», становясь «подобием Бога» впоследствии, благодаря достигнутому совершенству?» (Strom. II, 131).

В «Строматах» мы находим место, в котором Климент соглашается с Платоном, несмотря на его мысль, которая явно противоречит Священному писанию – о том, что необходимо заботиться больше о теле, нежели душе: «Вот почему Платон, которого еретики чаще всего привлекают в качества авторитета, отрицающего творение, в третьей книге «Государства» пишет, что ради гармонии между телом и душой следует особенно заботиться о теле, с помощью которого только и может жить и праведно действовать славный провозвестник истины. Только сохраняя жизнь и здоровье, мы можем достигнуть гносиса. Тот же, кто не может подняться до самых высот непосредственно, занимаясь сначала необходимыми повседневными вещами и только через них достигая того, что в конечном итоге ведет к гносису, разве не должен стремиться к благополучию? Лишь через жизнь мы утверждаем благоденствие; и лишь в этой телесной оболочкой, упражняясь в добродетели, достигаем бессмертия» (Strom. IV, 18).

Безусловно, уважением у Климента пользовались мысли Платона о том, что жертвоприношения не могут принести пользу, поскольку те, кто ищут знаний о Боге, «принесут в жертву более труднодоступное, чем поросёнок» (Strom. V, 66), а также о бессмертии души: «Платон в последней книге «Государства» говорит об этом так: «Там были дикие люди, огненные на вид. Послушные доносившемуся из бездны реву, они схватили некоторых и увели, а Аридея и других связали по рукам и ногам, накинули им петлю на шею, повалили наземь, содрали с них кожу и поволокли по бездорожью, по вонзающимся колючкам [причем, всем встречным объясняли, за что такая казнь и говорили, что сбросят преступников в Тартар]». Ясно, что огненные люди – это ангелы, которые, схватив неправедных, повели их на казнь. «Ты творишь, – сказано, – ангелами своими духов, служителями своими огонь пылающий» (Strom. V, 90).

Таким образом, анализируя восприятие Климентом Александрийским платоновской традиции, можно сделать вывод, что двоякого отношения мы не наблюдаем. Климент в целом положительно относился к философии Платона, призывая его к себе в помощники в поисках христианской истины. Фактов, указывающих на недостатки учения Платона, по мыслям Тита Флавия Климента, мы не находим в рассмотренных произведениях, что может говорить о том, что философия этого языческого автора послужила поводом к достаточно лояльному отношению ко всей античной культуре со стороны христианского апологета¹⁴.

Остается лишь добавить, что платонизм в значительной мере стал впоследствии основой «картины мира» в христианстве. Именно преимущественно платоновский мир был оживлен спасительной миссией Сына Человеческого.

TREATMENT OF PLATO'S TRADITIONS IN CLEMENT OF ALEXANDRIA'S WORKS

I.V. ZAITSEVA¹⁾

A.M. STRAKHOV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: state@bupk.ru

Given article is devoted to consideration of the doctrine of Plato by one of early Christian fathers of church Clement of Alexandria. The choice of the problem is caused by the raised research interest to the matter of interaction between pagan and Christian religions at the moment of Christianity formation. Investigating the point in question, the authors paid attention to several problems in Plato's doctrine which were considered by Clement of Alexandria.

Key words: Clement, Christianity, Philosophy, Antiquity, tradition, Plato.

¹⁴ Buell D.L. Making Christians: Clement of Alexandria and the Rhetoric of Legitimacy. Princeton, 1999.

УДК 94(37).07; 94(37).08

СИМВОЛИЗМ И СИМВОЛЫ В ДРЕВНЕХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ (II–IV ВВ. Н.Э.)**Я.Ю. ИВАНИЦКАЯ¹**
В.Н. ШИЛОВ²*Белгородский
государственный
университет*¹ e-mail: Emortalov@mail.ru

В работе рассматривается проблема господства символизма как смысловой основы в древнехристианском искусстве. Отмечается, что при внешнем сходстве с античным изобразительным искусством, христианские изображения несли совершенно иной, явный и латентный смысл. Вместе с тем, наряду с символизмом, с самого начала в этом искусстве присутствовали и иллюстративные изображения, первоначально на ветхозаветные сюжеты, а затем и на новозаветные.

Ключевые слова: христианство, искусство, символизм, изображение, Ветхий завет, Новый завет, катакомбы.

Изучение различных смысловых аспектов раннехристианского искусства представляется на сегодняшний день весьма актуальным в силу слабой изученности данной темы на протяжении последних десятилетий¹. История христианского искусства до сих пор представляет собой актуальное поле для исследования, так как прежние концепции устаревают, появляются новые памятники, требующие осмысления.

В данной работе предметом исследования являются изобразительные памятники катакомбного искусства ранних христиан в Римской империи². Кроме того, мы попытаемся проанализировать причины предпочтительного использования символических изображений христианами первых веков нашей эры.

Следует отметить, что искусство в той или иной степени символично на всем протяжении своего существования. Причина этого состоит в том, что искусство занимает особое, промежуточное место между материальным миром и духовным. Это касается и религиозного искусства, где символ является чуть ли не единственно возможным способом выражения идеи.

Существующая ныне концепция генезиса христианской живописи исходит из того, что до Миланского эдикта 313 г., разрешившего христианство, катакомбная живопись, в силу своего тайного характера, была исключительно символической. Символы же были преимущественно абстрактными. Постепенно, с VI в., символы заменяются иллюстрациями к Священному писанию. В VII в. символы запрещаются Вселенским собором за ненадобность.

Причины символизма раннехристианского искусства рассматривались некоторыми исследователями. Например, считалось, что одной из первых причин этого явления было представление о раннехристианской живописи как о своего рода тайнописи, созданной с целью оградить «людей Нового Завета» от гонений. «Это прави-

* Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.: 1) Госконтракт П322 от 28.07.2009 «Человек переходной эпохи: поздняя античность – Ранняя Византия»; 2) Госконтракт П48 от 02.04.2010 «Процесс христианизации позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций» мероприятия 1.3.2 «Проведение научных исследований целевыми аспирантами».

¹ Grabar A. The Beginnings of Christian Art. L., 1967. 433 p.; Milburn R. Early Christian Art and Architecture. Berkeley; Los Angeles, 1988. 288 p. etc.

² Красносельцев Н.Ф. Древнехристианские усыпальницы в Риме и значение сделанных в них открытий для богословской науки. Казань, 1883; Редин Е.К. Катакомбы // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 697–701; Фрикен А. фон. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. Ч. 1. Римские катакомбы. М., 1872; Фрикен А. фон. Римские катакомбы. Ч. 2. Надписи и символические изображения. М., 1877; Фрикен А. фон. Римские катакомбы. Ч. 3. Изображения Спасителя, Богородицы и апостолов у первых христиан. М., 1880; Фрикен А. фон. Римские катакомбы. Ч. 4. Живопись и пластика у первых христиан Запада и Востока. М., 1885; Mancinelli F. The Catacombs of Rome and the Origins of Christianity. Firenze, 1981.

ло простиралось на сравнительно незначительное лишь число догматических истин и обрядовых форм, касалось главным образом таинств крещения и причащения, а между тем, к области этих последних принадлежит относительно ничтожная доля изображений»³.

Таким образом, можно говорить о тайном характере живописи, но не следует преувеличивать степень этой тайности, так как основным методом распространения Учения Христова с апостольских времен была открытая проповедь среди непосвященных, язычников.

Собрания христиан были тайными постольку, поскольку их объединения не были официально разрешены и преследовались властями; они меньше всего стремились скрыть свое учение, но принципы, объединявшие всех этих разных людей, были многим непонятны, и эта непонятность рождала обвинения в тайности⁴.

Другая причина использования символических изображений заключается в том, что в первые века христиане еще не перешли из «сферы темного сознания в область полного и ясного реального обнаружения», то есть начальная стадия развития христианского мышления подразумевает потребность в использовании символов, так как они не могли конкретно выразить новые идеи, их нужно было еще осмысливать. Но в данной точке зрения есть противоречие, так как спустя две тысячи лет христианство не стало более «осмысленным» в том плане, что оставило за собой ощущение Тайны Слова.

Существует мнение, что символы первых христиан – это следствие компромисса между христианами-иудеями и обращенными в новую веру «эллинами», где первые относились к изобразительному искусству скептически, а для вторых оно было привычной формой выражения идей⁵.

Противоречие этой версии состоит в том, что самые ранние памятники изобразительного искусства христиан появляются не ранее II в., когда христианство уже вышло за рамки иудаизма. Единственный памятник, который можно причислить к данному «симбиозу» эллинов и иудео-христиан, это фрески из храма (синагоги) в Дура-Европос, изображающие сцены из Ветхого Завета⁶.

Последняя версия, доказывающая причины существования символизма в искусстве первых христиан, исходит из того, что для людей первых веков нашей эры, живших в восточных районах Римской империи, была присуща идеоматичность мышления, заключающаяся в использовании притч и аллегорий для образного изложения мысли. Из области языкового общения это свойство прямо переносилось на изобразительное искусство, главным средством в котором и стали символы.

В первохристианском искусстве существовало два способа выражения идеи – символическими словами и символическими изображениями, они как бы взаимно дополняли друг друга, хотя первый способ появился ранее⁷. Второй способ, по нашему мнению, является более полным и улучшал первый.

Разного рода символы были распространены в религиозном искусстве народов древнего мира. Мифологические сюжеты, языческие божества давали простор для использования символа в искусстве⁸. Новообращенные христиане, еще вчерашние язычники, отказались от тех символов, которые прямо указывали на поклонение языческим богам, но в мышлении они еще были связаны с «язычеством» прочными связями ассоциаций.

³ Фрикен А. Ук. соч. Ч. 1. С. 11.

⁴ Свенцицкая И.С. От общины к церкви: О формировании христианской церкви. М., 1985. С. 123.

⁵ Kitzinger E. The Hellenistic Heritage in Byzantine Art // DOP. 1963. 17. P. 95-117.

⁶ Ростовцев М.И. Дура-Европос и начало христианского искусства // Современные записки. Т. 65. 1937. С. 245-262; Гаيبов В.А., Кошеленко Г.А. Христианские памятники Дура-Европос: открытие и значение // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). XII. М.-Магнитогорск, 2002. С. 415-435.

⁷ Уваров А.С. Христианская символика. Символика древнехристианского периода. М.; СПб., 2001. С. 44.

⁸ Подробнее см.: Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900.

При этом многие новые образы, заимствованные из греко-римской мифологии, наполнялись христианским смыслом.

К числу таких символов можно отнести изображения Орфея, мифического певца и музыканта, имеющего дар пленять сердца людей своим искусством. Христиане использовали образ Орфея как символическое изображение Спасителя, который врачует души людей Божественным Словом⁹.

Прямо указывает на такое понимание данного изображения Евсевий Кесарийский в IV в. в «Похвальном слове царю Константину»: «Орфей, как рассказывается в греческих баснях, очаровывал своим пением всякого рода зверей и ... укрощал ярость животных. Греки воспевают эти чудеса и верят... даже деревья двигаются со своих мест. Точно таким же образом мудрейшее Слово Божественное, силой и могущество Которого держится все, различным образом врачует души человеческие, погрязшие во всевозможных пороках, исцелило всю дикость в нравах греков и варваров, даже неистовые и зверские страсти душ»¹⁰.

Одним из самых распространенных первохристианских символов было изображение рыбы. Дело в том, что начальные буквы пяти слов «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель» на греческом составляют слово ΙΧΘΥΣ, которое, как известно, означает «рыба». Само изображение рыбы практиковалось у христиан еще с апостольских времен, но именно такой смысл получило лишь к III в. на стенах катакомб Прициллы и Домициллы, где были найдены изображения двух рыб рядом. Во многих катакомбах рядом с рыбой изображали хлеб и вино.

Скорее всего, такие изображения были связаны с тем, что рыба, наряду с хлебом и вином, являлась в раннехристианской практике символом евхаристического таинства.

Символика изображений рыбы была многозначна. Значения этого христианского символа можно увидеть в надписях древних христиан: «...божественный род небесной Рыбы», «прими сладкую пищу Спасителя святых и алкая ешь и пей, держа Рыбу в руках своих», «О Рыба, даруй мне эту благодать, я жажду ее, мой Господь и Спаситель», «...вспомните о Пектории на вечере Рыбы»¹¹.

Из этих надписей, найденных в катакомбах, мы можем сделать вывод о том, что слово «Рыба» символизирует и Иисуса Христа, и надежду на спасение, и Таинство евхаристии.

Другое значение этого символа основано на евангельских словах, называющих вообще всех людей рыбами. Различие между этими двумя значениями рыбы так важно, что христиане при употреблении изображений рыбы должны были определить, в каком именно значении помещено у них это изображение. Это можно было определить местом надписи: когда изображали Самого Христа, тогда помещали надпись сверху надгробной плиты, на самом почетном месте¹².

Другим весьма распространенным и значимым символом для христиан было изображение Доброго Пастыря¹³, под которым понимался сам Христос. Считается, что он был взят из Нового Завета, хотя и в книгах ветхозаветных также присутствует этот образ.

Но образ Доброго Пастыря далеко не всегда означал Христа. В композициях, где есть и Агнец, и Пастырь, Агнец Девы – это Иисус Христос¹⁴, и в таком случае Добрый Пастырь, вероятно, – Бог-Отец.

⁹ Урженовски А. Фигура Орфея в раннехристианской иконографии // *Archeologia*. 1971. Т. 21. С. 45-88.

¹⁰ Цит. по: Труфанов А.А. Ук. соч. С. 59.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Уваров А.С. Ук. соч. С. 177-178.

¹³ Покровский Н.В. «Добрый пастырь» в древнехристианской символической // *Христианское чтение*. 1878. 2. С. 483-498.

¹⁴ Покровский Н.В. Символические формы агнца в древнехристианском искусстве // *Христианское чтение*. 1878. 1. С. 743-782.

Интересно отметить, что на одном из римских саркофагов IV в.¹⁵ изображены три фигуры – три образа Добрых Пастырей, стоящие в ряд. Боковые фигуры представляют собой юношей в туниках, центральная фигура – это бородатый мужчина средних лет. Некоторые исследователи склонны считать данное изображение прямым указанием на Троицу, каждая из ипостасей которой представлена в образе Пастыря. В Библии под Пастырем часто понимается также и человек, которому вверены Богом души людей.

Таким образом, на примере изображений рыбы и Доброго Пастыря мы видим, что эти символы были многозначны для христиан и отражали идеи, заложенные в Священном Писании и в учении Иисуса Христа¹⁶.

Далее следует рассмотреть другие символы первых христиан. Еще одним величайшим символом раннехристианского искусства является крест. Рассмотрим историю крестного символа и его изображений на примере памятников Таврического полуострова. В настоящее время многие исследователи считают, что изображений креста до V в. не существовало. В этом утверждении, на наш взгляд, имеется некое противоречие, поскольку в римских катакомбах Люцины имеется изображение креста, относящееся к концу II – началу III вв. н.э.¹⁷

Древняя Церковь объясняла факт отсутствия крестных изображений, апеллируя тем, что в то время крест еще считался орудием казни, причем позорной и унижительной. Память об этом была жива среди христиан начала новой эры. К тому же открытое изображение креста могло выдать христиан, вынужденных скрываться, язычникам.

Но этот тезис противоречит словам Тертуллиана: «Что касается людей, которые обвиняют нас в поклонении кресту, то мы не стыдимся этого».

Таким образом, в то время язычники знали о поклонении христиан Кресту Господню, но считали этот символ всего лишь фетишем.

Римляне, как известно, использовали крест для распятия на нем провинившихся рабов либо нарушителей законов империи.

Если обратиться к ветхозаветным пророчествам, то в книге пророка Иезекииля есть указание на Крест Господа: «И слава Бога Израилева сошла с херувима, на которой была, к порогу Дома. И призвал Он человека, одетого в льняную одежду, у которого при поясе прибор писца. И сказал Господь: пройди посреди града, посреди Иерусалима и на челах людей скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак «Т»¹⁸.

Апостол Варнава также говорит в своем послании: «В букве «Т» ты имеешь крест».

Изображение креста в виде буквы «Т» встречается не только у святых отцов и христианских писателей того времени, но и в катакомбах и на различных других материальных памятниках.

Т-образный крест встречается в надписях времен Древней Церкви и в составе христовых монограмм. Это говорит о том, что даже в IV в., когда крест как символ изображали в привычной нам четырехугольной форме, орудие казни Спасителя христиане рассматривали в виде Т-образной конструкции (и в действительности многие кресты, на которых были распяты осужденные, имели форму буквы «Т»).

На древнехристианских надгробиях и других предметах встречается и другой символ, по смыслу близкий кресту, – это якорь.

Смысловое значение этого символа для христиан – спасение в волнах житейского моря, надежда на Христа. В Послании к Евреям говорится следующее: «Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу соврать, твердое утешение

¹⁵ Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. Oxf., 1961. P. 243.

¹⁶ Grabar A. Christian Iconography: A Study of its Origins. Princeton, 1968.

¹⁷ Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения креста Господня // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. К., 2002. С. 22.

¹⁸ Там же. С. 23.

имели мы, прибегши взяться подлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий» [Евр. 6, 18-19].

Зачастую христиане заменяли крест на изображение якоря, данный факт говорит нам о возможности взаимозамещения образом (что связано с многозначностью раннехристианских символов).

К тому же якорь, как и крест, мог служить оружием казни (по преданию Климент Римский, сосланный в Херсонес Таврический, был убит, будучи привязанным к якорю)¹⁹.

Здесь мы видим, что в христианской символике существовало два вида креста – Т-образный крест и привычный нам четырехугольный. При этом многие находки свидетельствуют о том, что Т-образный крест не является более ранней формой данного символа.

Даже на периферии античного мира уже в конце II – начале III вв. н.э. существовала развитая форма четырехугольного креста, впоследствии принятого Церковью в качестве официального символа.

Обе формы сосуществовали и применялись Церковью с древнейших времен.

Рассматривая древнейшие изображения креста, нельзя не упомянуть одну его форму, образованную посредством пересечения окружностей. Такой крест имеется на каменном надгробии, найденном возле Херсонеса у Карантинной бухты. На поверхности каменной плиты прочерчены четыре полуокружности. Пересекаясь, они образуют «4-х-лепестковую фигуру», фон удален так, что проступают контуры равноконечного креста с расширяющимися концами.

Тайный смысл этого креста связан с тайной бессмертия души. Слова Климента Александрийского поясняют нам значение этого креста: «Сын Божий есть бесконечный Круг, в коем все силы сходятся»²⁰.

Кроме явных изображений креста, на древних памятниках встречаются монограммы имени Спасителя (так называемые хрисмы), образованные буквами I, X (то есть Иисус Христос), впоследствии буква I заменяется на P. Эта монограмма была тайным знаком, понятным лишь христианам.

Для язычников скрещенные буквы I, X напоминали звезду, и эта трактовка также была воспринята христианами, так как напоминала Вифлеемскую звезду.

В легализации монограммы большую роль сыграл римский император Константин Великий, который впервые официально признал ее и даже поместил христограмму на своем воинском лабаруме²¹. Причиной, побудившей императора сделать это, было знамение, когда Константин увидел на небе крест.

Прежде изображения христианских символов складывались спонтанно и их формы строго не регламентировались, то в монограмме св. Константина мы имеем первый пример, когда священный символ был закреплен авторитетом императора. Поэтому все последующие изображения хрисмы следует рассматривать как воспроизведение знака с лабарума Константина. Впоследствии христограммы помещались на другие предметы – монеты, щиты полководцев и императоров, на бытовой утвари.

В IV в. христограмма трактуется по-новому: она сочетала в себе черты хрисмы и прямое изображение креста. Это фигура в виде греческой буквы «P» («ро»), вертикальная черта которой пересечена перпендикулярной полосой (подобие креста). Над символом часто помещали орла (символ победы, доблести).

К концу V в. появляются изображения, в которых едва заметен намек на первоначальную форму монограммы Христа: теперь буква «P» становится почти незаметной. Скорее всего, больше внимания стали уделять самому кресту, а не хрисме.

¹⁹ Юрочкин В.Ю. Ук. соч. С. 27.

²⁰ Там же. С. 36.

²¹ См.: Иваницкая Я.Ю. Христианизация позднеримской армии в контексте внешних репрезентаций // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2010. С. 132-133.

Таким образом, изображения креста в первые столетия христианства были весьма вариативными и многозначными.

Нами были рассмотрены некоторые символические изображения, которые использовали христиане Римской империи в первые столетия от Рождества Христова. Данный круг символов не исчерпывает всей совокупности изобразительных средств и форм, которые использовались в раннехристианском искусстве. Можно говорить о том, что период раннего символизма в истории христианского катакомбного искусства имел большое значение для последующего развития христианской символики²².

Помимо символизма и символов в раннехристианском искусстве имел место и иллюстративизм. Эти изображения не пересказывают содержание наиболее древней части Библии, но представляют собой законченные по смыслу композиции, каждая из которых отражает определенный момент повествования. Этот запечатленный художником эпизод символизирует все повествование в целом с заключенным в нем смыслом (Даниил среди львов, Моисей, источающий воду из скалы и др.).

Словесная символика Ветхого Завета, по-видимому, не нуждалась в повторной символизации при помощи изобразительных средств. Кроме того, для ранних христиан события, описанные в этой части Библии, были историей – поучительной, морализирующей, но, прежде всего, они были предысторией новых отношений между Богом и людьми²³.

В Новом Завете, хотя и в меньшей степени, использовался иллюстративный метод (например, изображение Спасителя, воскрешающего Лазаря – фреска в усыпальнице Домициллы²⁴). Эти изображения появляются достаточно рано, уже к концу III – началу IV вв., поэтому говорить о тотальном господстве символизма вплоть до VII в., когда символы в христианстве были запрещены (точнее, изъяты из обращения), как это делается в истории искусств, ныне уже нельзя.

SYMBOLISM AND SYMBOLS IN EARLY CHRISTIAN ART (2–4 CENT. AD)

Ya.Yu. IVANITSKAYA¹⁾
V.N. SHILOV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: Emortalov@mail.ru

The article is dedicated to research of the problem of domination of symbolism as a basic means of meaning in early Christian art. Ancient and Christian pictures were similar in form, but they had very different latent meaning. However, in Christian art, along with symbolism, there were illustrative pictures as well – at the beginning on topics from Old Testament, later from New Testament too.

Key words: Christianity, art, symbolism, picture, Old Testament, New Testament, catacombs.

²² Аверинцев С.С. Об общем характере символики раннего средневековья // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. С. 5-12.

²³ Донини А. У истоков христианства. М., 1989. С. 145.

²⁴ Муратов П.П. Образы Италии. Т. 2. СПб., 2005. С. 65, рис. 48; с. 68-69, рис. 51-52. См. также: Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний период. СПб., 2004; Нессельштраус А. Искусство Раннего Средневековья. СПб., 2000; Snyder G.F. Ante Pacem. Archaeological Evidence of Church Life before Constantine. Mercer, 1985.

УДК 94(495)01

КОНФЛИКТ ОТТОРЖЕНИЯ: ГОТЫ В ВИЗАНТИИ В КОНЦЕ IV В.***Ю.Н. СБИТНЕВА¹⁾**
В.В. ЛИПИЧ²⁾*Белгородский
государственный
университет*¹⁾ e-mail: sbitnevay@mail.ru

В работе исследуется нападение служивших империи готов во главе с Аларихом на Грецию в конце IV в. С одной стороны, это была попытка германцев оказать давление на Константинополь с целью инкорпорации в имперские структуры. С другой стороны, второй после вторжения сер. III в. грабеж Греции германцами привел ее в упадок. Вместе с тем, это вторжение позволило грекам в последний раз осознать себя потомками древних эллинов.

Ключевые слова: Византия, Греция, готы, язычество, христианство, Аларих, Афины, рейд.

За полтора тысячелетия, прошедшие со времени падения античной цивилизации в историческом сознании уже в значительной мере забылось то обстоятельство, что Великое переселение народов первоначально обрушилось на восточные провинции Римской империи, на формировавшийся территориально-политический и культурный комплекс Ранней Византии.

Первым и важнейшим эпизодом этого процесса была готская инфильтрация в военно-политические структуры Константинополя, происходившая после Адрианополя в последней четверти IV в.¹

Среди варварских вождей, поселенных в Мёзии и Фракии, выделялся своим влиянием и силой Аларих, вождь вестготов, участвовавший в походе императора Феодосия против узурпатора Евгения. Аларих был отпущен из похода раньше, чем другие восточные войска, привлеченные Феодосием в эту кампанию, и надеялся получить высокий военный пост за помощь империи.

Под предлогом задержки в уплате жалованья, который становился в то время перманентным, готы снялись с мест своего проживания и произвели грабежи в Мёзии, Фракии и Македонии. Аларих опустошил Балканы до самого Константинополя в феврале-марте 395 г., но был вынужден отступить к Иллирику (Claud. Rufin. 2.70 сл., 179 сл.) из-за того, что константинопольский царедворец (префект претория) Флавий Руфин² «вошел в сношения с этим честолюбивым вождем и побудил его поднять готов на поиски более удобных земель для поселения»³. Имена Руфина Аларих в своем движении не разорвал.

В «большой политике» того времени главную роль стали играть действия не императоров, а придворных лидеров, которые в своей борьбе за власть опирались как раз на варварские, преимущественно готские, силы. Буквально в первые же годы после смерти Феодосия в январе 395 г. и «раздела 395 г.» в реальной политике начали ощущаться заметные симптомы того, что исторические судьбы латинского Запада и греческого Востока направились по разным векторам.

Пришедшие в движение силы во главе с Аларихом после опустошения Северных Балкан имели далее три направления реализации своей энергии: Константинополь, Иллирик и Греция. Оптимальным вариантом для грабежа оказалась Греция. После гибели

* Работа подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Госконтракт П322 от 28.07.2009 «Человек переходной эпохи: Поздняя античность – Ранняя Византия».

¹ Williams S., Friell G. Theodosius: The Empire at Bay. L., 1998. P. 13-23, 91-102. О предшествующих событиях см.: Lenski N. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkeley-Los Angeles-London, 2002. P. 116-137, 320-330.

² Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Part I. AD 260-365. Camb., 1971. P. 775-776.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 1996. С. 117.

их покровителя Руфина в ноябре 395 г. (от руки другого готского командира Гайны) готы Алариха оказались мятежниками, подлежащими уничтожению.

Главнокомандующий Запада Стилихон должен был встретить Алариха в Фессалии и перекрыть ему путь на юг. Войска Стилихона дошли до Фессалии, заперли Алариха в Греции, однако, восточный император Аркадий приказал Стилихону уйти (Zos. V.7.3), а также очистить Иллирик. Аларих после этого отправился на юг, в Аттику и Пелопоннес.

О вторжении Алариха в Грецию в 396-397 гг. сохранилось достаточно много источников, см.: Claud. Rufin. 2.186сл.⁴, BG 183-193, 496, 513-517, 535-543, 564-567; Stil. 1.173-187, 277-299; 2.191-217; Eutrop. II. 214-218; Cos. IV. Non. 461-483; Hieron. Ep. 60.16; Eunap. VS 476, 482; Philost. 12.2; Socr. VII.10; Oros. VII.36-37; Zos. V, 5-7.

Наиболее полно и связно о нашествии на Грецию сообщает последний языческий историк, по совместительству комит и экс-адвокат фиска в Константинополе Зосим (рубеж V-VI вв.). Приводим полностью этот отрывок⁵.

Zos. V.5: «(5) На подступах к Фермопилам он [Аларих] тайно отправил гонца к проконсулу Антиоху и начальнику гарнизона Фермопил Геронтию, чтобы известить о своем приближении. (6) После этого проход был открыт из-за ухода основных частей, державших оборону. Варвары вышли из-под контроля и двинулись потоком на Грецию. Они немедленно принялись грабить сельское население и совершенно разорили города, убивая мужчин всех возрастов и захватывая женщин и детей, сгоняя их в толпы, подобно стадам. Так же и всё имущество, взятое в качестве добычи, собиралось ими вместе. (7) Всю Беотию и другие области Греции варвары прошли насквозь, после того, как они проникли в Грецию через Фермопилы, и так опустошили их, что само их имя стало символом разрушений и погромов этих дней. Только Фивы избежали общей участи, отчасти из-за крепости стен, а отчасти потому, что Аларих не имел терпения, необходимого для долгой осады, в стремлении к взятию Афин. (8) Фиванцы тем самым были спасены, а варвары двинулись к Афинам, ожидая, что они должны легко взять этот город, потому что он был слишком велик для того, чтобы быть хорошо защищенным его населением. Осада должна была вестись до полной сдачи, так как, кроме всего прочего, [в порту] Пирей не имелось достаточного запаса продовольствия. Таковы были намерения Алариха, но этот древний город победил его с помощью некоего божественного покровительства, покарав за прегрешения, а также за непочтение к богам. Тем самым город избежал разрушения.

6. Я также не должен умолчать о причине, по которой произошло чудесное спасение афинян, потому что это будет возбуждением благочестия для всех, кто об этом услышит. Когда Аларих и всё его войско подошли к городу, вождь увидел саму богиню Афины, охранявшую город и прохаживавшуюся вдоль его стен. Она выглядела точь в точь как ее статуя – в полном вооружении и готовности отразить нападение. Пока богиня руководила силами оборонявшихся, Аларих увидел героя Ахилла, точно такого же, каким его описал Гомер под Троей, когда в своем гневе он сражался, мстя за смерть Патрокла. (2) Это видение было таким сильным и действенным, что Аларих отказался от своего замысла воевать против города и выслал вестников с обращением заключить мир. После определения условий договора и обмена клятвами Аларих вошел в Афины лишь с несколькими спутниками. Он обратился к афинянам со всей доброжелательностью и после омовения принял дары от избранных граждан, а также вручил свои. После этого он покинул город, и вся Аттика осталась невредимой. (3) Город Афины был единственным, спасшимся в катастрофе, которая потрясла всю Грецию во времена правления Валента, как я описал в предыдущей книге, а ныне опять избавился от огромной опасности. Аларих, тем временем, оставил всю Аттику в целостности и сохранности, не повредив ее из страха перед явленным ему знаменем, и

⁴ О Клавдиане как источнике на широком историческом фоне см.: Cameron A. Claudian, Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxf., 1970.

⁵ Перевод Н.Н. Болгова.

отправился в Мегариду, которую он захватил внезапным нападением. После этого его марш в Пелопоннес продолжился без особого сопротивления жителей. (4) Так как Геронтий разрешил Алариху перейти через Истм, последний беспрепятственно захватил все города без боя. Те из них, что были расположены близ Истма, вовсе не имели стен и рассчитывали на безопасность укрепления, которое представлял из себя перешеек. Коринф был разгромлен первым из них, затем были разорены окрестные поселения, после этого – Аргос и область между ним и Спартой. (5) Даже Спарта не избежала всеобщего разорения Греции в те времена из-за римской жадности. Прежде этот город не могло победить ни войско, ни отдельные храбрецы, но теперь вся Греция должна была покориться вероломным правителям, которые сверх всякой меры позволяли себе злоупотреблять властью вплоть до всевозможных причуд, и всем своим поведением стремились ко всеобщей гибели».

Судьба города Афин этого времени была предметом полемики среди историков. Евнапий, с которым полностью согласен Зосим (текст Зосима вообще во многом зависит от текста Евнапия, не сохранившегося целиком), указывает, что афиняне внутри стен были в безопасности. Старые стены вокруг города были, однако, совершенно непригодны для обороны, скорее, можно было рассчитывать на укрепления Акрополя (как во времена Персидского нашествия). Ссылка Евнапия на разорение храмов (VS 475-476) неточно датирована. Клавдий Клавдиан (Rufin. 2.191) говорит о захвате афинских женщин во время этих событий. Филосторгий (12.2) говорит, что Аларих захватил Афины, но он имеет в виду, скорее всего, только Пирей. Иероним (Ер. 60.16) указывает на то, что Аттика была разрушена. Другие источники сообщают, что Афины были ограблены (Phylost. XII,2; Нугонум. Ер.60,16). Был также сожжен храм Деметры в Элевсине. После этого элевсинские мистерии более не возобновлялись.

О нашествии Алариха на Грецию писали в новое время Э. Гиббон⁶, Ф.И. Успенский, Ф. Грегоровиус⁷, Ю.А. Кулаковский⁸ и др.

Несмотря на благочестивую языческую легенду о последнем явлении языческих богов, нет сомнений, что Афины не были разрушены потому, что заплатили большой выкуп⁹.

Сам Аларих стал христианином лишь накануне этих событий, в 395 г.¹⁰ Зосим (Zos. V, 5) четко указывает, что Аларих не был христианином до того, как на него оказал давление Руфин, несмотря на иное сообщение Клавдиана (Rufin. 2.15сл., 69сл.).

Аларих находился на Пелопоннесе около года. Коринф, Аргос и Спарта были разорены, Микены и Олимпия признали власть Алариха. Оказал вооруженное сопротивление лишь городок Тегея в Аркадии. Казалось, что речь идет о долговременном поселении. Хервиг Вольфрам отмечает, что основной добычей были украшения для готских женщин, сосуды для молока, статуи и т.п.¹¹ Разрушения были столь значительными, что их последствия ощущались еще через несколько десятилетий.

Лишь весной 397 г. Стилихон отправился на помощь императору Аркадию морем из Италии и высадился на Пелопоннесском побережье Коринфского залива. В Элиде готы были заперты на плоскогорье Фолоя:

Zos. V. 7: «Стилихон бросил свои войска в поход, поспешив на помощь несчастным афинянам. Высадившись на Пелопоннесе, он выдавил варваров, бежавших к

⁶ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т.3. М., 1996. С. 366 сл.

⁷ Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века. М., 2009. С. 33-41.

⁸ Кулаковский Ю.А. История Византии. 395-518 годы. СПб., 1996. С. 139-140.

⁹ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 203.

¹⁰ О христианизации готов существует достаточно обширная литература. Укажем на важную работу Delehaeye H. *Martyrs de l'eglize de Gothie* // *Analecta Bollandiana*. 31. 1912. P. 274-294, а также: Рябцева М.Л., Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. 308 готских мучеников эпохи гуннского нашествия // *Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья* (Боспорские чтения X). Керчь, 2009. С. 21-25; Болгов Н.Н., Рябцева М.Л., Красникова Е.А. Готские монахи-миссионеры из Константинополя, Иоанн Златоуст и Таврика (в печати) и др.

¹¹ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 203.

Фолое, (2) где он смог без труда уморить их голодом. После этого Стилихон не погряз в удовольствиях, не посвятил себя комическим актерам и бесстыдным женщинам, но позволял своим солдатам грабить то, что было оставлено варварами. Тем самым, он дал врагу удобный случай покинуть Пелопоннес со всем захваченным ими добром и переправиться в Эпир, чтобы разграбить тамошние города. Стилихон в конечном счете оттеснил готов из Аркадии в Эпир и был объявлен патриkiem Востока».

В 397 г. Аларих, находясь со своими силами в Эпире и разоряя его, был признан со стороны восточного императора, получил от него титул дукса Иллирика и место для поселения – Эмафию в центре Македонии. Начался новый этап сложного процесса выработки системы адаптации федератов в империи, где надо было увязать практику «кормления» федератов с определенной территорией, функции федератов по обороне конкретных территорий и их вхождение в административный и военный аппарат империи. Оптимальной формулой здесь стало наделение варварских вождей высшими военными должностями.

Судьба Афин во время нашествия Алариха уже в поздней античности не могла не вызвать параллелей с судьбой Рима, взятого и разграбленного в 410 г. тем же Аларихом. Защита Афин тенью Ахилла и богиней Афиной уже в изображении Евнапия и Зосима представляет собой параллель и контраст с судьбой Рима, который отказался от язычества и принял христианство, но был разграблен. «Те, кто сомневается в истинности этих взглядов, может принять теорию, согласно которой Акрополь был слишком сильным, чтобы его можно было взять, а Аларих, который был не просто варваром-разрушителем, был вынужден, частью из-за огромного выкупа, частью из-за благоговения перед древней славой, воздержаться от разграбления города, который был более прославленным и древним, нежели богатым или стратегически важным»¹².

В это время легенды рождались достаточно интенсивно, потому что сама эпоха крупнейших исторических событий к этому располагала. Рушащийся мир искал точки опоры. Для всё ещё, в большинстве своем, языческой Греции чудеса были привычны и понятны, они следовали многовековой традиции божественного вмешательства в крупные события, идущей еще от Гомера.

Христианские же чудеса тогда касались в основном частной жизни человека (о чем свидетельствуют многочисленные агиографические сочинения, произведения Сальвиана¹³, хроники и др.), а само христианство, уже принявшее под свою сень государство, еще не осознало возможности Божественной защиты для всего государства или его столицы. Христианский мир тогда искал личного спасения, да и готы Алариха стали уже к тому времени формальными христианами.

Чудесное спасение христианского города с Божьей помощью придет тогда, когда появится внешний, абсолютно чуждый враг. В 451/452 г. св. Петр и св. Павел (посредством папы Льва) изгнали Аттилу из Италии. В дальнейшем подобные события будут происходить не раз: явление Богородицы против аваров в Константинополе в начале VII в. и др.

Готы же, как показали дальнейшие события, так и не смогли инкорпорироваться в имперские структуры. Аларих вскоре дойдет до Рима в поисках службы и жалованья и возьмет его штурмом. В Константинополе же еще раньше назреет второй «готский узел», разрубленный в ходе мятежа Гайны 400 г. и его подавления при активном участии патриарха Иоанна Златоуста. После этого Константинополю удастся более или менее благополучно отражать все прочие волны варварских вторжений, либо направляя их на Запад (гунны в середине V в., авары в начале VII в.), либо поглощая (славяне в Греции VI-X вв.), но иногда и теряя обширные провинции (арабы в 1-й пол. VII в.).

¹² Грегоровиус Ф. Ук. соч. С. 41.

¹³ Подробное см.: Зобнина А. Причины падения Западной Римской империи глазами современников (Сальвиан Массильский). М., 2007.

Конфликт отторжения с готами произошел, прежде всего, из-за крайне неудачного времени их прихода в империю. До этого империя «переваривала» всех завоеванных ею варваров и отражала внешних. Готы пришли в империю тогда, когда она уже иссякла и не имела сил для их инкорпорации, хотя готы хотели именно включиться в империю, а не разрушить ее¹⁴. Вслед за готами на территории империи устремились и другие германские племена. Равновесие двух миров нарушилось. Падение Запада стало по ряду причин неизбежным¹⁵. Раскол империи и расселение германцев на Западе, а не на Востоке, были обусловлены рядом совпавших факторов: большая слабость императорской власти, большая христианизация, целенаправленная политика константинопольских правителей.

Рейды Алариха по Балканам и особенно Греции открыли дорогу магистральному направлению константинопольской политики по отношению к варварам в эпоху Великого переселения народов¹⁶. Следующим этапом станет формирование византийской дипломатии¹⁷ и христианизация окружающих племен и народов.

Отторжение же Алариха языческой Грецией было, пожалуй, последним проявлением классической традиции¹⁸ как консолидированного эллинского неприятия внешнего врага, от которого уже второй раз (после готского же нашествия из-за моря в 3-й четв. III в.) Элладу не смогла защитить Римская империя, постепенно превращавшаяся в Византию¹⁹.

A CONFLICT OF HOSTILITY: GOTHS IN BYZANTIUM IN LATE 4 CENT. AD

Yu.N. SBITNEVA¹⁾

V.V. LIPICH²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: sbitnevay@mail.ru

The article deals with attack of Goths headed by Alarichus on Greece in late 4 AD. On the one hand, it was an attempt to make a pressure on Constantinople in order to be incorporated into the imperial structures. On the other – second intrusion after mid-3 AD resulted in Greece`s decline. At the same time this invasion made the Greeks for the last time feel like descendants of ancient Hellenes.

Key words: Byzantium, Greece, Goths, paganism, Christianity, Alarichus, Athens, raid.

¹⁴ Heather P.J. *Goths and Romans 332-489*. Oxf., 1991.

¹⁵ Подробнее см.: Ward-Perkins B. *The Fall of Rome and the End of Civilization*. Oxf., 2006.

¹⁶ Hodkin T. *The dynasty of Theodosius*. L., 1889. P. 140.

¹⁷ Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (сер. III – VI вв.) // *Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху*. СПб., 2008. С. 165-180.

¹⁸ Bowersock G. *Hellenism in Late Antiquity*. Cambr., 1990.

¹⁹ Millar F. *A Greek Roman Empire*. Berkeley, 2006.

ОБ ИСТОКАХ МИСТЕРИАЛЬНЫХ КУЛЬТОВ (МИСТЕРИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ОТ ДИОНИСИЙСКИХ ТАИНСТВ ДО РИТУАЛОВ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЕРЕСЕЙ НА РУСИ)

А.Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО¹⁾
Н.А. КЛЫШНЮК²⁾
М.Е. ШЕНЦОВ³⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: cherednichenko@bsu.edu.ru

Статья посвящена проблеме выявления основ мистериальных культов античного мира и ритуалов средневековых еретиков-сектантов. Сравнительный анализ различных индоевропейских культурно-религиозных традиций показывает, что истоки эллинских мистерий, равно как и корни обрядности русских сектантов (например, хлыстов), сохранявших в своём мировоззрении пережитки славянского язычества, восходят к астральной мифологии и религии древних индоевропейцев.

Ключевые слова: мистериальные культы, Дионисии, Элевсинские мистерии, ритуалы хлыстов, индоевропейская астральная мифология и религия.

Язык и обряды – базовые знаковые системы этноса и социума¹. Появление языка было обусловлено развитием мышления Homo sapiens². Можно предположить, что происхождение ритуалов и их вербальное отражение в мифах также связано с развитием человеческого мышления³.

Но не только архетипы коллективного бессознательного и игра Homo ludens порождают систему обрядов. Мысли и взоры людей всегда были обращены ещё и к небу⁴. Народы Древности понимали ритуал главным образом в календарно-астрологическом контексте. Такое понимание может быть отражено в следующей формуле: ритуал – это утвердившая себя в волевом акте жизнеформа, вписанная в порядок движения звёзд и планет. Обряды инициаций и шаманские практики, к которым восходят мистериальные культы древних цивилизаций, тоже вписывались в этот порядок⁵. Шаманы во время транса совершали «путешествия» не только в нижний мир, но и в мир верхний, небесный. Эзотерические мифы, сообщавшиеся иницируемым, в метафорической форме давали объяснение явлениям окружающего мира, объясняли их связь с астральными циклами и смысл ритуалов. Античные мистериальные культы сохраняли связь с циклами движения звёзд и планет. В свою оче-

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 9; Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990. С. 63–65.

² См.: Вишняцкий Л.Б. Происхождение языка: Современное состояние проблемы (Взгляд археолога) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 48–63; Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М., 1974; Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. 4-е изд. СПб., 2007.

³ Вишняцкий Л.Б. Происхождение языка: Современное состояние проблемы (Взгляд археолога) // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 55–57; Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 30–51; Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб., 2003. С. 11–30; Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»: Пер. с нем. СПб., 2008. С. 79–86; Хейзинга Й. Homo ludens / Человек играющий / Пер. с нидерланд. Д. Сильвестрова. СПб., 2007. С. 18–53; Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ: Пер. с нем. / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 95–128; Юнг К.Г. Психология и религия // Юнг К.Г. Архетип и символ: Пер. с нем. / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 129–202.

⁴ Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука. 2: Рождение астрономии / Пер. с англ. Г.Е. Куртика; Под ред. А.А. Гурштейна. М., 1991. С. 15–20; Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб., 2003. С. 27, 37; Ларичев В.Е. Колесо времени (Солнце, Луна и древние люди). Новосибирск, 1986. С. 8–12.

⁵ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 206–226, 307–319, 331–359; Торчинов Е.А. Религии мира. С. 86–97, 113–150, 151–153.

редь, эллинские мистерии и близкие им ритуалы родственных грекам индоевропейских народов нашли отражение в обрядах еретиков (сектантов) эпохи Средневековья и даже Нового времени.

Астральный аспект архаических религий, мистериальных культов античности и доктрин сектантов эпохи Средневековья и Нового времени пока остаётся вне поля зрения большинства исследователей. Данная работа нацелена на то, чтобы хотя бы частично заполнить эту лакуну. Исследование опирается на сравнительно-исторический анализ индоевропейских культурно-религиозных традиций.

Сравнение индоевропейских мифотрадиций позволяет предположить существование основанной на наблюдениях за звёздами и планетами астральной мифологии и религии у предков индоевропейцев. Возможно, корни архаических индоевропейских верований и ритуалов восходят к верованиям и ритуалам создателей неолитических и энеолитических культур Анатолии, Эгеиды и Балкан (Чатал-Хююк, Хаджилар, Франтхи, Неа Никомидия, Лерна, Караново, Винча и т.д.), где локализован один из очагов возникновения производящего хозяйства (см. работы лорда К. Ренфрью и др.)⁶.

В пережиточной форме индоевропейские астральная религия и мифология, судя по всему, сохранялись в древних мистериальных культах и даже в «языческих» элементах еретических и ортодоксальных доктрин Средневековья. Это можно увидеть на примере эллинских мистерий и даже ритуалов русских сектантов, в значительной степени отражающих восточнославянское «язычество» и «двоеверие». Элементы астральной мифологии и религии праиндоевропейцев сохранялись и в других индоевропейских традициях. Но их исследование выходит за рамки статьи.

Итак, основой древнейшей индоевропейской мифологии и религии, по нашему мнению, являются следующие наблюдения:

- 1) особое выделение социально значимых и эстетически прекрасных небесных тел из их общего количества – а именно – Солнца, Луны, пяти планет (Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры, Сатурна), дюжины метеорных потоков и комет, 17 ярчайших звезд и Млечного Пути (галактики), обожествление этих светил;
- 2) понимание явлений одних и тех же небесных светил в периодах их утренней восточной и вечерней западной видимости как двух разных небесных сил (добрая белая богиня – злой черный бог);
- 3) концепция действенного влияния этих небесных сил на ход земных дел, на состояние живой и неживой природы, на особенности климата и погоды, на процес-

⁶ Акимова Л.И., Кишишин А.Г. Аполлон и сирены в дельфийском святилище: К проблеме мифоритуальных основ «Описания Эллады» Павсания // *Colloquia classica et indo-europeica*. II: Классическая филология и индоевропейское языкознание / Под ред. Н.Н. Казанского. СПб., 2000. С. 335–351; Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990. С. 58–68; Маринович Л.П. Изучение Северной и Средней Греции в 1962–1966 гг. // ВДИ. 1969. № 3. С. 189–204; Маринович Л.П. Изучение Пелопоннеса в 1967–1970 гг. // ВДИ. 1973. № 1. С. 160–174; Маринович Л.П. Изучение греческих островов Эгейского моря и Крита в 1967–1970 гг. // ВДИ. 1973. № 2. С. 121–144; Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комм. Е.В. Антоновой; Предисл. Н.Я. Мерперта. М., 1982. С. 79–111; Мерперт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. № 3. С. 9–28; Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тыс. до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. М., 1988. С. 7–36; Одри Ж. Индоевропейский язык: Пер. с франц. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике / Сост., вступ. ст. и общ. ред. В.В. Иванова. М., 1988. С. 24–121, 532–533; Сафронид В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 28–45, 56–93; Титов В.С. Неолит Греции: Периодизация и хронология. М., 1969. С. 142–161, 194–219; Тодорова Х. Каменно-медная эпоха в България (пето хилядолетие преди новата ера). София, 1986. С. 34–43, 228–232; Тодорова Х., Вайсов И. Новокаменната епоха в България (края на седмото – шестото хилядолетие преди новата ера). София, 1993. С. 42–93; Renfrew C. The Origins of Indo-European Languages // *Scientific American*. 1989. № 10. P. 82–90; Renfrew C. Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. L., 1990. P. 40–52, 101–109, 183–234; Mellaart J. Anatolia and the Indo-Europeans // *Journal of Indo-European Studies*. 1981. Vol. 9. № 1-2. P. 135–149; Yakar J. The Indo-Europeans and Their Impact on Anatolian Cultural Development // *Journal of Indo-European Studies*. 1981. Vol. 9. № 1-2. P. 94–112.

сы природного и общественного воспроизводства (в т.ч. на цикл сельскохозяйственных работ), на общественное сознание; стремление познать закономерности влияний подвижных светил на природные стихийные бедствия, общественные кризисы и т.п.;

4) концепция прямого воплощения (инкарнации) небесных светил в отдельных индивидах в момент рождения или зачатия и прямого предопределения богом небесного светила качественных характеристик и особенностей человеческой личности, судьбы, психо-соматики; эта концепция имела и форму веры в возможность воплощения небесных богов в земные предметы, растения, животных;

5) вера в силу экстатических практик и ритуалов мистерий, вписанных в рядок движения звёзд и планет, которые позволяют «посвященным» посетить «нижний мир» и подняться в «верхний мир», на Небесный Олимп (или на гору Меру, или на вершину ясеня Иггдрасиль и т.п.), а затем мистически «воскреснуть».

В религии эллинов индоевропейскую астральную мифологию и связанную с ней обрядность сохраняли орфики. В греко-римской мифологической традиции Орфей (др.-греч. Ὀρφεύς, -έως, лат. Orpheus, однокоренное др.-инд. ṛbhū 'искусный') – сын речного бога Эгра и музы Каллиопы, супруг нимфы Эвридики, жрец Аполлона Мусagetа, герой, прорицатель и певец, родившийся в племени фракийцев у горы Пангей (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 3, 2; Гигин. Мифы. 14, Диоген Лазертский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. I, 3 – 5; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 25; Овидий. Метаморфозы. X, 1 – 85, 143 – 154, XI, 1 – 84; Павсаний. Описание Эллады. IX, 30; Паросская хроника. 14 – 22). Согласно хронологии Паросской хроники, век Орфея – последняя треть II тыс. до н.э. (т.е. 1300 – 1275 – 1250 гг. до н.э.). Эллины почитали Орфея в качестве главы и основателя мистического тайного мужского союза «орфиков», возникшего в конце II тыс. до н.э. в Либетрах, а также как учредителя мистерий⁷. Позднее ученик Орфея Мусей перенёс орфические таинства в Аттику. Основой учения тайного мужского союза последователей Орфея служил мистический культ Аполлона-Числа (Аритмос, Ἀριθμός) и Диониса Тривждырожденного. Орфики, занятые особенной спекулятивной теологией, вели аскетический образ жизни. Из орфического учения многое позаимствовал Пифагор. Орфизм был направлен против гомеровской теологии вообще и против гомеровского представления о посмертном состоянии души в особенности, и являлся учением пантеистическим. Тайный союз орфиков приписывал Орфею установление множества очистительных обрядов и освящений, разного рода мистические сочинения, оракулы, гимны и т.п. Наиболее значимыми таинствами, учреждёнными Орфеем и орфиками, были обряды культов Загрея и Иакха, мистерии Диониса.

Праздники в честь Диониса справлялись в каждом эллинском полисе. Но особенно значимыми они были в Афинах. Со времен тиранна Писистрата (ок. 561 – 556, 546 – 527 гг. до н.э.) в честь Диониса, именовавшегося в Аттике Мельпоменом (Μελπομένης) – Ведущим хороводы (Павсаний. Описание Эллады. I, 2, 5), в Афинах проводилось четыре празднества⁸.

Сельские Дионисии, проходившие в мемактериионе (Μεμακτερίων, ноябрь – декабрь), были деревенскими праздниками завершения сбора винограда. В процессиях могли принимать участие как мужчины, так и женщины, и рабы. Участники шествий несли виноградные лозы, гирлянды смокв и большой фаллос, символизирувавший производящие силы природы. Шествие завершалось жертвоприношением козлов на алтаре бога. Затем участники процессии расходились на отдельные пирушки.

О Ленеях (Λήναια), проходивших в середине зимы (в месяце гамелионе; Γαμηλιών, январь – февраль), на сегодняшний день известно очень мало. Торжества,

⁷ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А.В. Лебедев. М., 1989. С. 33–73, 84–89, 138–156; Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Гаутамы Будды до триумфа христианства: Пер. с фр. 2-е изд. М., 2009. С. 205–237.

⁸ Зелинский Ф.Ф. Древнегреческая религия. К., 1993. С. 25–38, 63–65, 82–89; Элиаде М. История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. С. 441.

начинавшиеся 12 гамелиона, продолжались несколько недель. Некоторые ритуалы, в частности танцы вакханок, совершались только женщинами и проходили ночью. Многочисленные участники процессии ехали на телегах и пели бранные песни. Затем хоры исполняли дифирамбы в честь Диониса. С V в. до н.э. на Ленеях начали разыгрывать трагедии, а затем и комедии. При этом на представления не допускались иноземцы.

Анфестерии праздновались в феврале-марте, а Великие Дионисии – в марте-апреле. Анфестерии, как и все дионисийские празднества, были близки Элевсинским мистериям в честь Деметры и Персефоны-Коры⁹. Так, Малые Элевсинские мистерии обычно тоже праздновались в течение месяца анфестериона (Ἀνθεστηριών, февраль – март). Дионисийские Анфестерии были праздником почтения полисом душ своих усопших граждан. 12 анфестериона совершались мистерии Диониса. Тайнственные церемонии проходили у южного склона Акрополя Афин в древнейшем храме Диониса Буколейон, открывавшемся раз в году именно в этот день. Ведущая роль принадлежала царице праздника, которую изображала жена архонта афинского полиса. Свита из людей, ряженных сатирами и менадами, сопровождала царицу в Буколейон. Там происходила кульминация мистерий – сакральный брак её с Дионисом. Этот акт считался основным условием благосостояния Аттики. Заключительный день посвящался «хтонической» ипостаси Диониса и всем умершим. В этот день в горшках варили специальное блюдо из всевозможных злаков, произносили молитвы усопшим¹⁰. Считалось, что это кушанье нельзя есть живым.

Наиболее пышными и значительными по своему масштабу празднествами считались Великие Городские Дионисии, справлявшиеся в Афинах в месяце элафэболион (Ἐλαφβολιών, март – апрель).

Центральной частью дионисийского ритуала всегда являлся экстатический опыт, восходящий к шаманским практикам. Это «безумие» служило доказательством того, что мист был «наполнен богом». Единение с бессмертным божеством разрушало оковы человеческой ограниченности, хотя не могло полностью преодолеть её¹¹. Считалось, что во время совершения таинств мисты попадали в мир Диониса. Это особый мир. Место его амбивалентно и в мире богов, и в мире людей. Он находится ни внутри, ни снаружи, ни дома, ни на улице. Мир Диониса похож и на грот, и на виноградник, покрытый «растительной крышей»¹². Но не только аграрное, «хтоническое» и шаманско-экстатическое начала присутствовали в культуре Диониса. Важным был календарно-астральный аспект дионисийства. К мистериям Диониса восходит ряд празднеств и дат в классических календарях, в том числе римские Брумалии (христианское Рождество), карнавалы и др. Дионисийские астральные мифы связаны со сказаниями о трёх рождениях и деяниях Диониса (Загрея, Эпафа и Диониса, сына Семелы)¹³.

Этимология имени Διόνυσος, возможно, восходит к образу Зевса Нисейского или «Дия с [горы] Ниса[, что в Беотии]» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. III, 4, 3; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 2). Дионис (Διόνυσος) – это изначально Зевс-Загрей (Ζεὺς, gen. sing. Διός – «Небесный [отец], [отец] Света», Ζαγρεὺς – «Дикий, Зверолов» или «происходящий из [критского] Загроса»), рождество которого связано с зимним солнцеворотом и празднованием Нового года древ-

⁹ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии / Пер. с нем. Н. Фёдоровой. М., 1996. С. 121–275.

¹⁰ Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. С. 444.

¹¹ Там же. С. 450.

¹² Цивьян Т.В. Ἐφήμερος / ἁθημέρος и *обыденный* (к истокам ритуала) // Знаки Балкан / Редколл.: Н.П. Гринцер, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. Ч. 1. М., 1994. С. 35–57.

¹³ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 142–182; Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения / Предисл., экзотерич. изложение мифологич. сюжетов и экзотерич. комментарии А.К. Шапошникова; Поэтич. переводы И.А. Евсы. М., 2001. С. 116–149, 317–318, 320, 420; Торчинов Е.А. Религии мира. С. 182–206; Фол А. Химните на Орфей. София, 1995. С. 76–77, 95–110; Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 36–73.

ними индоевропейцами¹⁴. В III–II тыс. до н.э. в ночь зимнего солнцестояния на западном небосклоне появлялась одна из самых ярких звёзд – Сириус, которая, находясь в зените, символизировала вершину Оси мира, т.е. Небесного Олимпа. Владыкой его был Зевс. Впервые рождённый Дионис являлся ипостасью Зевса-Загрея. В I тыс. до н.э. в ночь зимнего солнцеворота о рождестве Загрея оповещали яркие звёзды пояса Ориона. Мифы и ритуалы, связанные с рождением Зевса или Диониса-Загрея, его гибелью от рук титанов и воскресением, возникли в предполагаемом ареале эгейской прародины индоевропейцев – на острове Крите.

Мифы о втором рождении Диониса связаны с пребыванием «сатемных» праиндоевропейских племён в Египте. Новое воплощение Диониса – Эпаф (Ἐπάφος, ср. др.-греч. ἑπάφῃ – «прикосновение, касание»), которого Ио зачала от прикосновения Зевса и родила в Египте (Аполлодор. Мифологическая библиотека. II, 1; Геродот. История. II, 145; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 1, 6–7; Плутарх. Об Исида и Осирисе. 13, 29 – 45, 49 – 55)¹⁵. В долине и дельте Нила Ио почиталась как Исида. Астральное её воплощение – звезда Прокюон (Προκύων – «лающая собака»), одна из самых ярких звёзд созвездия Большого Пса. В IV – III тыс. до н.э. утренний восточный восход Прокюона и Кюона (т.е. Сириуса – звезды Зевса; Κύων – «пёс, собака») предвещал подъём нильских вод. Зевс или Зевс-Хтоний (Аид) из мифа об Ио и Эпафе и отчасти сам Эпаф – это египетский Осирис. Эпаф – это еще и Апис или Хапи, олицетворение Нила и его разливов. Таким образом, во втором своём рождении Дионис-Эпаф был связан как со звёздным небом, так и с миром мёртвых, и с идеей плодородия в мире людей. Мистерии Исида и Сараписа (Осириса-Аписа) эпохи эллинизма вобрала в себя египетские традиции и традиции эллинских Дионисийских и Элевсинских таинств.

Покровителем растительности, плодородия, виноградарства, виноделия, шаманских практик стал Дионис в третьем своём рождении¹⁶. Знаменитые аттические дионисийские празднества, описанные выше, устраивались в честь богочеловека Диониса, сына Зевса и фиванской царевны Семелы (Аполлодор. Мифологическая библиотека. III, 4–5; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. IV, 2–5). Впрочем, для участников мистерий первые две ипостаси Диониса были тоже значимы.

Дионис, сын Семелы, назывался еще Вакхом (Βάκχος «шумный, исступлённый» – первоначально эпитет Диониса). Под именем Иакха (Ἰακχος «крик, вопль, оплакивание», его символ – срезанный колос) третий Дионис почитался как последний освободитель (Лиай, ср. лат. Liber) Персефоны-Коры из царства Аида, дарующий мистам, участникам Элевсинских и Дионисийских мистерий, воскресение к новой жизни¹⁷. Хронология Геродота и Паросской хроники относят жизнь Диониса-Вакха, сопряжённую со странствиями в окружении вакханок и вакхантов, менад и сатиров в Индию, Финикию, Египет и Фракию, к XVI–XV вв. до н.э. (Геродот. История. II, 145–146; Паросская хроника. 7–10). Этимологически имя Σεμέλη связано с праслав. хъмель «растение Humulus, хмель, шишки хмеля; хмельной напиток; опьянение, хмель» и индоиран. soma (*sauma) / хум, хаома «священный опьяняющий напиток и растение, из отжатого сока которого этот напиток готовили жрецы»¹⁸. В связи с этим уме-

¹⁴ Казанский Н.Н. Мифологический эпос микенского времени // Балканские чтения. 1: Симпозиум по структуре текста. М., 1990. С. 27–30; Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 142–182; Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. С. 116–119, 320–323, 355; Торчинов Е.А. Религии мира. С. 186–188; Huxley G.L. Minoans in Greek Sources. Belfast, 1972. P. 10–14.

¹⁵ Древнеегипетская Книга Мертвых: Слово устремленного к Свету / Сост., пер., предисл. и комм. А.К. Шапошникова; Поэтические переводы И.А. Евсы. М., 2002. С. 338–371, 380, 391–392, 400–402; Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. С. 120–123, 328, 420.

¹⁶ Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. С. 124–149, 317–318, 378; Торчинов Е.А. Религии мира. С. 188–203.

¹⁷ Зайцев А.И. Греческая религия и мифология. СПб., 2005. С. 117; Торчинов Е.А. Религии мира. С. 196–198.

¹⁸ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 8 (*ха – *ъвьъга). М., 1981. С. 141–145.

стно вспомнить, что, подобно соме-хаоме в индоиранской яджне-ясне и хмельным напиткам в славянских тризнах, вино использовалось в ритуалах дионисийских мистерий в Элладе и Фракии. Интересно, что учредителем эллинских Элевсинских мистерий считался фракиец Эвмолп, а Дионисийских таинств – фракиец Орфей. В святилище-прорицалище Диониса, существовавшем в Родопских горах, тайные шаманские обряды совершали жрицы и жрецы фракийского племени сатров (Σάτραι) из рода бессов (Βεσσοί, Βησσοί, Bessi) (Геродот. История. VII, 111)¹⁹. Примечательно, что праслав. běszь «злой дух, бес» и др.-литов. baidyti «пугать, устрашать» этимологически сопоставимы с этнонимом Βεσσοί, Βησσοί, Bessi²⁰. Можно предположить, что праславяне и прабалты познакомились с экстатическими и оргиастическими ритуалами фракийских жрецов Диониса бессов во время пребывания в ареале своей балкано-эгейской прародине. Судя по всему, мистерии бессов нашли продолжение в рождественских обрядах болгарских кукуеров.

В славянском язычестве ритуалы, подобно эллинским, вписывались в порядок движения звёзд и планет. В большинстве своём они были генетически близки дионисийским мистериям²¹. Кроме того, в «русской стихии» всегда сохранялся и сохраняется и донныне дионисийский шаманско-экстатический элемент. С этим связана огромная сила русской хоровой песни и пляски. Русские люди склонны к оргиям с хороводами. То же мы видим в народных мистических сектах, например, в хлыстовстве²². Данное явление уходит своими корнями в глубокое прошлое. Так в Определениях Владимирского собора 1274 г., изложенные в грамоте митрополита Кирилла II, говорится о том, что «и се слышахомъ: въ субботу вечеръ собираются вкупъ мужи и жены, и играютъ и пляшутъ бестудно, и скверну днютъ въ ночь святого въскресенія, яко Дионусовъ праздникъ празднують нечестивіи елини, вкупъ мужи и жены, яко и кони вискають и ржутъ, и скверну днютъ»²³. Подобный элемент сохранился и нашел своё активное проявление в русском сектантском религиозном течении хлыстов.

Первое официальное дело о хлыстовщине относится к 1716–1717 гг., но несомненно, что секта появилась много раньше. Уже к этому времени среди хлыстов сложились легенды о начале секты. Согласно ей, в 1645 г. в Стародубской волости, в приходе егорьевском, на гору Городину сокатил на землю на огненной колеснице окруженный ангелами и архангелами сам Господь Саваоф и вселился в пречистую плоть Данилы Филипповича. Кроме одного Бога Саваофа, воплотившегося в Даниле, его Сын, Христос, воплощается постоянно. Первый Христос был Иван Суслов, а за ним – множество других²⁴. Хлыстовский миф, прежде всего, останавливается на характеристике «духа». «Святой Дух» сходит на сектантов во время их радений, открывает им истину и даёт блаженство. «Дух» хлыстов – это старое славянское «красное солнышко». В хлыстовских песнях «дух» изображается или в виде молодца, разгуливающего в саду с гусельками, или сокола ясного, или соловья, поющего в сердце у бабюшки

¹⁹ Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste. 2 Aufl. Wien, 1976. S. 55, 426.

²⁰ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 2 (*bez – *bratъ). М., 1975. С. 88–91.

²¹ Панчовски И.Г. Пантеонът на древните славяни и митологията им. София, 1993. С. 15–29; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). М., 2006; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 121–194; Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 235–240; Цивьян Т.В. 'Ефѣмерос / 'авѣѣмерос и обыденный (к истокам ритуала) // Знаки Балкан / Редколл.: Н.П. Гринцер, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. Ч. 1. М., 1994. С. 35–57.

²² Бердяев Н. Русская идея. М., 2007. С.10; Розанов В.В. Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы) // Розанов В.В. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2002. С. 325–438.

²³ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Памятники древне-русского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV вв.). Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 99–100.

²⁴ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004. С. 325–327; Клибанов А.И. Народные противоцерковные движения // Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 570–571.

(ср. с эллинскими мифологемами Аполлона и Диониса)²⁵. Кроме того, по представлениям хлыстов, Бог сам варит «пиво» для их радений, а Богородица и «дух» помогают. Это «пиво» является чем-то вроде сомы-хаомы индоиранцев и вина Дионисийских мистерий²⁶.

Отметим, что отличительным признаком хлыстовства были религиозные собрания – «радения» – вместе с входящей в состав этого ритуала практикой «кружений», что напоминает обряды эллинских мистерий и свойственно экстатическим ритуалам в других религиях и сектах, начиная с ветхозаветной пророческой традиции, обрядов суфийских дервишей и кончая обычаями западноевропейских бичевальщиков и квакеров XIV – XVI вв.²⁷. Например, в 1809 г. калужский священник Иван Сергеев, перешедший в православие из хлыстовства, сообщал о своих единоверцах: «Препровождают они праздники свои беспрестанным посолонь кружением, останавливается токмо их круг во время обеда...И если посмотреть на сию их жаркую сцену... то представляется совершенно как бы и подлинно плавающий по воздуху или в воде круг, колеблющийся и из-тиха поднимающийся, как бы единою машиною. Оный круг знаменует у них чан или «купель духовную»...Но сей чан у них не из чувственных досок, но из плотей человеческих состоит»²⁸. Согласно большинству отчетов, центральным и повторяющимся элементом ритуала в хлыстовских и скопческих общинах были кружения²⁹.

С достаточной долей уверенности можно утверждать, что ритуалы русских сектантов сохраняли традиции эпохи «двоеверия». Принятие христианства в очень малой степени изменило религиозный быт древнерусского общества. По-прежнему во всей силе сохранялось язычество, но не потому, что «христианские миссионеры, шедшие к славянам или германцам, не приносили с собой ничего принципиально нового» и их мировоззрение «не отличалось от мировоззрения языческих жрецов, колдунов и знахарей». Как раз наоборот: это было обусловлено тем, что язычество и христианство воплощали два разных типа мировоззрения, отнюдь не связанных между собой преемственно. Со временем они постепенно наслаивались друг на друга, и в процессе этого наслоения, с одной стороны, язычество получило стимул к дальнейшему развитию, а с другой – христианство низводилось до уровня языческих понятий и преданий. Так сложилось «двоеверие» – мировоззрение раздвоенного сознания средневековых русичей³⁰.

Этапы становления древнерусского «двоеверия» нашли свое отражение в летописных текстах. На ранней стадии христианизации Руси еще преобладает мировоззренческий дуализм, противостояние язычества и христианства. В XII в. краковский епископ Матвей писал Бернарду Клервосскому: «Народ же тот русский множеству ли бесчисленному, небу ли звездному подобный, и веры, правило православной и веры истинной установления не блюдет... Тот народ, известно, не только в даропринятии тела господня, но и в уклонении от церковного брака и взрослых повторного крещения, а равно в иных церкви таинствах позорно колеблется... Христа лишь по имени признает, а по сути в глубине души отрицает. Не желает упомянутый народ ни с греческой, ни с латинской церковью быть единообразным, но отличный от той, и от

²⁵ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004. С. 331.

²⁶ Там же. С. 332.

²⁷ Там же. С. 335; Эткинд А. Хлыст. М., 1998. С. 41.

²⁸ Цит. по: Эткинд А. Хлыст. С. 41.

²⁹ Там же. С. 43.

³⁰ См.: Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы: очерки древнерусской духовности. Л., 1991. С. 17; Иловайский Д.И. Становление Руси. М., 2003. С. 335, 590–592; Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 164; Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004. С. 9–21; Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т.2. М., 1999. С. 150; Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. М., 2004. С. 71.; Фроянов И.Я. Загадка крещения. М., 2009. С. 170–224; Шапов Я.Н. Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) // Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 13, 69.

другой, таинства ни одной из них не разделяет»³¹. Через два века ситуация была уже несколько иная. Как доносил в Рим в начале XV в. кардинал д'Эли, «русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение»³².

Как бы то ни было, образовавшееся «двоеверие» представляло собой мировоззренческий синкретизм, в котором ведущая роль принадлежала славянскому язычеству³³. Оно не только определяло специфику религиозности древнерусского народа, но и серьезным образом видоизменяло важнейшие обрядовые формы и догматические законоположения христианства.

Так, под влиянием языческой мифологии весь мир оказывался ангелохранимым. Ангелы, согласно летописцу, представлены ко всякой «твари»: есть ангелы звезд и планет, облаков и мглы, снега и грозы, зимы и осени, весны и лета, – словом состоят они при каждой вещи, где бы ни находились: на земле, небесах или в тайной бездне. Также ангел, замечает он, приставлен к каждой земле, чтобы охранял эту землю, хотя бы она была и «поганая»³⁴. Они фактически заступают в сознании древнерусского человека на место его прежних богов, выполняя принадлежавшие им некогда функции³⁵. Особо отметим, что среди ангелов, подобных титанам, олимпийским богам-тейям, гениям и даймонам, почитались на Руси повелители звезд и планет³⁶. Это – четкое указание на сохранение элементов древней астральной религии индоевропейцев в славянском язычестве³⁷.

Таким образом, сравнительный анализ различных индоевропейских культурно-религиозных традиций показывает, что истоки мистерияльных культов античности и постклассического периода, равно как и корни обрядности русских сектантов, сохранявших в своём мировоззрении пережитки славянского язычества, восходят к астральной мифологии и религии древних индоевропейцев.

ABOUT SOURCES OF THE MYSTERIES' CULTS (MYSTERIES OF THE INDO-EUROPEANS FROM THE DIONYSIA TO THE RITUALS OF THE FOLLOWERS OF HERESIES IN RUSSIA)

A.G. CHEREDNICHENKO¹⁾

N.A. KLYSHNYUK²⁾

M.E. SHENTSOV³⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: cherednichenko@bsu.edu.ru

The article is devoted to the problem of search of the origins of the mysteries' cults in the Antique World and the origins of the rituals of medieval heretics-sectarians. Comparative analysis of various Indo-European cultural-religious traditions demonstrates the following: sources of Hellenic mysteries and rites of Russian sectarians (for example, the Khlysts), who kept the survivals of Slavonic paganism in their world outlook, go back to the astral mythology and religion of the ancient Indo-Europeans.

Key words: the mysteries' cults, the Dionysia, the mysteries of Eleusis, rituals of the Khlysts, the Indo-European astral mythology and religion.

³¹ Цит. по: Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы. С. 17–18.

³² Там же.

³³ Там же. С. 18.; Фроянов И.Я. Загадка крещения. С. 221.

³⁴ Цит. по: Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы. С. 19–20.

³⁵ Там же. С. 20.

³⁶ Шмурло Е.Ф. История России. М., 1999. С. 28.

³⁷ См.: Естественно-научные представления Древней Руси / К.Н. Афанасьев. Ю.Л. Шапов, Е.К. Пиотровская и др. М., 1988.

ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.Н. ЩЕНДРЫГИН

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: silence_era@mail.ru

В данной статье рассматриваются малоизученные в отечественной историографии вопросы, связанные с развитием вооружения и тактики варварских народов Западной Европы раннего Средневековья. Предпринята одна из первых попыток дать целостное представление об особенностях этих важнейших аспектов военного дела германцев 2-й половины I тыс. н.э., показать их взаимосвязь и взаимозависимость.

Ключевые слова: Европа в раннем Средневековье, история военного дела, германские народы раннего Средневековья.

Не подлежит сомнению, что для варварских народов раннего Средневековья, война являлась чрезвычайно значимым феноменом их «повседневности». Однако специализированных работ по военному делу варварских народов раннего Средневековья в отечественной историографии нет. Отдельные аспекты этой проблемы рассматриваются как составная часть более широких исследований¹.

Долгое время в науке было принято представлять вслед за античными авторами германцев полуголыми дикарями в шкурах, вооруженных дубьем.² Сегодня эта точка зрения осталась в прошлом. Как отмечал А.Я. Гуревич, «в отдельных районах Германии до 80 % мужчин были похоронены с железным оружием».³

По материалам погребений можно выделить три основных типа наборов оружия: богатые воины помимо кольчуги или чешуйчатого панциря и шлема (самым распространенным из них был т.н. Spangenhelm), имели щит (обычно круглый, с диаметром до 1 м, хотя в первые века нашей эры германцами использовались и продолговатые щиты) с металлическим умбоном⁴, меч, нож-сакс⁵, боевой топор и тяжелое копьё с мощным наконечником и несколько дротиков. Воин среднего достатка вооружался щитом, копьем, несколькими дротиками, мечом или скрамасаксом и топором и нередко имел шлем. Во всяком случае, скандинавские материалы дают немало шлемов, тогда как кольчуги даже в плохо сохранившемся, фрагментарном виде встречаются редко.⁶ Наконец, бедные воины имели щит, копьё, несколько дротиков и

¹ См., например: Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005; Стефанович П.С. «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 6-51 и др.

² Даже крупные историки, такие, как Э.А. Томпсон, не устояли перед соблазном воспользоваться этим стереотипом (См., например: Tompson E.A. Early Germanic Warfare // Past and Present. № 14. Nov. 1958. P. 3-4). Правда, говоря о «бедности» германцев на железное оружие, Томпсон осторожно оговорился, что эта «бедность» заметна при сравнении с римскими стандартами (Ibid. P. 3).

³ Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. С. 33, 43-44. См. также: Дряхлов В.Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 156-157.

⁴ См., например: Harrison M. Anglo-saxon thegn 449-1066 A.D. Oxford, 1993. P. 13; Harrison M. Viking Hersir 793-1066. Oxford, 1993. P. 48; Macdowell S. Germanic Warrior 236-568 AD. L., 1996. P. 55; Wilcox P. Rome's enemies: Germanics and Dacians. L., 1982. P. 11. Ср.: Каинов С. Древнерусские щиты X века // Цейхгауз. 2002. № 2 (18). С. 4, 6.

⁵ Длиной до 50 см., т.е. не уступающему по этому параметру традиционному вооружению римского легионера – мечу-гладиусу. См. например: Bishop M.C., Coulston J.S.N. Roman Military Equipment. L., 1993. P. 71; Wilcox P. Op.cit. P. 11-12.

⁶ См., например: Harrison M. Viking Hersir... P. 46-48.

топор.⁷ Конечно, в зависимости от времени, места и прочих обстоятельств набор наступательного и оборонительного вооружения мог сильно варьироваться, однако некоторые его компоненты, такие, как щит, топор и копьё, были чрезвычайно широко распространены.

Несколько сложнее обстояло дело с луком. В том, что германцы были хорошо знакомы с ним – нет сомнения. Наконечники стрел, да и сами луки, обычные и композитные, неоднократно встречались в погребениях.⁸ Позднеантичные и ранневизантийские источники также неоднократно упоминают о применении лука германскими воинами (*Agathias*. I. 9; *Amm. Marc.* XVI. 43, 46; *De bello Gotico*. I. 18). Хорошими лучниками были викинги, о чем свидетельствует, к примеру, описание битвы при Стэмфордбридже между англосаксами и норвежцами.⁹

Однако анализ источников позволяет сделать вывод о том, что из-за своего героического этоса германцы недолюбливали лук, считая его «неблагородным» оружием. Во всяком случае, король готов Тотила бросил своих воинов в атаку против византийцев при Буста Галлорум, приказав им не использовать никакого иного оружия, кроме копий (*De bello Gotico*. IV. 32). Схожий приказ отдал своим воинам и вандальский король Гелимер (*De bello Vandalico*. II. III. 9). Несколько ранее тот же Прокопий Кесарийский описывал вандалов как преимущественно конных копейщиков (*De bello Vandalico*. I. VIII. 27). Не упоминает луков и Агафий Миринейский (*Agathias*. I. 21; II. 5, 9), равно как молчит о франкских и лангобардских лучниках Псевдо-Маврикий. Не менее примечательно и то, что в Англии, среди англосаксов, где архаичные формы военного дела сохранились дольше, чем на континенте, лук также не был в почете.¹⁰ Наконец, Павел Диакон сообщал, что у лангобардов рабам при освобождении наносили ритуальную рану именно стрелой и не потому ли, что только рабу было достойно сражаться луком и стрелами, тогда как настоящему мужу – копьем или мечом? (*Historia langobardorum*. I. 13). Капитулярий 726 г. лангобардского короля Айстульфа прямо предписывал, чтобы «...**богатые и сильные пусть имеют кольчугу и коней, щит и копьё**; следующие по богатству – коней, щит и копьё, **маломощные – колчаны со стрелами и лук** (выделено нами – **Щ.А.**)...»¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что дальнобойное метательное оружие у германцев не пользовалось популярностью. Естественно, что это не могло не наложить отпечатка на их тактику.

Вначале необходимо проанализировать соотношение пехоты и конницы и их роль на поле боя.

В источниках того времени довольно четко отличают «войско» (*exercitus*, *populus* или *manus*), как пешее ополчение свободнорожденных германцев (примечательно, что термины *exercitus*, «войско», и *populus*, «народ», в данном случае совпадают) от «дружины» (франкская *trustis*, англосаксонская *theod*, лангобардская *gesinde*, готская *gasintha*, норвежская *hirdh* и др.), которая предпочитала сражаться в конном строю.

Вне всякого сомнения, в эту эпоху, как отмечал А.И. Сидоров, «...война не являлась исключительной сферой деятельности социальной элиты. В ней принимали участие самые широкие слои населения, включая свободных крестьян ...».¹² Однако,

⁷ См., например: Harrison M. Anglo-Saxon thegn 449-1066... P. 14; Macdowell S. Germanic Warrior... P. 22, 26, 27, 31.

⁸ См., например: Wilcox P. Op.cit. P. 13-14.

⁹ Saga о Харальде Суровом // Снорри Стурлуссон. Круг земной. М., 1995. С. 458.

¹⁰ Так, в языческих захоронениях остатки луков и стрел найдены всего лишь в 2% могил. См.: Harrison M. Anglo-Saxon thegn 449-1066... P. 13. Правда, стоит отметить, что в той же битве при Стэмфордбридже англосаксонские лучники приняли достаточно активное участие, и именно от стрелы, попавшей в горло, пал сам Харальд Суровый. См.: Saga о Харальде Суровом... С. 458-459.

¹¹ См. отрывки капитулярия Айстульфа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/VIII/740-760/Aistulf/edikt.htm>

¹² Сидоров А.И. Каролингские *milites* и *nobiles*: к вопросу о предыстории средневекового европейского рыцарства // Одиссей. 2004. М., 2004. С. 36.

вместе с тем, очевидно и то, что баланс между пешим в своей массе *exercitus* и конным *gefolgschaft* постепенно смещается в сторону последнего (не по численности, конечно, а по значимости и по месту в войске и на поле боя). Конница выдвигается на первый план. Именно она, верная своему господину, мобильная, лучше оснащенная и отличавшаяся более высоким профессионализмом и, как следствие, более высокой боеспособностью, первой вступала в бой и получала большую часть добычи и славы со всеми вытекающими отсюда последствиями¹³.

Изначально германцы не были всадниками и предпочитали сражаться пешими. Однако с началом Великого переселения народов ситуация постепенно менялась. И если, согласно Ф. Кардини, «лесные» германцы в значительной степени продолжали следовать старой традиции сражаться преимущественно пешими, то «степные» германцы успешно осваивают технику конного боя (См., например: *De bello Gotico*. I. 18, 27; IV. 29-32).¹⁴ Например, согласно Григорию Турскому, франки, в отличие от готов, бившихся копьями, предпочитали бой на мечех (*Historia Francorum*. II. 37). Это фразу можно трактовать только как указание на то, что готы («степные» германцы) были всадниками, тогда как франки (германцы «лесные») в массе своей пехотинцами. На это же обстоятельство указывал и Прокопий Кесарийский (*De bello Gotico*. II. 25). Еще один характерный пример – в 478 г. готский вождь Теодерих Страбон обвинил своего тезку, Теодериха, сына Тиудимира в том, что из-за его неразумных действий готы, ранее имевшие каждый по 2-3 лошади, теперь, «не имея ни одной, тащатся за тобой по Фракии **пешие, словно невольники** (выделено нами – **Щ.А.**)...»¹⁵.

Замечательное описание готского тяжеловооруженного всадника, искусно владеющего как конем, так и оружием, оставил Прокопий Кесарийский (*De bello Gotico*. VIII. 31). На искусство, с которым готские всадники владели конем и копьем, указывал и Исидор Севильский в своей «Истории готов» (*Historia gothorum*. 69-70), отмечавший, кстати, что хотя готы могут сражаться как пешими, так и конными, тем не менее, они «...**более всего они доверяют ловкости своих лошадей** (выделено нами – **Щ.А.**)...» (*Historia gothorum*. 69).

Однако, учитывая дороговизну комплекта полной защиты всадника, таких всадников у германцев было, судя по всему, немного. Большую часть их конницы составляли легковооруженные воины, вооруженные щитом, копьем, дротиками и иногда – мечом (См., напр.: *Historia gothorum*. 69. Ср. положения капитулярия Айстульфа). К тому настоящими всадниками, подобно аланам или гуннам, «степные» германцы так и не стали (*Mauricius*. XI. 3. Ср. *De bello Gotico*. IV. 35). Причин на то, на наш взгляд, можно выделить несколько. Во-первых, хороший верховой конь стоил недешево, да и было их немного.¹⁶ Во-вторых, несовершенные седла и узды, а также отсутствие стремян, которые на Западе появилось не ранее 1-й пол. VII в.¹⁷, ограничивало боеспособность всадника. Как писал Ф. Кардини, «...без стремени никакое оружие, колющее или сабельное, не могло сколько-нибудь эффективно применяться

¹³ См. наблюдение Г. Дельбрюка о причинах роста значения конницы в раннем Средневековье: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. II. СПб., 2001. С. 296.

¹⁴ См., например: Диснер Г.-И. Королевство вандалов. СПб., 2002. С. 148-149; Клауде Д. История вестготов. СПб., 2002. С. 60.

¹⁵ Малх Филадельфиец. Фрагм. 17 // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003. С. 190.

¹⁶ Кардини Ф. Истоки рыцарства. Срегенск, 2000. С. 269.

¹⁷ См.: Никоноров В.П. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2. СПб., 2002. С. 264. При этом В.П. Никоноров отмечал, что «нет никаких оснований утверждать, что они (т.е. стремяна – **Щ.А.**) изначально предназначались для боевого использования. Должно было пройти какое-то время после знакомства со стремянами, прежде чем они становились важным и обязательным предметом экипировки каждого воина-кавалериста. Предшествовавшая этому практика конного боя вовсе не сразу восприняла данное новшество, а, наоборот, как раз стремянам предстояло доказать свою целесообразность на поле брани...».

конным воином...»¹⁸. Всадник, вооруженный копьем и дротиком и недостаточно защищенный¹⁹, не мог совладать с пехотой, держащей строй. Примером тому может служить схватка готских всадников с византийскими пехотинцами, описанная Прокопием (*De bello Gotico*. IV, 29). В-третьих, обучение верховой езде и уверенному владению оружием, сидя в примитивном седле, без стремян, требовало немалого времени и навыков. Позволить себе это могли опять же немногие германцы.

Итак, хотя, с одной стороны, конница превращается в раннем Средневековье в элитарное войско, «войско богатых», с другой — технические и финансовые ограничения сужали сферу ее деятельности и не позволяли ей окончательно оттеснить пехоту на второй план. Пехота остается на поле боя. Следовательно, пренебрежение луком, характерный «героический» этос и наличие как конницы, так и пехоты предполагало и существование соответствующей тактики, свойственной германцам и отличной от той, которой, к примеру, придерживались кочевники, персы или византийцы.

Характеризуя ее особенности, Псевдо-Маврикий в своем «Стратегиконе» писал: «Светловолосые народы... решительно вступают в рукопашную схватку и верхом, и в пешем строю...» (*Mauricius*. XI. 3). Это стремление как можно быстрее сойтись в рукопашную с неприятелем вполне объяснимо. Не имея в достаточном количестве дальнобойного метательного оружия и пренебрегая его применением, германцы должны были стремиться как можно быстрее сблизиться с неприятелем на дистанцию метания дротика или топора с тем, чтобы потом атаковать его с копьем или мечом в руках. Отметим также, что германцы не были склонны к хитроумным тактическим изыскам. Глубокого эшелонирования боевых порядков они не знали, равно как и выделения сколько-нибудь значительных резервов для парирования неожиданных поворотов в ходе сражения или для развития успеха — все вкладывалось в первый удар. Сложные маневры и перестроения на поле боя германцы также производить были неспособны (См., например: *Mauricius*. XI. 3). Да и как их можно было осуществлять с необученным ополчением или с немногочисленными отрядами дружинников, которые представляли собой скорее героев-одиночек Гомера, а не дисциплинированных римских легионеров ранней Империи?

Действуя от обороны, германцы полагались на возводимую пехотой «стену щитов» (древнеангл. *Scildburh*), причем эта традиция долго сохранялась на окраинах германского мира. Достаточно сопоставить два описания боевого порядка. В 1066 г. при Стэмфордбридже войско Тости и Харальда Сурового выглядело как «ряды длинные, но не глубокие, ...щит к щиту во всю глубину строя...», причем дружины Харальда и Тости вместе с лучниками укрылись за этой «стеной».²⁰ Сравним это описание с тем, что приводит Агафий Миринейский, рассказывая о схватке отряда византийской конницы и франкских фуражиров (*Agathius*. I. 21-22).

«Стена щитов» формировалась, судя по всему, из отдельных отрядов воинов, которые создавались, как писал Псевдо-Маврикий, «...по племенам, по родственным и дружеским связям...» (*Mauricius*. XI. 3). При этом, если позволяло время, оборона могла быть усилена примитивной полевой фортификацией — к примеру, волчьими ямами и рвами подобно тому, как это сделали тюринги перед решающим сражением с франками в 524 г. (См.: *Historia Francorum*. III. 7).

Эта «стена» была малоуязвима (что подтверждается, к примеру, опытом сражений при Стэмфордбридже и Гастингсе в 1066 г. и под Аримином в 553 г.) для атак конницы и спорадического обстрела из луков и была надежной опорой боевого порядка, из-за которой немногочисленные лучники германцев могли прицельно об-

¹⁸ Кардини Ф. Указ. соч. С. 264. Правда, сегодня это положение представляется ряду авторов, спорным, исходя из последних реконструкций римских «рогатых» седел, а также находками остатков седел с высокой передней лукой. См., например: Macdowell S. *Germanic Warrior*... P. 21.

¹⁹ Полный доспех стоил слишком дорого и имелся у немногих всадников. См., например: Heath I. *Armies of Dark Ages 600-1066*. Worthing, 1980. P. 16.

²⁰ Сага о Харальде Суровом... С. 456.

стреливать врага (См., например: *De bello Gotico*. IV. 27). О том, что лучников было немного, мы уже писали выше, а о том, что стрельба их была прицельной, косвенно свидетельствует требование каролингского капитулярия, предписывавшего воинам являться на смотр, имея среди прочего оружия лук с двумя тетивами и 12-ю стрелами²¹. Конница или дружинники вождя могли, опираясь на пехоту, перестроиться после неудачной атаки и снова броситься вперед на врага.

Несколько сложнее с наступлением. Традиционно считается, что излюбленным атакующим построением германцев был «клин»-*cuneus* (Описание *cuneus*'а см. у Вегетия: *Vegetius*. III. 19). Однако еще Г. Дельбрюк показал надуманность и нежизнеспособность «клина»²². Скорее всего, готовясь к атаке, германцы выстраивались в глубокую колонну, голову которой формировал вождь и его дружинники.²³ Они, начав движение, вырывались вперед, а хуже вооруженные остальные пехотинцы отставали, тем самым стихийно образуя пресловутый клин²⁴.

Еще больше проблем возникает с тактикой германской конницы. Исходя из археологических данных и свидетельств письменных источников, можно с уверенностью говорить о том, что у германцев, в особенности «степных», благодаря знакомству с тактикой кочевников западной Евразии, конница, судя по всему, чисто формально делилась на тяжелую и легкую. Вернее сказать, тяжеловооруженные всадники у германцев, конечно, были, но тяжелой конницы как отдельного рода войск не было. Полный доспех катафрактария стоил слишком дорого, и варварские короли раннего Средневековья не могли позволить себе роскошь иметь целые подразделения тяжелой конницы. Поэтому вызывает сомнение описанная Х. Вольффрамом картина наличия у Теодориха и его преемников многочисленных остготских катафрактов²⁵. И тот факт, что у Прокопия Кесарийского есть описание готов, служивших в армии Велизария на персидском фронте, не должен нас вводить в заблуждение (*De bello Persico*. II. XVIII. 24). Если готы на византийской службе могли быть катафрактами, то это вовсе не означает, что они были таковыми на службе королей Вестготского или Остготского государств. Скорее всего, как и в случае с пехотой, хорошо вооруженные и защищенные всадники германцев (знать и их ближайшее окружение) составляли первые шеренги пресловутого клина, только на этот раз конного, а менее защищенные и хуже вооруженные – задние ряды.

Складывается впечатление, что перед нами толпа поединщиков в духе гомеровских героев-одиночек, что стремятся любой ценой добыть «себе чести, а князю – славы...»! Отсюда и соответствующая тактика германской конницы – как можно быстрее сблизиться с неприятелем на дистанцию броска дротика или удара копьем, и, выбрав себе противника, вступить с ним в поединок. И как не вспомнить в этом случае Псевдо-Маврикия, который отмечал стремительный характер атак германских воинов и в тоже время отсутствия у них правильного боевого порядка, причем в особенности это было характерно именно для конницы (*Mauricius*. III. 3; XI. 3). Однако если атака не удалась, если противник проявлял упорство, если он отказывался отступить и более того, бежать, то германская конница откатывалась назад, и не факт, что она могла перестроиться и снова вступить в бой (как это случилось, к примеру, в сражении при Буста Галлорум).

²¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. III. СПб., 1996. С. 21. Для сравнения, английские лучники времен Столетней войны, стрелявшие неприцельно, по площадям и с максимальной скорострельностью, расходили за сражение на порядки больше стрел. По Р. Харди, в битве при Креси в 1346 г. они выпустили ок. 500 тыс. стрел (Уваров Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337-1347 гг.) // Воин. № 13. 2003. С. 16).

²² См.: Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. II. СПб., 2001. С. 30-35.

²³ Не об этом ли говорит описание битвы при Стэмфордбридже? См: Сага о Харальде Суровом... С. 458.

²⁴ См., например: Macdowell S. Germanic Warrior... P. 32, 47; Harrison M. Anglo-saxon thegn... P. 27.

²⁵ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 434-435.

И в заключение отметим интересный взгляд А.К. Нефедкина на обычную тактику германцев. Проанализировав описание столкновения между готами и римлянами при Салиции в 377 г., он пришел к выводу, что это – «... сражение показано как типичная битва между римлянами и готами. Тут все характерные черты сведены воедино. Это – битва-характеристика, а не конкретный бой. Тактика готов выглядит, согласно описанию, следующим образом: сначала готы попытаются захватить высоты на местности, чтобы угрожать римлянам (кстати, именно это сделает и Гарольд при Гастингсе в 1066 г. – **Щ.А.**), однако им это не удалось, затем – полевой бой: противники сходятся, воодушевляя себя криком, строятся в «черепашу» (и эта «черепаша» чрезвычайно похожа на неоднократно упоминавшуюся выше *scildburh* – **Щ.А.** См. также: *De bello Gotico*. IV. 5), сближаются на расстояние броска копья и перестреливаются. В это время отдельные храбрые воины или отряды завязывают рукопашные схватки (Вожди и их дружинники –? См., например, хронику Фредегара: *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii libri quattuor*. 26). Подобная битва длилась весьма долго (на наш взгляд, противоречия между выводом А.К. Нефедкина и указаниями Маврикия, что были приведены выше, нет – основная масса германских воинов, тот самый *exercitus*, могла долго перестреливаться с аналогичным неприятелем, тогда как отборные воины, руководствуясь героическим этосом, должны были стремиться к рукопашной схватке, в которой они могли проявить свои бойцовские качества, смелость и героизм и, как следствие, заслужить славу, почет и награды вождей)...».²⁶ Учитывая присущий средневековому обществу консерватизм и стремление следовать традиции, можно предположить, что многие черты этой «обычной» тактики не только у готов, но и у других варварских племен раннего Средневековья, будут сохраняться еще достаточно долго.

Анализ особенностей развития военного дела германцев раннего Средневековья, наводит на мысль о существовании определенных черт сходства с аналогичными процессами у соседей германцев – славян, в т.ч. и восточных. Учитывая наличие определенных черт сходства в историческом развитии германцев и славян в раннем Средневековье, такие аналогии отнюдь не представляются невозможными. Поэтому опыт изучения развития военного дела раннесредневековых германцев представляет большой интерес, так как источников, связанных с описанием военного дела славян раннего Средневековья, сохранилось немного и сопоставление известий об этой стороне жизни германцев и славян может оказать немалую услугу в изучении военного дела славян.

WEAPON AND TACTICS OF THE BARBAROUS PEOPLE OF THE WESTERN EUROPE IN EARLY MIDDLE AGES

A.N. SHCHENDRYGIN

Belgorod State University

e-mail: silence_era@mail.ru

This article is devoted to the questions connected with development of the weapon and tactics of barbarous people of the Western Europe in early Middle Ages, what is insufficiently studied in Russian historiography. This article is one of the first attempts in the modern Russian historical literature to give complete representation of features of these major aspects of warfare of Germans of 2nd half of 1st thousand AD, to show their interrelation and interdependence.

Key words: Europe in early Middle Ages, history of the warfare, the German people of early Middle Ages.

²⁶ Нефедкин А.К. Тактика готов IV века на примере битвы при Салиции (377 г.) // Воин. 2002. № 9. С. 11.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Э.Д. ЗИЛИВИНСКАЯ

*Институт этнологии
и антропологии РАН*

e-mail: eziliv@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее значительные золотоордынские городища Северного Кавказа, изученные археологически. Город Маджар, возникший в XIV в. как крупный административный центр на пересечении торговых путей, сходен с золотоордынскими городами Нижнего Поволжья. Верхний Джулат возник на месте длительно существовавшего аланского поселения, не имевшего четкой структуры. Нижний Джулат, расположенный на месте аланского городища, сохранил его трехчастную структуру. На этих памятниках были исследованы мечети, минарет, христианские храмы, общественная баня, разнообразные жилища, склеп-мавзоль и погребения. На основании анализа структуры городищ их можно отнести к трем типам.

Ключевые слова: аланские городища, золотоордынские города, городская структура, мечети, минареты, христианские храмы, баня с подпольным отоплением, склеп-мавзоль, погребения.

Северный Кавказ являлся плотно заселенной зоной с древнейших времен. В раннем средневековье здесь возникают сотни аланских поселений, многие из которых прекращают свое существование в результате монгольского нашествия. В золотоордынское время вместо многочисленных поселений существует несколько крупных городов, ставших центрами ремесла и торговли, а также административной власти ханов улуса Джучи. В предгорьях Кавказа в XIII-XIV вв. возрождаются и начинают бурно развиваться старые аланские городища, занимавшие выгодное географическое положение, такие как Терекское, Булунгуевское, Хамидиевское, Верхне-Чегемское, Нижний Джулат¹. При этом они продолжают сохранять первоначальную трехчастную структуру (цитадель, укрепленный «посад» и открытое селище). В городские центры превращаются и некоторые небольшие сельские поселения, не имеющие столь сложной планировки. Примером такого города является Верхний Джулат². В то же время в степной зоне, также на пересечении торговых путей, строятся новые «ханские» города, такие как Маджар и расположенные недалеко городища, получившие названия Малые Маджары и Верхние Маджары³. Это типичные золотоордынские города, возникшие, подобно городам Нижнего Поволжья, в виде скопления аристократических усадеб в результате градостроительной деятельности ханов в короткие сроки на незаселенных участках.

Наиболее значительными городскими центрами Северного Кавказа в золотоордынское время являлись города Маджар в Ставропольском крае, Верхний Джулат, расположенный у поселка Эльхотово в Северной Осетии и Нижний Джулат возле города Майского в Кабардино-Балкарии. Величественные развалины этих городищ привлекали внимание исследователей, любителей древностей и путешественников. В XVIII-XIX вв. их посетили, оставили описания планы и рисунки С.Г. Гмелин, И.А. Гюльденштедт, Ю. Клапрот, П.С. Паллас, В.Ф. Миллер и многие другие. Но археологическое изучение этих памятников началось только в начале XX в.

Самым крупным золотоордынским городом на Северном Кавказе являлся Маджар. Площадь его составляла около 6 кв. км. Городище расположено на берегу

¹ Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 43,46,48,60,61.

² Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003. С. 119-185.

³ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 122.

реки Кумы, в том месте, где в нее впадает приток Буйвола. Город был построен в XIV в. на пересечении торговых путей, соединяющих центр Золотой Орды (Сарай и прилегающие к нему районы) с Кавказом и западными районами (Азаком и городами Крыма). В настоящее время большая его часть застроена г. Буденновском. Первые и, вероятно, наиболее результативные раскопки здесь были проведены В.А. Городцовым в 1907 г.⁴ В.А. Городцов составил план городища и провел исследования в разных его частях. Так как юго-западная часть памятника уже тогда была застроена кварталами г. Святого Креста (ныне Буденновск), раскопы и разведочные траншеи Городцов закладывал на территории Мамай-Маджарского монастыря и в междуречье Ерика и старого русла Кумы, в местности, называемой Кирки. Им было раскопано шесть жилых домов из сырцового кирпича типично золотоордынского облика. В домах были расчищены глинобитные суфы Г-образной формы, тандыры, система обогрева в виде канов. Полы в помещениях были глинобитные или мощеные кирпичом, часто со встроенной тошной. Дома встречались двух типов: квадратные в плане, разделенные на две комнаты (большую – жилую и меньшую – хозяйственную) и прямоугольные, разделенные на три узкие прямоугольные помещения.

Серия погребений, вскрытых В.А. Городцовым, относилась к двум периодам – сарматскому и золотоордынскому. Захоронения имели различную конструкцию: от простых ям до погребений с заплечиками, сырцовыми закладами и тщательно выполненными склепами. В.А. Городцов впервые достоверно доказал, что после поселения и могильника сарматского времени существовал длительный разрыв в заселении этой местности и, что Маджар является золотоордынским городом, построенным по образцу городов Нижнего Поволжья на новом, не заселенном, месте.

В 60-70 гг. XX в. на Маджарском городище проводили работы Э.В. Ртвеладзе и А.П. Рунич. На основании стратиграфических исследований и наблюдений за распределением подъемного материала Э.В. Ртвеладзе определил границы памятника, выделил отдельные районы города, а также подтвердил выводы В.А. Городцова, что золотоордынский город возник на «пустом», незаселенном месте в начале XIV в., а наибольшего расцвета достиг при Джанибеке⁵.

В 1989-1991 гг. на городище Маджар работала экспедиция Ставропольского педагогического института при участии кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Она вела раскопки на левом берегу р. Кумы на территории г. Буденновска⁶. Раскопки показали, что культурный слой городища в этой части сильно разрушен. Тем не менее, было исследовано несколько жилых домов, землянок, часть улицы и серия погребений городского некрополя. Все захоронения были совершены по мусульманскому обряду. Погребенный был положен без вещей, головой на запад, лицом на юг, вытянуто на спине, с наклоном вправо. Погребения делятся на несколько видов: простые грунтовые ямы, могилы с заплечиком и подбоем, с заплечиком, подбоем и закладом и, наконец, с сырцовым или кирпичным склепом. То есть, они ничем не отличаются от раскопанных В.А. Городцовым.

В 1993-1998 гг. Маджарская экспедиция кафедры археологии МГУ проводила работы на правом берегу р. Кумы. Именно эта часть городища называлась Городцовым «кирки». На полях была исследована довольно густо заселенная часть ремесленного квартала. Наиболее интересным объектом здесь был жилой дом, планировку которого удалось проследить полностью. Дом был квадратным в плане с каркасными дощатыми стенами, обмазанными глиной. Он был разделен стеной на два помещения: жилое – с очагом, каном и двумя суфами, и меньшее, хозяйственное, с двумя по-

⁴ Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. // Труды XIV археологического съезда. М., 1911.

⁵ Ртвеладзе Э.В. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар // СА. 1970. №3; Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. 1972. № 3.

⁶ Зиливинская Э.Д. Археологические работы на городище Маджары в 1989-91 гг. и 1993 г. // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.

гребками для хранения продуктов. То есть, дом имел такую же планировку, как два дома, раскопанные В.А. Городцовым. Рядом с этим домом находились еще два, худшей сохранности. Кроме жилых построек были вскрыты многочисленные ямы, богатые вещевым материалом. В одной из них был найден небольшой клад из 17 серебряных монет периода Токты (710 гг. х.), Джанибека (740-750 гг. х.) и Кульны (760-е гг. х.). На этом же поле находились остатки производственных комплексов.

Дальнейшие раскопки велись в том же районе, на самом берегу Кумы. На одном раскопе были вскрыты остатки крупного многокомнатного здания из сырца. Сооружение подверглось нескольким перестройкам. Оно датируется 20-40 гг. XIV в.⁷ Недалеко от этого здания были обнаружены остатки общественной бани, юго-западная часть которой разрушена обвалом берега Кумы. Баня не была раскопана полностью, поэтому говорить о ее планировке можно лишь приблизительно. Она состояла из прямоугольных в плане помещений, расположенных в два ряда. Всего вскрыто частично и полностью пять таких помещений. Стены их, сложенные из обожженного кирпича на глиняном растворе, были почти полностью разобраны. Баня имела типичную для Золотой Орды и других стран Востока систему подпольного отопления. Полы ее опирались на кирпичные столбики. Проходя между этими столбиками, горячий воздух из печи обогревал всю поверхность пола. Отапливалась баня цилиндрической печью, стенки которой сложены из обожженных кирпичей, а дно было заглублено относительно уровня материка. Печь соединялась с подпольным пространством при помощи жаропроводящих каналов. Стены и полы бани были покрыты известковым раствором, вода разводилась по керамическим трубам⁸.

Городище Верхний Джулат расположено на берегу Терека у «Эльхотовских ворот», в узком проходе, соединяющем Восточный Кавказ с Западным. В литературе этот памятник часто называют еще Татартупом⁹. Он привлекал внимание исследователей, во многом, благодаря сохранившемуся до недавнего времени Татартупскому минарету. В конце XVIII в. городище было подробно описано А.И. Гюльденштедтом, который мог наблюдать не только минарет, но и остатки мечети при нем, а также развалины другого, меньшего минарета и двух христианских церквей¹⁰. Систематическое обследование памятника было начато в 1958 г. Северо-Кавказской экспедицией под руководством Е.И. Крупнова. Раскопки показали, что золотоордынский город возник на месте длительно существовавшего аланского поселения. В монгольское время он стал крупным центром культуры, ремесел и торговли.

Татартупский минарет, принеший известность памятнику, состоял из прямоугольного в плане (3,55 x 4,25 м) цоколя, на котором стоял ствол конической формы¹¹. Ствол расчленялся двойным сталактитовым поясом, который раньше поддерживал балкончик для муэдзина и был украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых являлся сталактитовый. Прямо под ним шли две полосы бирюзовых поливных дисков, чередующихся с кирпичными ромбиками. Между ними располагался орнаментальный пояс, подражающий куфической надписи. Верх ствола также украшен фигурной кирпичной кладкой. Высота минарета составляла 20,8 м. Татартупский минарет относился к Большой мечети Верхнего Джулата, но стоял отдельно от нее.

⁷ Зиливинская Э.Д. Работы на городище Маджары в Ставропольском крае // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX "Крупновские чтения". М., 1996.

⁸ Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С. 194-196.

⁹ Кокиев Г. Некоторые исторические сведения о городищах Татартуп и Джулата // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1929. Т. 2; Семенов Л.С. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.

¹⁰ Guldenstadt J.A. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge. SPb., 1787. В.1. S.503-508.

¹¹ Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114. С. 69-78.

Большая соборная мечеть сохранилась на две трети¹². Вытянутое с запада на восток прямоугольное здание имело размеры 22,8 × 11,4 м. Стены его были сложены из подтесанных камней, обожженного кирпича и блоков песчаника, пол фигурно вымощен крупными кирпичными плитами, обычным кирпичом и булыжниками. Часть плит пола имела на поверхности голубую поливу. Поливными изразцами был украшен пол михраба и, вероятно, его стенки. Колонны, поддерживавшие перекрытия, скорее всего, были деревянными и не сохранились. В целом планировка Большой мечети вполне типична для Золотой Орды, несколько необычно только то, что здание вытянуто в широтном направлении, а не в меридиональном, как большинство других мечетей¹³.

Примерно в 250 м к юго-западу от нее была обнаружена еще одна мечеть меньших размеров¹⁴. Малая мечеть была ориентирована длинной осью в меридиональном направлении и имела размеры 9,8 × 6,6 м. Внутри пространства мечети находились остатки шести квадратных устоев, которые расположены в углах помещения и посередине восточной и западной его стен. Вероятно, они служили для опоры двух куполов, перекрывавших здание. У северо-восточного угла был пристроен кубический цоколь минарета.

В том же районе города был раскопан христианский храм в виде небольшого (7,7 × 5,6 м) прямоугольного бесстолпного здания с одной апсидой. В дальнейшем к церкви был пристроен еще один придел также с апсидой. Под алтарем церкви находилась квадратная в плане крипта с купольным перекрытием¹⁵. Скорее всего, этот храм с полностью сохранившимися стенами и крышей видел Гюльденштедт¹⁶. Возле Большой мечети Верхнего Джулата и внутри христианского храма находились погребения, анализ черепов из которых, позволил сделать вывод о европеоидности населения города¹⁷. В 1960-1963 гг. были раскопаны мавзолей XIV в., две христианские церкви, жилой дом с хозяйственными сооружениями, большое количество мусульманских и христианских погребений. В.А. Кузнецов в 1976-1977 гг. нашел одноапсидную церковь и рядом с ней – склеп XIV в.¹⁸

Городище Нижний Джулат расположено на стыке плоскостной и предгорной зон в северной части Кабардино-Балкарии, недалеко от г. Майский, на высоком правом берегу р. Терек. Впервые городище было осмотрено академиком Ю. Клапротом в 1807 г. В своих записках он написал о Джулате, как о древнем городе, который, по Дербент-намэ, существовал уже во II веке хиджры. Он также дал краткое описание руин мечети и минарета и многочисленных погребений вокруг них¹⁹. Остальные исследователи опирались, в основном, на эти данные.

Стационарные раскопки Нижнего Джулата проводились в 60-е годы XX в. экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института под руководством Г.И. Ионе и И.М. Чеченова. Раскопки были заложены на цитадели городища и затронули преимущественно самые поздние слои существования города. Здесь была раскопана самая большая на Северном Кавказе соборная мечеть²⁰. Мечеть представляла собой прямоугольную в плане постройку размерами примерно

¹² Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114. С. 66-87.

¹³ Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. I.

¹⁴ Милорадович О.В. Указ. соч. С. 66-69.

¹⁵ Крупнов Е.И. Христианский храм на городище Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.

¹⁶ Guldenstadt J.A. Ibid. S. 503-508; Крупнов Е.И. Ук. соч. С. 61.

¹⁷ Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. 1963. № 114.

¹⁸ Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003. С.136-146.

¹⁹ Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Berlin u. Halle, 1812-1814. В. I. S. 430, 539, В. II, S. 359.

²⁰ Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

25,7 × 17,65 м. Внутреннее пространство ее было разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн. Колонны стояли на круглых каменных базах и были, вероятно, сделаны из дерева. Пол мечети был вымощен кирпичом, михраб не сохранился. Центральный вход в мечеть был обрамлен порталом. Минарет, от которого до наших дней дошел только прямоугольный в плане цоколь, был пристроен вплотную к северной стене у северо-восточного угла здания.

Интересным сооружением, найденным в пределах мечети, являлся подземный склеп-мавзолей²¹. Склеп находился ниже уровня пола мечети. С восточной стороны в него вел узкий коридор с восемью ступенями. Основное помещение склепа было квадратным в плане размерами примерно 2 × 2 м. Во всех четырех стенах были сделаны ниши стрельчатого очертания. Склеп был перекрыт восьмигранным куполом. Стены склепа изнутри покрыты белым известковым раствором. На полу находились пять погребенных, часть из которых лежала в деревянных гробах.

Раскопы, заложенные в цитадели, средней, укрепленной части городища, в районе рва и вала, дали обильный и разнообразный материал, свидетельствующий об интенсивной и разносторонней деятельности на городище в течение полутора тысяч лет (от I в. до н.э. до XIV в.). На цитадели общая толщина культурного слоя достигала 3,5 м, причем около 1 м приходится на золотоордынское время. Интересные выводы о политической жизни Нижнего Джулата были сделаны на основе исследования вала цитадели. Воздвигнутый в домонгольское время вал подвергся погрому во 2-й пол. XIII в. В начале XIV в. он был восстановлен и достроен. Последнее разрушение укреплений цитадели, возможно, связано с нашествием Тимура и относится к концу XIV в.²² В ремесленной части города были раскопаны остатки жилищ, юрт, многочисленные хозяйственные ямы и производственные комплексы. Данные этих исследований позволили составить представление о занятиях населения земледелием, скотоводством, развитии различных ремесел²³.

Таким образом, несмотря на относительно небольшой объем раскопок на золотоордынских памятниках Северного Кавказа, они дали довольно интересные результаты. Были исследованы памятники монументального зодчества Золотой Орды, получены данные по погребальному обряду, собран богатый вещевой и нумизматический материал. На основании проведенных исследований можно говорить о том, что на Кавказе в XIII-XIV вв. существовало три типа городов. Два из них (Верхний и Нижний Джулаты) продолжали существовать на аланских поселениях более раннего времени. В том случае, если аланское поселение имело четко выраженную структуру (цитадель, укрепленная торгово-ремесленная часть и открытое селище), то она сохранялась и в золотоордынское время. Города третьего типа (Маджар), как и все степные города Золотой Орды, были построены на «пустом» месте, не имели укреплений и столь четкого членения на части. Возникнув как скопление отдельных усадеб, они плавно перетекали в сельскохозяйственную округу, достигая значительных размеров. Однако следует также отметить, что золотоордынская тематика на Северном Кавказе не является достаточно разработанной. Плохо обстоит дело и с публикациями. Пока нет ни одной общей работы, посвященной памятникам Золотой Орды этого региона, далеко не все материалы раскопок обработаны и опубликованы.

И, наконец, хотелось бы остановиться на проблеме охраны золотоордынских памятников в XX в. Если в 50-е гг. на всех упомянутых городищах, еще прослеживалась топография, то в настоящее время их можно считать практически полностью разрушенными. Верхний Джулат перерезан шоссейной дорогой и поврежден карье-

²¹ Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004.

²² Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV.

²³ Чеченов И.М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. Вып. I.

ром. Достаточно отметить тот факт, что совсем недавно, несмотря на реставрационные работы, рухнул знаменитый Татартупский минарет, простоявший почти не разрушенным с XIV века. Раскопки на Нижнем Джулате также были проведены для спасения городища от работ по выборке глины. В настоящее время через ремесленные кварталы городища и могильник проложена шоссейная дорога, а сохранившаяся часть городища несколько лет назад служила полигоном для мотоциклистов. Левобережная часть Маджара застроена и продолжает застраиваться городскими кварталами, а на правом берегу Кумы в 60-е гг. XX в. была сделана планировка, проложена ирригационная система и проведена глубокая вспашка под посадку садов и виноградников.

В связи с этим хотелось бы вспомнить горькие размышления В.А. Городцова, к которым он пришел, исследуя развалины Маджара около ста лет тому назад и остающиеся актуальными и поныне: «Интересно заметить, что пока эти здания, борясь со всеми невзгодами времени, гордо поднимались над поверхностью почвы, до тех пор, по видимому, никому не приходила мысль о серьезном научном исследовании их. Но как только последние из них были совершенно уничтожены, то тотчас же раздались голоса в пользу крайней необходимости научных исследований интереснейших остатков, как будто бы эти научные исследования, пользуясь с громадным трудом добытыми отдельными обломками, могут восстановить лучше форму целого, безжалостно уничтоженного чуть не вчерашний день; как будто бы археолог по открытому им фундаменту в силах лучше восстановить все детали минарета... или точнее определить границы могильника еще недавно обставленного памятниками, покрытыми надписями, точно указывающими не только могильники, но и отдельные могилы. При воззваниях к исследованию теперь очень жалких остатков Маджар, невольно вспоминается русская пословица: «Что имеем – не храним; потерявши – плачем»²⁴.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия (сборник; Москва)

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук (Москва)

КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно – исследовательский институт

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология (сборник, журнал)

THE GOLDEN HORDE CITIES IN THE NORTH CAUCASUS FROM THE ARCHAEOLOGICAL RECORD

E.D. ZILIVINSKAYA

*Institute of Ethnology and
Anthropology,
Russian Academy of Sciences*

e-mail: eziliv@mail.ru

The paper deals with the main Golden Horde habitation sites in the North Caucasus. The city of Majar founded in the 14th century A.D. at the junction of trade routes as a major administrative centre is akin to the Golden Horde cities of the Lower Volga area. The city of Upper Julat emerged on the site of a long-lasting Alan settlement having no clear-cut structure. The Lower Julat situated on the site of an Alan city adopted the tripartite structure of the latter. The sites under study have yielded mosques, a minaret, Christian temples, a public bathhouse, various living quarters, a mausoleum and a number of burials. The analysis of structural traits of the cities enabled us to divide them into three types.

Key words: Alan sites, Golden Horde cities, urban structure, mosques, minarets, Christian temples, bathhouses with subterranean heating, mausoleum, burials.

²⁴ Городцов В.А. Указ. соч. С. 165.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ЭЛИТАХ «ОРДЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА» (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИВОНСКИХ ЛАНДАТГОВ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI ВВ.)*

М.Б. БЕССУДНОВА

*Литецкий
государственный
педагогический
университет*

e-mail: magistr-59@mail.ru

Исследование посвящено поиску дополнительных дефиниций «орденского государства». Автор исходит из мысли, что его типологические особенности определяются не только характером государственных структур, но и спецификой социального антуража, особенно его правящих элит. Отстраненность эстонского рыцарства, наиболее политически активного элитарного подразделения Ливонии, от высших государственных должностей, замещаемых исключительно рыцарями ордена, способствовала развитию в этой среде индифферентного отношения к общегосударственным проблемам, которое проявилось на ландтагах рубежа XV-XVI вв.

Ключевые слова: Ливонский орден, «орденское государство», элиты, рыцарство, ландтаг.

Социально-политическая тематика занимает одно из первых мест в историографии средневековой Ливонии. У истоков традиции стояли прибалтийские историки XIX – нач. XX в., чьи усилия сосредотачивались на сохранении правовых основ остзейской автономии, представленных комплексом дворянских и бюргерских привилегий. Рыцарство «Старой Ливонии», представленное ленниками Ливонского ордена, рижского архиепископа, епископов Дерпта (Тарту), Курляндии и эзель-викской (саарелянской) епархии стало поэтому одним из основных объектов исследования. Публикация документов по рыцарскому землевладению, истории Ливонии, Эстонии, Курляндии и рецессов (протокольных записей) ливонских ландтагов¹ создали на рубеже XIX-XX вв. прекрасную базу для изучения темы², однако с 30-х гг. XX в. интерес к прибалтийской знати немецкого происхождения притупляется. Долгое время он проявлял себя лишь в кругу прибалтийских немцев, эмигрировавших в Германию³.

Между тем изучение рыцарства средневековой Ливонии далеко не исчерпано. Немецко-прибалтийские историки представляли себе рыцарство социальным «организмом», взаимодействовавшим с горожанами, крестьянами или же с «властью» (государством)⁴. Между тем в условиях Ливонии речь шла не просто о государстве, а о «государстве орденском», которое занимало свыше 67% ее территории и являлось лидером ливонского государственного сообщества. «Орденские государства» (Ordensstaaten) Немецкого (Тевтонского) ордена в Пруссии и Ливонии, представляли собой особый тип средневековой государственности. Его формообразующим элементом являлся духовно-рыцарский орден. Обладая структурами, характерными для го-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а/Э.

¹ Est- und Livländische Briefflade. Abt.1. Reval, 1856-1857; Curländische Güter-Chronik. Mitau, 1856-1894; Kurländische Güter-Chronik. Bd.1. Mitau, 1895; Neue Kurländische Güter-Chroniken. Mitau, 1900-1905; Livländische Güter-Urkunde. Riga, 1908; Liv-, Est- und Kurländische Urkundenbuch. Abt. 2 (LEKUB 2). 3 Bd. Riga, Moskau, 1900-1914; Akten und Rezesse der livländischen Ständetage (AR). Abt. 3. Riga, 1910.

² Fahne A. Livland und seine Geschlechter. Köln, 1875-1876; Gernet A. Forschungen zur Geschichte des baltischen Adels. 2 Bd. Reval, 1893-1895; Transehe-Roseneck A. Zur Geschichte des Lehenwesens in Livland // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 18. Riga, 1908; Švābe A. Grundriß der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928.

³ Mühlen H. v. zur. Tiesenhausen, Vassalengeschlecht in Livland // Lexikon des Mittelalters. Bd. 8. 1997; Paravicini W. Zeitenwende. Edelleute aus dem Ordensland Preußen und Livland im Westeuropa des 15. Jahrhunderts // Reich, Regionen und Europa im Mittelalter und Neuzeit. Berlin, 2000.

⁴ Schirren K. Walter von Plettenberg. Riga, 1908.

сударств Нового времени – постоянным войском и централизованной хозяйственно-административной организацией, – он сохранял одновременно прерогативы феодального «земского правителя» – ландсгерра и мог взамен мира и справедливости, которые он гарантировал своим подданным, рассчитывать на исполнение ими разного рода повинностей. Сочетание столь разных проявлений этатизма, усиленное идеологической составляющей, и сообщало «орденскому государству» ту уникальность, которая выделяет его в ряду средневековых государств.

Специфика ордена проявлялась не только в институтах власти, но и в характере социального антуража. Там отсутствовала среда, к которой применимо понятие «аристократия» и которая идентифицируется наличием комплекса этико-поведенческих характеристик, дающих право на власть.

Основа социальной организации средневековой Ливонии⁵ возникла в XIII в., в эпоху военно-колониционного освоения немцами Восточной Прибалтики. Социальное размежевание ее населения производилось тогда, главным образом, по этно-конфессиональным признакам. Немецкая община воспринималась как гомогенная среда, объединявшая «всех людей христианского имени» (allen Menschen christlichen Namen) или просто «наших» (nostros), что затрудняет вычленение в общей массе крестоносцев и колонистов благородного элемента⁶. Активное участие немецкого рыцарства в завоевании Восточной Прибалтики угадывается по прекрасной военной подготовке и техническому оснащению крестоносцев⁷, а также по той сноровке, которую духовно-рыцарские ордена – Орден меченосцев (1202-1237) и Ливонский орден (1237-1561), – проявили при обустройстве замков и замковых округов (Gebieten). Во всем этом отчетливо ощущается административный и военный опыт имперских министериалов, которые использовались средневековыми немецкими государями в качестве военных слуг, солдат гарнизонов и управленцев низшего и среднего звена. Подавляющее большинство рыцарей ордена и ливонских вассалов происходили именно из этой среды⁸, а потому не могли похвастаться ни знатностью происхождения, ни титулами, ни богатством, ни образованностью, ни причастностью к куртуазной рыцарской культуре, – словом, всем тем, что в эпоху Высокого Средневековья служило атрибутикой аристократизма.

Отсутствие в Ливонии природного аристократического элемента восполнялось наличием элит иного рода – в первую очередь, рыцарями ордена, вернее, теми из них, кто имел отношение к властным структурам «орденского государства». Присутствие ордена в качестве «коллективного государя» определило специфический характер социального размежевания ливонского общества – не между «благородными» и «неблагородными», а между рыцарями ордена и всеми категориями его подданных, включая вассалов немецкого происхождения. Даже самый богатый и влиятельный вассал величался не иначе, как «любезный верный» (liebe getreuwe), в то время за рыцарями ордена с XIV в. закрепилось звание «господа» (heren)⁹. Многофункциональные административные структуры «орденского государства» предлагали широкий спектр возможностей для жизненного обустройства выходцев из рыцарских семейств Германии, которые рассматривали государственные должности как средство обеспечения собственных материальных и социальных запросов. Угроза перенасыщения ордена рыцарскими кадрами заставила руководство ордена осуществ-

⁵ Angermann N. Livland im ausgehenden Mittelalter // Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands. Lüneburg, 1985. S. 9-21.

⁶ Бессуднова М.Б. Рыцарство средневековой Ливонии // Одиссей. Человек в истории. М., 2004. С. 86.

⁷ Mugurevič E. Die militärische Tätigkeit des Schwertbüderordens (1202-1236) // Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter. Toruń, 1991. S. 125-132.

⁸ Neitmann S. Von der Grafschaft Mark nach Livland. Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschorde. Köln, Weimar, Wien, 1993.

⁹ Бессуднова М.Б. Рыцарство средневековой Ливонии. С. 84-97.

лять жесткую регламентацию, вследствие чего звание братьев-рыцарей Ливонского ордена было прочно зарезервировано за дворянами из Вестфалии¹⁰. Это обстоятельство содействовало отмежеванию членов ордена от его немецких вассалов, для которых доступ в орден оказался закрыт.

Среди вассалов Ливонского ордена особую группу составляли ленники эстонских областей Гаррия (Харьюмаа) и Вирлянд (Вирумаа), которые выделялись своей экономической состоятельностью и политической активностью. Становление этого сословия происходило в период датского владычества над Эстонией, XIII – 1 пол. XIV в., когда датские короли наряду с земельными владениями жаловали своим вассалам различные привилегии, образовавшие основу местного феодального права. В 1347 г. Дания уступила Эстонию Немецкому ордену, чьим полномочным представителем в Эстонии считался ливонский магистр. Руководство ордена не покушалось на привилегии эстонских вассалов, а потому на протяжении XIV-XV вв. эстонское рыцарство смогло не только сохранить, но и приумножить свое положение. Сконцентрировав в своих руках значительную часть земельного фонда, оно стало играть ведущую роль в экспорте сельскохозяйственной продукции, прибыль от которого позволяла ему обзаводиться собственными военными отрядами и замками, что вкупе с правовой обеспеченностью дало им заметные позиции в местном управлении и на ливонских ландтагах.

Таким образом, ливонское «орденское государство» имело, по сути дела, два элитарных образования. Одно из них – орденское братство, возглавляемое краевыми магистрами, обладало прерогативами ландсгерра; второе – гаррийско-вирляндское рыцарство занимало исключительное положение в силу обладания земельной собственностью и привилегиями. Их взаимоотношения осуществлялись в условиях нарастающей конфронтации, особенно в XV в., когда ареной политических баталий стал ливонский ландтаг. Будучи органом сословного представительства (*gemeiner Landtag, generalis congregation prelatorum, praeseptorum ordinis nostri, nobelium et communitatum terrarium Livoniae*), ландтаг возник как объединение всех оппозиционных ордену политических сил, но в конечном итоге стал формой своеобразного сотрудничества ландсгерров и «сословий»¹¹. Поведение эстонских вассалов ордена на ландтагах весьма показательно, а потому его можно использовать для идентификации данного социального анклава. Его природа проявляла себя наиболее отчетливо в нестандартных, конфликтных ситуациях, когда велось обсуждение щепетильных вопросов, не предполагавших компромиссных решений. Интересы сословия, защищаемые на ландтаге в ходе оживленных дебатов его представителями, выступают чрезвычайно рельефно. Особенно часто такие ситуации имели место на рубеже XV и XVI вв. в условиях разгоравшегося конфликта Ливонии с Московским государством.

В отечественной историографии ответственность за эскалацию напряженности в Восточной Прибалтике традиционно возлагается на Ливонский орден и его магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494-1535)¹², хотя положение ордена, как и самой Ливонии, пережившей во 2-й половине столетия серию политических и экономических кризисов, было далеко не блестящим¹³. При таких обстоятельствах война с таким сильным противником, как Московское государство, было для Ливонии крайне нежелательной, во всяком случае, для такого умного и осторожного политика, каким

¹⁰ Neitmann S. Westfalen als Rekrutierungsgebiet des Deutschen Ordens in Livland // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland. Lüneburg, 2001. S. 113-128.

¹¹ Misāns I. Wolter von Plettenberg und der livländische Landtag // Wolter von Plettenberg. S. 55.

¹² Базилевич В. К. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV в. М., 1952; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.

¹³ Бессуднова М.Б. Ливонский орден в конце XV века: миф и реальность // История общественного сознания: становление и эволюция. Воронеж, 2008. С. 54-58.

был магистр Ливонского ордена¹⁴. Вместе с тем на нем лежал основной груз ответственности за обороноспособность страны, и поэтому ухудшение отношений с Москвой, сопровождавшееся концентрацией русских войск близ русско-ливонской границы, вооруженными набегами на ливонские земли, а также бездействием великокняжеской администрации в Новгороде и Москве, чрезвычайно его беспокоило. Известие о закрытии в Великом Новгороде 6 ноября 1494 г. ганзейской конторы (Немецкого подворья) и аресте ганзейских купцов, после которых в Ливонии стали распространяться слухи о скором начале войны с Россией¹⁵, заставляло Плеттенберга обращаться – хотя и без ощутимого результата, – с просьбой о предоставлении Ливонии военной и финансовой помощи к верховному магистру, европейским государям и Ганзе¹⁶.

Проблема подготовки страны к обороне постоянно обсуждалась на ландтагах предвоенных лет (1494-1500) и во время русско-ливонской войны 1501-1503 гг. Первый из них был созван магистром Плеттенбергом в марте 1495 г. в города Вальке (Валка/Валга) и прошел относительно спокойно¹⁷, однако уже следующий (3-6 июля 1498 г.) оказался напряженнее. В феврале этого года провалом закончились русско-ливонские переговоры в Нарве, после чего, начиная с апреля, ливонская территория стала подвергаться нападениям русских вооруженных отрядов¹⁸. Война с Московским государством приближалась, а помощи из Европы не было. Руководство Немецкого ордена после того, как орден потерпел поражение в Валахии, само нуждалось в помощи¹⁹; из всех ганзейских городов только Любек и вендские города согласились оказать Ливонии материальную поддержку²⁰; император Максимилиан Габсбург всячески затягивал решение вопроса об отчислениях в пользу Ливонии из имперской казны²¹, – словом, к концу 90-х годов Плеттенбергу стало ясно, что в предстоящей войне Ливонии надлежит рассчитывать только на себя, и в его сознании сформировалась идея укрепления военного потенциала страны посредством мобилизации ее внутренних ресурсов.

Эту идею магистр и вынес на обсуждение ландтага. 5 июля он лично выступил перед представителями сословий с речью, в которой сообщил собравшимся о пограничных инцидентах, нападениях русских на ливонские земли, о тревожных донесениях лазутчиков и передал содержание оскорбительного письма, полученного им из Пскова²². В своем выступлении магистр сделал особый упор на необходимости не только опосредованного, через выплату определенной денежной квоты, но и личного участия каждого ливонца в обороне страны. Он воспротивился введению денежной компенсации в 20 марок, которые следовало платить землевладельцу за каждого недопоставленного рекрута, заметив при этом, что «одними лишь деньгами противника отразить нельзя»²³. И хотя обращение магистра было адресовано исключительно ливонским немцам и не касалось представителей коренного населения, «ненемцев» (Undeutsche), это было первым случаем, когда один из ливонских государей, обращаясь к подданным, взывал не к долгу вассала в отношении своего сеньора, а к патриотическим чувствам «ливонской нации».

Однако, как оказалось, ливонские сословия были не в состоянии воспринять подобную идею. Против самой идеи долевого участия в подготовке страны к обороне

¹⁴ Бессуднова М.Б. «Осторожная мудрость» Вольтера фон Плеттенберга: о соотношении консерватизма и новаторства во внутренней политике магистра Ливонского ордена в начале XVI в. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 9. Воронеж, 2004. С. 157-174.

¹⁵ LEKUB 2. Bd. 1. № 83.

¹⁶ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. 1494-1514. Marburg, 1929. S. 1-20.

¹⁷ AR. № 2. § 2. S. 3.

¹⁸ AR. № 10, § 16.

¹⁹ LEKUB 2. Bd.1. № 624, 625, 644,

²⁰ LEKUB 2. Bd.1. № 680.

²¹ LEKUB 2. Bd.1. № 599, 605, 611, 624, 701.

²² AR. № 10, § 16.

²³ AR. № 10. § 13, S. 13.

никто не возражал, но вот размеры квот, как свидетельствует содержание протокола (рецесса), вызвали оживленные дебаты. Рыцарство, со своей стороны, было крайне озабочено неизбежной при рекрутских наборах нехваткой рабочих рук в поместьях, и по этой причине между двумя его фракциями, эстонской и латгальской, начались прения. Латгальцы требовали при определении числа рекрутов, поставляемых помещиками, учитывать богатство гаррийско-вирляндских вассалов и большую населенность их поместий и в конечном итоге добились своего. Согласно постановлению ландтага, они должны отдавать в войско каждого 20-го из принадлежащих им крестьян, в то время как гаррийцы и вирляндцы отдавали каждого 15-го²⁴. Впрочем, рыцари выступили единым фронтом против городов, настаивая, чтобы их собственное участие в выплате военного налога исчислялось меньшей суммой на том основании, что война грозит Ливонии из-за городов – из-за закрытия ганзейской конторы в Новгороде в 1494 г.²⁵. В итоге утвержденная ландтагом сумма военного налога оказалась в 4-6 раз ниже той, на которую рассчитывал магистр, и ее явно не хватало для покрытия предстоящих расходов²⁶.

В немецко-прибалтийской историографии события, связанные с ландтагом 1498 г., воспринимались восторженно, а Плеттенберг представлялся «рыцарственным защитником Ливонии», который сумел объединить ливонскую «нацию» на разгром врага²⁷. Подобные заключения, однако, мало соответствовали действительности. Межсловные и внутрисловные противоречия, которые четко обозначились на ландтаге 1498 г., оказались слишком сильны, и в канун русско-ливонской войны магистру не удалось вызвать в Ливонии массового патриотического порыва. На словенном собрании вассалов Эстонии (мантаге), состоявшемся вскоре после окончания работы ландтага, принятые им решения были ратифицированы. Однако собравшиеся там представители гаррийско-вирляндского рыцарства не преминули заметить, что магистру следует подумать о скорейшем возвращении мобилизованных крестьян их владельцам²⁸. Недовольство от потери рабочих рук, которое испытывали рыцари Эстонии, проявило себя впоследствии не раз. Когда, к примеру, в 1501 г. Плеттенберг, заключив союз с великим князем Литовским Александром (1492-1506), начал готовиться к войне с Московским государством, эстонские вассалы ордена заявили ему, что «сами они пашню не обрабатывают, а значит, не смогут последовать за господином магистром в поход, когда это станет необходимо, поскольку в этом случае они не сберегут своих крестьян»²⁹. Озабоченность рыцарей нехваткой рабочих рук в их поместьях дополнялась их откровенным нежеланием выполнять долг вассала и, отправляясь на войну, оставлять без хозяйского надзора свои земли. Содержание рецессов, таким образом, свидетельствует об утрате эстонским рыцарством признаков военного сословия и об окончательном превращении его в сословие землевладельцев, использующих свои земли и принадлежащих им крепостных для развития фольварочного хозяйства.

С началом русско-ливонской войны недовольство вассалов стало стремительно нарастать. Поход на Псковщину, предпринятый Плеттенбергом в конце лета 1501 г. «*cum tota terra Livonica*»³⁰, оторвал вассалов от их поместий и в буквальном смысле их обезлюдил. Так, по сообщению комтура Феллина (Вильянди) Дельвига, штатгальтера магистра на время его отсутствия, в конце лета – т.е. в период жатвы, –

²⁴ AR. № 10. § 18.

²⁵ AR. № 10. §§ 12, 13, 15. S. 12-13.

²⁶ AR. № 10. § 11.

²⁷ Rutenberg O. Geschichte von Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1860. Bd. 2. S. 281.

²⁸ AR. № 11. S. 16.

²⁹ LEKUB 2. Bd. 1. № 1023a.

³⁰ Бессуднова М.Б. Походы магистра Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2007. С. 157-184.

в округе Ревеля «было пусто, и в замках совсем никого не было»³¹. Кампания оказалась очень тяжелой. В сражении на реке Серице конница, в составе которой сражались вассалы ордена, попав под артиллерийский обстрел противника, понесла основные потери³². Позже многие участники похода погибли из-за распространившейся в войске эпидемии³³.

Детонация возмущения случилась все же несколько позже, после того как в ноябре-декабре того же 1501 г. по Ливонии от Мариенбурга (Алуксне) в сторону Ивангорода, разоряя все на своем пути и увозя большое количество пленных, прошли рейдом русские войска. Авторитет Плеттенберга, который на смог предотвратить нашествие, в те дни стремительно падал, и ему в глаза говорили, что, мол, пора думать о бегстве «за море»³⁴. Гаррийско-вирляндское рыцарство, чьи земли пострадали от вторжения неприятеля, от приглушенного недовольства перешли к открытому неповиновению. Они демонстративно отказались принять участие в ландтаге, который магистр созвал в январе 1502 г. для выработки программы по преодолению кризисной ситуации и укреплению обороны страны.

Обстановка, в которой проходила работа январского ландтага 1502 г., была крайне серьезной. По словам Р. Кентманн, «ливонское политическое сообщество находилось на грани краха»³⁵, и поведение гаррийско-вирляндских вассалов лишь осложняло ее. Их представителей на ландтаге не было, но это не означало, что они оставались полностью безучастными. Полномочный представитель верховного магистра Фридриха Саксонского комтур Мемеля Драхенфельс, которому было поручено присутствовать на ландтаге и составить для главы Немецкого ордена обзор происходящего, в своем отчете сообщал: «Капеллан архиепископа [рижского] сказал, что [люди] из Гаррии и Вирлянда на это собрание не придут и причина состоит в том, что они, якобы, не чувствуют себя защищаемыми магистром [Ливонского ордена]. Кроме этого, они не хотят ему повиноваться. Они не признают над собой никого, кроме верховного магистра Пруссии, которому они присягали и на которого возлагают всякие надежды. И они не хотят вновь отправляться с магистром [Плеттенбергом в поход] на врага, поскольку тогда они будут беззащитны. Защиты же они намерены требовать только от верховного магистра. Если же он не сможет их защитить, они намерены искать себе другого господина, например, короля Датского или Шведского»³⁶.

Драматизм происходящего Плеттенберг осознал в полной мере и в разговоре тем же комтуром Мемеля посетовал, что не знает, «как ему поступить с Гаррией и Вирляндом, поскольку они не подчиняются ему ни в чем и, как слышно, намереваются пропустить врага [русских] через свою территорию»³⁷. Посланец верховного магистра имел случай лично убедиться в обоснованности опасений Плеттенберга. Ему нанес визит «представитель Гаррии и Вирлянда, и не из простых [людей], а из самых важных (von den wegesten)», который просил комтура о посредничестве в общении между ним и верховным магистром. «Кроме того, он сказал, что по дружбе своей может предоставить [великому магистру] 3-4 сотни лошадей»³⁸. Этот щедрый посул анонимного визитера был сделан в то самое время, когда представители ливонских сословий во главе с магистром Плеттенбергом принимали решение об организации нового похода на русскую территорию, когда в Ливонии продолжало действовать распоряжение магистра о созыве ополчения, а вывоз верховых лошадей из страны был строго запрещен. Эта ситуация может служить прекрасной иллюстрацией того пре-

³¹ LEKUB 2. Bd. 2. № 160.

³² Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 8. Reval, 1861. S. 145-146.

³³ Ibidem. S. 146.

³⁴ LEKUB 2. Bd. 2. № 221.

³⁵ Kentmann R. Op. cit. S. 25.

³⁶ LEKUB 2. Bd. 2. № 230. S. 161.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

небрежения, с которым рыцарство Гаррии и Вирлянда относилось к Плеттенбергу. Правда, встреча закончилась безрезультатно; комтур Мемеля не стал усугублять положение – «мы все поняли и прекратили дальнейший разговор».

Угроза неповиновения приказам магистра и произвольный отказ от участия в военных действиях, которые исходили в тот момент от гаррийско-вирляндского дворянства, означали, в сущности, открытый фронт на севере страны, угрозу потери Нарвы, а может быть, и Ревеля. Переход же в подданство от иноземного государя мог обернуться потерей значительной части территории «орденского государства» вместе с теми же Ревелем и Нарвой и к конфликтом с Данией, что для Ливонии, в лучшем случае, означало потерю надежды на помощь этого государства в войне с Россией, а в худшем – губительную войну на два фронта. Но эстонских вассалов ордена, не выходящих за рамки сословной обособленности, это волновало мало. Они продолжали мыслить традиционными категориями, характерными для средневековых вассально-ленных отношений, в соответствии с которыми исполнение вассалом своего долга в отношении сеньора напрямую зависело от того, насколько эффективно последний осуществляет защиту его интересов. Плеттенберг в 1501-1502 гг. казался эстонскому рыцарству «плохим» ландсгерром, которого можно было поменять на другого, будь то верховный магистр, которому Гаррия и Вирлянд принадлежали юридически, или же другой иноземный государь. Попытка одного из лидеров рыцарской оппозиции наладить контакты с верховным магистром свидетельствует о серьезности подобных намерений.

Плеттенбергу в этой ситуации оставалось только успокоить своих строптивых подданных. Судя по размерам войска, с которым он предпринял очередной поход на Псковщину в августе-сентябре 1502 г. – его войско насчитывало всего 5 тыс. человек вместо 80 тыс., которые были у него в 1501 г.³⁹, – он отказался от тотальной мобилизации, хотя вербовка наемников и их содержание стоили ему невероятных усилий⁴⁰. Победа, одержанная им над русскими войсками 13 сентября у Смолинского озера близ Пскова, и начатые вслед за тем мирные переговоры укрепили его положение. После окончания войны Плеттенберг предпринял широкую раздачу ленов⁴¹. Ее можно было бы объяснить потребностью заполнить бреши, которые война оставила в среде орденских вассалов, однако практика передачи домениальных земель в ленные держания, начавшись в послевоенные годы, продолжалась и позже. Она на века сохранила память о себе в названии «Плеттенберговы гаки» («Plettenbergische Hacken») и позволяет говорить об определенном расчете этого умного политика, вызванном разными соображениями среди прочего – желанием умиротворить ту взрывоопасную среду, которую представляли собой эстонские вассалы ордена. Можно также добавить, что на ландтаге 1507 г. Плеттенберг поддержал предложение ливонских «сословий» освободить крестьян от военной службы, и отныне их участие в военных мероприятиях сводилось к выплате военного налога⁴².

Что же касается самих ландтагов, то уже в 1503 г. магистр разработал и применил практику предварительных совещаний, на которые он приглашал тех, в ком видел или ощущал потенциальных союзников, в первую очередь, представителей городов. На этих совещаниях у магистра вырабатывалась программа действий, рассматривались все сложные моменты, вносились необходимые коррективы. Результат не заставил себя ждать – уже с 1504 г. голос Плеттенберга на ландтагах стал определяющим⁴³.

³⁹ LEKUB 2. Bd. 2. № 191, 381.

⁴⁰ Бессуднова М.Б. Организация обороны Ливонии магистром Плеттенбергом в начальный период его правления (конец XV – начало XVI вв.) // Вехи минувшего. Вып. 2. Липецк, 2000. С. 228-234.

⁴¹ Бессуднова М.Б. Вассально-ленная система Ливонского ордена. С. 147-164.

⁴² Blumfeld E. Über Wehrpflicht der estischen Landesbevölkerung im Mittelalter // Apophoreta Tartuensia. Stockholm, 1949. S. 168.

⁴³ Misāns I. Op. cit. S. 60-61.

Таким образом, мы видим, что на ландтагах, которые проходили в крайне напряженный для «орденского государства», да и всей Ливонии период, гаррийско-вирляндское рыцарство, которое представляло собой одно из ее самых влиятельных и в экономическом и в политическом отношении социальных образований, проявило лишь малую заинтересованность в разрешении проблем общегосударственного значения. Причину тому, думается, следует искать не только в развитии барщинномызного хозяйства, с которым эстонское рыцарство связывало перспективы собственного благополучия, но и с особой формой его существования в системе «орденского государства».

Еще только предстоит ответить на вопрос, почему Немецкий орден так твердо придерживался порядка набора рыцарских кадров из Германии, но уже сейчас ясно, что следствием этой практики стала своеобразная дифференциация однотипного социального материала, представленного выходцами из вестфальских дворянских семейств, которые по прибытии в Ливонию распределялись на двух социальных уровнях – государя и его подданного. Не получил приемлемого объяснения пока и тот факт, что вассалы ордена против такого распределения не возражали и не требовали открыть для них доступ в ряды рыцарей ордена. Возможно, остроту момента притупляло то, что многие представители немецкого рыцарства в Ливонии имели в ордене своих родственников⁴⁴ и через них могли воздействовать на его политику.

Вместе с тем отсутствие перспективы проникновения в ряды власть предержащих и обретения высших государственных должностей способствовало тому, что к началу Нового времени эстонское рыцарство конституировалось в сословие землевладельческое. При этом оно не обрело способности мыслить государственными масштабами и продолжало воспринимать действительность через призму отживших свой век вассально-сеньориальных отношений. Оно не смогло преодолеть известной индифферентности в отношении государственных проблем, включая задачи по укреплению обороны страны, и вплоть до ликвидации ливонского «орденского государства» в 1562 г. оставалось самой влиятельной центробежной силой.

ABOUT SOCIAL ELITES OF AN «ORDER STATE» (ACCORDING TO THE MATERIALS OF LIVONIAN LANDTAGS AT THE TURN OF XV–XVI CENTURIES)

M.B. BESSUDNOVA

*Lipetsk State
Pedagogical
University*

e-mail: magistr-59@mail.ru

The purpose of this article is to seek for additional definitions of an «order state». The author proceeds from the assumption that the typological peculiarities of a state depend not only on the character of governmental institutions, but also on the specific nature of social entourage, primarily demonstrated by ruling elites. Estonian chivalry, the most politically active element of Livonia's elite, was not allowed to hold high governmental positions which within the boundaries of the «order state» were occupied only by the order's knights. This situation contributed to the growth of the chivalry's indifference towards country-wide problems that showed itself at Landtag meetings at the turn of XV–XVI centuries.

Key words: the Livonian Order, an «order state», elites, chivalry, Landtag.

⁴⁴ Arbusow L.-s. Nachtrag zu den im Deutschen Orden in Livland vertretenen Geschlechter // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. 1907/1908. Mitau, 1910. S. 33-64; Ritterbrüder im livländischen Zweig des Deutschen Ordens. Hg. v. L. Fenske und K. Militzer. Köln, 1993.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 30-Е ГГ. XX В. ПО ПРОБЛЕМАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.И. ДУДКА¹
Е.А. АНТОНОВ²

*Белгородский
государственный
университет*

¹ e-mail: dudka@bsu.edu.ru

В статье рассматривается вопрос о влиянии общественного мнения Великобритании, ведущих политических партий и движений на изменение приоритетов британской внешней политики в 30-е гг. XX в., накануне II мировой войны.

Ключевые слова: партии, Великобритания, внешняя политика.

Британские политические и общественные деятели гордились многовековыми традициями своей страны и устойчивостью ее социально-политических и экономических институтов. Сложившийся тип политической культуры, присущая им специфика мышления диктовали выработку внешнеполитической стратегии страны, задачей которой была защита всего комплекса национальных традиций и ценностей в 20-30-е гг. XX в.

Правящие политики Великобритании взяли на вооружение тактику противостояния чрезмерному укреплению любого из соперничающих государств, что полностью отвечало их желанию сохранить за собой традиционную позицию арбитра на европейском континенте.

После окончания Первой мировой войны Британская империя значительно увеличила свои возможности, получив под контроль более половины подмандатных Лиге наций территорий. Как отмечали руководители британского Форин оффис, Англия получила все, чего только желала, и теперь «единственная цель состоит в том, чтобы удержать то, чем мы располагаем, и жить в мире»¹. Этот тезис лег в основу британской внешнеполитической доктрины 20 – первой половины 30-х гг. Однако далеко не всегда мнения политиков о приоритетности задач, силах и средствах, которые следовало использовать для их реализации, совпадали.

С одной стороны, британские политики прилагали усилия для сохранения целостности сложного организма Содружества наций, объединявшего метрополию, колонии и подмандатные территории. Это прослеживается в решениях имперских конференций 20-х гг., подтверждается Вестминстерским статусом 1931 г., по которому метрополия и доминионы признавались «ни в каком отношении не подчиненными одно другому в каком бы то ни было аспекте их внутренних и внешних дел, хотя и объединялись общим подданством короне и свободно соединялись в качестве членов Британского Содружества наций»². С другой стороны, официальный Лондон, декларируя свою приверженность былому единству, в действительности заботился об упрочении собственных позиций. Однако в начале 30-х гг. Британская империя как единый организм фактически уже перестала существовать³. Провозглашая задачу сохранения имперского единства, британские правящие круги скорее стремились обезопасить собственные интересы и не допустить неконтролируемого развития событий на территории Содружества, прибегая к испытанным тезисам о «советской угрозе». Однако надуманность подобных построений нередко опровергали сами британские высокопоставленные чиновники. Министр по делам Индии В. Бенн в ответ

¹ Endicott S.L. *Diplomacy and enterprise: British China Policy.1933-1937.* Manch-Vancouver, 1975. P. 52.

² Baldwin S. *Service of Our Lives.* L., 1937. P. 26.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 69. Оп. 18. Д. 34. Л.120.

на развернутую в газетах шумную кампанию по поводу участия советских агентов в революционных выступлениях в Индии, категорически заявлял: «...По имеющимся сведениям участие коминтерновских агентов в выступлениях в Индии не отмечено»⁴. В Комитете имперской обороны, ведавшем вопросами безопасности Содружества, в конце указанного десятилетия вероятность нападения на Афганистан признавалась возможной, на Индию – маловероятной, о советской же угрозе английским азиатским колониям как о реальности, перестали говорить вовсе⁵.

Необходимость одновременного решения различных внешнеполитических задач заставляла британских политиков увязывать их между собой. До начала десятилетия британские правящие круги не видели прямой угрозы Англии с континента, в свою очередь, стремясь избежать вовлечения в любой конфликт, и европейский – в первую очередь. Глава британского правительства С. Болдуин, выступая в 1935 г. на сессии Лиги наций, обратил внимание на опасность для мирового сообщества любого европейского конфликта, что свидетельствовало об осознании британскими политиками необходимости сохранения всеобщего мира и недопущения возникновения нового конфликта⁶.

В рамки внешнеполитической концепции Великобритании вполне укладывалось устойчиво-негативное отношение англичан к войне, поскольку она ориентировалась на сохранение стабильности и мирного развития континента, как главного условия существования собственной страны и мирового сообщества в целом.

На формирование внешнеполитической концепции Великобритании оказала огромное воздействие, как утверждает английский историк Е. Рансон, «горькая память о Первой мировой войне с ее ужасными списками потерь и убеждение в том, что предвоенные переговоры с Францией втянули Великобританию в войну, которая вовсе не соответствовала ее интересам»⁷. В обществе широко распространилось мнение о потерянном поколении, поскольку была утрачена ее наиболее жизнеспособная часть, в первую очередь – интеллектуальная элита. Все это ярко описано в произведениях Голсуорси, Шоу, Олдингтона и других авторов⁸. С этого времени осуждение войны во всех ее проявлениях, дополненное желанием не допустить возможного кровопролития, стало едва ли не доминирующим мотивом в настроении общества, что позволяет объяснить причины ряда предпринимавшихся политиками шагов.

Существенным фактором внутриполитической жизни страны в начале 30-х гг. стал британский пацифизм. Антивоенные убеждения общества, выраженные в весьма действенной форме, наряду с другими обстоятельствами, отодвинули признание британскими стратегами приоритета обороны страны над социальными программами. На пацифистских воззрениях основывалась в значительной степени вера англичан в действенность Лиги наций. Убежденным пацифистом был возглавлявший в 1932–35 гг. одну из самых многочисленных и влиятельных британских партий – лейбористскую – Дж. Лансбери. Хотя официально партия никогда не занимала пацифистской позиции, идея создания международной организации, способной предотвратить новое кровопролитие, вполне отвечала убеждениям большинства лейбористов, особенно после вступления СССР в Лигу наций, в которой они видели реальную силу, способную противодействовать агрессии.

На наш взгляд, морально-этические убеждения англичан были не последним фактором, оказывавшим существенное влияние на формирование британской внешнеполитической концепции рассматриваемого периода.

Как показал анализ документов и материалов, германский вопрос пронизывал практически весь комплекс императивов британской внешней политики 30-х гг. Он был

⁴ АВП РФ. Ф.69. Оп. 18. Д.34. Л.120.

⁵ АВП РФ. Ф.69. Оп. 19. Д.23. Л.207.

⁶ АВП РФ. Ф.069. Оп. 19. Д.23. Л.201.

⁷ Аникин Г.В. Современный английский роман. Свердловск, 1971. С. 348.

⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. С. 35–36.

порожден Версальско-Вашингтонской системой, к созданию и сохранению которой английские правящие круги, как известно, имели самое непосредственное отношение.

В этих условиях на победителей легла ответственность за проведение более дальновидной политики. Как считал один из влиятельных британских политиков У. Черчилль, она должна была быть одновременно гибкой: «Во-первых, оставаясь сами достаточно хорошо вооруженными, они должны с неустанной бдительностью и твердостью проводить в жизнь статьи мирного договора, запрещающие возрождение мощи своего недавнего противника. Во-вторых, они должны сделать все, чтобы примирить побежденный народ с его участью, помогая своими благожелательными действиями побежденной стране достигнуть максимального благоденствия, а также всеми средствами стремиться заложить фундамент подлинной дружбы и общности интересов, дабы все меньше оставалось побудительных мотивов вновь обращаться к силе оружия»⁹.

Общие тенденции развития европейской ситуации в 20-е гг., усугубленные мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг., логично привели к появлению на политической сцене континента фашизма. Постепенное усиление национал-социализма в Германии и фашизма в Италии в начале 30-х гг., противостоящих как западному либерализму, так и советскому коммунизму, заключало в себе прямую угрозу европейской стабильности. Идеологическое и политическое противоборство европейских держав в определенной мере переносилось на британский политический лагерь.

Британские правительственные круги в рассматриваемый период предпочитали улаживать противоречия с фашистскими государствами путем соглашений, как за счет ревизии Версальской системы, так и за счет третьих стран. Уже на ранней стадии фашистской экспансии британское правительство предпринимало усилия по достижению подобной договоренности с Муссолини и Гитлером. Однако, как писала в октябре 1935 г. «Таймс», к лету – осени того же года мнение англичан в отношении фашистских режимов значительно изменилось и приобрело устойчиво негативную окраску¹⁰.

Пытаясь сохранить за собой роль арбитра в европейских спорах, демонстрируя «блеск власти, особенно в области морского могущества» и поддерживая ложное представление о собственной безопасности, Великобритания в 30-е гг. последовательно утрачивала влияние на континенте. «В то время как Германия активно перевооружалась, Великобритания бездействовала», – констатировали авторы коллективного труда «Британская империя как супердержава...»¹¹ Противодействие оппозиции перевооружению в стране было весьма ощутимым.

Одним из наиболее приемлемых подходов к решению проблем безопасности страны могло стать принятие британским правительством в качестве альтернативы перевооружению коллективной безопасности посредством Лиги наций, однако британские политики трактовали ее своеобразно. Среди политических деятелей, в первую очередь, из консервативного лагеря, существовало опасение ощутимого роста расходов на перевооружение при одновременном сокращении социальных программ. Между тем, преимущества в области вооружений и совершенствования приемов ведения войны, которыми обладала Великобритания в начале 30-х гг., переставали действовать в последующие годы. Однако, уже в 20-е гг. приобретало популярность в широких политических кругах мнения о Лиге как организации, обладающей исключительными возможностями для консультаций и развития международного общественного мнения, одновременно считая механизм устава гарантий от агрессии странам, подписавшим Устав, «не только не имеющим значения, но, безусловно, опасным»¹².

⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. С.27.

¹⁰ The Baldwin age. L., 1970. P.90.

¹¹ Hathorn-Hardy G. A Short History of International Affairs 1920-1939. L., 1950. 339 p.

¹² АВП РФ. Ф.69. Оп. 23. Д.3. Л.217.

Выступая 11 марта 1935 г. в палате общин в прениях по вопросу о военных расходах, консерватор Н. Чемберлен подчеркнул, что роль Лиги наций в организации системы коллективной безопасности могла быть весьма значимой при возникновении случайной войны. В случае иного характера войны, когда страна могла ее начать для удовлетворения каких-либо территориальных притязаний или из соображений национальной мести, позиции британского правительства были бы весьма уязвимыми¹³. Подобный подход свидетельствовал о росте озабоченности в обществе в связи с усилением реваншистских тенденций как в Европе, так и мире.

Не стоит упускать из внимания и так называемый «азиатский фактор»: рост агрессивности Японии в конце 20 – начале 30-х гг. создавал непосредственную угрозу британским имперским интересам в Азии, отвлекая определенные силы и средства.

Однако устойчивый антикоммунизм британских деятелей зачастую доминировал над пацифистскими убеждениями и здравым смыслом. Так консерватор У. Черчилль выступил против вмешательства Лиги наций в японо-китайский конфликт: «У Лиги много работы в Европе», а ее отношение к Японии «должно быть хорошо взвешенным, поскольку проблемы Китая необходимо оценивать сквозь призму его соседства с СССР». Аналогичные мысли высказал парламентарий-лейборист Дж. Лансбери, заявивший, что «было бы хорошо, если Россия и Япония займется друг другом на Дальнем Востоке, и тогда будет легче иметь дело с коммунистами в Европе»¹⁴. Подобное мнение можно расценивать в качестве еще одного аргумента в пользу признания приоритета британских интересов в политической деятельности надо всеми прочими, поскольку эта точка зрения принадлежала одному из лидеров влиятельной партии.

О наличии значительного числа депутатов, не поддерживавших официальную политику правительства в отношении Японии и Китая (ее активным сторонником был британский министр иностранных дел Дж. Саймон), свидетельствует полемика в парламенте, развернувшаяся 30 апреля 1934 г. Она была вызвана заявлением начальника информационного бюро МИД Японии о международной помощи Китаю и готовности его страны решительно препятствовать любому вмешательству в конфликт извне¹⁵. Влиятельный политический деятель лорд Р. Сессиль заметил по этому поводу, что японцы в своих действиях «идут все дальше и дальше... и скоро будут делать все, что захотят. Если Великобритания не займет более решительную позицию, то это приведет к тому, что Япония станет доминирующей силой в Китае, а затем и в Азии», со всеми вытекающими отсюда последствиями «для Англии, Лиги наций и всего мира»¹⁶. В этом мнении отразился подход наиболее реалистически мыслящей части британского общества, выступавшей за активное противодействие японской агрессии в Китае.

Отношение англичан к фашизму претерпело известную эволюцию, что также испытало воздействие общественного мнения. Восприятие в Великобритании фашистского режима в Италии первоначально существенно отличалось от восприятия германского. Итальянский фашизм в целом оценивался положительно, считался «итальянским режимом для итальянцев» и «продуктом итальянского мышления». Это мнение было преобладающим в британских политических кругах до конца 1933 г.¹⁷ Выдвинув свои дивизии к границе Австрии в 1934 г., Муссолини спас ее от аншлюса, подтвердив убеждение англичан в несовпадении интересов и целей германского и итальянского лидеров. Однако нападение Италии на Абиссинию в 1935 г. кардинально изменило восприятие режима дуче британским обществом и политиками.

¹³ The Times. 11.18.1933.

¹⁴ Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. London. Vol. 289. P. 13-14.

¹⁵ Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. 2-nd Ser. Vol. 9. P. 368.

¹⁶ АВП РФ. Ф.69. Оп. 17. Д.5. Л.1; The Times. 11.2.1933.

¹⁷ АВП РФ. Ф.69. Оп. 17. Д.17. Л.15.

Таким образом, изменение приоритетов британской политики в начале 30-х гг. произошло под влиянием различных факторов (отмена «Десятилетнего правила» военного планирования, неудачи Женевской конференции по разоружению, усиление реваншистских тенденций в Европе, рост японской угрозы и др.), а также под воздействием общественного мнения страны и внутривнутриполитической борьбы, в которой участвовали ведущие политические партии и движения страны 30-х гг.

TO QUESTION OF POLITICAL FIGHT IN GREAT BRITAIN IN 1930–1939 ON PROBLEMS OF FOREIGN POLICY

A.I. DUDKA¹⁾
E.A. ANTONOV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: dudka@bsu.edu.ru

The subject of this article is the influence of public opinion, leading political parties and movements of Great Britain on changes in British political priorities in 1930s.

Key words: Great Britain, parties, foreign policy.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАКАТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936–1939 ГГ.) КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. вызвала активную пропагандистскую войну, как в Европе, так и в самой стране. Этот аспект испанского конфликта почти не исследован в отечественной исторической науке.

Пропагандистское противостояние вокруг событий в Испании 1936–1939 гг. во многом способствовало формированию образа врага в европейском общественном мнении накануне Второй мировой войны. Одним из распространенных средств тогдашней пропаганды был плакат. Используя плакаты республиканского и франкистского лагерей как исторический источник, авторы анализируют формы и методы внутривизуальной пропаганды, выделяют графические, психологические, идеологические особенности их использования, прослеживают на конкретных примерах закономерности воздействия плаката на сознание с целью достижения пропагандистского эффекта.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании (1936–1939), пропаганда, плакаты, информационная война.

Н.Н. ФОМИЧЕВ¹
Н.З. БРОСОВА²

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: nfo_v@bsu.edu.ru

Пропаганду определяют обычно как «целенаправленное и систематическое стремление формировать восприятие, манипулировать знаниями и направлять поведение для достижения реакции, способствующей реализации желаемой пропагандистом цели»¹. Плакат – вид графики, броское изображение на крупном листе с лаконичным пояснительным текстом, выполняемое в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях. Плакат также может выступать средством политической пропаганды. Это происходит в том случае, когда он становится объектом приложения пропагандистского воздействия, т.е. целенаправленного распространения политических идей в обществе.

Пропаганда квалифицируется по средствам и формам конечного психологического восприятия: печатная, визуальная, аудиовизуальная, наглядная и другие формы. Плакат и листовка – яркие примеры визуальной пропаганды. Глаз, как известно, занимает особое место среди всех органов чувств: если принять за 100% всю информацию, которую воспринимает человек, то на долю зрения придется до 80% информации, получаемой организмом извне². Другой особенностью плаката (помимо эффективности воздействия на сознание) как объекта психологического воздействия является наличие на его основном поле броской надписи – девиза, призыва, констатации или иного положения с запросом на ответное действие. При этом пропагандистский эффект усиливается. Неотъемлемым качеством плаката можно назвать массовость. Это, в свою очередь, обеспечивает систематичность пропагандистского воздействия как одно из условий его успеха.

Пропаганда может существовать и в демократическом, и в авторитарном обществе, критерий свободы слова и мнений в данном случае – не решающий фактор. Пропаганда является фактом лишь в обществе информационном – общности индивидов, для которой информация становится товаром, и технические средства её распространения позволяют удовлетворять возросшие запросы адресатов. Корректно говорить о наличии пропаганды в европейских странах с начала складывания ин-

¹ Джоуэрт С., О'Доннел В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/prpaganda>

² [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://VIP.KM.RU>

формационного общества. Современные формы пропаганда постепенно приобретала по мере совершенствования средств подачи и обработки информации. Необычайный всплеск пропагандистского влияния в новейшее время характерен, прежде всего, для периодов острых катаклизмов – революций, войн, экономических и политических кризисов. Как отмечает исследователь политической мифологии Т. Евгеньева, «в периоды экономических кризисов, войн и революций – это, как правило, время небывалого взлёта архаических по своей природе образов, которые выстраиваются в систему образов-символов, как устойчивые элементы коллективного бессознательного – архетипы»³. Подобную тенденцию продемонстрировала первая мировая война 1914-1918 гг., сопровождавшаяся конфликтом идеологий гражданская война в России 1917-1922 гг., мировой экономической кризис 1929-1933 гг. и острые социальные конфликты в Европе и России, приведшие к установлению тоталитарных режимов в Германии, СССР, Италии и ряда авторитарных в Центральной и Восточной Европе. Следующим звеном этого процесса явилась Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. – «первая массовая информационная» война в истории. Она же стала и главным полем отработки ряда форм и методов пропаганды, решающим этапом столкновения идеологий до второй мировой войны.

Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. была вызвана сугубо внутренними причинами, но разгорелась она в условиях поляризованной Европы второй половины 1930-х гг. Интернационализация конфликта только усилила эту тенденцию. Активную помощь Республике оказывал СССР. Фашистская Италия и нацистская Германия приняли участие в вооружённой интервенции на стороне испанских националистов. Великобритания и Франция заняли позицию «невмешательства» в дела Испании (при реальной активной роли в испанском вопросе)⁴. Во многом подобная расстановка международных сил, при условии значительного влияния фактора интернационализации, способствовала поражению Республики в апреле 1939 г. и установлению в Испании авторитарного режима, находившегося у власти в стране вплоть до 1975 г.

При исследовании проблем пропаганды в Гражданской войне в Испании 1936-1939 гг. плакаты можно выделить как один из массовых источников. В настоящее время в широком доступе отсутствуют обобщающие альбомы испанских плакатов времён Гражданской войны 1936-1939 гг. Значительные возможности предоставляет Интернет, но часто электронные ресурсы способны обеспечить лишь фрагментарный, даже хаотичный и недостаточно систематизированный вариант ознакомления с плакатами и рисунками, без соответствующего информационного сопровождения. Большинство известных изображений было создано пропагандистами республиканского лагеря, что способствует некоторой односторонности их аналитического обобщения.

Все политические плакаты Республики времён гражданской войны можно подразделить на посвящённые внутрииспанским проблемам и событиям международным. Конечный адресат их мог находиться не обязательно внутри страны – многие графические произведения Республики обращены к народам Великобритании, Франции, СССР, всему мировому сообществу. Нами было рассмотрено и проанализировано свыше 90 плакатов испанской Республики и лагеря националистов 1936-1939 гг., выступающих в данном исследовании в качестве исторического источника.

Плакат как своеобразная «калька» исторических событий способен помочь более подробно изучить, как внутренние и внешние аспекты испанского конфликта, так и собственно пропаганду, как явление, выделить графические, психологические, идеологические закономерности, найти определённые универсальные характеристики с оглядкой на последующее развитие политического плаката, как средства визу-

³ Евгеньева Т.В. Социально-политические основы формирования политической мифологии // Современная политическая мифология: содержание, механизмы, функции / Сост.: Логунов А.П., Евгеньева Т.В. М., 1996. С. 23.

⁴ См., например: Малай В.В. Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны. 1936-1939. Белгород, 1999.

альной пропаганды. Именно второе направление указанной проблемы будет интересовать нас в большей степени.

Важнейшей реалией 30-х гг. XX в. стал политический рост фашизма и тоталитаризма. Испанский народ одним из первых в Европе ощутил на себе возросшую мощь и агрессивные устремления фашистских стран, став жертвой итало-германской военной интервенции.

Целый ряд плакатов испанской Республики посвящён борьбе с фашизмом и его проявлениями в ходе гражданской войны. В этом смысле показателен плакат «Это фашизм!» (1936 г.) (Приложение 1). Заглавие данного графического произведения представлено в виде выполненных кистью строк, краска стилизована под кровь с простой и понятной надписью «Это фашизм!». На переднем плане изображена свастика – собирательный образ фашизма вообще, а не только немецкого, нацистского его варианта. Надписи в четырёх полях, образованных элементами свастики: скорбь, разрушение, репрессии, смерть. Картину дополняют свидетельства жестокости и насилия на размещённых фотографиях – страдания мирных жителей, разрушенные здания, трупы жертв, толпы беженцев. Произведение выполнено в четырёх основных цветах: красном, белом, чёрном – наиболее броских и вызывающих, а также голубом⁵.

Широко также известен плакат «Медведь Мадрида уничтожит фашизм» (ноябрь 1936 – апрель 1937 гг.), сознательно выполненный в чёрно-белой гамме. В том же контексте здесь присутствует образ свастики. Но на этот раз произведение настаивает на активное сопротивление агрессии, не взывая к чувству жалости или неприятия как в предыдущем случае. Медведь – символ Мадрида со времён Реконкисты – топчет и разрушает свастику⁶.

Ещё более последователен плакат «Сокруши фашизм!» (1936 г.), ему также присуще чёрно-белое цветовое решение. Нога в каталонской крестьянской сандалие занесена над распростёртым символом нацизма: в данном случае авторы пытались передать определённый классовый подтекст ситуации – против интервенции сражается большинство трудового народа – фашизм не должен победить⁷. Следует обратить особое внимание на один из широко тиражируемых плакатов времён гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. – «Националисты» (1937, 6 цветов). Его можно отнести к жанру карикатуры. Главная идея произведения – показать непосредственную связь испанских националистов с католической церковью, с одной стороны, и интервентами – с другой. Каждый персонаж поля плаката олицетворял силы, помогавшие мятежникам. В центре плаката – сатирическое изображение католического епископа. Католическая церковь поддерживала мятежников – «оплот цивилизованности и христианства в Европе». Слева изображён военный в форме, стилизованной под итальянскую. На заднем плане – две фигуры марокканских интервентов. Человек с пенсне и в деловом костюме, очевидно, – представитель крупной немецкой буржуазии, олицетворяющей нацизм. Плакат дополнен мелкими деталями – значком со свастикой, ружьём в руке марокканца, пушкой и ядрами – символами войны и убийства. Также следует обратить внимание на надпись «Arriba Espania» на табличке в клюве грифа – традиционный девиз и формализованное приветствие испанских националистов, и названия «Бургос» и «Лиссабон» на борту корабля – т.е., те центры, которые использовались националистами в качестве тыловых баз. Все фигуры представлены в фантастическом, комическом тоне, что ярко контрастирует с символами насилия, присутствующими на плакате⁸.

Во всех перечисленных случаях образ врага выражен очень чётко, представлен как нечто единое – ни интервенты, ни собственно националисты не выделены особым образом. Это одна из черт плакатной живописи испанской Республики. В дан-

⁵ «Это фашизм!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://orpheus.ucsd/eduspeccollvisfrontasturiaspost_html

⁶ «Медведь Мадрида уничтожит фашизм» // Там же.

⁷ «Сокруши фашизм!» // Там же.

⁸ «Los Nacionales». Bennasar B. La Guerra di Spagna. Una tragedie nazionale. Torino, 2004. P. 242.

ном случае проявляется пропагандистский приём отождествления, для последующей «демонизации» противника⁹. Плакаты, объединённые данной тематикой, не всегда были столь эмоциональны, но их оформление отличает небольшое разнообразие цветовой палитры, надписи, скорее, похожи на лозунги или руководство к действию, а использование фотографий в качестве элемента композиции – как свидетельство бедствий войны и фашистской интервенции.

Как известно, с сентября 1936 г. в Лондоне стал функционировать Комитет по невмешательству в гражданскую войну в Испании. Эта нелегитимная международная организация включала в себя 27 стран и ставила перед собой задачу урегулирования испанского конфликта без применения силовых методов. С её помощью коалиционные правительства Болдуина (1935-1937), Чемберлена (1937-1940) в Великобритании и правительства Народного фронта Блюма (1936-1937), Шотана (1937-1938) во Франции, следуя во внешней политике курсом «умиротворения», фактически способствовали «удушению» испанской Республики. Другая группа республиканских политических плакатов, отражающих внешнеполитические аспекты конфликта, порицала невмешательство в конфликт западных стран, прежде всего, Великобритании и Франции. Оно в совокупности с фашистской интервенцией подрывало экономическую составляющую сопротивления Республики и ставило законное правительство Народного фронта на одну доску с мятежниками, как с точки зрения легитимности, так и с точки зрения осуществления внешнеэкономических операций (запрет закупок оружия, амуниции и стратегического сырья).

Интересен в этом плане плакат «Удушение испанского народа. Истинная цель за спиной нейтралитета» (1937 г.). Плакат оформлен в трёх цветах – белый, зелёный, коричневый. На нём схематично изображены Иберийский полуостров, Европа, Америка, Африка. Условность содержания плакатного рисунка проявилась и в том, что на месте, где должны быть Пиренеи, изображён пролив, отделяющий Испанию от Европы и от всего мира. Основная мысль данного художественного и конструктивного решения – подчеркнуть оторванность, изолированность испанской Республики – как в экономическом, так и в дипломатическом смысле, её обречённость почти в одиночестве вести борьбу с мятежом и фашистской интервенцией. Также на плакате присутствуют схематичные изображения предприятий (как военной, так и гражданской промышленности), связанные с испанскими националистами, как в Европе, так и в Америке, контурами нанесены очертания Североафриканского региона – базы марокканских наёмников Франко, ударной силы мятежников¹⁰. Продолжает тему бездействия мирового сообщества перед лицом страданий испанского народа плакат «Помоги Мадриду» (к. 1936 – н. 1937 г.), выполненный в чёрно-белой цветовой гамме. Фотография мирных жителей, спасающихся от авиационной бомбёжки под аркой моста здесь на переднем плане. Композиция составлена таким образом, чтобы вызвать жалость, сочувствие, сострадание. Рефреном на данном и многих других плакатах сходного содержания следует надпись «Что ты делаешь, чтобы предотвратить это?»¹¹.

Такое же название носила листовка «Что ты делаешь, чтобы остановить это? Мир под угрозой. Приложи усилия в борьбе с фашизмом!» (1937) (Приложение 2), оформленная в четырёхцветной гамме. На плакате изображена карта Европы. Две окровавленные руки с зажатými в кулаках кинжалами готовятся вонзить их в Иберийский полуостров. Руки сопровождают два символических изображения итальянского и германского фашизма – ликторская связка «fascio» и свастика. Текст написан на «эсперанто». Плакат имел широкое хождение на территории Республики. Эсперанто сознательно использован в качестве плакатного языка, чтобы не задеть национальных чувств каталонцев, басков и др. национальностей, в большинстве своём под-

⁹ См. например: Крысько В. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). М., 1999.

¹⁰ «Удушение испанского народа» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://orpheus.ucsd/eduspeccollvisfrontasturiaspost_html

¹¹ «Помоги Мадриду» // Там же.

державших Республику. Данная листовка также апеллирует к помощи со стороны демократических государств, прямо указывая на двух главных виновников интервенции – Германию и Италию¹². Интересен плакат «Сегодня Испания, завтра мир!» (1938), выполненный с использованием чёрного, красного и голубого цветов. Схематично очерчены Испания и Франция, последняя, по мнению авторов плаката – наиболее вероятная следующая жертва фашистской агрессии. Присутствует на плакате изображение трупов жертв политических репрессий, а в качестве собирательного образа фашизма и войны – Гитлера и военных самолётов, направляющихся в сторону Франции¹³. Последние два плаката особенно чётко проповедовали идею необходимости противостояния фашистской интервенции объединёнными силами всего международного сообщества. Конечный адресат на агитационных изображениях этого вида, очевидно, находился за пределами Испании – воззвание обращено ко всему миру. Плакаты данной серии отличает значительная доля экспрессии, яркие, запоминающиеся образы, частое использование как элемента дизайна схематичных географических карт с указанием тех или иных регионов, в какой-то степени связанных с испанским конфликтом 1936-1939 гг. Характерны и надписи-обращения, важной деталью является присутствие символов насилия, бедствий, войны – авиационная бомбёжка, кровь, трупы убитых и т.д.

Противоположны по смыслу и по общему направлению пропагандистского воздействия – республиканские плакаты, посвящённые помощи со стороны СССР и ряда благотворительных и антифашистских международных организаций. Такую идею содержит плакат «СССР. «Комсомол». Благодарны вашим пожертвованиям» (1936, 3 цвета). Как известно, советский теплоход «Комсомол» – один из кораблей, принимавший непосредственное участие в транспортировке грузов для Испанской республики (в 1937 г. был потоплен)¹⁴. Кроме того, в СССР организовывались кампании сбора средств в пользу республиканской Испании – о чём и сообщалось в поле плаката. Изображение также включает в себя эмблему советских ВМС, и удаляющегося в море корабля¹⁵. Очень близка данной тематике идея международной солидарности с испанской Республикой. Данную проблему затрагивает плакат «Солидарность с испанской Республикой всех стран» (1937, 4 цвета). Аллегорическое изображение свободы Республики – силуэт женской фигуры, держащей древко – ни один флаг, а флаги многих стран мира, граждане которых оказывали в той или иной степени помощь Республике или сочувствовали ей. Символична и схематическая передача карты большей части Старого Света с таким расчётом, чтобы полотнищами флагов закрыть предполагаемое место расположения Германии и Италии – стран нарождающейся фашистско-нацистской «оси» и ее «умиротворителей» – Великобританию и Францию¹⁶.

Ряд плакатов посвящен деятельности в Испании периода гражданской войны Красного Креста и др. международных гуманитарных организаций. В качестве примера можно привести листовку «Как ты помог банкам крови?» (1936, 4 цвета) (Приложение 3). На ней изображён раненый республиканский солдат. Также следует обратить внимание на два пальца, символично поддерживающих его фигуру – аллегория заботы и участия в судьбе жертв войны. На заднем плане запечатлена медсестра Красного Креста. Плакат посвящён компании донорства в Республике. Красный цвет поля плаката – цвет крови – ярко контрастирует с холодными синим и чёрным¹⁷.

¹² «Что ты делаешь, чтобы остановить это? Мир под угрозой. Приложи усилия в борьбе с фашизмом» // Там же.

¹³ «Сегодня Испания, завтра мир» // Там же.

¹⁴ См. например: Рыбалкин Ю. Операция «Х» и советская военная помощь Республиканской Испании (1936-1939). М., 2000.

¹⁵ «СССР. «Комсомол». Благодарны вашим пожертвованиям» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://orpheus.ucsd/eduspeccollvisfrontasturiaspost_html

¹⁶ «Солидарность с испанской Республикой. Дело всех стран» // Там же.

¹⁷ «Как ты помог банкам крови? Покупая билет, ты примешь участие в этой человеколюбивой акции» // Там же.

Продолжает гуманитарную тему листовка «Международный Красный крест. Везде, где он нужен». На ней стилистически прорисована фигура работника данной организации. Отложив винтовку, он отмечает на карте Испании места, где требуется гуманитарная помощь¹⁸.

Для данного вида плакатной графики, объединённого тематикой положительных для испанской Республики международных акций, имеет место ряд общих характеристических черт. В поле плаката зачастую присутствует много графических объектов. Художники использовали значительное количество цветов. Изображения также очень эмоционально экспрессивны, проникнуты единой идеей благодарности силам, оказывавшим помощь испанской Республике.

В качестве типичного произведения визуальной пропаганды националистов можно привести плакат «К армии: хлеб, страна, справедливость» (1938 г., 3 цвета) (Приложение 4). На листовке присутствуют символы католических королей (а также «фаланги») – объединителей Испании – ярмо и 5 скрещенных стрел. Краток и понятен призыв, помещённый в плакатном поле. В цветовом оформлении использованы лишь наиболее запоминающиеся цвета – красный, чёрный, белый. Запечатленная рука сжимает винтовку – символ борьбы, аллегорическое представление вооружённых сил националистического лагеря¹⁹. Сходен по общему мотиву плакат «Голос фаланги – голос Испании» (1939 г., 3 цвета) – надпись в его поле особенно подчёркивает основную идеологему националистов – единство Испании. В обрисовке присутствует цветовая гамма флага франкистской Испании – красный и жёлтый цвета. В данном случае использован пропагандистский приём отождествления²⁰. Героизирует Франко плакат «Националистическая Испания» (1939, 4 цвета). На нем изображено много людей, в дизайне листовки – большое число флагов, но на переднем плане – фигура победоносного каудильо с лентой из цветов национального флага через плечо²¹. Общему духу франкистской плакатной живописи соответствует и произведение «Война окончена» (1939 г., 3 цвета), проникнутое пафосом одержанной в гражданской войне победы²².

Визуальная плакатная пропаганда националистического лагеря также была направлена на «демонизацию» противников, «отождествление» законного правительства Народного фронта с «большевиками», «варварами» и т.д. Стиль листовок франкистов отличает патетичность, возвеличивание личности испанского «каудильо» – Франко, зачастую популистские лозунги, использование в плакатной живописи символики «фаланги» (партии объединявшей всех правых радикалов), обращении к историческому прошлому – прежде всего, к эпохе окончания Реконксты и католических королей (конец XV в.).

Во многом плакат – правдивое и экспрессивное отражение реальных событий – и, в то же время, их достаточно тенденциозная передача. Испанская война 1936-1939 гг. стала первым опытом антифашистской борьбы также и в информационном плане. Республиканцы стремились позиционировать свою политику (в том числе, и внешнюю) как направленную на отстаивание общечеловеческих ценностей от угрозы фашизма (с которым отождествляли своих противников), националисты – как ответную реакцию на угрозу «большевизации» христианской цивилизации как таковой и Испании, традиционных ценностей, в частности.

Таким образом, пропагандистская составляющая плакатной живописи времён войны 1936-1939 гг. в Испании весьма интересна и поучительна. При аналитическом обзоре отдельных групп республиканских и франкистских плакатов можно вычлени ряд пропагандистских приёмов и методов, психологических закономерностей,

¹⁸ «Международный Красный крест. Везде, где он нужен» // Там же.

¹⁹ «К армии: хлеб, страна, справедливость» // Там же.

²⁰ «Голос фаланги – голос Испании» // Там же.

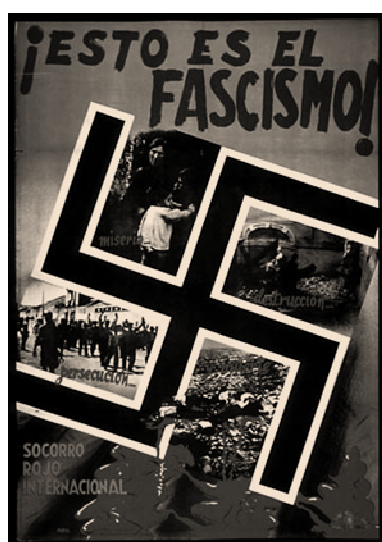
²¹ «Националистическая Испания». [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://media.worldpolitics.ru/>

²² «Война окончена. Субсидии для военнослужащих». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://orpheus.ucsd/eduspeccollvisfrontasturiaspost_html].

примененных для придания тому или иному графическому объекту большей эффективности воздействия на сознание конечных адресатов/реципиентов. Это – «отождествление», «демонизация», «апелляция» (к жалости, состраданию, совести, национальному чувству, здравому смыслу), конструирование «образа врага», «указание», символичность и аллегоричность, карикатурность изображения. Что касается конкретных приёмов достижения пропагандистского эффекта, то ими становились умело подобранная цветовая гамма, создание выразительных, запоминающихся образов, собирательные аллегории (например, свастика, ярмо и пять скрещенных стрел и т.д.), указание на масштабность, глобальность событий (использование иностранных флагов, схематичных карт), устойчивых позитивных или негативных образов, сознательная лаконичность текста и открытый популизм. Значительному числу графических объектов времён Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. присущ определённый универсализм и значительная степень экспрессии и пропагандистского воздействия.

Приложение 1

1

2

1. [Это – фашизм! Скорбь, разрушение, репрессии и смерть]. Socorro Rojo Internacional. Signed: Padial. Socorro Rojo de España, Comisión de Propaganda. Lit. S. Dura Socializada, U.G.T. C.N.T. Валенсия, фотография и литография, 4 цвета; 100 × 71 см.

2. [Что ты делаешь, чтобы остановить это? Мир под угрозой, Приложи усилия в борьбе с фашизмом!]. Graf. Ultra Lithograph, 4 colors; 109 × 78 cm

3. [Как ты помог банкам крови? Покупая билет, ты принимаешь участие в этой человеколюбивой акции] Comisión Organizadora Hospitales de Sangre y Guarderías de Niños del Sindicato Unico Regional de Peritos y Tecnicos Industriales, C.N.T.-A.I.T. Lithograph, 4 colors; 153 × 104 cm.

4. [К армии: страна, хлеб и справедливость]. J. Cabanas. Departamento de Plastica, Servicio Nacional de Propaganda, lithograph, 98 × 68 cm

POLITICAL POSTER OF CIVIL WAR IN SPAIN (1936–1939) AS AN INSTRUMENT OF VISUAL PROPAGANDA

The Civil war in Spain 1936-1939 caused active propagandist struggle, both in Europe, and in the same country. This aspect of the Spanish conflict is almost not investigated in the domestic historical science.

Propagandist conflict around events in Spain 1936-1939 promoted formation of an image of the enemy in the European public opinion in many respects before the Second World War. The poster was one of the widespread means of propaganda at that time. Authors use posters of republican as well as Franco's camps as historical sources. They analyze forms and methods of internal political visual propagation, allocate graphic, psychological, ideological features of their usage, trace on concrete examples some laws of political poster's influence on consciousness with the purpose of achievement of propaganda effect.

Key words: Civil war in Spain 1936-1939, propaganda, posters, information war.

N.N. FOMICHEV¹
N.Z. BROSOVA²

Belgorod State University

e-mail: nfo_v@bsu.edu.ru

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПОЛИТИКЕ ПОЛЬСКОГО И ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ В ЭМИГРАЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, 1939–1943 ГГ.*

В.В. ВАСИЛЕНКО

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

Автор рассматривает федеративные планы в отношении региона Центрально-Восточной Европы в политике эмигрантских правительств Польши и Чехословакии, а также Великобритании на примере проекта польско-чехословацкой федерации. Особое внимание уделяется значению данного проекта в британской политике по отношению к СССР в регионе в 1943 г.

Ключевые слова: польско-чехословацкая федерация, В. Сикорский, Э. Бенеш, внешняя политика Великобритании.

Многие современные процессы заставляют под новым углом зрения посмотреть на события недавнего прошлого. Так, самое масштабное расширение ЕС в 2004 году, в основном за счет стран бывшего соцлагеря, вызвало интерес к вкладу государств восточной части Центральной Европы в развитие и реализацию федеративных идей и в целом побудило к переосмыслению роли данного региона в развитии Европы. В этой связи, пожалуй, наибольший интерес представляет проект польско-чехословацкой федерации, который разрабатывался эмигрантскими правительствами Польши и Чехословакии в годы Второй мировой войны. Это была не только попытка радикального пересмотра отношений двух конфликтных соседей, но и переустройства всего региона на принципиально иной основе.

Данный федеративный проект в основном анализируют в контексте политики великих держав, поскольку без поддержки хотя бы одной из них он не имел бы шансов на развитие, тем более в условиях эмиграции. Благодаря работе ряда историков, исследованы, прежде всего, такие важные вопросы, как специфика польской и чехословацкой концепций планировавшегося объединения¹, а также причины неудачи данного проекта². Мы сделаем акцент на рассмотрении политики Великобритании по отношению к проекту польско-чехословацкой федерации в 1939–1943 гг. Казалось бы, для этой великой державы послевоенное объединение Польши и Чехословакии было лишь одной из амбициозных концепций эмигрантов. Однако исследование британской позиции вплоть до 1943 г., когда и польское, и чехословацкое правительства в эмиграции фактически прекратили работу над проектом, позволяет выявить совсем не очевидное значение планировавшегося объединения и в целом идеи федеративного устройства ЦЮВЕ для политики Великобритании не только в регионе, но и по от-

* Работа подготовлена при поддержке гранта программы «Erasmus Mundus» (в рамках IMESS).

¹ Наиболее значимая работа по данному вопросу – исследование польского историка И. Колендо: Kolendo I. T. *Działalność mieszanego Komitetu Koordynacyjnego polsko-czechosłowackiego w Londynie (1941-1942)* // *Dzieje Najnowsze*. 1983. # 1-2. S. 207-213.

² Большинство авторов считают основной причиной неудачи данного федеративного проекта «советское вето». Польские историки также часто акцентируют неискренность чехословацкой стороны. См., напр., одну из последних работ: Kaminski M.K. *Edvard Benes kontra gen. Wladyslaw Sikorski. Polityka władz czechosłowackich na emigracji wobec rządu polskiego na uchodźstwie 1939-1943*. Warszawa, 2005. Наиболее взвешенный взгляд в работах В. Сметаны и П. Фредериксена, которые рассматривают проект федерации в контексте ряда факторов. См.: Smetana V. *Konfederacja czechosłowacko-polska a polityka mocarstw // Miedzy przymusowa przyjaznia a prawdziwa solidarnoscia*. Czecs I. Warszawa, 2007. S. 120-131; Frederiksen P. *General Sikorskis strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43* // www.historienudk.dk.

ношению к СССР. Безусловно, данную проблему нужно рассматривать в контексте политики Советского Союза.

Идея федерации³ Польши и Чехословакии возникла уже вскоре после начала Второй мировой войны.

Премьер-министр правительства Польши в эмиграции, которым стал один из лидеров довоенной оппозиции генерал В. Сикорский, предполагал создать после войны организацию государств в Центрально-Восточной Европе⁴, не исключая в дальнейшем и Юго-Восточную, которая бы не только смогла противостоять влиянию Германии и СССР, но и обеспечила бы преобладающее положение Польши в регионе. Уже на первом заседании Совета министров 6 октября 1939 г. было заявлено о необходимости создания системы государств в Центральной Европе как противовеса Германии и Советскому Союзу⁵. Значение данного объединения подчеркивает тот факт, что Сикорский считал его единственной возможностью решить дилемму польской безопасности – весьма уязвимое расположение между Германией и СССР.

По замыслу польского лидера, в основе союза стран региона должны были лежать тесные федеративные отношения Польши и Чехословакии. Правительство В. Сикорского считало необходимым расширение страны за счет Германии, что было обозначено уже в октябре 1939 г. в ходе переговоров с Великобританией⁶. Это, в свою очередь, означало и увеличение промышленного потенциала Польши, и удлинение линии польско-чехословацкой границы, что должно было способствовать стремлению обеих стран к объединению. При этом удобный выход к Балтийскому морю, а также преобладание по численности населения и территории должны были обеспечить польскому государству доминирующее положение в федерации⁷.

Однако налаживание отношений между польскими и чехословацкими политическими кругами было непростой задачей по причине напряженных отношений двух стран в межвоенный период и особенно захвата Польшей Тешинской Силезии в 1938 г. Дело осложнялось пренебрежительным отношением польских политиков к чехам и словакам, капитулировавшим перед требованиями Гитлера и под давлением западных держав, а также неравенством статуса польских и чехословацких политических сил в эмиграции: польское эмигрантское правительство было признано в этом качестве союзниками, в то время как Чехословацкий национальный комитет Э. Бенеша далеко не сразу получил признание в качестве правительства в изгнании; кроме того, существовали и конкурирующие центры.

Инициатором установления польско-чехословацких отношений в эмиграции выступил польский премьер. Он при содействии французского посла Л. Ноэля установил непосредственный контакт с Э. Бенешем уже в начале октября⁸. 18 ноября при

³ В историографии существуют два термина для обозначения данного проекта – «федерация» и «конфедерация», которые изначально использовали, соответственно, польская и чехословацкая стороны. Мы используем первый, поскольку уделяем больше внимания рассмотрению концепции правительства Польши в эмиграции, для которого разрабатывавшееся объединение было более значимым. В британских документах используются оба термина.

⁴ Имеем в виду восточную часть Центральной Европы. Термин «Центрально-Восточная Европа» используется для краткости.

⁵ Coutouvidis J., Reynolds J. Poland 1939–1947. Leicester, 1986. P. 32.

⁶ В беседе с полпредом СССР И.М. Майским 17 октября 1939 г. парламентский секретарь министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер отметил, что польские власти в лице министра иностранных дел А. Залесского в ходе его визита в Великобританию поставили вопрос о получении Польшей Восточной Пруссии, т.е. уже в середине октября // Документы внешней политики. Т. XXII. 1939. Кн. 2. М., 1992. С. 196.

⁷ Frederiksen P. General Sikorskis strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43 // www.historie-nu.dk.

⁸ Benes's minutes of his conversation with Sikorski. [before 13 October] 1939 // Czechoslovak Polish negotiations of the establishment of confederation and alliance, 1939-1944 / Ed. by I. Stovicek, J. Valenta. Prague, 1995. P. 33-34.

личной встрече оба политических деятеля впервые высказались за сотрудничество двух стран на основе федерации⁹.

Вместе с тем практически с самого начала было ясно, что для чехословацкого лидера Э. Бенеша и его сторонников проект федерации не был так же значим, как для польской стороны. Чешский историк В. Сметана убедительно демонстрирует, что польско-чехословацкое примирение в перспективе рассматривалось Бенешем в контексте достижения основной цели – обеспечения международно-правового признания недействительным Мюнхенского соглашения и его последствий и восстановления Чехословакии в домюнхенских границах¹⁰. На начальном этапе, в марте 1939 – июне 1940 гг., идея федерации с поляками в переговорах с Францией и Великобританией способствовала главным образом признанию группы Э. Бенеша в качестве единственного представителя оккупированной страны в эмиграции и получению статуса правительства в изгнании¹¹.

Уже в ходе первых контактов выявились разногласия между польской и чехословацкой сторонами по вопросу Тешинской Силезии, а также отношения к СССР, а затем и Венгрии. При этом польское правительство провоцировало недоверие Комитета Э. Бенеша, поддерживая связи с другими политиками, прежде всего, бывшим чехословацким премьером М. Годжей¹².

Официальные двусторонние переговоры по федеративному проекту начались осенью 1940 г., то есть после того, как было сформировано чехословацкое временное правительство. Вскоре, 11 ноября, стороны обнародовали совместную декларацию о намерении создать после войны совместное объединение. В конце ноября польско-чехословацкий проект получил официальное одобрение Великобритании, которая после падения Франции стала единственной покровительницей антифашистских правительств оккупированных стран Европы¹³.

Британское правительство продемонстрировало собственную заинтересованность в федеративных проектах в Центральной и Восточной Европе уже в ходе первого визита представителя польского эмигрантского правительства министра иностранных дел А. Залесского в октябре 1939 г. Тогда британские политики предложили польскому министру поддержать проект послевоенной центральноевропейской федерации в составе Польши, Чехословакии и Венгрии¹⁴. Результатом инициативы Великобритании стала уверенность польского руководства в британской поддержке его федеративных планов, что способствовало, по всей видимости, и налаживанию польско-чехословацких контактов.

Датский историк П. Фредериксен отмечает, что правительство Польши в эмиграции преувеличивало британскую поддержку польско-чехословацкого проекта, а этот просчет повлиял на судьбу данного проекта в целом¹⁵. Как нам представляется, британское отношение к польско-чехословацкому проекту вряд ли можно назвать однозначным. Причиной тому были и определенные разногласия в правительстве

⁹ Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш: к чему стремились, чего достигли // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 353-356.

¹⁰ Smetana V. In the Shadow of Munich. British Policy towards Czechoslovakia from the endorsement to the renunciation of the Munich Agreement (1938-1942). Prague, 2008. Chapters 4,5.

¹¹ См., напр.: Benes `s telephonic instruction to Slavik in Paris. 11 January 1940; Extract from Benes `s memorandum to Cadogan. [26 April] 1940 // Czechoslovak Polish negotiations of the establishment of confederation and alliance, 1939-1944 / Ed. by I. Stovicek, J. Valenta. Prague, 1995. P. 36-39, 44. В июле 1940 г. удалось добиться только статуса временного правительства.

¹² См., напр.: Extract from Slavik `s report on his conversations with Polish politicians. [after 28 March] 1940; Extract from Slavik `s minutes of his conversation with Sikorski. 7 August 1940 // Czechoslovak Polish negotiations of the establishment of confederation and alliance, 1939-1944 / Ed. by I. Stovicek, J. Valenta. Prague, 1995. P. 40-42, 49-50.

¹³ Poland in the British Parliament. Vol. 1: March 1939–August 1941. L., 1946. P. 448.

¹⁴ Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш. С. 354.

¹⁵ Frederiksen P. General Sikorskis strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43 // www.historie-nu.dk.

Великобритании, которые упоминают П. Фредериксен и В. Сметана, и трудности в налаживании польско-чехословацких отношений, когда стороны демонстрировали нежелание отойти от разногласий межвоенных лет. Кроме того, раздражение Великобритании вызывало стремление В. Сикорского играть роль лидера эмигрантских правительств – он неоднократно устраивал встречи ключевых деятелей правительств в изгнании, на которых, в частности, продвигал идею федеративного устройства послевоенной Европы¹⁶.

Серьезным препятствием в разработке проекта польские политики считали нежелание британского правительства дать согласие на территориальные приращения Польше за счет Германии. Польские власти в контактах с правящими кругами Великобритании акцентировали идею о том, что часть территории Германии представляет собой исконные славянские земли, которые по праву должны отойти славянам и, прежде всего, Польше¹⁷. Именно поэтому польское руководство было негласно недовольно положениями Атлантической Хартии. Так, Бюро по политическим, военным и юридическим вопросам предупреждало В. Сикорского о том, что реализация этого документа может сделать невозможным приобретение Польшей Данцига, Восточной Пруссии и Опфельнской Силезии¹⁸.

Однако привлекает внимание тот факт, что федеративные идеи, озвученные правительством Н. Чемберлена, были не только приняты, но и получили дальнейшее развитие в правительстве У. Черчилля. На наш взгляд, их значение в политике Великобритании можно определить при помощи рассмотрения эволюции федеративных идей в ходе советско-британских переговоров о союзе и дальнейшего развития союзных отношений в контексте польско-чехословацких переговоров по проекту объединения.

В декабре 1941 г. в ходе британо-советских переговоров о заключении союзного договора фактически состоялся первый обмен мнениями об устройстве послевоенной Европы. В то время как советская сторона представила достаточно детальную программу, британская делегация во главе с министром иностранных дел А. Иденом подчеркнуто демонстрировала неразработанность своей концепции послевоенного урегулирования в Европе. В этом контексте как раз и вызывает интерес упоминание А. Иденом возможности возникновения федераций в Европе¹⁹. Более того, он стремился заручиться поддержкой И.В. Сталина в отношении разрабатывавшегося проекта польско-чехословацкой федерации²⁰. Это направление получило развитие в британской политике.

В ходе дальнейших переговоров о союзе руководство Великобритании неоднократно поднимало вопрос о федерациях в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ). Советская сторона, в свою очередь, настаивала на признании Великобританией территории СССР в границах, сложившихся к 22-му июня 1941 г. Исключение составлял вопрос советско-польской границы, который предполагалось урегулировать в ходе двухсторонних переговоров. Несмотря на недовольство США, британское правительство склонялось к признанию советских требований.

¹⁶ Prazmowska A. *Britain and Poland, 1939–1943: The Betrayed Ally*. Cambridge, 1995. P. 125; Lane T. Present at the creation: East Europeans and the European movement // On-line materials of the Fifth Pan-European international relations conference, 9–11 September 2004, the Hague // www.sgir.org.

¹⁷ См., напр.: Sprawozdanie z rozmowy p.o. ministra spraw zagranicznych Edwarda Raczyńskiego z premierem Wielkiej Brytanii Winstonem Churchillem. 8 października 1941 // Na najwyższym szczeblu. Spotkania premierów Rzeczypospolitej Polskiej i Wielkiej Brytanii podczas II wojny światowej / Oprac. M. K. Kaminski, J. Tebinka. Warszawa, 1999. S. 33–34.

¹⁸ Terry S. *Poland's place in Europe: General Sikorski and the origin of the Oder-Neisse Line, 1939–1943*. Princeton, 1983. P. 106–107.

¹⁹ Английский проект соглашения. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 34–35.

²⁰ Первая беседа с А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 42; Гибианский Л.Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 109.

Британо-советскими переговорами были весьма обеспокоены польские власти в эмиграции, получавшие информацию от Форин Оффис. Они считали, что в случае удовлетворения советских требований Польша будет практически окружена территорией СССР, что создавало опасность уменьшения влияния Польши в регионе и подчинения Советскому Союзу. Особой угрозой своим интересам они считали передачу СССР Литвы, которую включали в свою сферу влияния, и Буковины²¹, что лишало бы Польшу общей границы с чуть ли не единственным дружественным соседом межвоенных лет – Румынией; обе страны, по замыслу поляков, должны были войти в центральноевропейскую федерацию после объединения Польши и Чехословакии. Поэтому одним из аргументов поляков против признания советских приобретений было негативное влияние этого шага на создание объединения в регионе²². Однако тогда решающим стал протест со стороны США²³. В итоге из британского проекта было изъято положение о советских границах. Но советская сторона, в свою очередь, отказалась включить статью о федерациях в регионе²⁴.

Однако вскоре обозначился еще один аспект британской политики, тесно связанный с тезисом о необходимости федеративного устройства ЦЮВЕ. 9 июня в ходе беседы с В.М. Молотовым по его возвращении из США А. Иден отметил, что нежелательно в ходе войны заключать двусторонние договоры с малыми странами или их правительствами в эмиграции по поводу послевоенного устройства. По утверждению британского министра, это позволяло избежать особого влияния одной из великих держав в каком-либо регионе по окончании войны²⁵. Британский историк К. Сэйнсбери справедливо отмечает, что целью данных британских построений – как идеи о федерациях, так и вышеупомянутого положения – являлось ограничение советского влияния в ЦЮВЕ²⁶.

Между тем, в ходе развития проекта объединения польское и чехословацкое правительства столкнулись с рядом сложностей, которые ставили под сомнение возможность его дальнейшей разработки. Еще более обострился вопрос о границе двух государств, прежде всего о принадлежности Тешинской Силезии. Создание совместных органов – Координационного и вспомогательных комитетов – в целом не вызвало затруднений. Однако проекты будущего объединения, в основном выработанные к концу 1941 г., принципиально различались. Поляки делали акцент на построении достаточно тесного военно-политического союза, а чехи и словаки – скорее на развитии экономических аспектов объединения. Такое различие было обусловлено стремлением обеих сторон к преобладанию в будущей федерации. Так, польское правительство, которое представляло интересы более крупной и по размеру, и по количеству населения Польши, занимавшей очень уязвимое и в то же время стратегически важное положение между Германией и СССР, считало федерацию на основе военно-политического союза оптимальной моделью для обеспечения собственного доминирования. В свою очередь, правительство в эмиграции более развитой экономически Чехословакии настаивало на экономическом союзе. Не случайно стороны использовали разные термины для обозначения проекта: поляки называли его «федерацией», а чехословаки – «конфедерацией», объясняя такую практику разным значением слова «конфедерация» в польском и чешском языках²⁷. В результате работа над проектом приостановилась.

²¹ Неточность в польских документах. Речь шла о Северной Буковине.

²² См. напр.: Note from Minister Raczynski to Mr. Eden concerning Anglo-Soviet negotiations. 21 April 1942 // Documents on Polish-Soviet relations. Vol. I. L., 1961. P. 332-335.

²³ См. напр.: Запись беседы с американским послом в Англии Вайнантом. 24 мая 1942 г. // Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 167-168.

²⁴ Телеграмма из Лондона. 28 мая 1942 // Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 190-193.

²⁵ Запись беседы с Иденом. 9 июня 1942 г. // Там же. С. 316-317.

²⁶ Sainsbury K. Churchill and Roosevelt at war: the war they waged and the peace they hoped to make. N.Y., 1994. P. 96.

²⁷ Kolendo I. T. Działalność mieszanego Komitetu Koordynacyjnego polsko-czechosłowackiego w Londynie (1941-1942) // Dzieje Najnowsze. 1983. # 1-2. S. 207-213.

Не меньшие трудности в польско-чехословацких переговорах были связаны с разногласиями по вопросу отношения к Советскому Союзу, который стал особенно важным вскоре после нападения Германии на СССР. Это было обусловлено различными установками польского и чехословацкого руководства. Э. Бенеш был убежден в том, что Советский Союз будет доминировать в послевоенной ЦЮВЕ. В связи с этим, чехословацкий президент считал необходимым советское согласие на создание объединения Польши и Чехословакии. В. Сикорский склонялся к мысли, что советское государство, пусть и не будет побеждено Германией, но выйдет из войны сильно ослабленным. Как следствие, он считал ключевой поддержку западных союзников в данном вопросе.

Позиция Советского Союза по отношению к польско-чехословацкому проекту претерпела значительные изменения в рассматриваемый период. В декабре 1941 г. в ходе переговоров с А. Иденом советский лидер подчеркнул, что «не имел бы возражений против создания тех или иных государственных федераций», имея в виду регион ЦЮВЕ²⁸. Но уже в начале 1942 г. СССР, пристально следивший за развитием федеративных проектов в регионе, стал проявлять негативное отношение к данным концепциям в ходе контактов с польским и особенно чехословацким эмигрантскими правительствами²⁹. Так, в начале марта 1942 г. советская сторона в лице посла при эмигрантских правительствах А. Богомолова выразила польскому руководству свое недовольство по поводу образования каких-либо объединений в Европе, особенно в Восточной, без участия Советского Союза³⁰. После заключения советско-британского договора о союзе в начале июня 1942 г. В.М. Молотов, беседуя с Э. Бенешем, и вовсе подчеркнул, что «проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой федерации против СССР»³¹. Результатом советского демарша явилось фактическое прекращение работы чехословацкого правительства над данным проектом. Но в целом к позиции Советского Союза по данному вопросу применим принцип поведения, обозначенный Л.Я. Гибианским, – скрывать от ключевых западных союзников подлинные советские устремления в регионе³². В этом русле СССР воздерживался от явной демонстрации своей позиции британскому руководству.

Польские власти не оставляли надежд на дальнейшую реализацию проекта федерации, несмотря на явное угасание интереса чехословацкой стороны к нему. В конце февраля 1943 г. Э. Рачиньский, занимавший пост министра иностранных дел, провозгласил в своей речи по Би-Би-Си, помимо прочего, намерение польского эмигрантского правительства создать федерацию государств в ЦЮВЕ, «от Средиземного до Черного и Балтийского морей»³³.

Руководство Польши в эмиграции было весьма раздражено позицией чехословацкого правительства и прежде всего Э. Бенеша по отношению к СССР. Польский историк Э. Дурачиньский привлекает внимание к тому, что просоветскость чехословацкого президента сильно преувеличена³⁴. Во многом обоснованным нам представляется вывод историка ПНР С. Станиславской о том, что Э. Бенеш, более реалистично по сравнению с польскими властями оценивая последствия для ЦЮВЕ роста советского военного могущества, стремился к соглашению с польским эмигрантским пра-

²⁸ Первая беседа с А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 40.

²⁹ См. напр.: Smetana V. In the Shadow of Munich. P. 262.

³⁰ Note on a conversation between Minister Morawski and Ambassador Bogomolov relating to the post-war organization of the States of Central-Eastern Europe. 2 March 1942 // Documents on Polish-Soviet Relations. 1939–1945. Vol. I. L., 1961. P. 285–286.

³¹ Прием Президента Чехословацкой Республики Эдуарда Бенеша. 9 июня 1942 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 324.

³² Гибианский Л.Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 108.

³³ Documentation of plans and preparatiions for the reorganisation of Europe. March 1943 // Archiwum Akt Nowych. Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie, 1919–1945. Sygnatura 1487. S. 4.

³⁴ Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдуард Бенеш. С. 352–353.

вительством. Именно советский фактор побуждал чехословацкого президента искать пути сотрудничества с польским руководством в эмиграции³⁵. Он считал проект совместной федерации бесперспективным, вероятно, по причине как советского недовольства, так и серьезных польско-чехословацких разногласий. В итоге Э. Бенеш предложил польскому правительству в период обострения польско-советских отношений заключить союзный договор. Это предложение правительство Польши в эмиграции приняло в конце марта 1943 г., правда, оно так и не было реализовано³⁶. Летом чехословацкая сторона стала рассматривать возможность заключения договора с СССР. Однако и в данной ситуации польские эмигрантские власти не отказались от идеи федеративного проекта с Чехословакией³⁷. На наш взгляд, такая позиция была во многом обусловлена политикой Великобритании.

В условиях значительно усилившегося советского влияния в антигитлеровской коалиции Великобритания с большим энтузиазмом, чем прежде, рассматривала перспективы фактически уже прекращенного польско-чехословацкого проекта. Это было связано с тем, что тезис о федерировании стран ЦЮВЕ становился важной частью разрабатываемой Форин Оффис программы принципов послевоенного урегулирования, главным образом, для данного региона и взаимоотношений с Советским Союзом. Показательно, что в марте, в период обострения польско-советских отношений, А. Иден интересовался у советского посла в Великобритании И.М. Майского, каково отношение советских властей к польско-чехословацкой федерации³⁸.

В целостном виде британское руководство представило свою программу для ЦЮВЕ на рассмотрение союзников – Советского Союза и Соединенных Штатов – на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. Она включала следующие принципы: 1) совместная ответственность за Европу в противоположность делению на районы ответственности; 2) отказ от заключения соглашений по послевоенным вопросам с малыми странами в ходе войны; 3) общая политика главных союзников в отношении освобождаемых территорий союзных стран; 4) создание федераций в регионе для противостояния Германии³⁹.

Данная программа непосредственно затрагивала интересы СССР и, что являлось очевидным, была косвенно нацелена на ограничение его влияния в регионе. Соответственно, легко было предсказать негативную реакцию советской стороны. В связи с этим, британцы рассчитывали на американскую поддержку, но ожидания не оправдались. А. Иден столкнулся с демонстративным безразличием К. Хэлла к поставленным вопросам, что, в свою очередь, «развязывало руки» советской стороне. Так, госсекретарь США только при непосредственном обсуждении польского вопроса проявил определенную заинтересованность, выразив надежду, что СССР и Польша «восстановят хорошие отношения»⁴⁰. Хотя советская сторона демонстрировала разное отношение к отдельным пунктам британской программы: от резкого неприятия проектов федераций в ЦВЕ, специально озвученного в ходе конференции, до согласия на

³⁵ Stanisławska S. Projekty konfederacji polsko-czechosłowackiej w czasie drugiej wojny światowej // Sprawy międzynarodowe. 1963. # 4. S. 100.

³⁶ Pismo E. Raczyńskiego do J. Masaryka w sprawie przyjęcia przez rząd polski sugestii zawarcia układu polsko-czechosłowackiego. 20.III.1943 // Korespondencja w sprawie konfederacji polsko-czechosłowackiej w latach 1940- 1943 // Studia z najnowszych dziejów powszechnych. T. 4. Warszawa, 1963. S. 302-303.

³⁷ См., напр.: Documentation of plans and preparations for the reorganisation of Europe. March 1943 // AAN. Ambasada Rzeczypospolitej w Londynie, 1919–1945. Sygnatura 1487. S. 1, 4.

³⁸ Anthony Eden to Sir A. Clark-Kerr: Telegram. 10 March 1943 (extracts) // The Great Powers and the Polish Question 1941–1945. A documentary study in Cold War origins / Ed. by A. Polonsky. L., 1976. P. 118.

³⁹ В Проекте повестки дня конференции, предложенном Великобританией, им отводилось 4 пункта из 11, причем 3 из них находились почти в начале списка (соответственно, 3, 4 и 5 пункты) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). М., 1984. С. 43-44.

⁴⁰ Запись одиннадцатого заседания. 29 октября 1943 г. // Московская конференция министров иностранных дел. С. 235.

обсуждение общей политики в отношении освобождаемых территорий в рамках Европейской консультативной комиссии, в целом можно констатировать, что союзники отвергли британский проект.

Таким образом, политика великих держав (прежде всего, Великобритании и СССР) оказывала непосредственное влияние на деятельность эмигрантских правительств. В первые годы войны международная конъюнктура благоприятствовала польско-чехословацкому проекту. Интерес британских правящих кругов к идее федеративного устройства ЦЮВЕ явно способствовал его развитию. Однако это не означало полной поддержки Великобританией польских замыслов, в частности, требования значительного приращения территории Польши за счет Германии. По мере усиления веса СССР в антигитлеровской коалиции и заметного уменьшения собственного влияния идея федеративного устройства ЦЮВЕ становилась для Соединенного Королевства все более значимой: по замыслу Форин Оффис, федерации в регионе могли стать важным инструментом противодействия советскому доминированию в регионе. Как следствие, британские дипломаты активно выступали в защиту проекта польско-чехословацкой федерации в 1943 г., несмотря на все признаки его неудачи. Провал британской программы для ЦЮВЕ на Московской конференции в октябре 1943 г. означал необходимость кардинального пересмотра подходов относительно новой роли СССР в Европе (одним из них впоследствии станет и «процентная дипломатия»). В тоже время это было, пожалуй, первым заметным проявлением падения влияния Великобритании в «Большой Тройке». Впоследствии британскому руководству придется все более тщательно соотносить свои шаги с политикой Вашингтона.

FEDERATIVE PLANS TOWARDS REGION OF EAST-CENTRAL EUROPE IN POLICY OF THE POLISH AND CZECHOSLOVAK ÉMIGRÉ GOVERNMENTS AND OF GREAT BRITAIN, 1939–1943

V. V. VASILENKO

Belgorod State University

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

The author analyzes federative plans towards the region of East-Central Europe in policy of the Polish and Czechoslovak émigré governments and of Great Britain on the example of the Polish-Czechoslovak Federation project. Special attention is given to the role of this project in the British policy towards the USSR in the region in 1943.

Key words: Polish-Czechoslovak Federation, W. Sikorski, E. Benes, foreign policy of Great Britain.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47.072)

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИКАЗОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

А.В. КУЗЬМИЧЕВ*Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова**e-mail: kuzav@mail.ru*

Статья посвящена вопросу создания и функционирования органов местного управления социальной сферой – приказам общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков. На основе использованных документов из архивов Костромы и Ярославля рассматривается деятельность учреждений медико-социального назначения, входивших в ведомство приказов, создание которых началось в ходе реформ Екатерины II в 1770-х гг. Показано, что просуществовавшие до 1860-х гг. приказы имели широкое поле деятельности: от медицинской помощи неимущему населению до финансовых операций в банках, а также количественные и качественные изменения ведомственных приказам учреждений.

Ключевые слова: приказы общественного призрения, Верхнее Поволжье, история России в конце XVIII – первой половине XIX вв., местное управление.

Сегодня в России постоянное внимание уделяется социальным вопросам и повышению качества жизни населения. Недавние реформы местного управления, направленные на совершенствование управления регионами в целом и в том числе социальной сферой, лишь актуализируют данное утверждение. На протяжении российской истории последних столетий предпринималось немало попыток подобных преобразований. Особенно показательным в этом отношении может быть опыт последней четверти XVIII – первой половины XIX вв. В правление императрицы Екатерины II была осуществлена реорганизация губерний, число которых постепенно было доведено до 50-ти. Начало этому положил законодательный акт «Учреждения для управления губерний» (1775 г.)¹, согласно которому в каждом губернском городе, на-

¹ Благочестивейшей Самодержавнейшей Великой государыни императрицы Екатерины Второй учреждения для управления губерний Всероссийской империи. М., 1775.

ряду с вновь создаваемыми Губернским правлением и Казённой палатой, появился Приказ общественного призрения. Вместе с тем оценка этого органа государственного управления в отечественной историографии не всегда адекватна той роли, которую он сыграл в жизни российских регионов.

Дореволюционная историография изучала в первую очередь финансовую составляющую деятельности Приказов общественного призрения, уделяя незначительное внимание созданию данной структуры и подведомственным ей учреждениям². Историки советского периода в целом редко обращали внимание на деятельность Приказов общественного призрения. Тем не менее, не стоит недооценивать работу советских учёных, внёсших значительный вклад в изучение истории государственного управления в Российской империи. Например, в исследованиях Н.П. Ерошкина, А.Д. Степанского и др., а также в краеведческих работах П.Г. Андреева, В.И. Беляева и др. давалась общая характеристика местных органов управления и рассматривалась деятельность отдельных государственных учреждений, в том числе Приказов общественного призрения³.

В постсоветское время отношение к общественному призрению дореволюционного периода изменилось. Современные исследователи активно разрабатывают историю благотворительности, изучают местные правительственные учреждения, их состав и основные направления деятельности⁴. Начали появляться первые комплексные исследования Приказов общественного призрения на региональном уровне⁵. Однако на материалах Верхнего Поволжья подобных исследований ещё не проводилось, и только отдельные аспекты деятельности Приказов общественного призрения раскрыты в диссертациях О.В. Сизовой, Т.Ю. Амплеевой и других историков⁶.

Изучение истории создания и деятельности Приказов общественного призрения опирается на широкий комплекс исторических источников. Так, сохранились отдельные фонды: «Костромской Приказ общественного призрения» (Ф. 156) в Государственном архиве Костромской области (ГАКО) и «Ярославский Приказ общественного призрения» в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО. Ф. 83). Значительную часть документов этих фондов составляют журналы заседаний и приходно-расходные книги, которые дают представление о Приказах общественного призрения как о финансовых учреждениях, распорядившихся значительными денежными средствами. В 1860-х гг. это способствовало передаче части их функций специализированным кредитным учреждениям. Свои капиталы Приказы ссужали

² Апушкин А.А. Призрение душевнобольных в Костромской губернии. Кострома, 1911; Бычков Ф.А. Описание празднования 100-летнего юбилея екатерининского дома призрения ближнего в Ярославле. Ярославль, 1886; Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875; Костромской край. Юбилейный сборник. 1613-1913. Кострома, 1913; Лествицын В.И. Открытие Ярославской губернии в 1777 г. Ярославль, 1877; Максимов Е.Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. 1901. № 9, 10; Малинин А.А. Призрение душевнобольных Ярославским губернским земством. Ярославль, 1902; Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы. Ч. 1. Кострома, 1913; Сырцов И.Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем. Кострома, 1909; и др.

³ Андреев П.Г. Ярославские ополченцы: Из истории Отечественной войны 1812 г. Ярославль, 1960; Беляев В.И. Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем. Ярославль, 1961; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; и др.

⁴ Дутов Н.В. История Ярославского края в лицах: Петр I, А.П. Мельгунов. Ярославль, 2007; Калинин В.Д. Из истории городского самоуправления в России (XVII-начало XX вв.) М., 1994; Марасанова В.М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004; Фруменкова Т.Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; Ярославские губернаторы. 1777-1917. Историко-биографические очерки / В.М. Марасанова, Г.П. Федюк. Ярославль, 1998; и др.

⁵ Ковалева М.Г. Учреждения приказа общественного призрения России в XIX – начале XIX веков: на материалах Воронежской и Курской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2006.

⁶ Амплеева Т.Ю. Ярославское наместничество: административно-территориальное устройство и управление: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1990; Сизова О.В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; и др.

под проценты и под заклад имущества. Среди заёмщиков могли быть представители самых различных сословий, начиная от государственных крестьян и заканчивая князьями, при этом наиболее высокий процент заёмщиков был среди разночинцев. Выдаваемые Приказами суммы также были различными, но в основном варьировались от нескольких сот рублей до тысячи⁷.

Кроме того, в ГАЯО изучались документы фондов «Генерал-губернатор» (Ф. 72), «Ярославская губернская врачебная управа» (Ф. 86), «Совет ярославского Екатерининского дома призрения ближнего» (Ф. 550)⁸. Анализ документов этих фондов позволяет судить об успехах Ярославской губернии в деле оказания медико-социальной помощи населению. Так, например, в Ярославле в 1786 г. открылся один из первых в России провинциальных приютов – Дом призрения ближнего, в сферу деятельности которого вошли не только содержание обездоленных детей-сирот всех сословий, но и образовательная, воспитательная и религиозная функции⁹. В ГАКО по рассматриваемой теме наиболее информативны фонды «Канцелярия губернатора» (Ф. 133), «Костромское наместническое правление» (Ф. 7), «Костромское губернское правление» (Ф. 134), «Костромская губернская врачебная управа» (Ф. 204), «Костромская городская больница» (Ф. 486), «Костромской богаделенный дом» (Ф. 568), «Костромской дом умалишенных» (Ф. 579) и др.

В привлеченных к исследованию фондах отложились указы Сената, предписания Министерства юстиции и МВД, распоряжения губернского правления, формулярные списки служащих Приказов общественного призрения, протоколы и журналы заседаний, прошения, рапорты и доношения, книги записи денег, каталоги медикаментов для лечения больных, отчёты о расходовании сумм, ведомости о состоянии и движении капиталов, медико-топографические описания губерний. Сопоставление документов ГАКО и ГАЯО позволяет изучить и сравнить создание Приказов и различных подчинённых им учреждений в двух соседних губерниях.

Приказ общественного призрения являлся губернским государственным учреждением. В ведении приказа находились тюрьмы, школы (городские и сельские), дома для умалишенных, а также сиротские, работные (рабочие) и смирительные дома, госпитали, больницы, богадельни. Всё это говорит о широкой направленности работы Приказа, который призван был помогать не только представителям дворянского сословия, но и горожанам, сиротам и даже государственным крестьянам.

Ярославская губерния была учреждена в феврале 1777 г., и уже в следующем году ярославским Приказом общественного призрения было создано несколько новых учреждений. 16 марта 1778 г. открылись мужская и женская богадельни для 30 мужчин и 20 женщин соответственно. Удалось установить, что богадельнями заведовал главный надзиратель поручик Андрей Невлен. Иждивенцам здесь выдавалось пособие, например, мужчинам – сначала по 30 коп., а затем – по 38¹⁰. Создание новых богаделен в Ярославле являлось примером государственной заботы о нетрудоспособных и социально уязвимых людях. Это был не единственный подобный пример. Так, 10 декабря 1778 г. Приказ открыл смирительный дом для людей обоего пола. Иждивенцы этого учреждения получали небольшое пособие и часто использовались для государственных работ, например, пряли пряжу.

В данном случае наблюдался комплексный подход к проблеме неимущего населения: с одной стороны, государство заботилось о нём, но, с другой стороны, опе-

⁷ ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-16, Д. 220. Л. 5-209а, Д. 1200. Л. 8-23, Д. 1197. Л. 6-10, Д. 1134. Л. 2; ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 21. Л. 2-7, Д. 22. Л. 1-10, Д. 242. Л. 1-4, Д. 730. Л. 6-70б.; Оп. 3. Д. 26. Л. 1-30б, Д. 27. Л. 1; и др.

⁸ ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 8-9, 28, 32, 107, 731, 775, 1200, 1205; Ф. 72 Оп. 2. Д. 23, 54, 174, 1591, 1723, 1967; Ф. 86. Оп. 1. Д. 2, 28-29, 110; Ф. 550. Оп. 1. Д. 36; Ф. 550. Оп. 2. Д. 42.

⁹ Бычков Ф.А. Описание празднования 100-летнего юбилея Екатерининского дома призрения ближнего в Ярославле. Ярославль, 1886. С. 3-4; Тихомиров И.А. Ярославское Поволжье. Ярославль, 1909. С. 64-65.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; Д. 27. Л. 3.

каемые обеспечивались нетрудной работой, чем должны были хотя бы частично компенсировать расходы на свое содержание. В результате за несколько лет в Ярославской губернии была создана сеть различных по направлениям деятельности учреждений медико-социальной направленности, в числе которых находились также дом для сумасшедших во главе с надзирателем Гаврилой Френёвым (открыт 23 декабря 1779 г.) и бесплатная больница (открыта 24 ноября 1780 г.)¹¹.

Еще одним мероприятием Приказов общественного призрения стало открытие работных (рабочих) домов. В Ярославле создание этого учреждения началось с предложения А.П. Мельгунова Приказу общественного призрения в соответствии с распоряжением Сената от 18 мая 1781 г. «об отсылке шатающихся по городам из деревень и городов жителей для прошения милостыни в работу на фабрики и рабочие дома»¹². Результат не заставил себя долго ждать, и 14 июня 1781 г. в Ярославле появился работный дом. В разных местах города были расставлены люди из этого заведения с кружками для прошения милостыни, а также определён маклер, который выбирался из «здесьнего гражданства» и следил за денежными сборами. Содержащимся в работном доме выдавалось пособие, но это, с оговорками, можно назвать и жалованьем, так как все они выполняли определённую работу. В 1789 г. размер пособия составлял для мужчин – 90 коп., для женщин – 60 коп. Таким образом, это заведение являлось одним из первых исправительных учреждений, основанных на трудовом принципе. Лиц, не желавших исправляться и трудиться, могли поместить в тюремный замок.

Стремясь обеспечить себя квалифицированными кадрами, правительство пошло на ряд мер, направленных на развитие обучения детей и подростков. Важным направлением в деятельности местной администрации являлось развитие просвещения, для чего в городах создавались начальные школы. Выпускники этих школ могли поступать на государственную службу. В частности, 16 апреля 1778 г. в Ярославле открылась школа, в которой училось 50 детей «родителей разного звания». Здесь обучали по-русски читать и писать, катехизису, рисовать, «арифметить» и геометрии. С 1784 г. учеников начали обучать по правилам Московского училища. Кроме того, был создан пансион, где проживало 15 человек¹³. Пищу и одежду пансионеры получали от Приказа общественного призрения. Это учебное заведение сыграло важную роль в приобщении детей разночинцев к государственной службе.

Впоследствии многие из учреждений, подчинявшихся Приказам общественного призрения, численно увеличились и приобрели качественные изменения. Так было, например, в случае с Ярославской городской больницей, изначально не имевшей даже разделения на отделения для мужчин и женщин и занимавшейся лечением практически всех болезней: от гриппа и оспы до хирургических операций. Со временем для больницы выстроили новое здание, мужчины и женщины содержались уже отдельно друг от друга. К 1860-м гг. здесь появились специальные помещения, где находились тяжелобольные.

Постепенно Приказы общественного призрения стали приобретать новые, ранее не характерные для них функции. Кроме расширения сети подведомственных учреждений (больниц, работных, смиренных домов и т.п.) Приказы начали заниматься подготовкой кадров. Для этого при губернских больницах с 1830-х гг. открывались фельдшерские школы, куда принимали всех, кроме крепостных и казённых крестьян (хотя в исключительных случаях государственных крестьян все-таки разрешалось брать). Кроме того, при Приказах общественного призрения создавались училища канцелярских служащих, куда принимали детей-сирот государственных служащих.

¹¹ ГАЯО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 23. Л. 8; Оп. 2. Д. 1. Л. 3-4.

¹² ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 775. Л. 1-2.

¹³ ГАЯО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 3-4.

В аппарате Приказов общественного призрения были представлены практически все слои населения, за исключением крестьян. Это можно увидеть на примере костромского Приказа общественного призрения. По архивным документам 1830-х – 1860-х гг. удалось установить 20 человек, служивших в этом учреждении. В их числе были представлены различные сословия, а именно, из духовного звания – 8 человек (40%), как, например, И.Е. Ипокренский, сын священника, учившийся в Луховском духовном училище Костромской губернии, впоследствии, из костромского земского суда, где служил писцом 2-го разряда, был переведён в костромской Приказ общественного призрения. Из дворян – 4 человека (20%), в том числе Н.П. Ларионов, являвшийся в начале 1830-х гг. смотрителем Костромской городской больницы; из мещан – 4 чел. (20%), из военных – 2 чел. (10%), например, Н.П. Иванов, смотритель костромской больницы и училища детей канцелярских служащих в начале 1850-х гг., из купцов – 2 чел. (10%), и среди них купец 3-й гильдии С.И. Семёнов, заседатель Костромского Приказа в начале 1850-х годов¹⁴.

За период существования Приказов общественного призрения их деятельность расширилась настолько, что появилась необходимость передачи части их функций новым государственным органам. Усложнение задач и разрастание аппарата Приказов общественного призрения приводило к его неповоротливости и неисполнению своих прямых обязанностей и, прежде всего, к недостаткам в организации медицинской и социальной помощи неимущему населению. Реформы 1860-х гг. ускорили этот процесс. В целом, создание и деятельность Приказов общественного призрения стали начальным этапом формирования системы государственного управления социальной сферой в России.

CREATION AND ACTIVITY OF PUBLIC CHARITY ORDERS IN THE END OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURIES (ON MATERIALS OF THE YAROSLAVL AND KOSTROMA PROVINCES)

A.V. KUZMICHEV

*Yaroslavl State University
n.a. P.G. Demidov*

e-mail: kuzav@mail.ru

The article is devoted to the question of creation and functioning of local authorities in the social sphere in regard to public charity orders in last quarter of XVIII – first half XIX centuries. On the basis of the documents from archives of Kostroma and Yaroslavl the author considers activity of establishments of medico-social purpose from the department of orders which creation had begun during Catherine II reforms in 1770s. It is shown that orders which existed until 1860s had a wide range of activities: from medical aid to the deprived population to financial operations in banks.

Key words: orders of the public charity, the Upper Volga region, history of Russia in the end of XVIII – first half of XIX centuries, local management.

¹⁴ ГАКО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 738. Л. 1-8, Д. 324. Л. 806-906., Д. 732. Л. 17а-42а, Д. 734. Л. 306-4, Д. 739. Л. 1-7; Ф. 134. Б/Ш. Д. 3275. Л. 1-4; Ф. 204. Оп. 1. Д. 639. Л. 3, 24.

УДК 94(47).06/94(47).083

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

М.А. АДАМОВ*Курский
государственный
университет**e-mail: adamovm@mail.ru*

Данная статья посвящена истории духовных семинарий Русской православной церкви в период с 1702 по 1917 г. Этот период можно условно разделить на два основных этапа: 1) становление (1702-1867); 2) развитие (1867-1917). При рассмотрении каждого из этапов были выделены и проанализированы основные проблемы, свойственные каждому из них. В итоге был сделан вывод о том, что основной проблемой первого этапа было недостаточное финансирование духовных семинарий. Что касается второго этапа, то главной проблемой следует считать уход учащих духовных семинарий на светскую службу.

Ключевые слова: реформа, духовные семинарии, финансирование, духовное сословие.

Особую актуальность тема истории отечественного духовного образования приобретает в свете разгоревшейся в последние годы острой дискуссии о путях дальнейшего развития современной духовной школы. При этом опыт прошлого может иметь для нее практическое значение. Термин «духовное образование» в научной литературе отличается большим разнообразием трактовок, что приводит к размытости данного понятия. В данной статье под термином «духовное образование» понимается система профессиональной образовательной и воспитательной подготовки будущих священно- и церковнослужителей, осуществляемая в рамках специализированных учебных заведений (духовных школ). Что касается духовных семинарий, то в рассматриваемый период они являлись основным звеном системы духовного образования, так как именно в них проходила подготовку абсолютное большинство приходского духовенства.

Возникшие на протяжении XVII в. Киевская коллегия (с 1701 г. академия¹) и Московская славяно-греко-латинская академия не имели своей основной целью подготовку будущего духовенства. Появление первых специализированных духовных школ, которые и стали прототипом духовных семинарий, следует отнести к первой половине XVIII в. Система профессионального духовного образования возникает по инициативе государства и регулируется государственными законами. Законодательные основы реформирования духовных семинарий в полной мере изложены в «Полном собрании законов Российской империи».

Историю развития отечественных духовных семинарий в рассматриваемый период (1702 – 1917 гг.) можно разделить на два основных этапа: становление (1702 – 1867 гг.) и развитие (1867 – 1917 гг.). Каждый из них имел свои особенности и специфические проблемы. Обратимся к каждому из данных этапов подробнее.

I. Этап становления (1702 – 1867 гг.) в свою очередь можно разделить на несколько стадий: 1) начальная (1702 – 1721 гг.); 2) десекуляризационная или киевская (1721 – 1764 гг.); 3) секуляризационная или московская (1764 – 1808 гг.); 4) стадия осуществления реформы 1808 – 1814 гг. (1808 – 1867 гг.).

1) Начальная стадия (1702 – 1721 гг.). Отправной точкой стало открытие в 1702 г. первой архиерейской школы еп. Дмитрием Ростовским². Вслед за этим они были

¹ Грамота преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту Киевскому. О невозбранении обучаться в Киевской академии русским, приходящим из других стран людям // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. Т. IV. 1870. СПб., 1830. С. 173-174.

² Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 25.

открыты в целом ряде российских городов: в Тобольске в 1704 г.³ и т. д. Отметим, что первые архиерейские школы были открыты архиереями – уроженцами Малороссии и выпускниками Киевской коллегии. Их инициативы отвечали планам государственной власти, которая нуждалась в политически благонадежном и богословски образованном духовенстве. Указ от 15 января 1708 г. предписал обязательное обучение детей духовенства в «греческих и латинских» школах⁴. Но данные школы еще не имели четкого оформления, и их открытие полностью зависело от инициативы епархиального архиерея. Понятие «семинария» еще не употреблялось, но именно архиерейские школы стали ее прототипом.

2) Досекуляризационная или киевская стадия (1721 – 1764 гг.). Ее началом стало вступление в силу 25 января 1721 г. «Духовного регламента»⁵, который стал законодательной основой для обязательного открытия в каждой епархии специализированных школ для подготовки духовенства. Отличительными особенностями данной стадии являются: финансирование духовных школ исключительно из местных епархиальных средств; полная зависимость развития духовной школы от воли епархиального архиерея; насильственный характер набора в духовные школы; систематическое использование учащихся духовных школ для нужд светской службы; ведущую роль выпускников Киевской академии в организации духовных школ; ориентация программы и методик обучения на Киевскую академию, в том числе и преподавание всех предметов на латыни.

Эти особенности обусловили основные проблемы данной стадии: недостаточное финансирование, что нередко являлось причиной закрытия духовных школ; нехватка учителей; уклонение детей духовенства от обучения в данных школах, что было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, чужеродностью для великоросских епархий духовных школ, создававшихся по образцу Киевской академии, возникшей в иных социокультурных и политических условиях. Во-вторых, отсутствием положительных стимулов к учебе. В-третьих, тяжелыми материально-бытовыми условиями существования духовных школ.

На этой стадии впервые используется понятие «семинария». Первоначально оно было употреблено в «Духовном регламенте»⁶. На практике оно стало применяться в 1730-е гг. как название наиболее развитых духовных школ.

3) Секуляризационная или московская стадия (1764 – 1808 гг.). Отправной точкой для данной стадии стало начало секуляризации церковных земель, объявленной 26 февраля 1764 г.⁷. При этом произошла смена церковно-административной элиты Русской православной церкви. Архиереи-малороссы, как противники секуляризации, были постепенно заменены на великороссов, которые поддерживали проводимую секуляризацию. В основной своей массе они были выпускниками Московской славяно-греко-латинской академии. Именно они стали играть ведущую роль в развитии духовного образования на этой стадии его развития.

Главной особенностью секуляризационной стадии стало назначение штатного содержания для всех духовных семинарий, что позволило несколько снизить остроту проблем досекуляризационной стадии. Первоначально сумма, выделяемая на от-

³ Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 27.

⁴ Именный, объявленный из Монастырского Военному приказу. Об определении поповских и диаконских детей в греческие и латинские школы, о непосвящении в попы и диаконы тех, которые учатся в оных школах не пожелают, и о непринимании их ни в какие чины, кроме воинской службы // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. IV. 2186. СПб., 1830. С. 401.

⁵ Регламент или устав Духовной коллегии // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. VI. 3718. СПб., 1830. С. 314-346.

⁶ Регламент или устав Духовной коллегии // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. VI. 3718. СПб., 1830. С. 335.

⁷ О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XVI. 12060. СПб., 1830. С. 549-569.

дельные семинарии, составляла 2 000 руб.⁸ 18 декабря 1797 г. эта сумма была существенно увеличена, и каждая отдельная семинария стала получать от 3 000 до 4 000 руб. в год⁹. Выделяемые ежегодно средства обусловили бесперебойное функционирование духовной школы. Но все же этих средств было недостаточно. При этом по-прежнему ощущалась острая нехватка учителей. К тому же в развитии духовных школ в каждой отдельной епархии главную роль играла личность епархиального архиерея. Как отмечает Н.В. Ляпунова, «подчинение духовных школ епархиальным архиереям не позволяло ввести единые требования к выпускникам школ, методам преподавания, учебным пособиям, построить систему обеспечения духовных школ педагогическими кадрами»¹⁰.

Помимо прочего, продолжалось систематическое использование учащихся духовных школ для нужд светской школы и службы. Так, указ от 25 января 1787 г. сообщал, что в связи со значительным увеличением штатного числа учащихся медицинских школ необходимы лица, знающие латынь, но их очень мало. В связи этим было признано, что «единый надежный и удобнейший предмет» – это приглашение семинаристов и студентов академий. Приглашались необходимые для нужд самой церкви учащиеся высших классов: риторического, философского и богословского¹¹.

Система духовного образования не была структурирована по уровням, каждый из которых имел бы свои четко определенные цели и задачи. Что касается семинарий, то на практике в разных епархиях это были принципиально различные учебные заведения: начиная от начальных школ, в которых обучали элементарной славянской грамотности, церковному уставу и основам латыни, и заканчивая школами с полным курсом, включавшим основательное и всестороннее изучение богословия. Как отмечает П.В. Знаменский, в это время: «семинариями признаны были все вообще главные школы по епархиям, хотя иная такая главная школа, например, Воронежская, не имевшая даже латинских классов, стояла несравненно ниже многих низших по другим епархиям»¹².

4) Стадия осуществления реформы 1808 – 1814 гг. (1808 – 1867 гг.). Она была направлена на комплексное решение проблем, рассмотренных выше стадий. Система духовного образования была разделена на 4 административно соподчиненные ступени с четко определенными целями для каждой из них: духовная академия; духовная семинария; духовное уездное училище; духовное приходское училище.

И именно с этого момента семинарии были выделены в отдельную, имевшую свои цели и задачи ступень духовного образования. Целями деятельности семинарий было объявлено: «1) образование духовного юношества к священнослужительским и учительским должностям; 2) управление уездных училищ»¹³. Помимо того, выпускники семинарий, как предусматривал устав, могли поступать в медико-хирургическую академию¹⁴, то есть использование потенциала духовных семинарий для нужд светской службы было законодательно закреплено в основном документе, регулирующем их деятельность. В качестве основного источника финансирования

⁸ Именной, данный Коллегии Экономии. Об отпуске суммы на содержание Псковской семинарии и на заведение школ в Полоцкой губернии // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XX. 14894. СПб., 1830. С. 849.

⁹ Роспись суммам, назначаемым в прибавку на содержание духовных училищ и на другие расходы, до духовного чина относящиеся // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XLIV. Ч. 2. Книга штатов. 18273. СПб., 1830. С. 59.

¹⁰ Ляпунова Н.В. Эволюция профессионального церковного образования в России. Дис... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 124.

¹¹ Синодский. Об увольнении семинаристов в медицинскую академию, для обучения медицинским наукам, с аттестатами // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXII. 16500. СПб., 1830. С. 801.

¹² Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. С. 537.

¹³ Высочайше утвержденный проект устава духовных семинарий // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXII. 25674. СПб., 1830. С. 955.

¹⁴ Высочайше утвержденный проект устава духовных семинарий // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXII. 26674. СПб., 1830. С. 955.

духовного образования был указан доход от продажи церковных свечей. Другим источником стали проценты с выделенной государством суммы¹⁵.

Помимо административного контроля, духовные академии занимались подготовкой педагогических кадров для подконтрольных им семинарий, уездных и приходских училищ. Аналогичная задача была поставлена и для семинарий, которые помимо своей основной задачи – подготовки приходского духовенства – готовили учителей для уездных и приходских духовных училищ. Это позволило решить проблему нехватки преподавательских кадров для духовных школ.

С самого начала реформы был создан центральный орган для руководства всеми духовно-учебными заведениями, что позволило их вывести из-под непосредственной власти епархиальных архиереев.

Одним из магистральных направлений реформы 1808 – 1814 гг. стало воплощение на практике ранее заявленного принципа всеобщего обучения сыновей священно- и церковнослужителей. При этом важным достижением стало создание положительных стимулов к учебе в духовно-учебных заведениях. Теперь, благодаря распределению по разрядам, от успехов в поведении и учебе принципиальным образом зависело дальнейшее трудоустройство выпускника духовной школы. Требование определенного образовательного ценза от будущих священно- и церковнослужителей решило проблему уклонения детей духовенства от обучения в духовно-учебных заведениях. Но здесь следует отметить, что именно успех данной реформы во многом обусловил собою ряд дальнейших материально-бытовых проблем духовной школы. Приток желающих обучаться в них был столь велик, что ранее предусмотренных для этого средств стало катастрофически не хватать на обеспечение учащихся на должном уровне. Наиболее остро данная проблема стала в царствование Николая I.

Тяжелое положение духовных школ в это время нашло отражение в большом числе источников и научных исследований. Это и архивные материалы, и произведения выпускников духовно-учебных заведений, таких как И.С. Никитин¹⁶ и Н.Г. Помяловский¹⁷, и труды по истории духовной школы. Выпускник Курской семинарии епископ Евфимий Саратовский (Беликов) вспоминал: «в бурсе они терпели и холод, и голод; из-за лишней порции какой-нибудь каши, из-за лишнего куса хлеба, кололи, бывало, дрова для сторожей»¹⁸. Наиболее острой проблемой стало соблюдение в духовных школах элементарных санитарных норм, обеспечение учащихся необходимой обувью, одеждой и качественным питанием.

Первой реакцией стало дальнейшее увеличение суммы, выделяемой на духовно-учебные заведения. Но даже с увеличением средств улучшить материально-бытовое положение духовных школ не удалось. И тогда началось ограничение числа их учеников путем введения штатного числа учащихся в каждом духовно-учебном заведении. Например, нормальное число учеников согласно предписанию Синода в августе 1851 г. для Курской семинарии составляло 340 человек, а именно: высшее отделение – 90 человек, среднее – 110, низшее – 140¹⁹. Но и данная мера не имела успеха, что обусловило необходимость изыскания новых источников финансирования духовно-учебных заведений.

Отметим также ряд имевших принципиальную важность преобразований, проведенных в царствование Николая I. Это, прежде всего, отмена латыни как языка, на котором велось преподавание в духовно-учебных заведениях. Теперь она стала од-

¹⁵ Именной, данный Синоду. О усовершенствовании духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства. С приложением штатов духовных академий, семинарий, уездных и приходских училищ // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXX. 23122. СПб., 1830. С. 381.

¹⁶ Никитин И.С. Избранные произведения. М., 1948. 315 с.

¹⁷ Помяловский Н. Г. Очерки бурсы. М., 1981. 210 с.

¹⁸ Духовные школы Курско-Белгородской епархии // Курские епархиальные ведомости (далее – КЕВ). 1894. № 14. неофициальная часть. С. 286.

¹⁹ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 792. Оп. 1. Д. 89. Л. 274.

ним из учебных предметов. Это позволило развивать отечественную богословскую науку на родном языке и приблизить программу обучения в духовно-учебных заведениях к потребностям проповеди среди широких народных масс.

Еще одним преобразованием стало введение в число преподаваемых в семинариях предметов медицины и сельского хозяйства²⁰. Это было обусловлено стремлением сблизить служение духовенства с практическими нуждами населения приходов, в первую очередь сельских. Эта мера вызвала протест ряда известнейших церковных иерархов. Так, митрополит Московский Филарет (Дроздов) писал: «Священник, просвещенный в вере, благоговейный в богослужении, честный в жизни, с усердием, человеколюбием исполняющий дела своей должности для прихожан, не будет ниже их от того, что мало сведущ в сельском хозяйстве, а у возложивших руку на рало (соху) часто выпадает из рук книга, и совершенство земледельца возрастает похищением от совершенства священника»²¹. Впоследствии медицина и сельское хозяйство были исключены из программы обучения в семинариях.

Перейдем теперь к рассмотрению II этапа, который мы обозначили как этап развития духовных семинарий (1867-1917 гг.). Здесь также следует выделить несколько стадий: 1) реформа 1867 года и ее осуществление (1867 – 1884 гг.); 2) реформа 1884 г. и ее осуществление (1884 – 1905 гг.); 3) революция 1905 – 1907 гг. и подготовка новой реформы духовных школ (1905 – 1917 гг.).

1) Реформа 1867 года и ее осуществление (1867 – 1884 гг.). Основные положения реформы отражены в уставе духовных семинарий от 14 мая 1867 г.²² Особое внимание в ходе ее проведения было уделено финансированию духовно-учебных заведений. Принципиальное внимание было обращено на перестройку зданий духовно-учебных заведений, государство выделило на это 1 500 000 руб.²³ Реформа Александра II во многом была направлена на усиление роли местного самоуправления и самофинансирования. Это нашло отражение и в решении проблемы финансирования семинарий и духовных училищ. Дополнительные средства для увеличения числа учащихся и т.п. нужды изыскивались путем сборов с епархиального духовенства. Сумма сборов и их раскладка по приходам и отдельным священно- и церковнослужителям утверждалась съездами духовенства епархии или отдельных ее частей. Съезды начали созывать уже в 1867 г. Так, в Курско-Белгородской епархии съезд духовенства прошел 10 сентября 1867 г.²⁴ Это позволило решить насущные материальные проблемы семинарий: улучшить жилищные и санитарные условия, обеспечить учащихся самым необходимым и т.п.

Отметим, что реформа 1867 г. нашла свое продолжение в реформе академий в 1869 г. В ходе этих преобразований было введено выборное начало в избрание руководства духовно-учебных заведений, при этом была отменена система духовно-учебных округов. Но в это же время в 1860 – 70-е гг. резко обозначился целый комплекс проблем, которые были, с одной стороны, обусловлены социально-политической обстановкой в стране, а с другой, внутренними проблемами самого духовного сословия. Многие семинаристы устремились на гражданскую службу, среди учащихся духовных школ нарастали революционные настроения. Здесь стоит отметить, что первые революционные кружки в среде учащихся молодёжи возникают именно в духовных семинариях. Так, В.В. Вяткин отмечает, что в 1860 г. в Пермской семинарии обнаружили тайную типографию и революционно-демократический кружок²⁵.

²⁰ Налётова Н.Ю. Становление и развитие духовного образования на территории Смоленской епархии в XVIII – XIX веках. Дисс. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2006. С. 98-99.

²¹ Дроздов Ф. Собрание мнений и отзывов. Соч. в 3 т. Т. 2. СПб., 1995. С. 160.

²² Высочайше утвержденный устав православных духовных семинарий // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLII. Отделение первое. 44571. СПб., 1871. С. 498-511.

²³ ГАКО. Ф. 792. Оп. 1. Д. 141. Л. 20.

²⁴ Там же. Д. 138. Л. 445.

²⁵ Вяткин В.В. История Пермской епархии в XIX – XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. С. 118.

В 1863 г. семинаристам было позволено свободно поступать в университеты, значительное число семинаристов воспользовалось этой возможностью. По данным Г.И. Щетининой, в 1875 г. 53 % всех поступивших в университеты составили гимназисты и 46 % семинаристы²⁶. Буквально через несколько лет обозначилась острая нехватка кадров для нужд самого духовного ведомства. К тому же проблема усугублялась тем, что в университеты уходили лучшие из учащихся. В результате в 1879 г. доступ семинаристов в университеты был сильно ограничен²⁷.

Острота данной проблемы была обусловлена тем, что ранее это приветствовалось самим государством, которое ощущало нехватку образованных кадров. Теперь государство с развитием светской системы образования не нуждалось в массовом притоке учащихся духовных школ. Все это развивалось на фоне вовлечения учащихся духовных школ в революционно-демократическое движение. Следует отметить, что кумиры молодежи той эпохи Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов – сами происходили из семинаристов.

2) Реформа 1884 г. и ее осуществление (1884 – 1905 гг.). Основные ее положения отражены в уставе духовных семинарий, утверждённом 22 августа 1884 г.²⁸, и были направлены на усиление административного контроля над учащимися духовно-учебных заведений. При этом было отменено выборное начало при избрании их администрации, оно было заменено на принцип назначения. Но данные меры не приводили к решению острейших проблем духовной семинарий: стремление учащихся к уходу на светскую службу и дальнейшее усиление в их среде революционных настроений. Принятые меры лишь отсрочивали решение данных проблем.

В это время в особенной ясностью обозначилась взаимосвязь проблем духовного сословия и духовной школы. В связи с этим митрополит Евлогий (Георгиевский) делал следующий вывод: «Тяжелые впечатления раннего моего детства заставили меня еще ребенком почувствовать, что такое социальная неправда. Впоследствии я понял, откуда в семинариях революционная настроенность молодежи: она развивалась из ощущений социальной несправедливости, воспринятых в детстве. Забитость, униженное положение отцов сказывались бунтарским протестом в детях»²⁹. Дело в том, что духовная школа в России с самого момента своего возникновения стала формироваться как сословная, в нее набирали детей священно- и церковнослужителей. Первоначально это было обусловлено тем, что данные лица были освобождены от податей и повинностей, и государству было не выгодно расширять численность духовенства за счет привлечения лиц из податного сословия. В указе от 9 июля 1744 г. отмечалось, что если «в церковнический и в другие чины из крестьян положенных в подушный оклад, по желанию их принимать и определять, то никогда исправного платежа подушных денег быть не может»³⁰. Впоследствии это закрепилось тем, что сами духовные школы финансировались из средств духовного ведомства.

Отметим также, что успех финансового аспекта реформы 1867 г. имел помимо положительных и определенные негативные последствия. Местные средства приходов, извлекаемые посредством епархиальных съездов, могли быть получены только при условии, что абсолютное большинство учащихся духовных школ будут детьми духовенства. К тому же обучение детей священно- и церковнослужителей в духовных школах осуществлялось на льготных условиях. Лучшие в успехах и поведении могли

²⁶ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России: Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 34.

²⁷ Новый закон о порядке допущения воспитанников семинарий в университеты // КЕВ. 1879. № 7. Официальная часть. С. 303-304.

²⁸ Уставы православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утверждённые 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1908. 303 с.

²⁹ Евлогий (Георгиевский) Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 19.

³⁰ О написании в подушный оклад выбывших в духовный чин // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. II. 677. СПб., 1907. С. 159.

содержаться за казенный счет. Но даже для тех, кто обучался на платной основе, все же это было дешевле, чем в гимназии.

3) Революция 1905 – 1907 гг. и подготовка новой реформы духовных школ (1905 – 1917 гг.). Еще в 1890-е гг. появляются первые революционные общесеминарские организации. Пиком революционной деятельности духовных школ стал 1905 г., на протяжении которого революционные выступления охватили все семинарии страны. В некоторых, например, в Минской, беспорядки привели к открытому столкновению с полицией. В ряде семинарий в 1905 – 1907 гг. произошли нападения на представителей административного состава, которые закончили ранениями и смертью данных лиц³¹.

Общим для всех семинарий лозунгом было требование свободного доступа в университеты. С начала 1905 г. центром общесеминарской организации становится г. Владимир, откуда было разослано воззвание, которое агитировало семинарии за подачу общесеминарской петиции об открытии доступа во все высшие учебные заведения³². 14 декабря 1905 г. правительство дало разрешение на свободное поступление семинаристов в высшие учебные заведения. И здесь, как и в 1870-е гг., количество поступающих в университеты было столь велико, что уже в 1908 г. доступ в университеты был сильно ограничен. В итоге в 1904 – 1905 учебном году в университеты поступило 467 выпускников семинарий, в 1905 – 1906 – уже 674, а в 1906 – 1907 г. – 667³³. С 1906 г. началась подготовка к Поместному собору. В ходе нее были собраны мнения епархиальных архиереев. Большинство высказалось за доступную для всех сословий духовную школу. Но данное решение потребовало бы целого ряда кардинальных преобразований.

Во-первых, это бы привело к окончательному разрушению замкнутости духовного сословия. Во-вторых, потребовалось решение вопроса о получении детьми духовенства среднего образования. Для этого предлагалось открыть специальные гимназии, в которых бы обучались желавшие поступить в светские учебные заведения и на гражданскую службу. Но здесь вставал вопрос о том, кто будет финансировать эти гимназии. Окончательно данный вопрос в рассматриваемых нами временных рамках так и не был разрешен. Решения открывшегося после Февральской революции Поместного собора 1917 – 1918 гг. не были проведены в жизнь в полной мере, т.к. в 1918 г. все духовные семинарии были закрыты большевиками.

Подводя итоги, следует сказать, что основной проблемой духовных школ на этапе становления (1702 – 1867 гг.) были недостаточное финансирование. Преобразования духовных семинарий на данном этапе были в той или иной мере связаны с увеличением выделяемых государством средств. На этапе развития духовных семинарий (1867 – 1917 гг.) удалось решить острейшие материально-бытовые проблемы духовных семинарий. Это было сделано благодаря реформе 1867 г., когда с одной стороны была увеличена сумма государственных средств, выделяемых на духовное образование, а с другой – через созыв епархиальных съездов духовенства привлекались дополнительные средства из местных источников. При этом главной проблемой этапа развития духовных семинарий (1867 – 1917 гг.) следует считать стремление их учащихся на светскую службу.

³¹ Образцова М.Н. Государственно-церковные отношения в модернизационном процессе в России начала XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 127-128.

³² Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Л., 1925. С. 90.

³³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1905 – 1907 г. СПб., 1909. С. 155, 159, 163.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THEOLOGICAL SEMINARIES OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN XVIII – THE FIRST PART OF THE XX CENTURIES

M.A. ADAMOV

Kursk State University

e-mail: adamovm@mail.ru

This article is devoted to history of theological seminaries of the Russian Orthodox church from 1702 to 1917. This period can be divided into two basic stages conditionally: I. Formation (1702-1867); II. Development (1867-1917). The basic problems of each stage have been revealed and analysed. As a result, the conclusion has been drawn that insufficient financing of theological seminaries was the basic problem of the first stage; as for the second stage, the main problem was that students of theological seminaries left for secular service.

Key words: reform, theological seminaries, financing, theological estate.

ИНФОРМАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ПОПЕЧИТЕЛЯ УЧЕБНОГО ОКРУГА (КАЗАНЬ, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)*

К.А. ИЛЬИНА

*Казанский
государственный
университет*

e-mail: glukist@mail.ru

В статье на основе опубликованных и архивных документов рассматривается процесс складывания норм служебной этики попечителя учебного округа. Внимание акцентируется на практике обращения попечителя с таким властным ресурсом как информация, его месте в коммуникативном пространстве Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, система народного просвещения, первая четверть XIX века, попечитель учебного округа, власть, информация, этика.

Первая четверть XIX века для Российской империи – это время формирования новой системы государственного управления. По мысли французского философа М. Фуко, для Нового времени характерен паноптический режим властвования, когда власть знает и видит все, что происходит в рамках ее пространства. Это повлекло за собой применение новых техник властвования, что включало в себя, прежде всего, переструктурирование прежних ценностей (например, информации, знания, а также их собирателей и производителей), разработку и внедрение новых методов дисциплинирования (системы взысканий и поощрений).

Кроме того, в Александровскую эпоху в одном пространстве сосуществования оказались два разных культурно-психологических поколения людей. Г.А. Орлова, изучавшая особенности бюрократической ментальности XIX – начала XX веков, характеризует их следующим образом: с одной стороны, «добрый начальник», «екатерининский вельможа», который «управляет на основе патриархальных, отеческих отношений, не регламентированных инструкцией»¹ и для которого самая главная власть – это власть традиции. С другой стороны – «светский человек», «александровский сановник», для которого должностное взаимодействие регулируют светские нормы, а высшая власть – власть закона².

Все это вело к появлению и развитию новых критериев оценки сановника, чиновника, бюрократа, причем не только с точки зрения утилитарной пользы, но и с этической и эстетической точки зрения. Речь шла не столько об общечеловеческих моральных ценностях, сколько о создании собственного «кодекса чести» и деловой этики при отсутствии письменно зафиксированных правил (поведенческих норм). Необходимо отметить, что соизмерение действительности с умозрительным идеалом использовалось в качестве реального рычага воздействия на «нормализуемых».

В первой четверти XIX века одной из активно обсуждаемых как в императорском окружении, так и на местах проблем была организация (в широком смысле слова: то есть не только появление, но и развитие, расширение) системы народного просвещения в стране и способов эффективного управления ею. Страна была разделена на шесть учебных округов, во главе которых были поставлены университеты. Создание нового «ученого» сословия в масштабах империи требовало выработки новых,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве (Gerda Henkel Stiftung, проект AZ 02/SR/08).

¹ Орлова Г.А. Российская бюрократическая ментальность. 1801-1917 гг.: Дис. ... канд. псих. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 109.

² Там же.

нехарактерных для прочих страт российского общества, норм и иерархий. Те порядки, которые в европейских университетах выкристаллизовывались десятилетиями, в их российских собратях были подчинены интересам государства, которое производило их селекцию: часть из них – заимствовались, часть – отвергались, некоторые – перекодировались, пересматривались или изобретались вновь.

Поскольку было создано Министерство народного просвещения, в России появились чиновники, функция которых заключалась в управлении просвещением. Появление нового объекта требовало выработки норм, которым должен был следовать управленец. Субъектом такой системы, обеспечивающим её функционирование, был попечитель учебного округа. В силу своего служебного положения он был фигурой посреднической. С одной стороны, попечитель был представителем (транслятором) интересов университета и ходатаем о благе округа перед министром и императором. А с другой, он должен был отстаивать интересы империи, монархии, нации в управляемом сообществе, доносить им и проверять исполнение желаний власти. «Предварительные правила» предписывали попечителю жить в столице, раз в два года объезжая свой округ. Необходимо отметить, что при отсутствии четко прописанных должностных полномочий и реальных ресурсов власти на них ложилась ответственность перед императором и обществом за «приведение в цветущее состояние»³ вверенных им учреждений и прилегающих к ним территорий.

В реалиях первой четверти XIX века попечитель сам определял принципы и ограничивал пределы своих властных полномочий по отношению к университету, сам выбирал стратегию поведения и методы воздействия на стоящих выше или ниже его в должностной или статусной иерархии, сам устанавливал «правила игры» и нормы, которых ему следует придерживаться (например, степени свободы в распоряжении той или иной информацией) – то есть вырабатывал собственный набор заповедей, собственный «кодекс» деловой этики. Перечень норм, естественно, не оставался стабильным на протяжении исследуемого времени и разрабатывался каждым попечителем во взаимодействии с окружающим его миром. В данном случае мы фокусируем внимание на выработке попечителем норм служебной этики для себя и способах их репрезентации университетской корпорации.

Попытки введения неких норм и формулировка своих позиций по некоторым вопросам в разных формах (прежде всего, стилистических) для каждого из попечителей говорит о желании глав учебного округа «упорядочить» корпорацию, сделав ее тем самым более управляемой⁴. Содержание и выражение мнения попечителей по вопросу своего положения как представителя власти и отношений с академической корпорацией зависело во многом от положения главы округа в столичном обществе и при дворе, его роли в Министерстве народного просвещения, от тех властных ресурсов (физических, организационных, социальных, психологических), которыми он располагал. Перечень устанавливаемых попечителем для самого себя и для корпорации норм и способы их внедрения нашли отражение в переписке глав округа с отдельными чиновниками университета. В нашем распоряжении находится комплекс писем попечителей первой четверти XIX века – С.Я. Румовского (1734-1812), М.А. Салтыкова (1769-1851) и М.Л. Магницкого (1778-1844).⁵

³ Эта задача попечителя была сформулирована в законодательстве, но не разъяснена. Судя текстам попечителей и профессоров, эта деятельность включала в себя не только восхваление побед просвещения в своем округе, но и постоянную работу попечителя по преобразованию вверенных ему учреждений, решению возникающих в университете и округе хозяйственных, экономических, кадровых проблем.

⁴ См. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М., 1999. С. 268-269.

⁵ Переписка попечителей С.Я. Румовского и М.А. Салтыкова с профессором физики Броннером была опубликована Д.И. Нагуевским в 1902 году (Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка. Казань, 1902. 504 с.) и переведена в 2003 году И.А. Цыганковым (Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка. 1758-1850 / Д.И. Нагуевский; пер. с фр. И.А. Цыганкова. Казань, 2003 297 л. // ОРПК НБ КГУ. № 10114.). Письма попечителя М.Л. Магницкого опубликованы нами в 2006 году (Ильина К.А. Попечитель учебного округа // Нефор-

Обращает на себя внимание самопрезентация попечителя в письмах, представление о своей роли в жизни университета, жизненная установка и личностная позиция: самосохранения, имидж неудачника или победителя. В результате, для университетской корпорации Казани попечитель и его деятельность в Петербурге представляла совершенно под разными углами зрения. С.Я. Румовский, в силу возраста, а на момент вступления в должность в 1803 году ему было 69 лет, не предпринимал активных действий. Он показывал Министерство народного просвещения и его совещательный орган – Главное правление училищ, членами которого были, кроме назначенных императором лиц, все попечители учебных округов, строгим и требовательным как в научном, так и в дисциплинарном смысле. По письмам М.А. Салтыкова, последние два года попечительства (1816 и 1817) занятого личными проблемами и своей несостоявшейся ролью в министерских «играх», складывается впечатление, что во время исполнения служебных обязанностей в Петербурге он ощущал себя в аду, где ему чинились всевозможные препятствия. В письмах М.Л. Магницкого Министерство и его органы изображались как более-менее управляемое главой округа на благо университета учреждение, что объяснялось активной позицией попечителя и большим весом в Главном правлении училищ⁶.

Главное правление училищ выступало полем конкурентной борьбы для попечителей, местом демонстрации силы власти, управленческих навыков и их успешности. И здесь в качестве символического капитала выступали и происхождение, и образование, и опыт государственной службы, и связи, и личное обаяние, и умение договариваться, и везение вовремя оказаться в нужном месте в нужное время.

Роль и степень влияния в Министерстве, способ видения себя и презентации своей состоявшейся или нет «начальственной» роли подчиненным – все это влияло на представление попечителя и его респондентов о доступных главе округа властных ресурсах и спектре возможных действий. Это было некой «нормой», данностью на определенное попечительство и именно эту константу приходилось учитывать чиновникам университета. Как показывают письма попечителей Салтыкова и Магницкого, первого университетское начальство позволяло себе игнорировать (особенно это удавалось директору университета и гимназии И.Ф. Яковкину и ректору И. Брауну), а второму беспрекословно подчинялось.

В отношениях с корпорацией роль Румовского можно охарактеризовать как позицию проводника: трансляция распоряжений власти, сопровождающаяся некоторыми рекомендациями. Послания Салтыкова позволяют наполнить понятие «попечитель» нравственным содержанием: попечитель прописывал моральные и этические принципы, которым он должен следовать. Они имели два источника: Евангелие («забыть оскорбления и делать все для наших врагов») и личный опыт попечителя («осторожно обращаться с недоброжелателями», «я полагал, что можно делать добро безнаказанно, и я сразу же увидел, что является опасным этого желать»). Но при отсутствии поддержки министра все попытки Салтыкова наладить рабочие (а не дружеские, в чем он преуспел с помощью переписки с профессором физики Ф. Броннером) отношения с корпорацией не были успешными. Точка зрения Магницкого на отношения с корпорацией характеризуется, в первую очередь, тем, что попечитель иногда как бы инкорпорировал себя внутрь нее, используя местоимения «мы», «наши», когда хотел похвалить, а иногда отгораживался от нее с помощью противопоставления

мальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева, М.Х. Гизатуллин, К.А. Ильина. Казань, 2006. С. 100-226). Кроме того, в разрозненном виде письма попечителей и ответы на них хранятся сегодня в казанских архивохранилищах – Национальном архиве Республики Татарстан и Отделе рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ. Отдельные письма сохранились в Государственном архиве Российской Федерации, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки им. М.А. Салтыкова-Щедрина.

⁶ См. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 110.

местоимений «я» и «вы». Он пытался расширить горизонты университетских чиновников до размера своих собственных (а они сводились, по сути, к выработке единой образовательной политики и стратегии управления округами), вписать Казанский университет не только в общее образовательное пространство Российской империи (постоянно сравнивая его с Московским и Петербургским, говоря о преемственности преобразований для всех университетов), но и в просвещенное пространство Европы (отправляя профессора астрономии И.М. Симонова в кругосветное плавание, командируя профессоров в европейские страны, выбирая почетным членом университета императора Австрии). Достаточно жесткой была позиция попечителя по поводу существования «партий» и «фаворитства» в университете, конфликтов среди членов академического сообщества. В одном из писем Магницкий привел некую формулу корпоративности: «всем лишним связям предпочитать благо университета как условия, к которому каждый член его привязан быть должен».

При различии взглядов на действительность и методов воздействия попечителей их переписку в один комплекс объединяла одна цель – обмен информацией об университете (о господствующих в нем нормах, о спорах). Попечители осознавали, что информация – это достаточно мощный ресурс власти и стремились овладеть им. Однако чтобы добиться результата (для попечителя это – эффективное управление учебным округом) было важно не только оценить важность ресурса, но и почувствовать его ограничения, то есть уметь использовать его.

Анализ переписки в этом направлении выводит исследователя на следующие вопросы: источники информации и векторы ее распространения в образовательном пространстве империи; что для главы округа являлось информацией и на что можно было пойти для того, чтобы ее добыть (моральные рамки); каковы границы информации как властного ресурса (то есть способы распоряжения новыми сведениями и причины для подобных действий).

Движение информации в коммуникативном пространстве попечителей учебных округов отнюдь не исчерпывалось строгой, описанной в законодательстве иерархической схемой «император – министр – попечитель – университет – округ». Скорее, оно напоминало паутину со множеством разнонаправленных (вертикальных, горизонтальных, диагональных) и перекрещивающихся коммуникативных потоков.

В центре этой «информационной» паутины находилось Главное правление училищ. Тематика разговоров участников заседаний Правления училищ, аргументация предложений и проектов, созданные ими документы дошли до нас в виде архивных коллекций фонда Главного правления училищ в Российском Государственном историческом архиве, публикаций в официальном органе министерства, сборниках распоряжений и постановлений. Целый ряд материалов позволяют понять роль Правления училищ как места обсуждения и реализации попечительских инициатив. В них зафиксировалось направление и процесс принятия решений в Правлении, механизм создания прецедента для последующих нововведений.

Попечитель, исходя из своего положения в служебной иерархии, был связан постоянными коммуникациями с министром народного просвещения, с одной стороны, и с руководством университета, с другой. Попечители поддерживали постоянную связь с подведомственными им учебными округами. Переписка велась с управляющими органами университета и местным начальством (например, с ректором и директором университета, а также лицами, исполняющими их обязанности). Кроме того, постоянными респондентами попечителей часто становились некоторые профессора, к мнению которых, по той или иной причине, глава округа прислушивался. Таким образом, существовало несколько параллельных вертикальных информационных (коммуникативных) потоков между попечителем и вверенным ему университетом. В данном случае глава округа оказывался своеобразным «фильтром» информации между Главным правлением училищ и академической корпорацией. Именно попечитель брал на себя ответственность и решал, какие сообщения достойны вни-

мания министерских чиновников или других лиц (экспертов в разных областях, например), а с какими он разберется самостоятельно.

Судя по министерским журналам, особого внимания заслуживали отчеты, иллюстрирующие «успехи народного просвещения». Под «успехами» до 1817 года, прежде всего, понималось увеличение количества учебных заведений империи, о чем свидетельствует буквально почасовое описание их торжественных открытий. Журнал – своеобразная «доска почета» для лиц, сделавших пожертвование, перечень всех назначенных или отличившихся учителей и профессоров. Особым разделом помещался список изданных книг. Видимо, в сознании современников каждое вновь открытое училище, каждый новый учитель, каждая изданная книга ассоциировалось с шагом к победе просвещения и «истинного света» над необразованностью и варварством. Конкурировать с ними по частоте упоминания могут только отношения министра о назначении пенсионера выходящим в отставку после долгой службы (от 20 до 30 лет) преподавателям округа, а также, в случае смерти последних, их вдовам и сиротам. Это, по-видимому, должно было демонстрировать заботу государства об ученом сословии. В журналах первой половины 1820-х годов большое внимание уделяется научным и литературно-нравственным сочинениям, что объяснимо спецификой образовательной политики этого периода.

Кроме того, было некоторое различие в том, что включали в «успехи» и представляли «идеальным», показательным для других попечители разных округов. Так, попечитель Харьковского округа граф Северин Потоцкий представлял в Правление подробные описания завершающих торжественных актов университета с перечислением фамилий студентов. Попечитель Дерптского университета Федор Клиндер демонстрировал статистику учащихся. Попечитель Николай Новосильцев заявлял о том, что выпускники Петербургского Педагогического института становятся учителями в разных училищах империи. Таким образом, главы округа демонстрировали свою силу и информированность не только самим себе и коллегам, но и рекламировали подведомственный им университет читателям журнала.

Находящийся в нашем распоряжении комплекс писем казанских попечителей позволяет говорить о том, что попечитель также «отбирал» информацию, транслируемую в округ. Некоторые вопросы он решал сам и уже потом представлял в университет результат. Иногда необходимость самостоятельных решений попечителя, которые часто характеризуются дореволюционными историками как единоличные или авторитарные, диктовалась отсутствием времени на сношение с корпорацией. Дело в том, что между отправленным письмом и ответом на него проходило минимум 4-5 недель. За это время в столице могли произойти кардинальные изменения. Вследствие этого, отправленная попечителем в округ информация устаревала, и мнение «ученого сословия» оказывалось мнением по несуществующему вопросу.

Кроме «горящих» вопросов, без обсуждений «спускались» указы императора, постановления министра и Главного правления училищ, причем некоторые из них попечитель считал нужным подробно и неоднократно растолковывать и «изъяснять» в письмах университетским чиновникам. Те вопросы, которые не требовали сиюминутного разрешения, попечитель отдавал на обдумывание академической корпорации.

Часть информации, предоставляемой в округ, носила «неформальный» характер. Она включала в себя сообщения о продвижении университетских дел, факты биографии некоторых профессоров и претендентов на эти должности, высказывания и мнения попечителя о своих коллегах по министерству и о происходящих в Петербурге событиях, рассуждения о смысле жизни. Подобные замечания, нацеленные на демонстрацию доверия и дружеских чувств главы округа к респонденту, встречаются как в форме заметки (оговорки), так и достаточно подробного рассказа. Здесь необходимо заметить, что в Казани и без писем попечителя ходило немало слухов о петербургской жизни главы округа – «новостей», предоставляемых его якобы «друзьями» и «знакомыми». Так, в одном из писем профессор Франц Броннер поздравил не-

давно потерявшего жену попечителя М.А. Салтыкова с новой влюбленностью и готовящейся свадьбой, что последнему пришлось опровергать в ответном послании.

Иногда информация, относящаяся к жизни образовательного пространства империи, поступала к попечителю от ректоров или профессоров «чужого» округа. Подобные коммуникативные потоки активизировались в случае, например, перевода профессора из одного университета в другой (как это было с профессором Казанского университета И. Нейманом в январе 1811 года, когда за него ходатайствовал попечитель Дерптского университета)⁷ или по личной инициативе последнего (как в случае с казанским профессором Василием Перевошиковым, который послал петербургскому попечителю С.С. Уварову свое сочинение)⁸.

Кроме того, архивные материалы Казани позволяют зафиксировать еще два информационных потока вертикальной направленности, исключаящие попечителя округа как действующее лицо коммуникации. Один из них возник по инициативе профессора Броннера между ним и министром народного просвещения (его переписка с А.К. Разумовским сохранилась) по предложению попечителя, а другой – между руководством университета и министром. Второй поток мог быть вызван двумя причинами: либо отсутствием у округа попечителя (в связи со смертью последнего), когда Совет должен был относиться по всем делам прямо к министру, либо нежеланием ректора подчиняться попечителю (упоминание о подобном случае содержится в письмах М.А. Салтыкова).

Функция горизонтального движения информации (общение попечителей между собой на заседаниях Главного правления училищ) состояла в выработке и достаточно часто распространении на все университеты законодательно зафиксированных норм, на которые впоследствии опирались как сами главы округов, так и их преемники. Решения Главного правления училищ распространялись на пространство империи двумя путями: или заявка одного попечителя поддерживалась аналогичными заявками других, либо Правление (то есть все попечители вместе) предписывало распространить принятое решение на все округа автоматически.

Кроме устного общения, попечители поддерживали и письменную связь. Известны письма Н.Н. Новосильцева, С.О. Потоцкого, С.С. Уварова, адресованные С.Я. Румовскому и посвященные кадровым вопросам. С точки зрения неформальных практик управления и границ использования властных ресурсов, интересно письмо петербургскому попечителю С. Уварову от главы Московского учебного округа, написанное 11 апреля 1811 года. П.И. Голенищев-Кутузов просил своего коллегу, во-первых, передать присланный с этой же почтой «пакет с официальными бумагами» министру (то есть задействовать неформальные связи, так как министр народного просвещения А.К. Разумовский был тестем С. Уварова) и, во-вторых, ссылаясь на интриги, что плетут против него недоброжелатели в министерстве, проследить, чтобы подаваемые им документы нигде не задерживались и не оседали⁹. Говоря о приближенном к министру «недоброжелателе», Голенищев-Кутузов, вероятно, имел в виду И. Мартынова, правителя канцелярии Разумовского. Здесь можно оговориться, что несколько далеко не лестных пассажей о Мартынове встречается в письмах казанского попечителя М. Салтыкова. Н.И. Греч в своих мемуарах утверждает, что и сам Разумовский, будучи попечителем, ненавидел Мартынова, но пересилил свое отношение к нему, став министром¹⁰. Этот сюжет упирается в проблему служебной этики министра и тех рамок, которые тот для себя устанавливал.

Таким образом, попечитель учебного округа был человеком, в руках которого находился колоссальный объем информации. Ее он мог использовать в своих целях:

⁷ Периодическое сочинение об успехах Народного просвещения. СПб., 1811. №30. С. 76.

⁸ ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея). Ф. 17. Уваровы. Оп. 1. Ед. хр. 89. Письма С.С. Уварову разных лиц. Л. 20-21.

⁹ Там же. Л. 36-37.

¹⁰ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 220-221.

на благо вверенного университета, для нужд собственной карьеры, в качестве отговорки, расширения объема собственной власти. В то же время, знание требовало ответственности. Решения, принимаемые каждым попечителем относительно корпорации, способы управления информацией, озвучиваемые действия по отношению к равным по статусу влекли за собой рождение неких норм поведения (профессиональной этики) представителей власти в определенных ситуациях и способствовали законодательному структурированию и организации просвещенного пространства Российской Империи.

INFORMATION AND PROFESSIONAL ETIQUETTE OF THE CURATOR OF THE EDUCATIONAL DISTRICT (KAZAN, THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY)

K.A. ILYINA

Kazan State University

e-mail: glukist@mail.ru

On the basis of the published and archival documents the author considers the process of formation of the office ethics norms of the educational district curator. The attention is accented on practice of the reference with such imperious resource as information and its place in the communicative space of the Russian Empire.

Key words: Russian Empire, system of national education, the first quarter of the XIX century, power, curator of the educational district, information, ethics.

НАЧАЛО ИЗДАНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»

А.В. КАЙЛЬ

*Саратовский
государственный
технический
университет*

e-mail: Kayl-VN@ssb.ru

В данной статье рассматривается первый период существования популярного либерального журнала «Вестник Европы». Автор делает вывод о том, что «Вестник Европы» создавался как научно-исторический журнал. Однако массового читателя он так и не сумел приобрести. Спустя два года его издатель и редактор Михаил Матвеевич решил поднять рейтинг «Вестника Европы» путем расширения его программы и преобразования в общественно-политический ежемесячник. Впоследствии «Вестник Европы» станет настоящим призванием Стасюлевича, превратится в дело всей его жизни. Журнал «Вестник Европы» станет центральным органом либеральной оппозиции, пристанищем всех прогрессивно настроенных людей, которые будут пытаться сохранить, во что бы это ни стало, буржуазные реформы 60-х и 70-х годов XIX века.

Ключевые слова: либеральный журнал «Вестник Европы», общественно-политический ежемесячник, Михаил Матвеевич Стасюлевич, либеральная оппозиция, буржуазные реформы 60-х – 70-х годов XIX века, пристанище, прогрессивно настроенные.

Одним из самых известных дореволюционных журналов в России был либеральный журнал «Вестник Европы». Этот «толстый» ежемесячник радовал своих читателей 52 года. Существование «Вестника Европы» неразрывно связано с именем Михаила Матвеевича Стасюлевича, который на протяжении сорока трех лет был его бессменным издателем и редактором. В 1866 году Михаилу Стасюлевичу исполнилось сорок лет. Умудренный жизненным опытом и знаниями, бывший профессор принял решение круто изменить свою жизнь и посвятить себя изданию и редактированию либерального журнала. С этого периода и на протяжении более сорока лет он станет крупнейшим издателем и книготорговцем.

В 1865 году появился новый закон о печати, по которому отменялась предварительная цензура для столичных периодических изданий. Русское печатное слово, таким образом, приобрело некоторую долю независимости и свободы. Воспользовавшись появлением новых «временных» правил о печати Стасюлевич решил издавать либеральный журнал. Назвал свой журнал «Вестник Европы» Михаил Матвеевич в честь знаменитого историка Н.М. Карамзина, который редактировал одноименный журнал в начале XIX века.

Анализ переписки Стасюлевича со своим учителем и другом П.А. Плетневым показывает, что еще с того времени, как Михаил Матвеевич покинул университет в 1861 году, он пытался найти себе деятельную и интересную работу, которая впоследствии и вылилась в издание журнала. 26 октября 1865 года Стасюлевич впервые написал Плетневу о своих мыслях по поводу издания журнала. Он решил спросить совета у человека, который имел к тому времени достаточный журнальный и литературный опыт¹. Боясь что-нибудь сделать не так, действительный статский советник Стасюлевич² старался сначала все тщательно взвесить и проверить. «Я не отказываюсь от этой мысли, но и не делаю пока никаких решительных шагов: навожу справки, разужнаю, советуюсь и вообще желаю семь раз примерить, и один раз отрезать»³, –

¹ П.А. Плетнев редактировал «Современник» в начале XIX века.

² 19 апреля 1864 года М.М. Стасюлевич был произведен в действительные статские советники.

³ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т.1. С. 225-226.

писал он Плетневу в том же письме. Тогда еще Михаил Матвеевич не решил для себя точно, что конкретно он хочет издавать – журнал или газету.

П.А. Плетнев с одобрением отнесся к затее Стасюлевича. «Предпринимаемое Вами четырехмесячное обозрение предметов, которое Вы избрали себе целью жизни, – это действительно принадлежащее преимущественно вам поприще. На нем подвизаются лучшие умы в Англии. Его избрал и Пушкин, принявшись за свой журнал. Я не хочу и не должен скрыть от вас, что это недоходное предприятие. Но вы, конечно, поняли и чувствуете сами, что это в будущем составит Вам утешение, а имени вашему честь и гордость», – подбадривал он Михаила Матвеевича в письме от 21 ноября / 3 декабря 1865 года⁴.

Накануне принятия такого серьезного шага как издание журнала или газеты Стасюлевича одолевали различные тревоги и волнения. 10/22 ноября 1865 года он сообщал о своем настроении в письме к Плетневу: «Но общее мое настроение было уже таково, что я невольно принял немногие слова Вашего письма по поводу моего намерения издавать газету за предостережение. Вы напоминаете мне, что с таким предприятием связаны не только труды, но и «честь имени». Это – страшная правда! Несмотря на весь мой труд и добросовестность, в газете произносится суд над редактором с точки зрения успеха: удайся мне дело, все скажут молодец! не удайся – все обругают и прибавят: экой аферист! И падение будет не только больно, но и обидно...»⁵.

Прежде чем подать прошение в Главное управление по делам печати о разрешении издавать журнал, Михаилу Матвеевичу необходимо было заручиться поддержкой министров. Он решил не рисковать попусту, прекрасно помня о своих несостоявшихся публичных лекциях для купечества и о неудаче со вступлением в военную академию. Поддержку своему другу оказал Плетнев, который обратился за помощью к Ф.И. Тютчеву, близкому человеку министра внутренних дел П.А. Валуева, с просьбой всячески содействовать благоприятному исходу ходатайства Стасюлевича⁶. Тютчев в тот период состоял председателем Петербургского комитета иностранной цензуры⁷. Он с радостью вызвался помочь Михаилу Матвеевичу. Бывший профессор нашел у Тютчева «такой ласковый прием», что сохранил о нем «воспоминание на всю жизнь»⁸. Однако же министр внутренних дел пожелал лично переговорить со Стасюлевичем. Валуев вызвал опального профессора к себе и сказал, что «он ничего не имеет против него, но что о нем плохо говорят»⁹. Михаил Матвеевич не растерялся и ответил: «мало ли о ком плохо говорят, Ваше Высокопревосходительство, – прямым текстом намекал он на самого министра, – не только обо мне»¹⁰. П.А. Валуеву видимо ответ опального профессора так понравился, что Стасюлевичу было разрешено издавать журнал.

9 ноября 1865 года Михаил Матвеевич подал прошение в Главное управление по делам печати о дозволении ему приступить с 1866 года к изданию журнала историко-политических наук, который будет выходить периодичностью по четыре книжки в год. В нем также указывалось, что соредактором журнала будет знаменитый историк Н.И. Костомаров. Издателем и ответственным редактором издания станет М.М. Стасюлевич. «Название моего журнала, – сообщал он Плетневу 10/22 ноября 1865 года, – заставит Вас приятно улыбнуться, напомнив Вам старое доброе имя. В 1766 году родился Карамзин; в будущем году будет его первый столетний юбилей, и в память его я называю свой журнал «Вестником Европы»¹¹. В своей автобиографии Н.И. Костомаров вспоминал о том, что именно он посоветовал Стасюлевичу назвать

⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т.1. С. 230.

⁵ Там же. С. 228.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ См.: Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 22.

⁸ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т.1. С. 229.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Там же. С. 226.

¹¹ Там же. С. 228.

журнал «Вестником Европы» «и тем воскресить прекрасное воспоминание в русской литературе о литературной деятельности таких корифеев русского слова, как Карамзин и Жуковский»¹².

30 ноября (12 декабря) 1865 года Главное управление по делам печати разрешило бывшему профессору издавать журнал. «Вестник Европы» стал выходить четыре раза в год без предварительной цензуры. Так как либеральный журнал выходил реже одного раза в неделю, следуя законным требованиям, он должен был поступать в Петербургский цензурный комитет не позже чем за два дня до своего выхода к читателям¹³. Михаил Матвеевич в это время смог добиться разрешения выписывать из-за границы без цензуры иностранные книги, «чтобы иметь своевременно, для библиографии и рецензии новые исторические сочинения»¹⁴.

Первый номер журнала вышел 9 марта 1866 года. Открывалась «толстая» книга программой «Вестника Европы», которая включала в себя пять отделов: «Отдел первый. Критические исследования важнейших вопросов исторической науки и жизни, монографии, биографии и историческая беллетристика. Отдел второй. Анализы лучших новейших исторических произведений и вновь издаваемых памятников. Отдел третий. Общий обзор хода ученой исторической литературы и деятельности ученых исторических обществ и академий. Отдел четвертый. Педагогическая литература и преподавание исторической науки. Отдел пятый. Историческая хроника»¹⁵. Далее указывалось с какой целью редакция журнала приступает к этому изданию: «цель «Вестника Европы», с настоящего времени, в новой его форме специального журнала историко-политических наук, будет состоять прежде всего в том, чтобы служить постоянным органом для ознакомления тех, которые пожелали бы следить за успехами историко-политических наук, с каждым новым и важным явлением в их современной литературе. Вместе с тем наш журнал имеет в виду сделаться со временем и для отечественных ученых специалистов местом для обмена мыслей и для сообщения публике своих отдельных трудов по частным вопросам, интересным для науки и полезным для живой действительности, но развитие которых не могло бы образовать из себя целой книги»¹⁶.

В мартовской книге было опубликовано последнее письмо П.А. Плетнева к Михаилу Стасюлевичу. Оно заслуживает особого внимания в связи с тем, что в нем будущему издателю даются весьма ценные советы по изданию и редактированию журнала. В издательском деле, какое начинает Михаил Матвеевич, есть свои авторитеты, которых нужно чтить. «Авторитет, какого бы он ни был времени, в отношении к нам, то же, что природа. Она животворит нас и вдохновляет, не связывая наших сил и не налагая на них обязанности бездушного повторения»¹⁷. Одним из авторитетнейших личностей является Н.М. Карамзин. Не нужно бояться авторитетов, утверждал Плетнев. Посмотрите на Жуковского и Пушкина, которые «подчинили себя учителю (Карамзину) только в стремлении к совершенствованию искусства и в расширении области его»¹⁸. «Как ни разнообразны были эти писатели во всех отношениях к литературе, – писал Плетнев, – ни один однако же из них не отделился от другого, увлекаемый каким нибудь эгоистическим чувством. Им казалось совершенно естественным и даже как бы законом справедливости чувствовать авторитет. Они сознавали в душе, что область искусства безгранична, что в ней каждый род совершенства и красоты найдет принадлежащее ему место, и что все они к одной идут цели»¹⁹. Если Михаил Стасюлевич хочет стать хорошим издателем, делал вывод автор письма, он не-

¹² Костомаров Н.И. Автобиография. СПб., 1922. С. 376.

¹³ См.: Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 23.

¹⁴ Там же.

¹⁵ От редакции. О Программе «Вестника Европы» // Вестник Европы. 1866. Т. 1. Март. С. V.

¹⁶ Там же. С. VI.

¹⁷ Там же. С. XII.

¹⁸ Там же. С. XIV.

¹⁹ От редакции. О Программе «Вестника Европы» // Вестник Европы. 1866. Т. 1. Март. С. XV.

пременно должен чтить авторитетных личностей. Стасюлевич последовал совету своего друга и в последней декабрьской книге за 1866 год обратился к читателям со словами: «новая редакция... некоторым образом обязывается послужить своим изданием русской литературе и науке столь же благоразумно и благородно, как некогда служил ей автор «Истории Российского государства»²⁰.

В 1866 и 1867 годах в «Вестнике Европы» публиковали свои произведения Н.И. Костомаров, М.И. Богданович, М.П. Погодин, К.К. Арсеньев, П.В. Анненков, М.М. Стасюлевич, Д. Мордовцев, С.М. Соловьев, М.И. Семевский.

Ответственным редактором и издателем журнала был Михаил Матвеевич. Его соредактором являлся Н.И. Костомаров. Первая книга «Вестника Европы» открывалась работой этого историка под названием «Смутное время». Функции соредактора были весьма ограничены издателем. Ему принадлежало лишь следить за «одною ученою частью по вопросам и литературе отечественной истории»²¹. 7 декабря 1865 года Михаил Матвеевич и Костомаров в связи с изданием журнала заключили между собой так называемое «Домашнее обязательство»²². В этом документе четко прописывались функции каждого из них в журнале. Что касается соредактора, то он не должен был нести «никакой ответственности ни по расходам на издание, ни по расплате с сотрудниками, ни по затрате собственного труда... Н.И. Костомаров обязуется вместе с тем не только, как всякий другой сотрудник, доставлять статьи, но в то же время и содействовать всячески успеху журнала, принимает на себя оценку других статей по русской истории и истории славян, равно вступает в сношение с другими сотрудниками журнала и не принимает участия ни в каком другом издании»²³. При выполнении этих условий Костомаров должен получать «гонорарий самого высшего размера, а именно сто (100) рублей за лист, в каком бы отделе не помещалась его статья, подписанная его именем». «В случае же, если со временем расходы по журналу будут покрываться подпискою, то Н.И. Костомаров, как содействовавший успехам журнала, получает не менее 15 % с каждого лишнего подписчика»²⁴.

Однако соредактором журнала знаменитый историк был не долго. Костомаров хорошо запомнил, каким образом между ним и Стасюлевичем произошел разлад. «Два года шло у нас дело согласно и отлично, но на третий год Стасюлевич изменил свой журнал, переделав его в ежемесячный, и допустил беллетристику и переводы, что прежде не допускалось. Тогда, как я заметил, он нашел меня лишним и искал случая устранить меня от соредакторства. Случай скоро нашелся. Кулиш прислал из Варшавы статью для напечатания. Я, опираясь на состоявшийся со Стасюлевичем договор, по которому право одобрения или неодобрения статей по русской истории принадлежало исключительно мне, написал Кулишу, что статья его будет напечатана – и послал ее в печать, как вдруг Стасюлевич не велел ее набирать и объявил, что она не годится к напечатанию... Меня так взорвало это, что я отказался от соредакторства и разорвал написанный между нами взаимный договор...»²⁵. Отказавшись от соредакторства, историк все же не ушел из журнала и продолжал в нем сотрудничать.

Активными сотрудниками журнала также стали товарищи Михаила Матвеевича по профессуре: А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, К.Д. Кавелин, Б.И. Утин. Пыпин принял предложение Стасюлевича стать его заместителем в журнале с большим удовольствием. С тех пор как был закрыт «Современник», в котором он трудился, бывший профессор не имел постоянного занятия. Издатель «Вестника Европы» на радостях писал своей жене о будущем помощнике следующее: «Это важное приобретение для журнала: лучшего и сделать нельзя». «...можешь меня поздравить с хорошим помощником, или лучше сказать пособником и союзником. Я уверен, что Пыпин не

²⁰ От редакции // Вестник Европы. 1866. Т. 4. Декабрь. С. V.

²¹ Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 24.

²² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т. 2. С. 1-2.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Там же.

²⁵ Костомаров Н.И. Автобиография. СПб., 1922. С. 335-336.

даром будет брать с меня деньги, и на журнале я возвращу то, что ему отдам за труд»²⁶. В.Е. Кельнер считал, что опальный профессор оказал большое влияние на издателя и редакцию журнала. Он рекомендовал Михаилу Матвеевичу обратить особое внимание на писателей Ф.Д. Нефедова, И.М. Сеченова и др.²⁷. А.Н. Пыпин в будущем станет действительно надежным помощником Стасюлевича. Однако главную роль в журнале всегда играл Михаил Матвеевич.

Близким человеком для издателя был В.Д. Спасович. Бывший профессор сотрудничал в журнале с первой книги 1866 года, где поместил свою неподписанную статью «Новейшая история Австрии»²⁸. Спасович был для Михаила Матвеевича особенно дорог, так как именно он подсказал издателю мысль об издании журнала «Вестник Европы». Очень интересным представляется письмо Стасюлевича к жене от 23 сентября 1889 года: «Вечером в 8 часов я сидел уже за корректурую последнего листа «Общественной хроники» и обертки, где в первый раз должен был на объявлении о подписке на 1890 год надписать: «двадцать-пятый год». А как кажется недавно я сидел на дворе почтампа в Париже, в rue Jean-Jacques Rousseau и читал письмо Спасовича, натолкнувшее меня на издание «Вестн. Европы»; а это было 23 августа 1865 года!»²⁹. Это письмо произвело, видимо, такое сильное впечатление на издателя, что спустя двадцать пять лет он помнил день его получения.

Одним из друзей Михаила Матвеевича являлся известный ученый и публицист К.Д. Кавелин. Его труд появился в «Вестнике Европы» во второй книге 1866 года. Активными сотрудниками журнала были родственники жены Стасюлевича братья Утины. Старший брат Борис Утин подписывался в «Вестнике Европы» под псевдонимом «В.О.». Эмигрировавший за границу Николай также писал статьи для шуррина. Интересными представляются статьи адвоката Евгения Утина³⁰.

Преданным сотрудником либерального журнала на долгие годы стал Л.А. Полонский. Будущий автор внутреннего обозрения, Полонский пришел в журнал с богатым публицистическим опытом. Он писал для «Русского инвалида», «Санкт-Петербургских ведомостей» и т.д.³¹.

В таком нелегком деле как издание журнала Михаилу Матвеевичу необходимо было заручиться поддержкой у влиятельных людей. Среди них были и друзья издателя А.В. Головнин и Д.М. Сольский. Бывший управляющий министерством народного просвещения, Головнин в 1866 году был назначен членом Государственного Совета. Будучи осведомленным в «верхах», он не раз сообщал Стасюлевичу об опасностях, которые периодически нависали над «Вестником Европы». Особенно ненавистным был журнал для министра народного просвещения графа Д.А. Толстого. Головнин писал Михаилу Матвеевичу 16 октября 1871 года: «Я слышал против Вестника Европы поднимаются сильные враги, требующие не менее как прекращения журнала тою же мерою какая была употреблена относительно Современника и Рус. Слова и что дело отложено до возвращения Государя и М-ра В.Д...»³². В доме своего друга Стасюлевич мог заводить знакомства с нужными ему людьми. 25 января 1868 года он писал своей жене: «В шестом часу нужно было уже ехать к Головнину... Сегодня у него было блестящее общество: кажется, один я только не был членом Государственного Совета...»³³. В свою очередь, Головнин просил издателя опубликовать в «Вестнике Европы» нужный ему материал. Так, в своей корреспонденции от 8 декабря 1876 года

²⁶ Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 25.

²⁷ См.: Там же. С. 26.

²⁸ См.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т. 2. С. 24.

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ См.: Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 27.

³¹ См.: Там же.

³² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т. 1. С. 507.

³³ Там же. С. 502.

член Государственного Совета рекомендовал издателю напечатать во «Внутреннем обозрении» журнала статью о происшествии у Казанского собора³⁴.

Дружеские отношения у Михаила Матвеевича сложились с известным государственным деятелем Д.М. Сольским. До 1867 года Дмитрий Мартинович состоял товарищем главноуправляющего II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, затем государственным секретарем, а в 1873 году он был назначен государственным контроллером³⁵.

Своя типография у Михаила Матвеевича появилась только в 1872 году, до этого времени журнал «Вестник Европы» печатался в типографии Ф.С. Сущинского. Вследствие каракозовского покушения на Александра II в городе начались аресты и высылки. Вскоре выяснилось, что типография, в которой печатался либеральный журнал, принадлежала деятелю польского восстания 1863 года И. Огризко. Типографию Сущинского было решено опечатать, следовательно, было приостановлено и печатание журнала. Стасюлевич был в это время с женой за границей; узнав неприятную новость от Спасовича, он был вынужден немедленно ехать в Петербург налаживать дела³⁶. В конце второго года печатания журнала обнаружились новые проблемы в связи с тем, что у издателя появились большие долги перед типографией и поставщиками бумаги³⁷.

В такой критический для издания момент Михаил Матвеевич принимает решение преобразовать «Вестник Европы» из чисто научного издания в общественно-политический журнал. Он подал прошение в Главное управление по делам печати в связи с «чрезвычайным обилием материалов уже полученных и большое количество новых предложений... а также недостаточность самой программы» дополнить программу журнала отделом, «который будет занят критикою важнейших литературных явлений и самыми фактами из истории современной литературы, т.е. такими произведениями отечественной и иностранной беллетристики которые могут быть названы замечательными явлениями современной литературы или по своей художественной форме или по глубине идеи и психологического анализа»³⁸. Главное управление дало добро. Вскоре редактору и издателю журнала «Вестник Европы» было разрешено открыть в журнале отдел «юридической хроники», «для помещения доставляемых в редакцию разборов судебных решений»³⁹.

В сентябрьской книге за 1867 год появилось объявление о преобразовании «Вестника Европы» в ежемесячное издание по истории, политике и литературе, которое выйдет в 1868 году. «С будущего 1868 года мы расширяем круг деятельности журнала, основанного нами в 1865 году, как по отношению объема, так и самого содержания, сохраняя при этом его прежний, по преимуществу исторический характер»⁴⁰.

Интуиция не подвела издателя, читателей очень заинтересовало появление «толстого» ежемесячника литературно-политического характера. Число подписчиков на преобразованный журнал резко возросло. «На журнал подписываются не только в Петербурге и Москве, но и из провинции шлют деньги и приветствия по случаю перемены в журнале; а сегодня получил, между прочим, от какого-то Дурново 32 рубля с трогательным посланием и извинением, что он не нашел другого средства выразить свой восторг, как подписавшись на 2 года 1868 и 1869», – радовался Михаил Матвеевич⁴¹. О том, что подписка на журнал в это время шла хорошо, говорит и письмо В.Ф. Корша Стасюлевичу в 1867 году⁴². Как сообщает В.Е. Кельнер, в марте

³⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т. 1. С. 510.

³⁵ См.: Там же. С. 327.

³⁶ См.: Там же. С. 558.

³⁷ См.: Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 30.

³⁸ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т. 1. С. 561.

³⁹ Там же. С. 562.

⁴⁰ От редакции // Вестник Европы. 1867. Т. 3. Сентябрь. С. 1.

⁴¹ Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 32.

⁴² См.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т. 2. С. 474.

1868 года число подписчиков на журнал составляло 3 500 человек⁴³. В связи с расширением программы «Вестника Европы» годовая подписка на журнал увеличилась с 9 рублей до 16 рублей с доставкой⁴⁴.

Новый «толстый» журнал выгодно отличался от прежнего тем, что в нем читатель мог обнаружить не только информацию о современной общественно-политической жизни в стране, но и познакомиться с интересными литературными новинками того времени. С 1867 по 1869 год в журнале появляются рассказы И.С. Тургенева, стихи графа А.К. Толстого, драмы А.Н. Островского и др.

Таким образом, «Вестник Европы» создавался как научно-исторический журнал. Однако массового читателя он так и не приобрел. Спустя два года его издатель и редактор Михаил Матвеевич решил повысить популярность «Вестника Европы» путем расширения его программы и преобразования в общественно-политический ежемесячник. Впоследствии «Вестник Европы» станет настоящим призванием Стасюлевича, превратится в дело всей его жизни. Редакторская и издательская деятельность в журнале действительного статского советника сведет его со многими интересными людьми, среди которых будут писатели, ученые, чиновники и т.д. Журнал «Вестник Европы» превратится в центральный орган либеральной оппозиции, в пристанище всех прогрессивно настроенных людей, которые будут пытаться сохранить, во что бы это ни стало, буржуазные реформы 60-х и 70-х годов XIX века.

THE BEGINNING OF LIBERAL MAGAZINE («THE MESSENGER OF EUROPE»)

A.V. KAYLE

Saratov State Technical University

e-mail: Kayl-VN@ssb.ru

The article deals with the popular liberal magazine «The Messenger of Europe» at the start of its existence. The author states that «The Messenger of Europe» was intended to be a scientific historical edition but it failed to draw a sufficient amount of readers. So two years later having expanded its scope the publisher and the editor of the magazine M.M. Stasulevich transmuted it into a monthly edition covering social and political topics. It is worth noting that thanks to M.M. Stasulevich who devoted himself to editing it, «The Messenger of Europe» became a liberal opposition magazine united those progressive people who were trying to protect the bourgeois reforms of the 1860s and 1870s.

Key words: the liberal edition «The Messenger of Europe», social and political monthly, Michail Matveevich Stasulevich, liberal opposition magazine, the bourgeois reforms of the 1860s and 1870s, edition, progressive people.

⁴³ См.: Кельнер В.Е. Человек своего времени. СПб., 1993. С. 33.

⁴⁴ См.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб., 1911-1913. Т. 1. С. 561.

УДК 94 (470.341)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЧИНОВНОГО СОСТАВА УЕЗДНЫХ КАЗНАЧЕЙСТВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ 60-Х ГГ. XIX В. (ПО ДАННЫМ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ 1865 Г.)

В.В. МОРОЗОВ*Нижегородский государственный
университет
им. Н.И. Лобачевского**e-mail: tenkomitsu@gmail.com*

В статье рассматриваются вопросы практического подхода к изучению чиновничества уездных казначейств Нижегородской губернии, основанного на формулярных списках. Анализ характерных особенностей таких количественных и качественных данных как число чиновников, их социальное происхождение, возрастные группы, уровень образования, семейное положение и прочей информации дает представление о многих аспектах государственной службы в Российской Империи в середине 60-х гг. XIX века.

Ключевые слова: казначейства, казенные палаты, местная администрация, чиновничество.

Система местного управления Российской Империи представляется весьма значительным объектом перспективных научных исследований, поскольку долгое время эта область оставалась малоизученной, и представление о ней можно было получить либо из первоисточников, либо из общих работ, касающихся государственного устройства страны в целом. Как правило, все эти работы базировались на материалах центральных архивов и затрагивали региональную источниковую базу довольно незначительно. В нынешних условиях, когда преобразования в области местного управления базируются не только на основе предшествующих трех-четырёх десятилетий, но и на опыте более раннем, подробное изучение аппарата губернской администрации на основе местных материалов видится не только актуальным, но и необходимым.

Рассмотрение вопросов связанных с изучением или описанием системы управления на местном уровне неизбежно упирается в вопрос о необходимости использования комплекса источников местного делопроизводства. Внутренняя документация учреждений на местах практически никогда не публиковалась и редко подвергалась детальной обработке. Это связано в первую очередь с необходимостью обрабатывать довольно внушительный объем данных; при этом, если исследование имеет широкий хронологический охват, изучение такого массива информации может составить серьезную проблему. В последнее время именно вопросам привлечения источников местного делопроизводства уделяется максимальное научное внимание.

Источниковой базой для настоящего исследования явилась совокупность «формулярных о службе списков» чиновников уездных казначейств Нижегородской губернии. Комплексы списков по каждому казначейству были выявлены в результате исследования фонда Нижегородской казенной палаты Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО). Существенно облегчил исследование факт нахождения документации в одном деле «О формулярных списках служащих казначейств за 1865 г.»¹. Имея в виду, что формулярные списки являются наиболее информативными массовыми источниками по истории государственного аппарата на местах, следует признать, что описанная источниковая база соответствует логике исследования.

Что касается избранной хронологии работы, то отметим, что 1865 год избран отнюдь не случайно. Во-первых, выборка за этот год явилась самой полной, а во-вторых, именно на этот период времени выпала окончательная реорганизация сис-

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 60. Оп. 234. Д. 27.

темы уездных казначейств, включавшая в себя как некоторые перетасовки функций служащих чиновников, так и изменение штатного состава казначейств и полной смены действующего штатного расписания. Кроме всего прочего, стоит подчеркнуть, что в 1865 году насыщение казначейств кадрами стало наиболее полным, что позволяет воссоздать более цельную картину состояния чиновничества провинциальной России 60-х годов XIX века. Списки чиновников губернского казначейства в данном исследовании не рассматривались, поскольку заведомо было определено, что изучению подвергнется низовое звено чиновников и нетабельных служащих. Положение чинов губернского казначейства все-таки несколько контрастировало с положением их коллег в уездах и может служить темой для самостоятельного исследования.

Для разрешения вопроса о фактической численности служащих казначейств в уездах к 1865 году предполагалось рассмотрение информации из «Справочных книжек губерний», но в данном случае такой подход себя не оправдывает, поскольку в подобных книжках не учитывалась основная масса так называемых «нетабельных» служащих, а также туда попадали далеко не все и «низовые» табельные чиновники. Кроме того, итоговые комплекты формулярных списков содержат наиболее полную информацию за определенный год, что очень удобно для сверки с другими такими же комплектами.

В данном случае видится весьма разумным обращение именно к распорядительной документации министерства финансов, относительно штатного состава казначейств. Согласно утвержденного проекта штатного расписания после реорганизации казначейств предполагалось, что штатных чиновников в каждом уездном казначействе будет 10, а именно: уездный казначей, бухгалтер, которому в помощь отводилось семь помощников и письмоводитель. Для найма канцелярских служащих и присяжных предусматривалась отдельная статья расходов. Однако на деле от этого плана пришлось отказаться. Количество помощников бухгалтера сократили до 2-3 человек, а должность письмоводителя становилась необязательной. Таким образом, весь штатный состав насчитывал, с учетом всех младших служащих (кроме присяжных), 10-12 человек, большая часть из которых занимала должности канцелярских служащих или писцов. В результате число квалифицированных работников оказывалось, зачастую, недостаточным для обеспечения нужд уездного казначейства и руководству нередко приходилось привлекать наиболее способных и опытных канцелярских чиновников и писцов, а иногда и присяжных к исполнению функций помощников бухгалтеров и счетоводов, за счет «средств экономии уездного казначейства».

Формулярные списки сохранили информацию о социальном происхождении, чиновном и имущественном статусе, возрасте, образовании и наличии наград у анкетированных. Кроме того, имеют большую ценность разного рода пометы и исправления, вносимые в документ уже спустя некоторое время после составления.

В первую очередь рассмотрим именно чиновный состав уездных казначейств Нижегородской губернии. Автором статьи обработано 92 формулярных списка штатных служащих, при этом «табельными» среди них были 60 человек (65%), и это при том условии, что по положению *весь* состав казначейств должен был замещаться только табельными чинами². Практически все вакансии занимают чины низших классов (XIV–X) – 45 человек (75%). Руководящие посты казначеев и бухгалтеров с помощниками распределились между титулярными советниками и коллежскими асессорами. И только одному служащему удалось добраться до чина надворного советника (VII класс по табели). Данная картина, по мнению многих исследователей, являет нам довольно характерную стратификацию чиновничества низшего звена финансовой администрации Российской Империи³.

² На практике такого состава добиться практически никогда не удавалось. Уездные казначеи в своих рапортах неоднократно указывали на недостаток кадров.

³ См., например, Шумилов М.М., Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. Спб., 2001; Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998.

Весьма характерна и типична сословная структура провинциального аппарата управления. 46 человек (50 %) происходило из духовного звания и 21 (22,8 %) из т.н. обер-офицерских детей. В сущности, не будет серьезным огрехом объединение этой категории чиновников с «детьми канцелярских служителей» и «детьми приказно-служителей»⁴, что в сумме дает 31 (33,6 %) ⁵. Стоит отметить достаточно большую долю лиц дворянского сословия – 11 человек (10,12 %), что являлось характерной чертой социальной структуры чиновничества уездных казначейств Нижегородской губернии в 60-х годах XIX века. Как правило, это выслужившиеся чиновники (либо их дети), получившие дворянство вместе с чином за «добросовестную и беспорочную» службу.

Известный интерес представляет выявление основных возрастных групп личного состава уездных казначейств. Возрастные особенности в некоторых случаях оказывали существенное влияние на исполнение служащими их профессиональных обязанностей. Как правило, выделяют шесть основных возрастных групп и в данном случае картина складывается следующая: из всего состава казначейств подавляющее большинство служащих находилось в возрастном «классе» до 40 лет при том, что основной контингент приходился на группу от 18 до 30 лет (табл.1). Особого внимания заслуживают пометки относительно семи канцелярских служителей невероятно юного возраста. Судя по записям, младшему служащему было всего 14 лет, что на 4 года меньше, чем минимальный возраст вступления в службу и делает разницу между самым молодым и самым старым сотрудниками равной 46 годам.

Таблица 1

**Возрастной состав чиновничества
уездных казначейств Нижегородской губернии на 1865 г.⁶**

Возрастная группа	Класс чина						Без чина	Всего
	VII	VIII	IX	X	XII	XIV		
От 18 до 30 лет					6	12	25	33
От 31 до 40 лет			3		19	1		22
От 41 до 50 лет		4	2		5			11
От 51 до 60 лет	1	2	1	1	1			6
От 61 до 70 лет		2						2
От 71 до 80 лет								

Согласно формальной регламентации, упоминание в официальном документе лица, не достигшего достаточного возраста для устройства на работу в государственном учреждении, могло иметь серьезные последствия для руководителя учреждения. Но в то же время отметим, что сам факт «неофициального» найма лиц не достигших восемнадцатилетнего возраста не вызывает сомнений. Более того, заметим, что при поименном сличении выясняется, что многие чиновники привлекали своих молодых родственников к службе, устраивая для них вакансию, и таким образом формировались своего рода «чиновные династии».

В 60-е годы XIX века особое значение приобретает не только реальная грамотность чиновника, но и его номинальный образовательный уровень. И если до того момента особого внимания образованию чиновников низших разрядов не уделялось,

⁴ По сути, это практически одинаковые категории.

⁵ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 234. Д. 27. Всего из 92 человек было 11 – дворян, 46 лиц духовного звания, 21 человек из обер-офицерских детей, 6 детей приказнослужителей, 4 человека из канцелярских служащих и 4 по каким-то причинам не указали своего происхождения.

⁶ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 234. Д. № 27. Л. 2 – 580.

то теперь необходимость получения хотя бы элементарных знаний вставала все более остро. Из 92 человек, служивших в казначействах, данные об образовании отсутствуют только у трех. Все остальные получили некоторое систематическое образование, дававшее возможность для выполнения элементарных служебных обязанностей и дальнейший рост в случае приобретения положительного практического опыта. Из всего состава чинов, курса наук не закончили полностью 22 человека, что составляет почти 24 % от всего количества. Большая часть личного состава имела за плечами курс духовного учебного заведения или уездного училища, что в общем-то, не удивительно, учитывая основной социальный состав чиновников. При этом в средних учебных заведениях обучались 17 человек (19 %), из которых полного курса не окончили 13 (или 76 % от числа обучавшихся в среднем учебном заведении).

Любопытно, что два чиновника имели домашнее образование, удостоверенное свидетельством о сдаче экзамена. Еще четверо оказались воспитанниками школы для детей канцелярских служащих – своего рода «кузницы писарей». В целом же эти данные позволяют судить об относительно низком образовательном уровне личного состава казначейств, что, впрочем, не мешало ему вполне успешно справляться со своими обязанностями, тогда как их более образованные коллеги стремились, в случае наличия рвения к службе, поступить в учреждение губернского уровня.

В формулярные списки регулярно вносились и данные, касавшиеся семейного положения служащих. Этот пункт, также отмеченный исследователями в качестве немаловажного, помогает воссоздать общее представление о бытовой атмосфере в семье чиновника, которая непосредственно влияла на исполнение им профессиональных обязанностей. В казначействах насчитывалось всего 54 человека, состоявших в браке (58 %). Из которых 5 вдовцов (5,4 %) и ни одного женатого вторым браком. В то же время 38 служащих (41 %) вообще в браке не состояли, по всей видимости они, в силу возраста, не обзавелись семьями⁷.

Из числа чиновников, попавших в поле исследования, только 28 человек (30,4 %) обладали недвижимым имуществом, и только одному принадлежал населенный земельный участок, а остальные являлись обладателями домов⁸.

Интересны сведения и о награждениях личного состава. На указанный период 17 человек из 92 имели знаки «за беспорочную службу» различных достоинств (более всего – 8 – за 15 лет выслуги). 32 человека удостоились медали за кампанию 1853-1856 гг. Такое количество награжденных этой медалью – результат активной деятельности Губернского комитета ополчения, в который входил в том числе и председатель Нижегородской казенной палаты. Комитет решал вопросы, связанные с набором в «дружины» государственного ополчения, сбора средств на их формирование, вооружение и отправку. Поскольку основным источником пополнения личного состава ополчения явились крепостные крестьяне, на помещиков – отдатчиков людей в ополчение возлагалась обязанность «представить на продовольствие каждого девяتمесячный провиант и внести в местное уездное казначейство по 1 руб. серебром и по 50 копеек для экстренных и непредвиденных надобностей...»⁹. На казначейства, как видим, возлагалась и существенная часть забот по подготовке ополченцев, а кроме того, они ведали сбором добровольных пожертвований. Губерния собрала 20 173 рубля, за что была удостоена личной благодарности императора. Таким образом, количество награжденных памятной медалью некоторым образом отражает тот вклад, который внесли чиновники казначейств в дело формирования ополчения 1855 г.

Изучение комплекса формулярных списков чиновников аппарата уездных казначейств является важной составной частью исторической реконструкции провин-

⁷ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 234. Д. № 27. Л. 2 – 580.

⁸ Там же. Л. 287 – 456. Имеются ввиду небольшие деревянные строения иногда на каменных фундаментах, являвшиеся жилищем исключительно для семейства самого чиновника.

⁹ Николаев Д.А. Формирование Нижегородского ополчения в 1855 году // Нижегородский альманах. Вып. 1. Н.Новгород, 1995.

циального чиновного мира дореволюционной России. Оно позволяет уяснить динамику изменений штатного расписания, изучить и обобщить информацию о статусе, наградах, выслуге лет, возрасте, образовании представителей чиновного мира. Кроме того, данный тип исторического источника позволяет с большой степенью эффективности выявить сословную структуру аппарата местного управления и систему распределения руководящих постов. Немаловажен и тот факт, что рассмотрение формулярных списков дает представление о семейном и имущественном положении чиновников, а так же о ротации кадров в аппарате управления на местах.

THE STUDY OF OFFICIAL STAFF OF THE DISTRICT TREASURIES IN THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE IN THE MIDDLE SIXTIES OF XIX C. (ACCORDING TO THE FORM REGISTERS OF THE YEAR 1865)

V.V. MOROZOV

*Nizhny Novgorod
State University
n.a. N.I. Lobachevsky*

e-mail: tenkomitsu@gmail.com

The article highlights the issues of the practical approach to the studying of official staff of the district treasuries in the Nizhny Novgorod Province based on the form-registers. The analysis of representative features and of such quantitative and qualitative data as officials' number, their social origin, age groups, educational attainment, marital status and other information provides insight into many aspects of the government service in the Russian Empire in the middle sixties of the nineteenth century.

Key words: treasuries, treasury chambers, local administration, official staff.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ НА ЮГЕ РОССИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЕВОЙ МЕТОДИКИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

И.А. СОРОКИНА

Институт археологии РАН

e-mail: iasorokina@yandex.ru

Рассматриваются основные вехи становления полевой методики, импульсом к которому послужили раскопки курганов на Юге России. Первые методические документы составляются именно для раскопок этих памятников. Анализируется деятельность властей в области становления полевой археологии (Комиссия для исследования русских древностей Л.А. Перовского, Строгановская комиссия, Императорская археологическая комиссия) и общественных организаций (Одесское общество истории древностей, Русское и Московское археологические общества), а также вклад в этот процесс известных ученых того времени. Работа выполнена по архивным данным.

Ключевые слова: курганы, городища, полевая археология, археологический съезд, раскопки, разведки, Императорская археологическая комиссия, археологическое общество.

В 2009 г. исполнилось 150 лет Императорской археологической комиссии (ИАК). Этот юбилей вызвал волну интереса не только к ее деятельности, но и к археологии Российской империи в целом. В советское время стало принятым считать полевые работы археологов, работавших до 1917 г., неграмотными и неквалифицированными. С позиций современного понимания и возможностей ведения полевых работ можно судить и так. Но очевидно, что уровень сегодняшнего дня не возник внезапно и ниоткуда. Ему предшествовал длительный период исканий в области как собственно полевых методик, так и организации полевых работ. Каким образом это происходило и что явилось начальным импульсом?

Начало процессу разработки и совершенствования методики полевых археологических исследований в России было положено в первой половине XVIII в. инструкциями В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера¹. Мы остановимся на методических разработках XIX – начала XX вв., поскольку некоторая их часть стала основой методики последующего времени.

Изучение древностей всегда волновало образованную часть российского общества. На землях помещичьих, государственных и ведомственных находилось огромное количество археологических памятников, хорошо заметных и без раскопок (городища и курганы). Интерес к археологии проявился в образовании археологических обществ (или обществ любителей древностей), весьма многочисленных к началу XX в. Первыми были: Одесское общество истории и древностей (1839 г., ООИД, с 1859 г. – Одесское археологическое общество), Императорское Русское археологическое общество в Санкт-Петербурге (1946 г., РАО), Императорское Московское археологическое общество (1864 г., МАО).

Нельзя не согласиться с тем, что общий интерес к российским древностям развился под влиянием классического направления, связанного с ценными во всех отношениях находками в античных и скифских памятниках Северного Причерноморья². С 1830-х гг. на юге России развернулись масштабные раскопки курганов. Ино-

¹ Лебедев Г.С. История отечественной археологии: 1700-1917 гг. СПб., 1992. С. 54-58; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 31-33.

² Жебелев С.А. Введение в археологию. История археологического знания. Ч. I. Петроград, 1923. С. 32; Лебедев Г.С. История отечественной археологии: 1700-1917 гг. СПб., 1992. С. 61-62; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях... С. 273, 335.

гда они более походили на разграбление (хотя и производились назначенными правительством чиновниками), поскольку отсутствовали и инструкции, регламентирующие проведение раскопок, и государственные органы, уполномоченные осуществлять за ними контроль. Еще более широко распространилось собственно разграбление курганов населением – своего рода «золотая лихорадка». Стала очевидной необходимость мер по охране археологических памятников и упорядочиванию организации полевых работ, а также и необходимость разработки полевых методик. Именно в области курганной археологии Юга России были сделаны первые шаги по регламентации раскопок в империи и разработке методики их проведения. С первой половины XIX в. наблюдаются два направления: разработкой методики занимаются как члены ученых Обществ (ООИД, РАО, МАО), так и представители официальных государственных институций (комиссия Л.А. Перовского, Строгановская комиссия, ИАК).

В 1843 г. ООИД составило и утвердило «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей», дополненные в 1851 г. «Наставлением, как надлежит поступать при открытии древностей»³. Имелись в виду именно южнорусские курганы, интерес к остальным возник существенно позже. Оба документа содержат важные указания по практическому обеспечению раскопок (инструмент, необходимые материалы, устройство раскопа), ведению полевой документации, обращению с находками, взятию антропологического материала. Часть позиций актуальна и теперь, особенно – предложение копать курганы «на снос» (правда, только небольшие).

В 1851 г. РАО издало «Записку для обозрения русских древностей», составленную членом Общества И.П. Сахаровым⁴, – очень краткое методическое пособие по разведке памятников, позволяющее в государственных масштабах использовать любительский интерес для сбора сведений о них. «Записка» адресована сельским священникам, настоятелям монастырей, помещикам, преподавателям гимназий и училищ с целью издания атласа российских древностей. Она содержит указания по воспроизведению надписей, рисунков, измерению предметов, а также список вопросов, касающихся географического положения памятника, сведений о нем всякого рода. Из археологических памятников включены городища, курганы, земляные валы, развалины и т.д.

Эти полезные инструкции были хорошо известны российскому археологическому сообществу, но до всеобщего их применения дело не дошло, они имели лишь рекомендательный, а не обязательный характер.

В 1850 г. был учрежден первый государственный орган, в обязанности которого входила организация раскопок (опять же на Юге России, в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове) и контроль за их проведением: Комиссия для исследования древностей под руководством графа Л.А. Перовского⁵. В 1851 г. Л.А. Перовским были выработаны «Дополнительные правила для производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях»⁶, пригодные для более широкого применения, нежели только раскопки южнорусских курганов и в 1852 г. утвержденные императором Николаем I. Сотрудникам Керченского музея и Керчь-Еникальскому градоначальнику они направлялись фактически в форме приказа. В отличие от докумен-

³ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях... С. 634-635, 637-638.

⁴ Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851.

⁵ Министр внутренних дел (1841-1852 гг.), потом министр уделов в системе Министерства Императорского двора и управляющий Академией художеств. Веселовский Н.И. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846-1896. СПб., 1900. С. 71; Пескарева К.М., Рябинин Е.А. Первое государственное учреждение отечественной археологии // Советская археология. 1984. № 4. С. 229; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях... С. 252-254.

⁶ Рукописный архив Института истории материальной культуры (РА ИИМК). 1851. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Л. 1, 2.

тов, предложенных ООИД и РАО, они имели директивный характер, ставя методiku полевых работ под контроль МВД.

Л.А. Перовский не просто исполнял возложенные на него обязанности контроля за «розысканиями» (как тогда писали), но и руководствовался благородной целью спасения памятников от разрушения неграмотными раскопками. В докладе на высочайшее имя от 27 октября 1851 г. по поводу крайне неупорядоченных раскопок в окрестностях Керчи Л.А. Перовский отмечал, что «если сим работам дать надлежащее направление и развитие, то жатва открытий на сей богатой почве могла бы сделаться и обильнее, и полезнее для науки». «Дополнительные правила» содержали вполне современные методические требования: ведение дневника (причем подробно обозначено его содержание), снятие планов, графическая фиксация, составление отчетов и т.д. Главная же мысль содержалась уже в пункте 1: «При производстве археологических разрытий от правительства должно иметь в виду, чтобы работы сии, даже и в таковом случае, когда они не сопровождаются примечательными находками, по крайней мере, не пропадали даром для науки»⁷. Наместник Кавказа, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф М.С. Воронцов, с которым документ был согласован, отметил, что «главный успех в деле этом зависит от выбора лица, которому будут поручены систематические розыскания»⁸. Так закладывается основа персональной квалификационной оценки, что и будет впоследствии закреплено системой выдачи открытых листов.

После смерти Л.А. Перовского в 1856 г. контроль за археологическими работами остался в ведении Министерства двора и был возложен на графа С.Г. Строганова. Строгановская комиссия продолжила дело упорядочивания археологических раскопок на юге и в 1857 г. разработала «Правила производства археологических изысканий в Керчи»⁹, направленные, однако, не на развитие методики, а на принятие мер по спасению находок от разграбления в процессе раскопок.

В 1859 г. была учреждена Императорская археологическая комиссия как часть государственной системы управления, ответственная за сохранение археологического (в то время и архитектурного) наследия¹⁰. Председателем ее был назначен С.Г. Строганов. Ситуация с раскопками древностей изменилась к лучшему. В задачи ИАК входил контроль за «всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности» и организация квалифицированных археологических раскопок.

Следующий этап совершенствования методики археологических изысканий связан с деятельностью МАО и археологическими съездами. С 1860-х гг. разграбление археологических памятников, в том числе и неграмотными раскопками с якобы научными целями, приобрело общероссийский характер. Как и раньше, внимание привлекали прежде всего могильные древности: курганы теперь уже не только на Юге, но и в иных губерниях, случайно найденные грунтовые могильники. Требовались незамедлительные меры по установлению некоторого порядка.

К III археологическому съезду, организованному МАО в 1874 г., была написана «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов» (авторы Д.Я. Самоквасов, В.Б. Антонович, Л.К. Ивановский)¹¹. В ней указано, как собирать сведения о памятниках разных типов с подробным указанием их географического положения, сохранности, размеров, формы, количества (для курга-

⁷ Рукописный архив Института истории материальной культуры (РА ИИМК). 1851. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях... С. 255, 306, 307; РА ИИМК. 1857-1859. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6.

¹⁰ РА ИИМК. 1859. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2, 12, 50; Лебедев Г.С. История отечественной археологии: 1700-1917 гг. С. 88-94; Пескарева К.М., Рябинин Е.А. Первое государственное учреждение отечественной археологии. С. 299-300.

¹¹ Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов // Труды III Археологического съезда. Киев, 1878. Т. 1. С. LXIX – LXXIII.

нов), вида сооружений (для городищ). Предписывается прикладывать к описанию планы и описи находок. Важно требование отмечать взаимосвязь памятников, то есть расположение рядом курганов и городищ. Подробная методика изложена только для раскопок могил. В 1878 г. было издано гораздо более полное пособие Д.Я. Самоквасова «Условия научного исследования курганов и городищ»¹². О городищах почти ничего не сказано, что и понятно, поскольку раскопки курганов были гораздо более распространены. Но хищнические раскопки курганов не прекратились. Позже Д.Я. Самоквасов отмечал, что большинство лиц, ведущих раскопки, не признавало «Инструкцию» 1874 г. обязательной для себя¹³. Памятник по-прежнему не воспринимался как целостная структура, отражающая исторические явления. Полевые дневники часто заменялись общей информацией о раскопках в прессе. Методические ошибки неграмотных «раскопщиков» приводили и к неверным выводам. Все это делало очень актуальной работу по регламентации полевых исследований в целом, чем как раз и занималась ИАК.

В марте 1889 г. по императорскому Указу ИАК стала единственным учреждением, правомочным регламентировать археологические исследования на всех землях, кроме помещичьих¹⁴. Вводится специальный документ – открытый лист (далее ОЛ), выдаваемый конкретному лицу, квалификация которого известна ИАК, на конкретные археологические работы. Разрабатываются и на Совецании в апреле 1889 г. согласовываются с многочисленными региональными археологическими обществами и учреждениями правила выдачи ОЛ и представления отчетности по ним, порядок проведения полевых работ. Poleмика и итоги зафиксированы в «Протоколах» Совецания¹⁵. Основой новых правил явились записки членов ИАК: Н.И. Веселовского, В.Г. Дружинина, А.А. Спицына¹⁶. В них изложены принципы научности и разрешения на полевые работы на основе квалификации исследователя.

Примечательно, что «Протоколы» не отражают методических вопросов, хотя с момента принятия «Инструкции» 1874 г. прошло 15 лет, и новый документ, несомненно, требовался. Более того, как показывает просмотр архивных дел с середины 1870-х гг., выдавая разрешения на раскопки, ИАК снабжает исследователей все той же «Запиской» 1851 г. и собственными указаниями в письмах, но не принятой на съезде под эгидой МАО «Инструкцией». В этом отразилось соперничество ИАК и МАО, возникшее на личной почве между С.Г. Строгановым и А.С. Уваровым (основателем МАО) и далеко не лучшим образом отразившееся на развитии археологии.

После разрешения организационных вопросов, связанных с выдачей ОЛ, обогнали вклад членов ИАК в усовершенствование методики. В 1894 г. сотрудник ИАК А.А. Спицын предложил создать методическое руководство, исходящее от Комиссии как от центрального учреждения и поэтому обязательное для всех¹⁷. В 1895 г. увидело свет пособие А.А. Спицына «Производство археологических раскопок»¹⁸. Пособие сопровождалось прекрасными рисунками. Предлагалась методика, учитывающая не только обеспечение сохранности археологического материала (по меркам того времени), но и технику безопасности. Есть указания на способы обнаружения памятника, описаны процесс уборки земли из раскопа на разных типах памятников и даже подогрев грунта для раскопок в вечной мерзлоте. Приводится подробная типология памятников (виды курганов, виды городищ и т. д.). Даны объяснения, как производить измерения расстояний и высоты насыпи курганов. Но, конечно, предлагаемая методика раскопок никак не применима в системе современных представлений. Хотя

¹² Самоквасов Д.Я. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878.

¹³ Самоквасов Д.Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908. С. 13.

¹⁴ РА ИИМК. 1859. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

¹⁵ РА ИИМК. 1887. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 126 – 145.

¹⁶ РА ИИМК. 1893. Ф. 1. Оп. 1. Д. 200.

¹⁷ РА ИИМК. 1894. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.

¹⁸ Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895.

и отмечено, что могут остаться недокопанные впускные погребения в насыпи, курганы предлагается копать траншеей или колодцем, кроме случаев, когда в насыпи все находки расположены слоями, хотя идея раскапывать по крайней мере небольшие курганы «на снос» обозначена уже в документах ООИД (1843 и 1851 г.) и в «Условиях» Д.Я. Самоквасова. Траншеями же предлагается копать и городища. Им уделено очень мало внимания. Тем не менее, на тот момент это методическое пособие имело огромное значение, так как позволяло осмысленно вести работы на разных памятниках, наблюдать историческую ситуацию, сохранять находки в контексте слоя.

Российскому археологическому сообществу были известны и зарубежные издания по полевой археологии. В частности, в 1898 г. было издано «Руководство к производству археологических раскопок и хранению добываемых при раскопках предметов древности», переведенное с немецкого издания¹⁹.

В 1908 г. появилось пособие Д.Я. Самоквасова «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей»²⁰ с комментариями и дополнениями к «Инструкции» 1874 г., все еще единственному документу, официально принятому на съезде археологического сообщества, хотя она давно перестала отвечать запросам времени. В том же году на XIV археологическом съезде обсуждается вопрос о новом общероссийском нормативном документе²¹. Инициатором выступило МАО, еще до съезда разославшее крупным археологам письмо с предложением высказаться по поводу необходимой методики раскопок. Следует отметить письмо к съезду члена ИАК Н.И. Веселовского, обобщившего свой огромный опыт по раскопкам скифских курганов Юга России. Наиболее подробное описание процесса раскопок разных типов памятников дано в записке съезду В.В. Хвойки. Он рекомендует горизонтальные послойные зачистки для выявления особенностей насыпи курганов. Для разработки новой инструкции была создана Комиссия в составе Д.Я. Самоквасова и В.А. Городцова. Основа – предложения, прозвучавшие на съезде (Н.И. Веселовский и В.В. Хвойка), пособие Д.Я. Самоквасова 1908 г. и все та же «Инструкция» 1874 г.

В 1908 и 1910 гг. А.А. Спицын публикует два методических пособия: «Археологические разведки» и «Археологические раскопки» на основе его же работы 1895 года²². Понятие об археологической разведке конкретизируется впервые. В «Инструкции» 1874 г. речь, фактически, шла об этом же, но в самом общем плане. Концепция проведения раскопок меняется. Речь идет о раскопках поселений большими площадями и раскопках курганов «на снос». Обсуждается вопрос о рекультивации раскопов. С современной точки зрения, конечно, и в этих пособиях можно упрекнуть автора в некоторой методической ограниченности, но у него много и ценного. Прежде всего, это системный подход к археологическим исследованиям. В пособиях А.А. Спицына содержится немало практических указаний: об упаковке и транспортировке находок; о ведении полевого журнала; о составлении чертежей; о полевых фотографиях; об инструменте для раскопок; о разных приемах выкидывания земли из раскопа и т.д. Все эти аспекты полевых работ рассматриваются на примере разных типов памятников.

В 1911 г. на XV археологическом съезде В.А. Городцов представил работу по созданию новой инструкции, законченную им самостоятельно после смерти Д.Я. Самоквасова в том же году²³. Однако принятие какого-либо официального документа так и не состоялось. Также в 1911 г. на правах рукописи появилось «Руководство для

¹⁹ Руководство к производству археологических раскопок и хранению добываемых при раскопках предметов древности (пер. с нем.). СПб., 1898.

²⁰ Самоквасов Д.Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908.

²¹ Труды XIV Археологического съезда. М., 1911. Т. III. С. 79, 93 – 111.

²² Спицын А.А. Археологические разведки. СПб., 1908; Спицын А.А. Археологические раскопки. СПб., 1910.

²³ Труды XV Археологического съезда. М., 1911. Т. I. С. 65.

археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала», составленное С.И. Фляхом по лекциям В.А. Городцова для слушателей Московского Археологического института²⁴. В 1914 г. это уже полноценная книга, систематизированная и дополненная, изданная самим В.А. Городцовым со ссылкой на поручение специальной комиссии XIV съезда. Особая ценность этих пособий – в более детальной разработке методики раскопок поселений, которая раньше существенно отставала от раскопок погребальных памятников. Они содержат методические положения, применяемые и в наши дни и вошедшие в последующие инструкции к ОЛ советского времени. В.А. Городцов суммирует с трудом выработанные российским археологическим сообществом нормы. Речь идет о допуске к раскопкам только специально подготовленных лиц; о доведении раскопов до материка; о ведении и вечном хранении полевой документации; об объективном и тщательном отражении деталей; о сохранении находок по комплексам с точной документацией; о рекультивации раскопов и т.д. Главной же представляется мысль о нравственной ответственности исследователя перед наукой и обществом²⁵.

Итак, прослежены основные вехи становления методики полевых археологических исследований в России с середины XIX по начало XX вв. Видно, что первые планомерные полевые работы (как и грабительские раскопки, к сожалению) связаны с курганной археологией Юга России. Это не случайно – в античных и скифских гробницах содержались великолепные не только по художественной, но и по материальной ценности находки. Первые методические документы составляются именно для раскопок этих памятников. Когда в поле зрения российского археологического сообщества попадают памятники более скромные, расположенные в других губерниях обширной Российской империи, внимание опять же в первую очередь привлекают курганы, хорошо заметные и дающие выразительный материал при усилиях значительно меньших, чем раскопки поселений. Соответственно и «Инструкция» 1874 г., и последующие методические пособия более всего ориентированы на могильные древности. Позже любой памятник археологии уже воспринимается как исторический источник, методика раскопок поселений (и городищ) излагается более обстоятельно. Пособие же А.А. Спицына по проведению разведок²⁶ оставалось единственной публикацией на эту тему до конца 20-х – начала 30-х гг. XX века.

Отметим, что методическая деятельность ИАК в области полевой археологии представлена почти исключительно трудами ее члена А.А. Спицына. Кроме них есть только заметки Н.И. Веселовского по раскопкам курганов, адресованные XIV съезду. Но зато вклад А.А. Спицына переоценить трудно. Тем более жаль, что его методическая работа никак не соприкасалась с усилиями археологических съездов, направленными на решение тех же проблем. Основным фактором было соперничество двух основных археологических учреждений того времени – ИАК и МАО. В результате после 1874 г. общий, обязательный для всех лиц, занимающихся полевыми исследованиями инструктивный документ, одобренный археологической общественностью и обязательный к применению, так и не появился. В этом есть значительная доля вины ИАК – идея А.А. Спицына об издании такого документа от ее имени развития не получила. В то же время и МАО, несмотря на попытки на XIV и XV съездах, не организовало принятие новой инструкции. Последующее трудное время войн и революций определенно не оставило места для разработок в области полевой археологии. Следующий этап совершенствования методики наступает только в 30-х годах XX века.

²⁴ Городцов В.А. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала. Составлено С.И. Фляхом по лекциям В.А. Городцова. М., 1911.

²⁵ Городцов В.А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914. С. 5–6.

²⁶ Спицын А.А. Археологические разведки. СПб., 1908.

EXCAVATIONS OF TUMULI ON THE SOUTH OF RUSSIA AND FORMATION OF THE FIELD ARCHAEOLOGY METHODS (MID-XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)

I.A. SOROKINA

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences*

e-mail: iasorokina@yandex.ru

The main steps on the way to formation of the field archaeology methods are described. The excavations of tumuli on the South of Russia served as a first impulse to this process. The first methodical handbooks in Russia were written on this subject. The author analyzes the activities of State authorities (Perovsky's, Stroganov's and Emperor's Archeological Committees) and scientific archaeological societies (in Odessa, Saint-Petersburg and Moscow) as well, as of the personal contribution of well known archaeologists. The article is based on the archival data.

Key words: tumulus, site, field archeology, archeological congress, excavations, investigation, Emperor's Archeological Committee, archeological society.

ВОПРОСЫ ГОРОДСКОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.*

М.А. СЕРГИЕНКО

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Sergienko@bsu.edu.ru

Статья посвящена проблемам деятельности органов общественного управления городов в сфере благоустройства. На основе широкого круга источников автор выявил пределы компетенции органов городского самоуправления и их основные направления деятельности в сфере городского благоустройства. Уделено внимание внешнему облику провинциальных городов.

Ключевые слова: благоустройство городов, городское самоуправление, повседневность, провинциальные города.

Изучение города и городской жизни является одним из традиционных направлений для отечественной исторической науки. Однако внимание большинства исследователей сосредоточено на изучении темпов, факторов и форм урбанизации в их конкретно-историческом развитии. Поэтому на региональном уровне остается малоизученной история городской повседневности. Процесс трансформации повседневной городской жизни был напрямую связан с деятельностью органов общественного управления, в компетенцию которых входило, в частности, принятие мер противопожарной безопасности, строительство и эксплуатация городских предприятий, содействие развитию торговли и промышленности, внешнее благоустройство, обеспечение санитарного надзора.

Административно-территориальная система городов, существовавшая в XIX в., в основном сложилась во второй половине предшествующего столетия. В это время сформировалась и своеобразная градация городов – столичные, губернские, уездные, различия между ними с самого начала основывались на отношении, в которое они были поставлены правительством к администрации данного региона. Существовали также безуездные, или так называемые заштатные города, особенностью их было отсутствие административных властей¹. В исследуемый период Курская губерния насчитывала губернский, 14 уездных и 3 заштатных города. Как известно, Городовое положение 1892 г. устанавливало две формы общественного правления: в полном объеме и в упрощенном виде. Согласно Высочайше утвержденному 6 мая 1893 г. списку городских поселений, в которых должно быть введено упрощенное общественное управление (ст. 22 Городового положения) было применимо к городам Курской губернии Льгову, Новому Осколу, Тиму, Мирополью, Хотмыжску и Богатому. Здесь Городовое положение 1892 г. вводилось в упрощенном виде, а в городах Белгороде, Грайвороне, Дмитриеве, Короче, Обояни, Путивле, Рыльске, Старом Осколе, Фатеже, Щиграх и Судже в полном объеме².

Одним из важнейших направлений в деятельности органов городского самоуправления являлось благоустройство. В условиях начавшейся в пореформенное время модернизации более сложной становится и инфраструктура городского хозяйства. Деятельность по благоустройству включала в себя следующие мероприятия: устройство систем канализации и водопровода, развитие транспорта и освещения,

* Статья выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук, государственный контракт № П659 от 10 августа 2009 г.

¹ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 43.

² ГАКО.Ф. 54. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

поддержание в чистоте городских площадей и улиц и т.д. Результативность и приоритетность этих мероприятий во многом была обусловлена инициативой и личной заинтересованностью представителей выборных органов власти и полиции.

Во многом состояние благоустройства городов определялось состоянием городских улиц, поэтому одной из насущных являлась проблема их покрытия. Недостаток средств бюджета не позволял замостить все улицы даже губернского города, причем, что цены на камень были сравнительно невысоки. И это несмотря на то, что мощенная улица перед домами возвышала ценность квартир. Однако собственники жилья не торопились принимать участие в расходах по устройству мостовых и замощению улиц. Стараниями городского головы П.А. Устимовича в начале 1870-х гг. в Курске было проложено лишь несколько асфальтовых тротуаров, но недостаток средств не позволял заасфальтировать их в полном объеме³. Юридически улицы и площади составляли собственность города. Домовладельцы участвовали в раскладке натуральной повинности по содержанию улиц. В результате главными городскими улицами пользовались все без исключения, не принимая реального участия в их содержании и ремонте. Решить данный вопрос стало бы возможным при условии замены натуральной денежной повинностью. Но недоверие горожан и боязнь нового налога не позволяли городской думе принять подобное постановление.

Одной из наиболее злободневных в губернии являлась проблема поддержания чистоты на улицах городов. В 1874 г. Курской городской думой были изданы обязательные постановления для жителей города относительно благоустройства⁴. Правила регламентировали порядок очистки улиц от мусора, ограничивали временные рамки уборки улиц и площадей. Горожанам предписывалось проводить мощение и перемощение улиц в сухое время года⁵. В зимнее время года они обязывались очищать улицы от лишнего снега и вывозить его в установленное управой место. Постановления касались и устройства тротуаров, которое производилось также за счет домовладельцев. Горожане, проживавшие на незамощенных улицах, имели право на их вымощение лишь с письменного разрешения городской управы. С одной стороны, это тормозило частную инициативу, но с другой, позволяло выдерживать единообразие во внешнем виде городских улиц. Предусматривались административные меры воздействия по отношению к домовладельцам, не исполняющим постановления. Так, например, если хозяин испорченной мостовой не приступал к ее ремонту, то исправления производили за счет управы, взыскивая затраченные средства с нерадивого домовладельца⁶.

В связи с постоянной нехваткой бюджетного финансирования органы городского самоуправления и губернские власти нередко пытались решать проблемы благоустройства за счет самих горожан. В уездных городах также практиковалось привлечение средств городских обывателей к исполнению обязанностей по улучшению облика городов. Например, на основании обязательных постановлений, изданных Суджанской городской думой 28 февраля 1879 г. очистка улиц города, которых в тот момент насчитывалось восемь, производилась самими жителями под наблюдением управы. А очистка городской площади и главной улицы, по которой пролегалка каменная мостовая, очищалась наемными рабочими за счет общественных городских сумм. Подобная практика применялась и при устройстве тротуаров⁷.

Исходя из содержания обязательных постановлений городских дум следует, что причиной неблагоприятной санитарно-эпидемической обстановки в городах Курской губернии являлся не только дефицит финансовых средств, но и низкий культурный уровень большинства горожан. Ранее названные нами обязательные по-

³ Моисейченко И.Н. Курское Александровское образцовое городское училище и деятельность его основателя. М., 1885. С. 109.

⁴ Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С. 1.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 522. Л. 18.

становления Курской городской думы «не позволяли спускать на улицу помой, всякую грязную или зараженную воду, остающуюся от какого-либо торгового производства или хозяйства, промывки рыбы и пр.»⁸. Аналогичные обязательные постановления действовали в других городах губернии. Определенное значение в сфере благоустройства имела частная инициатива горожан. К примеру, летом 1880 г. по инициативе и на средства шестерых жителей Щигров был разбит сад для общественных гуляний⁹. В 1900 г. в Тиме без расходования городских средств была выстроена танцевальная ротонда за счет пожертвований купеческой невестки М.И. Сметской¹⁰.

Согласно ст. 2 Городового положения 1892 г. в компетенцию городского общественного управления входило «попечение о лучшем устройстве городского поселения»¹¹. Но деятельность управ в сфере благоустройства зачастую сводилась в основном к постройке и ремонту общественных зданий. Одной из причин такого положения дел являлась и сложившаяся кризисная ситуация с финансами во многих городах губернии.

По данным Тимского городского общественного управления ограниченные поступления городских доходов в 1898 г. и отсутствие каких-либо земельных угодий, не давало возможности городской управе приступить к мероприятиям по городскому благоустройству, поэтому «в пределах весьма скромного бюджета в течение года принимались меры для поддержания порядка»¹². А в Судже по-прежнему действовали обязательные постановления от 28 февраля 1879 г., согласно которым мероприятия по поддержанию города в чистоте были возложены на самих обывателей¹³. Напротив, Щигровская городская дума 20 января 1898 г. приняла постановление о принятии на общественные городские средства замощение в городе улиц и тротуаров¹⁴. Постановление, согласованное с Курским губернским по земским и городским делам присутствием, не встретило препятствий со стороны министра внутренних дел, так как не противоречило ст. ст. 79 и 81 Городового положения 1892 г.

Законодательные ограничения и неустойчивое финансовое положение осложняли деятельность городских дум и управ в сфере благоустройства. Пытаясь найти выход из создавшегося положения, органы городского самоуправления не всегда действовали в соответствии с буквой закона. Так, в июле 1904 г. Суджанская городская дума признала необходимым и неотложным устройство в городе тротуаров. Финансово это было обременительно для городского бюджета, в связи с чем приняли решение «установить для этого специальный сбор в размере 1/2 % с рубля оценки городских имуществ, облагаемых городским сбором на один лишь 1904 г.»¹⁵. Но постановление было отменено Курским губернским по земским и городским делам присутствием как незаконное, на основании ст. 127 Городового положения 1892 г., которая точно указывала «установленные в пользу городских поселений сборы и никакие другие подати, тягости или службы не могли налагаться на городских обывателей не иначе как в законодательном порядке»¹⁶.

Аналогичная ситуация возникла в октябре этого же года в Обояни. На рассмотрение Курского губернского по земским и городским делам присутствия поступил приговор Обоянской городской думы об изменении действующих обязательных постановлений о содержании в чистоте улиц, канав и тротуаров¹⁷. Согласно постановлению владельцы домов, магазинов и лавок обязаны были напротив своих владений

⁸ Обязательные постановления Курской городской думы. Курск, 1913. С. 3.

⁹ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 522. Л. 53 об.

¹⁰ Там же. Д. 911. Л. 2.

¹¹ ПСЗРИ. Собрание 3-е. № 8708 от 11 июня 1892 г. Городовое положение. Т. XII. Ст. 2.

¹² ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 685. Л. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 819. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 1236. Л. 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 1235. Л. 24.

подметать улицы, очищать от сора и навоза канавы и тротуары 2 раза в неделю не позднее 8 часов утра. Дворы предписывалось подметать не менее одного раза в неделю, а сор, навоз и нечистоты из помойных ям и ретирадных мест вывозить не менее одного раза в месяц¹⁸.

Стремление облегчить положение горожан, проживающих в Обояни, не получило поддержку со стороны губернских властей. Так как согласно ранее принятым обязательным постановлениям Обоянской городской думы владельцы домов, магазинов и лавок обязаны были ежедневно, а не 2 раза в неделю подметать улицы, очищать от сора и навоза канавы и тротуары. А так как ст. 110 Городового положения 1892 г. устанавливала, что отмена или изменение обязательных постановлений производилось тем же порядком, что и утверждение, и по смыслу закона постановления издавались думами в интересах благоустройства, то они не могли преследовать цели противные этому, что получалось в данном случае. На основании такого заключения Курское губернское по земским и городским делам присутствие признало обязательные постановления не состоявшимися.

Неудовлетворенное таким заключением Обоянское городское управление по поручению городской думы подало жалобу в Правительствующий Сенат. Разбирательство дела длилось четыре года. Ответ был получен лишь 9 июня 1908 г.¹⁹ Решением Сената жалобу Обоянского городского управления оставили без последствий, так как апелляционному рассмотрению подлежали жалобы на постановления губернских по земским и городским делам присутствий о неутверждении обязательных постановлений лишь по причине несогласия их с законом. А вышеизложенная жалоба касалась исключительно целесообразности составленных Обоянской городской думой обязательных постановлений, и не подлежала рассмотрению Правительствующим Сенатом по существу.

Развитие капиталистических отношений на территории Курской губернии в конце XIX в. выдвинуло на первый план и такую проблему, как создание принципиально новой системы коммуникаций. Но отсутствие необходимых инвестиций тормозило инициативу органов городского самоуправления. К тому же, согласно ст. 116 Городового положения 19 июня 1870 г. городские общественные управления могли заключать договора с частными предпринимателями по вопросам устройства таких сооружений, как водопровод и газовое освещение только лишь в рамках принятого положения.

Наиболее распространенным нововведением в городской жизни являлся водопровод. В Курске он был сооружен в 1873 г. на средства концессионера, и поэтому город не нес расходов по его эксплуатации и ремонту²⁰. На момент ввода в эксплуатацию водопровода на территории городского поселения числилось 5 010 домовладельцев. В районе магистрали городского водопровода около 1 200. За период с 1873 по 1910 г. к водопроводной сети присоединили лишь около 80 домов. Число уклонившихся от присоединения составляло около 400 домовладельцев, которые отказывались преимущественно из-за нежелания нести расходы по устройству водоснабжения.

В уездных городах жители использовали для хозяйственных и бытовых нужд речную воду и воду из артезианских колодцев. К концу XIX в. лишь в уездном Белгороде функционировал водопровод. Белгородский водопровод, построенный в 1871 г. бельгийской фирмой, содержался на городские средства. Для переброски родниковой воды с меловой горы использовались водоподъемные машины²¹. В Белгороде имела специальная служба, проверявшая химический состав воды, поступающей в

¹⁸ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 811.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Там же. Д. 1979. Л. 47.

²¹ Белгородский водопровод // Белгородская энциклопедия / под ред. В.В. Овчинникова. Белгород, 2000. С. 47.

водопровод. Проведенные анализы показывали, что вода содержала сернокислотные извести и мел, а в целом, имела хороший химический состав. Вода из водопровода была проведена в общественные здания и частные дома, принадлежавшие дворянам и купцам.

За пользование водой из водопровода взималась плата в пользу городских доходов. За неуплату денег в городскую казну за пользование водой владельцы подвергались угрозе отключения водопровода. В первом десятилетии XX в. в Белгороде водопроводом были снабжены только 15 % зданий. К 1917 г. протяженность белгородских водопроводных сетей составляла 5 км, мощность водозаборных сооружений – 450 м³ или 45 000 ведер в сутки, была устроена водокачальная станция²².

Устройство водопроводов связывалось и с опасностью пожаров, существующей в городах с преобладающим большинством деревянных строений. Хотя внешний облик городов стал усиленно меняться в пореформенное время, однако вид окраин многих городов напоминал сельские поселения. Идея каменного города была одной из основ градостроительной политики нового времени. Каменный дом воспринимался не только как символ регулярного города, но и как признак городского образа жизни. С ним связывались представления о богатстве, положении в обществе. Но в реальной жизни каменное строительство в городах России было очень ограниченным²³. Такое положение обостряло опасность возникновения пожаров. В 1875 – 1882 гг. в губерниях Европейской России в среднем в год происходило свыше 37 тыс. пожаров, в огне погибало до 130 тыс. строений в городах и селах²⁴. Нередко пожары возникали из-за неосторожности самих жителей. В целях усиления противопожарной безопасности, распоряжением Курского губернского правления от 10 июня 1871 г. устройство соломенных и камышовых крыш позволялось лишь беднейшим жителям²⁵.

Согласно ст. 103 Городового положения 1870 г. городским думам предоставлялось право издавать обязательные для жителей постановления по предмету устройства, чистки и осмотра дымовых труб и печей и вообще о мерах предосторожности против пожаров, согласовывая их с начальником местного полицейского управления. Именно от него зависело приведение в действие тех мер, которые являлись наиболее полезными в конкретной местности. Городские думы Курской губернии активно использовали данное право. Так, например, в 1879 г. Щигровским городским общественным управлением были изданы обязательные постановления по благоустройству города с включением мероприятий к устранению условий, оказывающих вредное влияние на здоровье горожан. К их числу относилась и деятельность в области противопожарной безопасности. Из добровольных пожертвований были выделены средства для приобретения новой пожарной трубы и отделки колодезя, устроенного при помещении, занимаемого пожарным обозом. На данные мероприятия было израсходовано из бюджетных средств 1 161,35 руб.²⁶

В Судже очистка дымовых труб и печей производилась ежемесячно, для чего из средств городского общественного управления выделялись деньги на содержание наемного трубочиста. Кроме того, сами домовладельцы дополнительно платили трубочисту по 5 коп. с каждой печи или трубы. Контролировали исполнение обязательных постановлений, изданных Суджанской городской думой о мерах предосторожности против пожаров, шестнадцать пожарных старост, полиция и городская управа. Ситуация осложнялась и тем фактом, что на уровне губернии не существовало специальных городских пожарных команд, а их функции исполняли полицейские команды.

²² Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 69. Л. 25.

²³ Кошман Л.В. Указ. соч. С. 76.

²⁴ Там же. С. 97.

²⁵ ГАКО. Ф. 1589. Оп.1. Д.8. Л. 42.

²⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2465. Л.48.

Одной из насущных проблем в деятельности органов городского самоуправления являлась электрификация губернского Курска, а в перспективе и уездных городов. На основании ст. 138 Городового положения от 11 июня 1892 г. освещение городов входило в обязанности городских общественных управлений, а издержки по освещению относились к числу обязательных расходов. К тому же, согласно ст. 139 Городового положения городское освещение должно было производиться в размере не менее существующего до введения в действие этого положения²⁷. Следует заметить, что в к концу XIX в. освещенность городов оставалась на очень низком уровне. В городах Курской губернии применялось в основном освещение улиц керосиновыми фонарями. В конце XIX в. в Белгороде появляется газовое освещение, которое использовалось для освещения улиц и крупных общественных зданий. В частных домах газовое освещение почти не использовалось. Для газового освещения улиц в городе устанавливались дуговые фонари.

Долго и сложно решался вопрос уличного освещения в губернском городе. В Курске не был устроен газопровод, потому газовое освещение не использовалось, из-за чего городские улицы оставались практически не освещенными. В помещениях применялось керосиновое освещение. Лишь в результате неоднократных переговоров и срывов положенных сроков со стороны брюссельского анонимного общества «Курский трамвай», которое заключило с Курской городской думой контракт на устройство постоянной сети электрического освещения, было достигнуто соглашение по устранению недостатков и ввода в эксплуатацию электрической станции к 3 октября 1904 г.²⁸ Таким образом, вопрос о создании базы для электрификации губернского города был решен. Согласно заключению думской юридической комиссии, срок ввода в эксплуатацию электрической станции был продлен сначала до 15 августа 1904 г., после чего она должна была перейти в собственность городской управы. Но и этот срок был перенесен на 15 сентября, а позднее на 15 октября 1904 г.²⁹

Динамичное развитие торговли в городах губернии требовало усовершенствования торговых мест, площадей и рынков. Поэтому не случайно со вступлением в должность первого городского головы П.А. Устимовича особое внимание уделялось реконструкции съестного базарного двора и Красного гостиного двора³⁰. Первоначально, согласно предложению Устимовича, предполагалось устроить некое подобие крытого базара, сдав устройство данной конструкции частному предпринимателю. Но возникли сложности в определении месторасположения новых базарных рядов, так как оно напрямую зависело от расположения будущей железнодорожной ветви. В результате на рассмотрение Министерства внутренних дел был подан проект постройки перед съестным двором корпуса лавок с новым городским домом с одной стороны, и городским сквером – с другой. Проект был одобрен МВД, таким образом, перестройка лавок позволила значительно улучшить внешний вид съестного двора.

Городские думы, не обладая всей полнотой исполнительной власти, взаимодействовали в контроле над выполнением населением обязательных постановлений с городской полицией. Полицейские следили за своевременной очисткой городских улиц, содержанием в чистоте дворов, проверяли наличие правильно устроенных туалетов. В 1892 г. курский полицмейстер неоднократно предъявлял требования к городской управе по благоустройству. В их числе: перемещение улиц, установка и ремонт фонарей и ламп, замощение Луговой площади и ремонт на этой площади колодца, перемещение рыбных и мясных рядов на Красной площади, устройство будок для торговли съестными припасами, упор и очистка берегов р. Кура, замена негодных пожарных лошадей³¹. В ответ на это, управа сообщила губернатору, что поскольку

²⁷ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1917. Л. 137.

²⁸ Там же. Л. 256.

²⁹ Там же. Л. 82, 163, 174.

³⁰ Моисейченко И.Н. Указ. соч. С. 106.

³¹ ГАКО. Ф.54. Оп.1. Д. 59 а. Л. 42.

требования по благоустройству обязательны, то они исполнялись по мере наличия средств и в пределах сметных ассигнований думы. Например, были очищены берега р. Кура, негодные к езде пожарные лошади заменены новыми, уличные фонари отремонтировались, улицы частью перемощены, частью перемощались и т.п. Что же касается требований о замощении площадей, об устройстве будок для продовольственных товаров и «обжорных рядов», то управа сообщила, что, «несмотря на полное сочувствие подобным желанием, за неимением свободных к этому средств и за отсутствием сметных определений думы сделать чего-либо в этом отношении не может»³². К тому же, требования полицмейстера по благоустройству города, не являлись обязательными для городской управы.

Во многих городах полиция несла ряд обязанностей не только по охранению общественной безопасности, но и по городскому благоустройству, санитарной части, контролю за исполнением обывателями обязательных постановлений, издаваемых городскими общественными управлениями и т.д.

Таким образом, под воздействием модернизационных процессов, происходящих в России на рубеже XIX – начале XX вв., интенсивно меняется внешний облик и степень благоустроенности городов. Определенная роль в данном процессе принадлежала органам общественного управления, отвечающих за внешнее благоустройство, санитарное состояние, противопожарную безопасность городов, строительство и эксплуатацию городских предприятий. Развитие капиталистических отношений на территории Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. выдвинуло на первый план такую проблему, как создание принципиально новой системы коммуникаций. Но отсутствие необходимых инвестиций тормозило инициативу органов городского самоуправления. Рост территории и городского населения потребовал обратить внимание на расширение уже имеющихся и введение в эксплуатацию новых водопроводов и электростанций. И хотя были достигнуты незначительные успехи, но в условиях ограниченного финансирования и эти факты можно признать успешными.

Более пристального внимания требовали вопросы противопожарной безопасности, так как городское хозяйство сильно страдало от возникающих пожаров. Для более продуктивной деятельности требовалось расширение состава городских пожарных команд и усиление технического оснащения пожарных обозов, что напрямую было связано с увеличением доли расходов на противопожарные мероприятия. С начала XX в. возрастает роль органов городского самоуправления как регулятора городской торговли, так как думы выдавали специальные разрешения на открытие промышленных и торговых заведений. Кроме того, издавались специальные обязательные постановления городских дум о порядке торговли. Одним из самых сложных и болезненных вопросов являлось поддержание чистоты на городских улицах и другие вопросы в области благоустройства. Активно проводилось замощение улиц, особенно в губернском городе. Благоустройство городов губернии напрямую зависело от состояния бюджетов. Вместе с тем, требовалось сотрудничество населения и городских властей, так как штрафные санкции не всегда носили успешный характер. Существенно осложняли финансовую ситуацию возрастающие расходы городов на содержание полицейских команд при сокращении дотаций казны на эти цели. Отсутствие у городских дум принудительной власти, заставляло их прибегать к помощи полиции. Кроме того, городской полицмейстер осуществлял надзор за проводимыми думой мероприятиями в сфере благоустройства.

³² ГАКО. Ф.54. Оп.1. Д. 59 а. Л. 41.

QUESTIONS OF CITY ACCOMPLISHMENT IN ACTIVITY OF ORGANS OF GOVERNMENT OF KURSK PROVINCE IN THE END OF XIX CENTURY

M.A. SERGIENKO

Belgorod State University

e-mail: Sergienko@bsu.edu.ru

The article is devoted to the problem of activity of organs of government in the city accomplishment sphere. On the basis of extensive sources, the author reveals the limits of organs of government competence and their main areas of activities in sphere of city accomplishment. The attention is paid to external shape of cities.

Key words: improvement in cities, city hall, everyday life, provincial towns.

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ В ПОНИМАНИИ П.А. КРОПОТКИНА

О.С. САФРОНОВ

*Военный авиационный
инженерный университет,
г. Воронеж*

e-mail: istoruss@inbox.ru

Данная статья посвящена анализу проблемных вопросов теории революции в освещении идеолога анархо-коммунизма, выдающегося ученого-энциклопедиста П.А. Кропоткина. Отмечено, что русские революции идеолог антиэтатизма оценивал только положительно, так как видел в них борьбу народа против государства. В статье указывается, что П.А. Кропоткин, обосновывая идеологию анархо-коммунизма, пришел к выводу, что главным средством достижения политической цели является народная революция.

Ключевые слова: Кропоткин, анархизм, теория революции, исторические взгляды, Россия.

В историю анархического движения второй половины XIX – начала XX веков П.А. Кропоткин вошел как один из видных его теоретиков, автор произведений «Анархия, ее философия, ее идеал», «Этика», «Хлеб и воля», «Современная наука и анархия», ставших фактически программой анархо-коммунистического направления. Политические взгляды идеолога антиэтатизма давно привлекали внимание исследователей¹. Однако не все стороны его идейно-теоретического наследия, представляющие потенциальный интерес для историков русского анархизма, изучены достаточно полно. Это относится и к вопросу о вкладе Кропоткина в разработку анархической теории революции.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать теорию революции П.А. Кропоткина, рассмотреть его интерпретацию роли партии в революционном и общественном движении и исследовать взгляды идеолога анархизма на проблему террористической деятельности как средстве политической борьбы.

В теории революции П.А. Кропоткина обобщен теоретический материал, направленный на насильственное завоевание политической власти. Основой футурологической концепции П.А. Кропоткина является анархический коммунизм, который, по его глубокому убеждению, не может быть установлен мирным путем, вследствие активного сопротивления господствующего класса. Только анархическая революция сможет сломать вооруженное сопротивление класса "начальников". П.А. Кропоткин понимал, что невозможно определить окончательно, что именно послужит толчком к революции: «Откуда придет революция? – писал он. – Какими признаками будет отмечено ее начало? На эти вопросы не может никто ответить; мы находимся здесь в полной неизвестности»².

По мнению идеолога анархизма, цель революции должна заключаться в обеспечении условий для полного перехода общества от государства к анархическому

¹ См., например: Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972; Александрова З.А. П.А. Кропоткин и вопросы социальной революции // Проблемы социально-политического развития общества. М., 1975. С. 118-130; Блюм Р.Н. Взгляды П.А. Кропоткина на революцию // Ученые записки / Тартус. ун-т. Тарту, 1969. Вып. 241: Труды по философии. Т. 13. С. 124-150; Мкртчян А.А. Кропоткин о революционном терроре // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 1992. № 1. С. 30-35; Никульченко Е.И. Проблема социальной эволюции и политической революции в теоретических воззрениях П.А. Кропоткина. СПб., 1992. Библиогр.: С.9; Дружинкина Н.Г. Идеи П.А. Кропоткина в контексте теории социальной революции // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: материалы межд. науч. конф. СПб., 2005. С. 86-91; Kinna R. Kropotkin's theory of mutual aid in historical context // Intern. rev. of social history. Assen, 1995. Vol. 40, pt. 2. P. 259-283.

² Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 41.

коммунизму. В связи с этим, выделяются две основные задачи. Первая заключается в уничтожении всех государственных институтов и учреждений. Это стадия разрушения в ходе революции. Вторая и более главная задача, заключена в построении анархического коммунизма. Это стадия созидания в процессе революции. Причем, по мнению П.А. Кропоткина, анархо-коммунизм можно вводить сразу после разрушения старых порядков уже в ходе революции. Однако теоретик анархо-коммунизма понимал всю сложность созидательной работы. Поэтому его очень беспокоило, что в радикальных массах «принято смотреть на революцию как на великий праздник, во время которого все устроится к лучшему само собой»³.

Основная причина революции, по мнению П.А. Кропоткина, в отличие от бакунинской утопии отчаяния (бунт), заключается в надежде народа на улучшение положения. «Надежда, – писал П.А. Кропоткин, – а вовсе не отчаяние... порождает успешные революции»⁴. Надежда на улучшение условий жизни ведет народные массы к революции. П.А. Кропоткин, в вопросе о движущих силах революции, пошел дальше своего предшественника. Он впервые выдвигает идею об объединенном восстании среди крестьянства и среди городских рабочих – «только тогда революция может рассчитывать на успех». В дальнейшем идеолог анархизма добавляет к крестьянам и рабочим еще и «трудовые элементы из интеллигенции». При этом П.А. Кропоткин допускал возможность как мирной, так и кровопролитной революции.

П.А. Кропоткин считал, что партия должна играть в революции, прежде всего, подготовительную роль. Анархистские группы, по его мнению, должны вести «тихую подготовительную идейную работу». Подготовка к революции осуществляется в создании партии, которая должна будет готовить восстание в народе. Конкретная программа социальной революции заключалась в создании революционной партии⁵. Эта партия должна была действовать в рабоче-крестьянской среде, не прерывая, однако, сношений с образованной средой, но только с теми, которые смогут действовать в массах рабочих и крестьян. Деятельность партии должна заключаться в пропаганде неизбежности революции и безысходности мирных реформ в среде крестьян и рабочих, а также в организации кружков на местах из лучших людей. Лишь только после того, как народ осознает необходимость восстания и образуется связь между местными кружками, можно начинать восстание, но только всеми одновременно и повсеместно. В восстании должны были принять участие и рабочие. Но основной задачей партии считалась организация кружков на местах с последующим соединением их.

Из рабочей среды предполагалось готовить народных агитаторов. Деятельность членов партии заключалась в пропаганде. Причем, единичной пропаганде отдавалось предпочтение. Пропаганда должна вестись как среди крестьян, так и среди рабочих. Наряду с агитацией устной уделялось внимание и литературной пропаганде. Для реализации последней, предполагалось распространять специально написанные для простого народа брошюры. Причем их должны писать сами члены партии. В освещении вопроса по агитации ей уделялось много внимания. Прорабатывалась программа действия членов партии в случаях возникновения стачки, бунта крестьян и т.д. В этих ситуациях предписывалось поддержать движение, но самим организовывать стачки, бунты, кассы взаимопомощи и т.д. для частичного удовлетворения требований запрещалось, т.к. главная задача иная.

Следует отметить, что П.А. Кропоткин отрицал необходимость для успеха революции установление диктатуры революционной партии или классовой диктатуры. Он вообще отрицал понятие передачи революционных прав от народа к партии, так как считал, что любые чиновники, даже революционные становятся функционерами и забывают о нуждах масс. Теоретик анархо-коммунизма считал, что только сам на-

³ Кропоткин П.А. *Век грядущего*. М., 1925. С. 87.

⁴ Кропоткин П.А. *Речи бунтовщика*. СПб., 1906. С. 141.

⁵ См.: письма П.А. Кропоткина Г. и Л. Гогелия, Ж. Граву, М.И. Гольдсмит и Корнелиссену. – ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Д. 39. Л. 5-7.

род должен быть субъектом революции и самостоятельно строить анархический коммунизм. Д. Пронякин справедливо отмечает: «Революция возможна тогда, считает Кропоткин, когда, самые широкие угнетенные и эксплуатируемые массы воспримут передовой общественный идеал и этот идеал станет их идеалом, усвоят истинно научную теорию общественного развития, когда надежда на воплощение этого идеала станет единственным двигателем масс»⁶.

П.А. Кропоткин отмечал, что свергнутые классы не следует подавлять, т.к. это действие будет проявлением жестокости и насилия, против которого он всегда выступал. Кропоткин был уверен, что достаточно вырвать у привилегированного класса власть, как начальники в панике разбегутся. Идеолог анархизма, в своей наивности, был готов даже «принять на фабрики, с согласия рабочих фабрики, тех бывших хозяев фабрик, которые останутся в живых». В то же время теоретик анархо-коммунизма оправдывал насилие народных масс, проявляемое в ходе революции. Он считал революционное насилие неизбежным, поскольку обездоленный, на протяжении веков постоянно угнетаемый народ, должен был восстановить помятое равенство посредством справедливого возмездия. Поэтому П.А. Кропоткин считал, что «никто не имеет права читать народу нотации и наставления. Только тот, кто сам выстрадал столько, сколько выстрадал народ, имеет право голоса»⁷.

Для перехода к безгосударственному строю, по мнению ученого-энциклопедиста, необходима социальная революция, которая разрушит современную государственную систему. Так как бедствия трудящихся достигли своей остроты, то следует приступить к немедленной подготовке революции. Главные движущие силы революции – это крестьяне и городские рабочие. П.А. Кропоткин считал, что революцию следует проводить в интересах всего общества, а не только одного класса. Причем, революция должна нести освобождение, а не новое угнетение.

П.А. Кропоткин в своей теории революции, выявляя наиболее эффективные приемы революционной борьбы, дискутировал вопрос о целесообразности применения террористических средств. П.А. Кропоткин не одобрял террор, но он считал, что это вынужденная мера революционеров в ответ на жестокость и ничем не оправданные действия царского правительства. Также в качестве причины терроризма Петр Алексеевич выделял наличие проводимой правительством политики смертной казни, которая обесценивает человеческую жизнь. «И покуда смертная казнь будет существовать, – отмечал идеолог анархизма в «Наказании смертной казнью», – будет существовать также и убийство со стороны угнетаемых»⁸.

Как теоретик анархизма, Кропоткин подчеркивал, что главным средством достижения анархического коммунизма является народная революция. Политическая борьба против самодержавия, а конкретно, террор против царских сановников и самого царя, на что уходили главные силы партии «Народная воля», не казалась Кропоткину средством, способным обеспечить победу революции. «Покуда революционная партия говорит: долой самодержавие и объявляет войну одному самодержавию, она хотя и расшатывает самодержавие, – писал он, – но не рассматривает ни одну из тех основ, на которых зиждется правление привилегированных классов. Борьба должна быть направлена главным образом на экономические, а не на политические формы»⁹. Террор же, по мнению Кропоткина, не является достаточно действенным инструментом для выполнения главной цели.

Современники считали, что П.А. Кропоткин, в силу своего гуманизма, был не в состоянии совершить террористический акт, во время которого могут погибнуть не только царские сановники, но и совершенно невинные люди, в том числе, женщины и дети. Как-то во время визита к И.С. Тургеневу племянница Кропоткина

⁶ Пронякин Д. Анархизм: «исторические» претензии и уроки истории. Л., 1990. С. 52.

⁷ Кропоткин П.А. Век грядущего. М., 1925. С. 59.

⁸ Кропоткин П.А. Наказание смертной казнью // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 221.

⁹ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 46.

Е.Н. Половцева сказала, что слышала о сходстве Кропоткина с Базаровым. «Нет, нет, это совершенно неверно, – ответил Тургенев, – я представляю [его] себе совсем иначе», и характеризовал он его так: «Если бы ему по жребии пришлось совершить террористический акт и он, идя на это, услышал бы по дороге пение соловья, то я уверен, что он непременно бы остановился и...

– И?... – я взволнованно ожидала окончания фразы.

– И не знаю... совершил ли бы он террористический акт. Нет, нет у него общего с Базаровым... Его воспитание, внешняя элегантность, ну а главное, нежная, чуткая художественная душа...»¹⁰

Но в то же время, П.А. Кропоткин предполагал, что революционеры имеют моральное право отвечать ударом на удар. Так, объясняя свое отношение к народо-вольцам, Кропоткин писал, что никогда «не становился против этого движения, а, наоборот, поддерживал его, стараясь дополнить такую же агитацией в народе»¹¹. Ту же мысль повторил Кропоткин в письме в редакцию «Хлеба и Воли». «Когда создали Исполнительный комитет, я не мог к нему пристать по многим причинам, и я считал нашу святою обязанностью стоять за них и нести ответственность за их действия»¹². По мнению П.А. Кропоткина, выполнять террористический акт должен только доброволец. Так, познакомившись с программным требованием эсеров, Кропоткин писал тогда: «Я так доволен, что мы не связаны ни с одной из копошащихся за границей групп. Поведение "социалистов-революционеров" с их "боевою группою" и желанием руководить отсюда террором... оттолкнет многих в России. Это – не в русском духе, да и не в заграничном»¹³.

Кропоткин отрицал всякое проявление террора, причем не только индивидуального, но и массового и экссы над капиталистами. Так, в 1904 году, в редакцию первой русской анархической группы за рубежом Кропоткин направил следующее письмо: «Мне кажется, мой долг прямо и откровенно высказать вам то, что я думаю о статье о терроре в № 5 «Хлеб и Воля». Мне она крайне не понравилась, местами просто возмутила меня... Начать с того, что если якобинцы еще могут взывать к возрождению террористической партии из Швейцарии, то анархисту звать людей на террор непозволительно, раз он не находится на месте и не ведет свою пропаганду личным примером... Возводить террор чуть ли не в систему вообще, по-моему, ошибочно... Я глубоко сожалею, что вы решились печатать нечто подобное»¹⁴.

Однако, под влиянием разгула правительственных репрессий, русский антиавторитарист решил, что в такой момент будет не этично осуждать революционеров, находящихся в самой гуще непримиримой борьбы. «Когда палачи каждого мальчишка, – писал П.А. Кропоткин в письме к М.И. Гольдсмит, – схваченного на грабеже, казнят через 24 часа, – мы не можем выступать с резолюциями против грабителей. Что бы ни думали – мы не имеем права и свой камень еще бросить, в придачу к царской виселице»¹⁵. В письме М.И. Гольдсмит от 16 октября 1911 года Кропоткин изложил итоги своих размышлений об опыте анархистского движения во время революции. «...Я много думал все это время о том, что нужно в данную минуту для анархистов в России. Нужно: определенное отрицание якобинских приемов, принимавшихся до сих пор в России за анархию, а именно: 1. отрицание экспроприаторства как средства приобретения денег для революционной работы и 2. безусловное отрицание багровщины как средства борьбы с реакцией»¹⁶.

Особенно ярко проявилась антитеррористическая позиция П.А. Кропоткина во время гражданской войны. П.А. Кропоткин, отрицательно относившийся как к бе-

¹⁰ РО РГБ. Ф. 520. Д. 87. Л. 7.

¹¹ ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Д. 41. Л. 104.

¹² Там же. Д. 39. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 41. Л. 54.

¹⁴ Там же. Д. 39. Л. 41-42.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Д. 43. Л. 93.

лему, так и к красному террору и политике заложничества, безуспешно пытался переубедить В.И. Ленина, во время личной беседы в начале ноября 1918 года¹⁷. П.А. Кропоткин, допуская право народа на мщение, все же отрицал народный террор, возведенный в ранг государственной политики. Он предлагал направить деструктивную энергию масс на созидательную работу по преобразованию общества. В противном случае, считал теоретик анархо-коммунизма, государственный террор революционных масс «кует цепи для народа»¹⁸, как уже случилось в годы Великой Французской революции 1789-1794 гг.

Таким образом, следует отметить, что террор – это явление деструктивное, т.к. приводит к гибели людей. Во времена Кропоткина, т.е. в конце XIX – начале XX века террор был явлением политическим. Но в наше время, все чаще террористами становятся уголовники, преследующие цели личного обогащения. Уголовный террор, однозначно, является аморальным действием. Вероятно, террор, наравне с другими видами убийства, будет существовать до тех пор, пока будет разобщенное человечество. Лишь по мере формирования мировой цивилизации будет образовываться и общечеловеческая этика, следовательно, только тогда террор будет порицаться всеми членами общечеловеческого общества.

В то же время заслуживает внимания выводы Петра Алексеевича в области теории революции. Учитывая место, занимаемое теорией революции в общей системе политических взглядов П.А. Кропоткина, стоит указать на реалистичность его выбора народной революции как средства достижения политической цели. Следует, тем не менее, отметить, что причина возникновения революции кроется не в стремлении народа сбросить власть начальников, как он наивно предполагал, а в недовольстве общества существующим положением дел, которое может быть вызвано как объективными, так и субъективными причинами. Цель революции заключается не в свержении власти начальников, и не в искоренении власти, как явления, как считал П.А. Кропоткин, а в захвате власти и проведении преобразований, выгодных иерархам революции. В то же время П.А. Кропоткин довольно успешно решил вопрос о роли революции в общем эволюционном процессе.

THE THEORY OF REVOLUTION IN UNDERSTANDING OF P.A. KROPOTKIN

O.S. SAFRONOV

*War Aviation
Engineering University
(Voronezh)*

e-mail: istoruss@inbox.ru

The article focuses on various debatable problems of theory of revolution in interpretation of an anarchy-communism ideologist, outstanding scientist P.A. Kropotkin. It is noted that the ideologist of anarchism appraised only positively Russian revolutions, since he saw in them fight of people against the state. The author points out that P.A. Kropotkin considered a people revolution as the main way of achieving the political target.

Key words: Kropotkin, anarchism, theory of revolution, history opinions, Russia.

¹⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника 1870-1924. Т. 6. М., 1975. С. 195.

¹⁸ Кропоткин П.А. Век грядущего. М., 1925. С. 66.

УДК 94:327.7(47+57)»19»

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-СПОРТИВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В.Ю. РЫЛОВ*Воронежский
государственный
университет**e-mail: vyurylov@yandex.ru*

Данная статья является одной из первых попыток освятить деятельность молодежных военно-спортивных и патриотических обществ в России начала XX в. Работе данных организаций не уделялось никакого внимания в советской историографии, лишь в последние годы появились исследования о деятельности таких обществ. Однако данные молодежные организации являлись прямыми предшественниками существовавшим в советское время молодежных военно-спортивных обществ.

Ключевые слова: патриотические организации, военно-спортивные организации, начало XX в., Россия.

В России начала XX в. ускоренными темпами проходила социально-экономическая модернизация общества. Модернизационные процессы приводили к изменению образа жизни и уклада значительного числа населения. Это выражалось в росте жизненного уровня, улучшении бытовых условий части средних городских и сельских слоев, что приводило к появлению такого понятия, как «досуг», у детей рабочих, мещан, служащих, крестьян и др. Вместе с тем, подобные позитивные изменения имели и отрицательные последствия. Все актуальнее становились проблемы детской преступности, имели место и другие негативные явления. Некоторыми общественными кругами тесно связывались вопросы физического здоровья детей и юношей с вопросами нравственными, а также с ростом радикальных настроений среди молодежи. Негативные тенденции вызывали также беспокойство властей. Из года в год фиксировалось ухудшение физического здоровья юношей. Например, в 1908 г. из 100 юношей-горожан лишь 40 – 45 оказывались годными для прохождения воинской службы, в 1910 г. – 23, а в 1912 г. лишь 14 – 18 человек¹.

Реагировать на сложившуюся ситуацию в начале XX в. пыталась общественность. В то время существовало немало общественных спортивных организаций, занимавшихся «духовным и телесным» воспитанием молодежи – «Богатырь», «Маяк» и др. Данные организации являлись большей частью детскими и юношескими спортивными клубами. Сразу после революции 1905 – 1907 гг., когда общественное движение приобрело «мирные» формы и снизился накал политической борьбы, возникло довольно много культурно-просветительских, патриотических обществ. Среди них образовались и военно-спортивные организации, занимавшиеся патриотическим воспитанием молодежи.

Одним из наиболее известных было спортивно-гимнастическое общество «Сокол». Собственно, эта организация первая поставила своей целью не только воспитание молодежи, но и проведение спортивной и военно-патриотической работы. «Сокол» возник во второй половине XIX в. в славянских странах Австро-Венгрии как панславянская молодежная организация. Основателем и идейным вдохновителем «сокольства» выступил один из идеологов чешского национализма профессор Карлова университета в Праге Мирослав Тырш. В Российской империи «полусокольские» спортивные общества появлялись в Западнорусском крае в конце XIX в. среди польского населения. В 1907 г. эти общества стали называться «Сокольскими» и получили распространение на территории коренной России.

¹ Вестник скаута. 1921. № 6. С. 21.

Одним из первых инициировал образование «Сокола» известный правый деятель В.М. Пуришкевич. В 1907 г. он ходатайствовал об ассигновании денежных средств обществу от Аккерманского уездного земства и как депутат Государственной думы предложил законопроект «о введении сокольской гимнастики и игр в целях физического воспитания юношей во всех учебных заведениях России»². В развитие этого начинания, в 1908 – 1911 гг., с целью улучшения физического здоровья молодежи, в армии стали проводиться занятия спортом, а в школьные программы включили преподавание гимнастики. Многие лидеры правых принимали участие в делах «Сокола». Например, 15 июля 1908 г. на Славянском съезде в Праге, где видную роль играло «политическое» панславистское крыло «Сокола», присутствовали известные правые: Н.А. Маклаков, видный государственный деятель, Г.В. Комаров, один из инициаторов создания правоконсервативной организации Русское собрание, и граф В.А. Бобринский, член фракции русских националистов в III Государственной думе³.

Правые издания освещали деятельность «Сокола». Например, «Земщина» в 1910 г. так отозвалась о деятельности организации: «Вот уже несколько лет наша школа выпускает на свет сутулых и кривоногих интеллигентов; ...справедливо ставят в связь с отсутствием физического развития и уродливый (идейный. – В. Р.) багаж русской интеллигенции»⁴. «Упадок благородного воинского духа» в среде образованных классов находился, по мнению правых, «в тесной связи с упадком дворянства», место которого оказалось занятым разночинной интеллигенцией. Поэтому «Сокол» находил поддержку у правых, которые считали, что деятельность организации «развивает любовь к воинской обстановке» у молодежи⁵. Правые находили связь между отсутствием физического воспитания и радикальными тенденциями у значительной части русской молодежи.

В 1909 – 1910 гг. «сокольские» организации появляются в Петербурге, Москве, Харькове, Воронеже и других городах. В марте 1911 г. «соколы» провели свой Первый Всероссийский съезд, где приняли программу, главными пунктами которой были следующие: «I. Принять Сокольскую идею славянских братьев, как благородное стремление к телесному, нравственному и духовному оздоровлению и совершенствованию личности и народа. II. ...Спаяние племен Российского Государства воедино во имя блага и мощи России как великого Славянского Государства»⁶. Однако «соколы» дистанцировались от прямого участия в политике, так как брали пример со своих единомышленников в Австро-Венгрии, которые в рамках неславянской империи умели отстаивать свои позиции. В 1912 г. Союз русского сокольства вступил в Союз славянского сокольства, причем против этого голосовали только «поляки на съезде в Вене»⁷. К 1914 г. было уже около 60 «Сокольских» обществ и кружков по всей империи. Местные организации «Сокола» возглавляли отставные военные.

Например, воронежское общество возглавлял отставной полковник В.М. Сергеев. В воронежский «Сокол» в 1909 г. записалось 300 членов⁸, регулярно занятия посещали 60 человек: учащиеся, семинаристы, приказчики, нижние чины армии и полиции⁹. Занятия проводились три раза в неделю в спортивном зале гимназии. В руководстве состояли, кроме полковника В.М. Сергеева, генерал-майор М.П. Дараган, подполковник А.П. Пархоменко, всего 16 человек отставных офицеров¹⁰. Воронежский «Сокол» принимал участие во Всесокольском слете в Праге в 1912 г.¹¹ Организация не только сумела

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 157. Л. 9.

³ См.: Манохин Н.В. Краткая история Русского Сокольства. Прага, 1924. С. 26.

⁴ Земщина. 1910. № 300.

⁵ Там же.

⁶ Манохин Н.В. Указ. соч. С. 34.

⁷ Там же. С. 38–39.

⁸ Живое слово. 1910. № 2.

⁹ Там же. № 209.

¹⁰ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Он. 1. Д. 1924. Л. 10.

¹¹ Там же.

привлечь в свои ряды некоторую часть молодежи, но и занималась ее физическим и патриотическим воспитанием. В Воронеже деятельность общества широко освещалась в правой газете «Живое слово», В.М. Сергеев был членом ее редколлегии, а также принимал активное участие в деятельности Воронежского отдела Всероссийского национального союза¹². Местные власти помогали этому движению, т.к. оно уклонялось от прямого участия в политике, хотя и находило определенную поддержку у правых политических сил. Например, в Воронеже «Соколу» покровительствовал вице-губернатор граф П.Н. Апраксин. К тому же Русское собрание, членом которого он состоял, ставило своей целью организацию и развитие «сокольского» движения в России. Кроме того, «соколы» преподавали в гимназии Русского собрания в Петербурге физическую подготовку¹³.

Во время войны 1914 г. «соколы» занимались благотворительностью, работали в различных комитетах и комиссиях по государственной обороне, многие были призваны в действующую армию или ушли добровольцами на фронт. По этой причине закрылись многие организации, в том числе и петроградская, насчитывавшая до войны около тысячи членов. Во время войны правительство занялось созданием аналогичных обществ. В 1915 г. издано «Положение о мобилизации спорта». В его развитие по всей стране были образованы военно-спортивные общества. Цель воспитания призывников виделась не только в физической подготовке, но и в «сознании долга перед Престолом и Отечеством»¹⁴. Кроме того, во всех выпускных классах гимназий ввели допризывную подготовку. В отличие от спортивно-гимнастических обществ начала XX в., в «Соколе» физическое воспитание все больше соприкасалось с духовным и нравственным.

Идея организации воспитания и досуга молодежи «витала в воздухе». Как политические партии (и общество в целом), так и официальные власти брались за ее претворение в жизнь. Примером «официального» детского военно-патриотического движения может служить образование «потешных полков» (по аналогии с потешными полками Петра I). Началом движения «потешных» послужило «Высочайшее желание» Николая II от 8 января 1908 г.: «Завести в деревнях обучение детей в школах строю и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату»¹⁵. В отличие от многих предшествующих объединений, государство и лично император имели непосредственное к нему отношение и участвовали в деятельности движения. Царь впоследствии стал «Августейшим Шефом» «потешных». Инициатором создания движения «потешных» был инспектор народных училищ Бахмутского уезда Екатеринославской губ. А.А. Луцкевич. Весной 1909 г. он организовал «потешную» роту или «класс военного строя и гимнастики» из детей в возрасте от 8 до 14 лет при народном училище Бахмута. Дети, преимущественно из бедных семей, принимались в класс бесплатно. Целью обучения была подготовка детей к прохождению военной службы.

Эта инициатива была реализована во многом благодаря поддержке Луцкевича местным губернатором А.М. Клингенбергом. Дело в том, что патриотическая деятельность Луцкевича не приветствовалась деятелями Бахмутского земства и чиновниками ведомства народного просвещения. Причины этого недоброжелательства были как политическими (конфликты с либералами из Министерства народного просвещения), так и, вероятно, личными (зависть к успехам коллеги). Луцкевич был деятелем правого движения в 1906 – 1907 гг. в Одессе, где являлся инспектором на-

¹² См.: Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903 – 1917 гг. Воронеж, 2002. С. 125–128.

¹³ Рылов В.Ю. Деятельность правоконсервативной организации Русское Собрание (1900–1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. Вып. 1 / Под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж, 2001. С. 162.

¹⁴ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–2.

¹⁵ Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск, 1997. С. 84.

родных училищ Одесского градоначальства. Будучи инспектором Луцкевич «близко сошелся с одесскими монархистами и повел энергичную борьбу с революционно пропагандой» в учебных заведениях города¹⁶. По этим причинам, у него возникли конфликты с одесскими чиновниками-либералами, он был «обвинен» в «неуживчивости» и переведен приказом министра народного просвещения в уездный Бахмут с явным понижением.

Однако именно в Бахмуте Луцкевич приступил к реализации царского пожелания. В 1909 г. был проведен первый смотр, Николай II обратил внимание на эту инициативу. Уже 5 мая 1909 г. император присвоил роте название «Первый народный класс военного строя и гимнастики Его Императорского Величества Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича»¹⁷. Тогда же, через военного министра царь распорядился передать организатору класса «Высочайшую благодарность»: «Искренне благодарю Луцкевича за отличный почин и что понял и привел в исполнение Мою мысль»¹⁸. За организацию «потешного» движения Луцкевич был пожалован чином действительного статского советника. На «Высочайшем смотре» в январе 1910 г. «потешные» встретились с царем. Николай II обошел строй, поговорил с детьми, сфотографировался. В мае 1910 г. рота участвовала в показательных парадах в Царском Селе, Петербурге и Москве. Дети демонстрировали «сокольскую» гимнастику под музыку, ходили строем, исполняли военные и патриотические песни.

Подобные военно-патриотические инициативы находили поддержку у правых общественных сил. В Ярославле «потешная рота» была преобразована в 1910 г. из «Союза детей русского народа» (возникшего в начале 1907 г.), детского филиала местного отдела Союза русского народа. В роте состояло около 100 детей в возрасте 10 – 15 лет¹⁹. При этом правые и не скрывали, что данные структуры образуются не только с целью организации воспитания и досуга подрастающего поколения, но и для отвлечения молодежи от революционного влияния.

Неоднократно правыми обсуждался вопрос о детском и юношеском патриотическом воспитании. Так, 1 октября 1911 г. на торжественном собрании Русского народного союза имени Михаила Архангела член руководства этой организации отставной генерал-майор К.И. Дружинин подержал движение «потешных» и предложил проводить систематические беседы в школах о славных датах русской военной истории. На значимом форуме правых в мае 1912 г. – Пятом всероссийском съезде русских людей в Петербурге, также обсуждался вопрос о развитии «потешного» движения. В военно-патриотическом отделе съезда было выработано предложение о передаче потешного дела в военное ведомство. С докладом по этому вопросу выступил отставной генерал-лейтенант П.Н. Митропольский, который предложил лишить Министерство народного просвещения контроля за «потешным» движением и передать его в ведение военного министерства, поскольку либералы из ведомства просвещения явно торпедировали инициативы правых²⁰. Во время прений по вопросам патриотического воспитания, один из докладчиков генерал-майор К.И. Дружинин, отмечал, что «воинский героизм» среди призывной молодежи следует «насаждать через семью, школу и потешные войска»²¹.

Интересно отметить, что крайних правых беспокоило состояние движения «потешных» с неожиданной стороны. Так, на проходившем в конце 1911 г. учредительном съезде Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, были затро-

¹⁶ Степанов А.Д. Потешных движение // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. М., 2003. С. 584.

¹⁷ Кудряшов Ю. В. Указ. соч. С. 84.

¹⁸ Цит. по: Степанов А.Д. Потешных движение // Святая Русь... С. 584.

¹⁹ См.: Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905 – 1915 гг. Ярославль, 2001. С. 78–79.

²⁰ Степанов А.Д. Потешных движение // Святая Русь... С. 590.

²¹ Информация журнала «Прямой путь» о Всероссийских съездах СРН и Русских людей // Правые партии. Сб. док. и мат. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 171.

нуты некоторые вопросы движения потешных. Правыми была выражена всяческая поддержка движению. Однако на съезде было заявлено, что движение необходимо спасти от «жидовского засилья», так как «наплыв» еврейских детей и юношей в движение, превращает его в «школу разврата». Но главное правым виделось в другом. Черносотенцы полагали, что опасно «приучать к оружию с малолетства» евреев, так как еврейская молодежь может пополнить ряды боевых организаций радикальных партий. Крайние правые утверждали, что все вышесказанное не «входило в расчеты Мудрого Организатора потешных (т.е. Николая II. – В.Р.)»²². Причины «напыва» еврейских подростков в движение «потешных» состояли, по мнению правых в том, что «жидолюбы и кадеты, коих много среди земства, городского самоуправления и чиновничества... превращают «потешных» в средство еврейского равноправия»²³. Черносотенцы, в силу своих крайних антисемитских установок, отказывались понимать стремление некоторой части еврейской молодежи интегрироваться в российское общество, выступая за своего рода сегрегацию, отказываясь видеть в этом явлении положительные моменты.

По-видимому, некоторые предложения правых были приняты правительством, так как впоследствии «потешное» движение курировалось и военным ведомством. Правые также предлагали учитывать участие в «потешном» движении при прохождении военной службы, награждениях, поощрениях и т.д., а также сделать «потешные» роты обязательными во всех низших и средних учебных заведениях империи. Очевидно, что полная реализация этих предложений позитивно сказалась бы во время войны 1914 г., когда ощущался серьезный недостаток подготовленного резерва. Кроме того, и сам Луцкевич выступал перед правыми. В феврале 1911 г. сразу после приема у царя Луцкевич выступил с докладом перед членами Русского собрания на тему: «Обучение в школах военному строю и гимнастике на патриотических началах, как весьма важная воспитательная мера»²⁴. Деятельность Луцкевича получила высокую оценку в правой печати. Газеты «Русская речь», «Русское знамя», «Земщина» и др. высоко оценивали его патриотическую деятельность. Одна из самых влиятельных газет дореволюционной России консервативное «Новое время», в лице известного публициста М.О. Меньшикова, также поддержала Луцкевича²⁵.

Однако патриотические инициативы правых не находили поддержки у либеральных и радикальных кругов. Против Луцкевича была организована кампания травли в либеральной и левой печати. Также были пущены слухи, о крушении поезда и гибели в нем детей, повезенных на смотр, о присвоении Луцкевичем средств, выделенных царем на детей²⁶. Но самым главным было, то, что недоброжелатели из Министерства народного просвещения и Бахмутского земства организовали проверку его деятельности, в результате которой Луцкевич оказался под следствием «за упущения в работе». Поводом к началу следствия послужило то, что он бесплатно рассылал изданные на его личные средства брошюры «О задачах и целях нашей русской начальной народной школы» и «Сборник патриотических статей, военных рассказов. Примеров героизма, подвигов самопожертвования и соответствующих поэтических произведений». Дело в том, что он рассылал эти издания за казенный счет, без уплаты почтового сбора. В результате Луцкевич был обвинен в «казнокрадстве», устав от нападков и преследований он скончался в 1912 г.²⁷

Однако в 1910 – 1911 гг. по всей стране, по примеру класса в Бахмуте, началась масштабная организация «потешных полков». Наиболее известными из них были

²² Постановления всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических организаций 21 ноября – 1 декабря 1912 г. г. Москва // Правые партии. Т. 2. С. 73.

²³ Там же.

²⁴ См.: Луцкевич А.А. Обучение в школах военному строю и гимнастике на патриотических началах, как весьма важная воспитательная мера // Вестник Русского Собрания. 1911. № 10.

²⁵ Степанов А.Д. Потешных движение // Святая Русь... С. 590.

²⁶ Там же. С. 589.

²⁷ Там же. С. 590.

148-й Каспийский полк (Петергоф), Гвардейский корпус (Царское Село), 42-й Сибирский стрелковый полк (Томск), 11-й Гренадерский Фанагорийский полк (Москва), 1-й Туркменский армейский корпус (Ташкент), Каспийская флотилия (Баку), Путивльский полк (Ровно) и др. Аналогичные организации возникли и в Москве, Петербурге, Саратове, Пензе и в др. Командование «потешными полками» принадлежало военному и морскому ведомствам. Отряды иногда были специализированными согласно профилю шефов: саперы (Усть-Ижора), моряки (Кронштадт и Севастополь), музыканты (Петербург), пожарные (Саблино) и др. В соответствии с профилем отрядов была и форма одежды²⁸. На эту инициативу откликнулись не только военные, но и церковь. Например, иеромонах Троице-Сергиева монастыря Павел также организовал в 1910 г. «потешные» занятия для детей в своей местности. Местное офицерское общество оплатило необходимые расходы на изготовление белых рубах и погон Семеновского полка. В «потешной роте» регулярно занималось около двухсот детей²⁹.

В основном в данных организациях состояли дети и юноши средних городских слоев в возрасте от восьми до двадцати лет. Периодичность занятий была примерно одинаковой – три раза в неделю. Например, в пожарном отряде изучалась, в том числе и начальная военная подготовка, а также проводились занятия гимнастикой. Однако юные пожарные не принимали непосредственного участия в тушении пожаров, они иногда стояли в оцеплении, подносили воду и охраняли имущество погорельцев. В Гатчине готовили разведчиков и армейских связных. Детей учили ездить на велосипедах, ориентироваться на местности и стрелять по аэропланам. Во время занятий широко использовалась фото- и киносъемка.

Кульминацией движения стали «Высочайшие» смотры «потешных войск» в 1911 – 1912 гг. Подготовка к этим мероприятиям велась довольно серьезная. Общее руководство смотрами было возложено на военное ведомство. Перед первым смотром царь подписал «Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе»³⁰. Участие в «потешных» ротах для детей было добровольным и внеклассным. Цели, заявленные в документе, заключались не только в воспитании «слуги царю и отечеству», но также в укреплении нравственности среди молодежи, ознакомлении с духом армии и воинской дисциплиной. Учебные планы занятий утверждались командованием шефского подразделения. Кроме того, с детьми и подростками проводились и нравоучительные беседы.

В последние предвоенные годы наметился некоторый спад «потешного» движения, который был вызван рядом объективных и субъективных факторов. В числе этих факторов можно назвать снижение активности общественного движения вообще и правого в частности, смертью Луцкевича, а также деятельностью конкурентов в лице других детских и юношеских военно-спортивных организаций. Однако спад движения был вызван, в основном, отказом многих земств и городского самоуправления финансировать «потешных». К тому же «потешное» было чрезмерно казенным и часто политизированным, что отталкивало некоторую часть молодежи. Однако, несмотря на определенный спад, ряд «потешных» организаций продолжал существовать и в годы войны.

Почти одновременно с «соколами» и «потешными» в России появляются скауты. Скаутское движение в предвоенные годы несколько потеснило официальное и явно монархическое детское и юношеское движение. Скаутское движение, возникло в начале XX в. в Британии, оно использовало опыт детских и молодежных органи-

²⁸ См.: Кудряшов Ю.В. Указ. соч. С. 88.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ Рылов В.Ю. Деятельность спортивных и военно-патриотических организаций в России в начале XX в. // Война и мир в историческом процессе (XVII – XX вв.): Сб. науч. статей по итогам Международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 2003. В 2 ч. Ч. 1. С. 222.

заций, таких как «Соколы», YMCA, спортивно-гимнастических обществ и клубов. Идея скаутизма была сформулирована британским генералом Р. Баден-Пауэллом, основателем скаутского движения. Генерал полагал, что помимо хорошего образования ребенка должно существовать и хорошее воспитание. Это означало, что ребенок должен находиться в некоей сфере интересов, соответствующих мировоззрению родителей, с себе подобными детьми и взрослыми. Такая сфера может быть в виде спортивного клуба, общественной организации. Весьма важным аспектом в скаутизме и тогда и сейчас является патриотическое воспитание; скауты торжественно обещают «исполнять свой долг перед Богом и Родиной и жить по законам скаутов»³¹. В 1907 г. Баден-Пауэлл изложил свои взгляды в книге «Scouting for boys», которая стала основной книгой скаутинга – «учебник лесной жизни, рыцарских поступков, описание захватывающих приключений»³². Во всем мире книга быстро становилась популярной. Уже в 1908 г. Академией генштаба Российской империи был опубликован русский адаптированный вариант книги Баден-Пауэлла «Юный разведчик». Почти одновременно с европейскими странами скаутизм возник в России. Основателем русского скаутизма стал штабс-капитан О.И. Пантюхов. В 1909 г. он организовал отряд скаутов-разведчиков (который назывался патруль «Бобр») в Павловске Петербургской губернии³³. В 1910 г. Баден-Пауэлл был в России, встречался с Николаем II и получил одобрение своей деятельности³⁴.

В 1912 – 1914 гг. самостоятельные отряды скаутов появились во многих городах Российской империи (Саратове, Астрахани, Батуме, Перми, Ставрополе, Одессе, Киеве и др.), главным образом при учебных заведениях. В августе 1914 г. в Петербурге возникла первая всероссийская организация скаутов – «Общество содействия мальчикам-разведчикам» – «Русский скаут». Общество возглавили вице-адмирал И.Ф. Бострем и Пантюхов. По примеру столицы, в Москве возникло аналогичное «Общество содействия организации «юных разведчиков», принятое под покровительство великой княгини Елизаветы Федоровны. Активное участие в работе общества принял редактор журнала «Вокруг света» В.А. Попов – лидер московских скаутов³⁵. Особенно успешной была организация скаутов в Киеве, возникшая в 1914 г. по инициативе спортсмена-доктора А.К. Анохина и при содействии попечителя Киевского учебного округа. В 1915 г. в Киеве возник первый в России отряд юных разведчиц (герл-скаутов), достигший в первый год численности 130 человек. Занятия велись в одной из женских гимназий по общей программе скаутизма с некоторыми дополнениями (уход за детьми, цветоводство, домашнее хозяйство). Аналогичная организация девочек возникла в Петрограде, при содействии Р.А. Фернберга знакомого с постановкой дела, на родине скаутизма в Англии³⁶.

В 1915 г. состоялся в Петрограде «Первый всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом». Разрозненные скаутские организации объединились во Всероссийский союз. В конце 1916 – начале 1917 г. в Петрограде прошел второй съезд скаутов. Среди разных вопросов обсуждалось употребление терминов «разведчик» и «скаут», «скаутинг» и «скаутизм», было принято считать их равнозначными³⁷.

³¹ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scoutmaster.nnov.ru/scouting/scout_method.htm

³² См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scoutmaster.nnov.ru/history/world_scouting.htm

³³ Пантюхов О.И. Русские скауты 1909–1917 гг. // Скауты России: Сб. ист. очерков основателей скаутского движения и участников событий. М., 1998. С. 25.

³⁴ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scoutmaster.nnov.ru/history/world_scouting.htm

³⁵ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scoutmaster.nnov.ru/history/russian_scouting.htm

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

В годы Гражданской войны большинство скаутов воевали на стороне белых, но были и красные скауты. Почти все скаутские организации в годы Гражданской войны прекратили существование. Возродившиеся после войны скаутские отряды советская власть восприняла настороженно. Самостоятельные скаутские организации новая власть уничтожала руками нарождавшегося комсомола, а затем, и путем репрессий³⁸. Часть скаутских обществ была вынуждена заняться организацией отрядов «нового типа», скаутское воспитание в которых наполнялось «классовым содержанием». Естественно, что речь о верности Богу и Отечеству в таких организациях уже не шла. Данные скаутские отряды стали родоначальниками пионерских организаций. Пионеры переняли символику и атрибутику у скаутов: призыв «Будь готов!», галстук, и др., сам термин «пионер» также имеет скаутское происхождение. Некоторое время в СССР велась подпольная работа скаутских отрядов, выпускался самиздат. К 1926 г., когда образовалась пионерская организация, последние отряды скаутов, сохранившие верность скаутингу прекратили существование. Большинство скаутских руководителей, оставшихся в живых, были вынуждены покинуть страну. Лишь в эмиграции была воссоздана организация российских скаутов, во главе которой стал Пантюхов³⁹.

Следует отметить, что деятельность скаутов в дореволюционной России была довольно успешной, несмотря на то, что началась несколько позже, чем у аналогичных организаций. В отличие от других движений, скаутизм получил поддержку не только правых, но и у широких общественных кругов и власти. Деятельность скаутов пришла в основном на годы Первой мировой войны и оказалась востребованной. Однако в целом в годы войны в силу мобилизации и ухудшения экономического положения населения деятельность многих общественных организаций сворачивается, многие прекращают свое существование. После февральской революции, когда в марте 1917 г. была запрещена деятельность правых организаций, их молодежные общества прекратили свое существование. В годы Гражданской войны деятельность молодежных движений почти сошла на нет. После войны произошло некоторое оживление дореволюционных организаций, например, скаутских. Однако с середины 1920-х гг. попытки активизации молодежного некоммунистического движения прекратились.

Говоря о масштабах военно-патриотического движения в начале XX в., следует отметить его размах и массовость. Хотя исследований о численном составе обществ пока не проводилось, можно сказать, что почти в каждом губернском городе, а иногда и в небольших уездных городах и селах существовали патриотические военно-спортивные организации. Только в 1910 г. в России зафиксировано порядка 80 различных по численному составу всероссийских и местных обществ, занимавшихся физическим и патриотическим воспитанием молодежи⁴⁰.

Многие достижения и методы работы, массовых военно-спортивных и патриотических организаций, были по-своему новаторскими. Они создавались представителями общественности или властями, сотрудничали как с политическими партиями, так и с органами государственной власти, действовали по месту жительства и в трудовых коллективах. Весьма вероятно, что опыт деятельности дореволюционных обществ был использован в советское время при создании массовых детских и молодежных организаций и движений: пионеров, «Зарница», «Орленок», ДОСААФ и др.

³⁸ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scoutmaster.nnov.ru/history/russian_scouting.htm

³⁹ Там же.

⁴⁰ Рылов В.Ю. Деятельность спортивных и военно-патриотических организаций в России... С. 223.

PATRIOTIC AND MILITARY / SPORTS SOCIETIES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

V.YU. RYLOV

Voronezh State University

e-mail: vyurylov@yandex.ru

This article is one of the first to throw light on the activities of the youth military / sports and patriotic societies in Russia at the beginning of the XX century. The Soviet historiography paid no attention whatever to the work of those organizations; some research papers on the topic have lately come out. It should be pointed out that those organizations were the prototype of the Soviet youth military/ sports societies.

Key words: youth military / sports patriotic societies, Russia, the beginning of the XX century.

УДК 930.1(09)

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЯРОСЛАВСКОГО МЯТЕЖА 1918 Г.

А.Е. КИДЯРОВ*Костромской
государственный
университет
им. Н.А. Некрасова**e-mail: m65@yandex.ru*

В статье анализируются основные особенности советской историографии ярославского мятежа 1918 г., рассматриваются оценки ярославских событий июля 1918 г. в трудах советских историков, обращается внимание на накопленный в работах советского периода обширный фактический и документальный материал, анализируются достижения и противоречия советской историографии ярославского мятежа.

Ключевые слова: мятеж, восстание, контрреволюция, гражданская война, Антанта, красный и белый террор, интервенция, «Союз защиты Родины и свободы», Б. Савинков, А.П. Перхуров.

Ярославский мятеж 1918 г. был одним из крупнейших антисоветских выступлений белогвардейцев, без изучения которого невозможно глубокое понимание крайне сложного и противоречивого начального периода Гражданской войны и истории белого движения в целом. В настоящее время назрела необходимость объективного подхода к данной теме. Длительное время в отечественной историографии господствовали односторонние оценки ярославского мятежа лишь как преступной «белогвардейской авантюры». В наши дни продолжаются дискуссии о причинах, характере и уроках мятежа. Обращение к документам, ставшим доступными для исследователей в последние годы, помогает выявлению пробелов в советской историографии и более объективному освещению проблемы.

Анализ советской историографии показывает, что изучение данного события в советский период во многом определялось идеологическими установками. Интерпретация событий в духе классовой борьбы влияла на отбор и осмысление материала. При этом ограниченность круга использовавшихся исследователями документов не позволяла всесторонне осветить проблематику мятежа. Советская историография обозначила широкий круг вопросов, связанных с проблемой ярославского восстания: причины мятежа, его социальная база, цели и задачи восставших, участие представителей политических партий в мятеже, связь ярославского мятежа с контрреволюционными заговорами в других городах Поволжья (Рыбинске, Муроме, Костроме). Но решение этих вопросов для советских исследователей в значительной мере обуславливалось идеологическими соображениями. Ярославский мятеж рассматривался как акция, навязанная внешними врагами революции и имевшая антинародный характер. При этом подчеркивалось, что мятеж в Ярославле был поддержан лишь представителями эксплуататорских классов. Деятельность восставших оценивалась исключительно как преступная авантюра. При обзоре последствий мятежа неизменно отмечалось, что вина за разрушения в городе целиком ложится на зачинщиков восстания¹.

На понимание советскими историками характера ярославских событий 1918 г. существенное влияние оказали работы и выступления партийных и государственных деятелей, которые со временем приобрели характер исторических источников. Так, В.И. Ленин рассматривал ярославский мятеж как результат деятельности внешних врагов революции. «Лето 1918 года, – говорил он, – совпало с громадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом. ...появилось ярославское восстание, и мы видим влияние англо-французов...»². Ленин связывал ярославский мятеж с московским ле-

¹ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. М. – Л., 1927. С. 258.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 30-31.

воэсеровским мятежом³. Сходная характеристика этих событий дается и Л. Троцким⁴. Такого рода суждения о причинах ярославского мятежа изначально формировали подход, ставший стереотипным для многих советских исследователей.

Первоначально история мятежа освещалась очевидцами из числа большевиков, статьи которых были опубликованы в ряде сборников⁵. В опубликованных материалах был очерчен основной круг проблем истории мятежа, которые разрабатывались в дальнейшем советской историографией: причины восстания, его подготовка, социальный состав его участников, последствия мятежа. Очерки очевидцев содержат противоречивые оценки реакции местного населения на попытку антисоветского выступления. Д. Малинин считает, что о «какой-либо поддержке белогвардейского мятежа крестьянством говорить не приходится»⁶. Однако И. Орлов, Д. Пестов, И. Хрусталеv отмечают выступления отрядов крестьян и рабочих на стороне мятежников. Более того, как указывает А. Васильев, часть ярославских рабочих относилась к восстанию «оптимистически», говоря: «Что, большевики, дождались, что вас погонят и с вами будет короткая расправа»⁷. Авторы признают, что силы одной офицерской организации «Союза защиты Родины и свободы» были недостаточны для организации выступления. По мнению Д. Малинина, существенную поддержку восставшим оказала ярославская интеллигенция, а также духовенство, настроенное «контрреволюционно». Отдельные авторы (А. Громов, А. Васильев) отмечают проявления насилия по отношению к населению со стороны не только белых, но и красных.

Однако опубликованные материалы содержат лишь фрагментарное описание мятежа. Ценным в статьях 1918 – 1920-х гг. является то непосредственное впечатление от ярославских событий, которое они отражают. Авторы говорили о закономерности возникновения восстания, но при этом не могли скрыть удивления от того, что «тихий, красивый сонный Ярославль <...> вдруг сделался фронтом ожесточеннейшей гражданской войны»⁸. При этом публикации 1920-х гг. подвергались цензуре с целью удаления «неточностей, обусловленных субъективной оценкой отдельных моментов»⁹.

С начала 1930-х годов исследователями вводятся в научный оборот новые источники, в том числе записи показаний руководителя мятежа А.П. Перхурова, данных в ходе судебного процесса¹⁰. Однако предыстория мятежа, роль иностранного дипломатического корпуса, меньшевиков и эсеров в ходе ярославских событий не получили подробного освещения. Исследования не дают и полной картины разгрома выступления. Историками подчеркивается, что ярославские рабочие издавна принимали активное участие в общепролетарской революционной борьбе. Тем не менее, сам факт мощного антибольшевистского выступления заставляет исследователей говорить о том, что Ярославль задолго до мятежа приобрел славу «гнезда контрреволюции»¹¹. Некоторые тезисы недостаточно подкреплены фактическим и документальным материалом. Так, В. Кустов лишь в самых общих чертах говорит о связи партии эсеров с ярославским мятежом. В некоторых работах содержатся фактические

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 158.

⁴ Троцкий Л.Д. На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики. М. – Л., 1927.

⁵ Берг С., Королев В., Розанова О. Ярославский сборник, посвященный годовщине Великой Октябрьской революции и июльским событиям. Ярославль, 1918; Розанова О. Громов А. Васильев А. и др. Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6 – 22 июля 1918). Ярославль, 1922; Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6 – 21 июля 1918 г.). Под общ. ред. Н.Г. Пальгунова и О.И. Розановой. Ярославль, 1924.

⁶ Малинин Д. У белых под пятой // Шестнадцать дней... С. 65.

⁷ Васильев А. Ярославский мятеж и баржа // Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6 – 22 июля 1918 г.). С. 39.

⁸ Июльские дни 1918 г. в Ярославле // Там же. С. 12.

⁹ Пальгунов Н.Г., Розанова О.И. Вместо предисловия // Шестнадцать дней... С. 4.

¹⁰ Бройде С.М. Ярославский мятеж. По запискам генерала Перхурова. М., 1930; Кустов С. Разгром контрреволюционного белогвардейского мятежа в Ярославле. Ярославль, 1938; Галкин В.А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г. Ярославль, 1939.

¹¹ Галкин В.А. Указ. соч. С. 35 – 36.

неточности или неподкрепленные документальными свидетельствами утверждения. Говоря о том, что белый террор в дни мятежа достиг особого размаха, исследователи подчас значительно преувеличивают число жертв восставших по сравнению с данными документов. Так, В. Галкин говорит о 300 советских рабочих, помещенных на так называемой «барже смерти» посредине Волги. В то же время сохранившийся список заключенных на барже включает 82 фамилии¹². При этом приказы штаба восстания свидетельствуют о том, что А.П. Перхуров требовал от своих подчиненных, «чтобы аресты и обыски производились исключительно уполномоченными на то лицами <...> когда на то имеются твердые данные, а отнюдь не одни непроверенные подозрения»¹³.

В работах данного периода заметно влияние культа личности Сталина. «В ходе борьбы против белогвардейщины, – писал В. Галкин, – рабочие, трудящиеся массы еще теснее сплотились вокруг партии Ленина – Сталина»¹⁴. Но при этом отмечается влияние ярославского восстания на более поздние контрреволюционные выступления, в частности, на кулацкие мятежи осени 1918 г.

Упоминания о ярославских событиях содержатся в обзорных работах 1920 – 30-х гг., посвященных Гражданской войне¹⁵. Мятеж в них представлен как акция, спланированная и профинансированная агентами Антанты и поддержанная меньшевистскими и эсеровскими организациями Ярославля. При обзоре восстания вина за разрушение города, гибель и лишения мирных граждан полностью возлагается на повстанцев. Для работ, выпущенных в 1950-е – 1970-е годы, характерна опора на широкий круг источников, стремление к полноте освещения исторических событий. Тем не менее, оценки событий часто носят идеологический характер, не всегда подкрепляются доказательствами.

Тема ярославского мятежа затрагивается в работах, посвященных истории установления власти Советов в Ярославском крае¹⁶. В работах Т.М. Амберовой, Л.Б. Генкина на основе широкого круга материалов центральных и местных архивов, а также периодической печати подробно анализируются силы контрреволюции в Ярославле, подготовка мятежа, ход боевых действий. Л.Б. Генкиным впервые подробно освещалась роль меньшевиков и эсеров в ярославских событиях. Несмотря на анализ обширного фактического материала, некоторые утверждения исследователей выглядят недостаточно убедительными. Так, Т.М. Амберова подчеркивает поддержку мятежников троцкистами и бухаринцами без конкретных ссылок на документы. Противоречивой является оценка участия в мятеже крестьян. С одной стороны, авторы считают, что крестьянство не оказало восставшим помощи. Вместе с тем признается, что представители кулацких элементов присоединились к мятежу. Исследователями подчеркивались, что ярославские трудящиеся, «горой стояли за советскую власть»¹⁷. Но при этом нельзя не отметить, что обращение к документам позволяет увидеть более сложную картину. Ярославские рабочие не были едины в восприятии событий мятежа и не всегда предпринимали решительные меры для отпора белогвардейцам. Как свидетельствуют документы, «в рабочих массах <...> все еще было блуждающее

¹² Ярославское восстание. 1918. М., 2007. С. 52 – 54.

¹³ Ярославское восстание... С. 40.

¹⁴ Галкин В.А. Указ. соч. С. 106.

¹⁵ Какурин Н.Е. Стратегический очерк гражданской войны, М. – Л., 1926; Владимирова В. Год службы «социалистам» капиталистам. М. – Л., 1927; Конокотин А. Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. Кострома, 1927; Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918 – 1921 гг. СПб., 2002; Рабинович С. История Гражданской войны. М., 1933; Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. М., 1940.

¹⁶ Амберова Т.М. Разгром контрреволюционного мятежа в Ярославле летом 1918г. Дисс. канд. ист. наук. Ярославль, 1952; Козлов П., Резвый Н. Борьба за власть советов в Ярославской губернии. Ярославль, 1957. Генкин Л.Б. Ярославские рабочие в годы гражданской войны и интервенции. Ярославль, 1958. С. 71.

¹⁷ Козлов П., Резвый Н. Указ. соч. С. 193.

настроение»¹⁸. По воспоминаниям современников, «перед мятежом настроение рабочих было настолько отравлено <...>, что красногвардейцам нельзя было в одиночку и невооруженному появляться в корпусах, то есть рабочие были чрезвычайно настроены против красной гвардии и большевиков...»¹⁹. Л.Б. Генкин делает попытку проследить влияние ярославского мятежа на дальнейшее развитие контрреволюционного движения, отмечая участие некоторых сторонников полковника А.П. Перхурова в антисоветских выступлениях на территории ярославской губернии в 1919 г., хотя эта проблема не была раскрыта в достаточной степени.

В отдельных работах рассматривается тема помощи «красному» Ярославлю других городов в ходе подавления мятежа²⁰. Однако история разгрома мятежа зачастую представлена односторонне, только как яркий эпизод в «борьбе рабочих и трудящихся Ярославской, Костромской и других губерний, руководимых Центральным Комитетом Коммунистической партии» против белогвардейцев и интервентов. Подчеркивается, что борьба с контрреволюцией вызвала «патриотический подъем в народе»²¹. В то же время обращение к историческим источникам свидетельствует о том, что не только противники, но и некоторые сторонники советской власти осознавали страшные последствия мер, принятых красными для подавления восстания. В обращении в штаб Красной армии советских работников, заключенных под стражу повстанцами, содержатся призывы о прекращении огня: «Мы глубоко протестуем против борьбы, которая ведется. никоим образом вы не имеете права разрушать без необходимости и жечь жилища мирного, ни в чем решительно не повинного населения... Тактику Вашей борьбы мы считаем жестокой и ниже всякого человеческого достоинства»²². В воспоминаниях участников подавления мятежа есть упоминания о случаях, когда рядовые красноармейцы отказывались открывать огонь, опасаясь, что могут пострадать мирные жители²³.

В 1960 – 70-е гг. был опубликован ряд работ по истории Гражданской войны (в том числе Л.М. Спирина, Д.Л. Голинкова, Г.В. Кузьмина), которые попутно, в связи с изучением своих проблем, рассказывали и о восстании в Ярославле²⁴. Авторы анализируют деятельность «Союза защиты Родины и свободы» по подготовке восстания, ход восстания, его подавление, отмечают связь ярославских событий с выступлениями в Рыбинске и Муроме. Контрреволюционные выступления односторонне интерпретировались как отчаянная попытка эксплуататорских классов вместе с партиями меньшевиков и эсеров при поддержке мировой буржуазии свергнуть советскую власть. Высказывались суждения о том, что народные массы не позволили контрреволюционным силам в Ярославле осуществить свои планы²⁵. Однако в отдельных работах отмечается поддержка мятежников не только бывшими офицерами, торговцами, духовенством, но и частью деревни²⁶.

¹⁸ Государственный архив новейшей истории Ярославской области (ГАНИЯО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 63. Л. 14.

¹⁹ Там же. Д. 73. Л. 168.

²⁰ Помбрак Л., Синяжников М. Костромские большевики в борьбе за власть Советов. Кострома, 1957. Миловидов В.Л. На защиту революции. Кострома, 1959. С. 30 – 32; Амберова Т.М. Участие трудящихся Ярославской и Костромской губерний в разгромах белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г. // Костромской технологический институт. Ученые записки кафедры марксизма – ленинизма. Выпуск 1. Кострома, 1964.

²¹ Амберова Т.М. Участие трудящихся... С. 68.

²² Ярославское восстание... С. 54.

²³ ГАНИЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 9.

²⁴ Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1962; Спиринов Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 – 1920). М., 1968; Балашов Р.В. Ярославская губерния в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918 – 1921) // Очерки истории Ярославского края; Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917 – 1925). М., 1975; Кузьмин Г.В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917 – 1922 (Научно-популярный очерк). М., 1977; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

²⁵ Кузьмин Г.В. Указ. соч. С. 101.

²⁶ Голинков Д.Л. Указ. соч. С. 177 – 178.

Антибольшевистские выступления в Верхнем Поволжье рассматриваются в работах, посвященных истории местных организаций КПСС²⁷. Антисоветские выступления оцениваются здесь как авантюра белогвардейцев, которая не была поддержана подавляющим большинством рабочих и крестьян²⁸. Но хотя авторы очерков делали акцент на «славных боевых подвигах рабочих и красноармейцев», они признавали, что часть профсоюзных работников Ярославля выступила на стороне повстанцев²⁹. Среди других проблем поднимается и вопрос помощи «красному» Ярославлю других городов. Исследователями отмечается участие в подавлении ярославского восстания костромских партийных работников Г.А. Буриченкова³⁰, Н.А. Филатова³¹, Г.А. и А.А. Симановских³². При этом, однако, не освещается противоречивая реакция населения на разгром мятежа. Интересно отметить, что в отчетах костромского губернского военного комиссара Н. Филатова отмечается нежелание части рабочих участвовать в подавлении восстания³³. Беспощадные меры, предпринятые большевиками с целью ликвидации мятежа, также не всегда находили поддержку у населения, о чем свидетельствуют, в частности, материалы дел костромской ГубЧК³⁴.

В работах 1980-х гг. заметно стремление к обобщению накопленного ранее материала при сохранении прежних оценок ярославских событий. Проблема разгрома ярославского мятежа и участия в его подавлении костромичей получила подробное освещение в книге В.Л. Миловидова «По убеждению. Документальный очерк об Н.А. Филатове»³⁵. Книга подготовлена на основе документов центральных и местных архивов, периодической печати, воспоминаний и материалов архива семьи Н.А. Филатова. Большое внимание уделяется роли костромского губернского комиссара по военным делам Н. Филатова в борьбе с мятежом.

Одним из наиболее полных исследований по проблеме ярославского мятежа является книга Р.В. Балашова «Пламя над Волгой»³⁶. Данную монографию можно считать итоговой работой в советской историографии по рассматриваемой теме. Автор, используя архивные документы, военную переписку, различные сводки и донесения о мятеже в Ярославле, мемуары очевидцев, а также периодическую печать, воссоздает достаточно подробную и целостную картину мятежа. Главную причину возникновения мятежа Р. Балашов видит в интригах империалистов Антанты, объединившихся с внутренними контрреволюционерами. Автор интерпретирует программу восставших как попытку полной реставрации дореволюционного строя. При этом, однако, следует учитывать, что отраженные в программе меры должны были носить временный характер. Повстанцы рассчитывали на созыв учредительного собрания, которое должно было решить вопрос о политическом устройстве страны. Обращают на себя внимание определенные противоречия в характеристике восставших. Так, отряды А.П. Перхурова представлены как состоящие из морально разложившихся лиц, которые предавались пьянству и грабили мирное население. Вместе с тем при описании подавления мятежа утверждается, что белые войска были хорошо вооружены, прочно укрепились в городе и успешно противостояли красным отрядам.

²⁷ Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 183 – 187; Очерки истории Владимирской организации КПСС. Ярославль, 1972. С. 191 – 193; Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль, 1985. С. 182 – 187.

²⁸ Очерки истории Владимирской организации КПСС. С. 192.

²⁹ Очерки истории Ярославской организации КПСС. С. 186, 189.

³⁰ Голубев Е. Георгий Андреевич Буриченков // В памяти народа. Ярославль, 1988. С. 29 – 33.

³¹ Миловидов В. Николай Алексеевич Филатов // Там же. С. 207 – 211.

³² Магницкий М. Симановские // Там же. С. 180 – 185.

³³ РГВА. Ф. 1. Оп. 86. Л. 63.

³⁴ Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. Р.3656. Оп. 3. Д. 1. Л. 209.

³⁵ Миловидов В.Л. По убеждению: Документальный очерк об Н.А. Филатове. Ярославль, 1982.

³⁶ Балашов Р.В. Пламя над Волгой. Ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г. Ярославль, 1984.

Р.В. Балашов высоко оценивает стойкость ярославских рабочих, хотя при этом признает участие некоторых железнодорожников в восстании. Автор говорит об «очень небольшой группе рабочих», примкнувших к мятежникам, хотя рабочие железнодорожных мастерских выставили на помощь восставшим около 140 бойцов.

Таким образом, проблема ярославского мятежа в советский период была освещена достаточно разносторонне. Советские историки опирались на широкий круг источников и ввели в научный оборот обширный фактический и документальный материал. Советская историография стремилась раскрыть причины мятежа, уделяя внимание политическим и экономическим факторам. Освещение ярославских событий июля 1918 г. в общем контексте Гражданской войны позволяло выявить связь ярославского восстания с контрреволюционными выступлениями в других городах Поволжья.

Однако логика изучения мятежа находилась под влиянием идеологических установок, что приводило к появлению определенных противоречий и неточностей. Советские историки подчеркивали, что контрреволюционные выступления в городах Верхнего Поволжья были инициированы дипломатическими представителями Антанты. Указывая на иностранные источники финансирования «Союза защиты Родины и свободы», исследователи считали сторонников Б. Савинкова и А.П. Перхурова лишь наймитами заграничного капитала. Но при этом исследователи осознавали, что без поддержки местного населения акция, спланированная извне, не могла бы иметь успеха. Интерпретируя ярославское восстание в рамках концепции классовой борьбы, советские авторы отмечали поддержку мятежников со стороны торговцев, предпринимателей, офицеров старой армии, духовенства. Однако при освещении участия в ярославских событиях указанных групп чувствуются односторонние оценки и определенная неполнота. Так, советские исследователи (Д. Малинин, В.А. Галкин, Р.В. Балашов) подчеркивают поддержку перхуровцев со стороны духовенства. Но при этом игнорируются такие факты, как попытки представителей духовенства организовать переговоры с красными о прекращении обстрела, угрожавшего больнице на станции Всполье³⁷.

Определенную проблему для историков представлял вопрос о поддержке мятежников частью рабочих и крестьян. В целом оценка участия представителей данных групп в мятеже выглядит в советской историографии достаточно противоречивой. Часть советских исследователей игнорируют выступление на помощь белогвардейцам отрядов крестьян и участие в восстании части рабочих-железнодорожников. Другие авторы признают, что восставшим удалось привлечь на свою сторону часть рабочих и крестьян, но утверждают, что в мятеже к белым примкнули лишь представители кулацкой части деревни и немногие отсталые рабочие. При этом исследователи подчеркивали, что повстанцы пытались формировать отряды крестьян исключительно с помощью угроз и насилия. Однако при обращении к документам эти факты не выглядят столь однозначными. Материалы допросов участников восстания свидетельствуют, что часть крестьян заинтересовалась известием о том, что «в Ярославле уже нет власти Советов, что там теперь будет всего очень много»³⁸. Интересно отметить, что отступившая из Ярославля группа А.П. Перхурова еще в течение месяца бродила по приволжским лесам и деревням. При этом Перхуров в своих воспоминаниях отмечает доброжелательное отношение крестьян к бежавшим из Ярославля повстанцам³⁹.

В работах советских исследователей анализировались причины выбора Ярославля в качестве места восстания с точки зрения экономических, геополитических и

³⁷ ГАНИЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 63. Л. 104.

³⁸ Ярославское восстание... С. 222.

³⁹ Там же. С. 311.

социальных факторов. Однако обращает на себя внимание некоторое противоречие в характеристике города как места мятежа. С одной стороны, авторы говорят о Ярославле как о городе, который «издавна являлся одним из центров большевизма»⁴⁰. Отмечается, что процесс установления советской власти в ярославской губернии проходил мирно, без серьезных вооруженных конфликтов. Тем не менее, констатируется тот факт, что именно Ярославль стал центром наиболее крупного антисоветского мятежа в период начала Гражданской войны. Объясняя это обстоятельство, советские историки говорят о мощных контрреволюционных силах, участвовавших в подготовке восстания. Большое внимание в работах, освещавших события мятежа, уделялось расправе над советскими партийными и военными работниками. Характерным в этом отношении является эпизод с группой узников на «барже смерти». При этом разными авторами приводятся различные и часто не подкрепленные конкретными документами оценки количества заключенных.

Односторонний характер публикаций в определенной степени связан с тем, что документы восставших на протяжении советского периода были малодоступны для историков. В настоящее время исследователями выявлен обширный комплекс документации штаба А.П. Перхурова, который позволяет составить значительно более полное представление о деятельности повстанцев. Так, сохранились приказы А.П. Перхурова о необходимости соблюдения правового порядка при арестах. Специальные приказы были направлены на предотвращение мародерства. Объявлялся сбор средств для граждан, пострадавших при обстреле города.

При этом в советской историографии не получили освещения такие факты, как немедленные расстрелы без суда арестованных красными повстанцев⁴¹. Интересно отметить, что при оценке перспектив ярославского восстания советские авторы, как правило, говорили о том, что мятеж был обречен на поражение. Тем не менее, антибольшевистские выступления в Поволжье в их совокупности оценивались как реальная угроза для советской власти⁴².

Ряд важных вопросов истории ярославского мятежа не получил в советской историографии подробного освещения. Прежде всего, это касается идеологии восставших. Законодательство повстанцев, их программа, цели и лозунги практически не изучались. Недостаточно разносторонне был раскрыт вопрос об участии в мятеже различных групп населения, в первую очередь, рабочих и крестьян. Требуется объективного исследования и вопрос о реакции населения на разгром мятежа. Не был изучен в достаточной степени вопрос о влиянии ярославского мятежа на антисоветские выступления более позднего периода. Не был раскрыт и масштаб репрессий, обрушившихся на участников восстания.

Однако советские историки внесли существенный вклад в исследование ярославского восстания 1918 г. Анализ фактического материала, накопленного в трудах советских авторов, помогает объективному изучению мятежа. Недоступность для исследователей значительной части документов белых, воспоминаний многих очевидцев и участников мятежа, материалов карательных органов не позволяла с достаточной полнотой раскрыть данную тему, а влияние идеологических установок приводило к определенным противоречиям в изложении материала. Несмотря на это, достижения историографии советского периода должны быть учтены при изучении проблем ярославского мятежа. Вместе с тем, критическое отношение к некоторым стереотипам, сложившимся в науке советского периода, позволит с учетом ставших доступными в последнее время документов взглянуть на этот вопрос более объективно.

⁴⁰ Амберова Т.М. Участие трудящихся... С. 68. С. 50.

⁴¹ ГАНИЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 39.

⁴² Амберова Т.М. Участие трудящихся... С. 45.

THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF Yaroslavl RIOT OF 1918

A.E. KIDYAROV

*Kostroma State University
n.a. N.A. Nekrasov*

e-mail: m65@yandex.ru

The article analyzes main peculiarities of the Soviet historiography concerning Yaroslavl riot of 1918, dwells upon the evaluation of events of 1918 in Yaroslavl as given in the works of Soviet historians; attention is paid to the vast factual and documentary material collected in the Soviet period. Achievements and controversy of the Soviet historiography concerning Yaroslavl riot of 1918 are studied.

Key words: riot, rebellion, counterrevolution, Civil War, Antanta, red and white terror, intervention, «The union protecting Motherland and freedom», B. Savinkov, A.P. Perkhurov.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ КРАСНОГО ТЕРРОРА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ И ВЕРУЮЩИМ В УЕЗДАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1919 ГГ.

П.Ю. СУББОТИН

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: subbotin@bsu.edu.ru

В основу статьи вошел эмпирический материал, характеризующий формирование чрезвычайных органов и осуществление политики красного террора в уездах Курской губернии. Впервые вводимые в научный оборот показания участников и очевидцев событий раскрывают репрессивные меры в отношении духовенства и верующих, церквей, монастырей и духовных учебных заведений. В статье представлены новые материалы об аресте и гибели белгородского епископа Никодима (Кононова) и благочинного протоиерея Порфирия (Амфитеатрова).

Ключевые слова: красный террор, гражданская война, репрессии, реквизиции, экспроприация, Русская православная церковь, чрезвычайная комиссия.

История гражданской войны в России сохраняет устойчивый общественный и научный интерес, что связано с переосмыслением советского наследия и введением в научный оборот новых исторических источников, ранее недоступных для исследователей. Красный террор как система репрессивных мер государства против своего населения – неотъемлемая часть гражданского противостояния в России, а террор в отношении духовенства и верующих – одна из самых трагических страниц в истории Русской Церкви. В этой связи в статье предпринята попытка охарактеризовать формы и методы политики красного террора по отношению к духовенству и верующим на территории уездных центров Курской губернии.

Исследований, посвященных церковно-исторической проблематике периода гражданской войны на территории Курской губернии, немного. К наиболее значительным, с нашей точки зрения, следует отнести научные работы С.Н. Емельянова¹. Однако, они в большей степени посвящены процессам в губернском центре региона. Вместе с тем, в связи с необходимостью ввода в научный оборот обнаруженных в центральных и региональных архивах новых данных, автор данной статьи сосредотачивает главное внимание на уездных городах Курской губернии, таких как Белгород, Грайворон, Короча, Обоянь, Старый Оскол, Тим и Щигры. Поскольку самые значительные по своему размаху и жестокости события происходили в городе Белгороде, то он взят в качестве наиболее типичного примера при изложении материала.

Одной из особенностей осуществления политики красного террора на местах можно считать тот факт, что силовые методы в отношении гражданского населения применялись как государственными органами в лице исполнительных комитетов местных советов рабочих и солдатских депутатов (исполкомов) всех уровней, так и особыми органами в лице чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК). Советская власть сознательно санкционировала не только создание таких структур, но и силовые методы в их деятельности, что при отсутствии надлежащего контроля приводило к особо жестоким формам террора, вплоть до правового беспредела. Часто судьба верующих и духовенства напрямую зависела от личных

¹ Емельянов С.Н. Власть и церковь. Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922. Курск, 2001; Емельянов С.Н. Попытки модернизации органов церковного управления Русской православной церкви в условиях религиозной политики государственных органов власти в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.): комплексно-исторический анализ. Курск, 2002.

предпочтений местных властей. В этом отношении в качестве самого одиозного примера может быть представлено белгородское руководство уездного исполкома и ЧК.

На территории Белгорода и близлежащих мест в полной мере красный террор развернулся с декабря 1918 по июнь 1919 гг. Еще до вступления частей Красной армии в Белгород, члены президиума белгородского уисполкома Л.А. Меранвиль² и П.П. Соколов телеграфировали во ВЦИК о готовности после занятия города организовать военно-революционный комитет в составе десяти человек и чрезвычайную комиссию в составе шести человек³. Таким образом, белгородская ЧК по своему значению была приравнена к военревкому, став вторым властным органом в Белгороде и уезде. При занятии Белгорода 7 декабря 1918 г. (по ст.ст.) частями Красной армии главные властные функции сосредоточились в руках военно-революционного комитета под руководством Л.А. Меранвиля. Карательные функции были распределены между уездной ЧК, уездной милицией и комендатурой – уездная ЧК возглавлялась М.А. Васильевым, а уездная милиция и городская комендатура – В.А. Саенко и С.А. Саенко соответственно⁴.

С приходом большевиков в Белгороде началась «конфискация» имущества бежавших горожан и ряда учреждений. На деле конфискация выливалась в грабежи, т.к. зачастую реквизируемое имущество переходило в личное пользование конфискующих. Были подвергнуты разграблению дома зажиточных горожан Болдырева, Бочарова, Васильева, Голева, Котляровых, Кудрявцевых, Курбатова, Одинцова, два дома Мачуриных, квартира графини Доррер, женское епархиальное училище, духовное училище, семинария и т.д.⁵ Под видом поиска оружия у оставшихся в городе граждан осуществлялся обыск в домовладениях с последующим изъятием всех ценных бумаг и вещей. Кроме того, производилось «уплотнение» ряда городских домов и квартир – жилые помещения занимались семьями большевиков, в то время как хозяевам в лучшем случае оставляли одну комнату. Были вскрыты и опустошены казны, шкафы и сейфы учебных заведений, торговых лавок и церквей. Протоиерей белгородской Успенско-Михайловской церкви о. Михаил (Свечников) свидетельствовал: «Имущество Епархиального училища, Духовного училища и семинарии почти все расхищено, здание опустошено, а сироты, воспитывавшиеся на казенные средства были лишены всякого содержания»⁶. Свято-Троицкий мужской монастырь подвергался разграблению несколько раз. Сначала отряд красноармейцев во главе с Бычковым наложил на наместника монастыря контрибуцию в размере 500 руб., затем отряд во главе с Цыбаненко вынес из обители имущества на сумму около 200 000 руб., через несколько дней отряд во главе с Шелиховым унес банковских бумаг на 6 000 руб. и ценные богослужебные предметы – золотую ризу с иконы Св. Николая, золотой нагрудный крест и золотой напестольный крест. В Белгородском женском Рождество-Богородицком монастыре было реквизировано 151 400 руб., 5 000 пудов дубовых досок и в монастырском лесу за городом вырублено 3 десятины строевого леса⁷. Кроме того, во время пребывания большевиков в городе ими регулярно изымались все денежные пожертвования верующих из т.н. свечных и денежных ящиков городских церквей и монастырей.

Исходя из идеологических установок партии большевиков на непримиримую борьбу с церковью, на местах реализация этих положений выливалась в беспрецедентный до этого рост насилия и антицерковной пропаганды, вплоть до прямого

² Меранвиль де Сент-Клер Леонид Александрович – уроженец г. Белгорода, юрист, активный участник революционных событий, председатель белгородского военно-революционного комитета, затем уездного исполнительного комитета. Меньшевик-интернационалист, с декабря 1918 г. большевик. С 1921 г. работал в Москве. Репрессирован и расстрелян в 1938 г.

³ Центр документации новейшей истории Белгородской области. Ф. 2080. Оп. 2. Д. 11. (Б-1а).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 25.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 74.

⁶ Там же. Орфография документа здесь и далее сохранена.

⁷ Там же. Л. 32-35.

глумления и издевательств над духовенством и верующими. Если в губернском Курске на митингах агитаторы напрямую призывали «перерезать» духовенство, то на белгородских митингах говорилось, что церкви нужно разрушить или обратить в театры, духовенство – уничтожить, а мощи Св. Иоасафа зарыть в землю. Комиссар Костюков заявил, что дал двум своим собакам клички «Поп» и «Архиерей». На железнодорожном вокзале Белгорода и в общественных местах города были вывешены плакаты с грубыми выпадами в адрес духовенства⁸. Монашествующие мужского монастыря были привлечены к наиболее грязной и неоплачиваемой работе: «Ненастная погода и лютый холод не избавляли монахов наших от тяжелой работы по очистке заносов, улиц, очистке клозетов, рытью зимой в стужу в поле окопов и др. тяжелых работ. На работе наблюдала за монахами стража из большевиков, причем все время глумилась»⁹. Отправка монашествующих на общественные работы организовывалась самим председателем уездной ЧК М.А. Васильевым и была обязательна для всех. «Освобождений никаких быть не может. Если же кто из упомянутых в списке окажется больным, то Вы таковых должны заменить более здоровыми. За неисполнение вышеизложенного Вы немедленно будете арестованы», – сообщал он наместнику монастыря¹⁰.

Помимо грабежей и антирелигиозных выступлений развернулся террор и в отношении самого духовенства. В Белгороде священство и монашествующие занимали особое положение – город был средоточием множества церквей, мужского и женского монастырей, духовного училища и женского епархиального училища, местом паломничества к мощам прославленного в 1911 г. в лике святых святителя Иоасафа (Горленко). Здесь располагалась древняя епископская кафедра, викарием епископом которой с 1913 г. был преосвященный Никодим (Кононов), а благочинным с 1915 г. – протоиерей белгородского Успенско-Николаевского собора о. Порфирий (Амфитеатров).

Епископ Никодим регулярно, как до, так и после прихода большевиков, проносил обличительные проповеди против насилия и грабежа, чем раздражал и без того враждебно настроенных революционеров. Наместник Свято-Троицкого мужского монастыря о. Митрофан (Худошин) вспоминал: «Большевикам содержание проповедей Еп. Никодима не нравилось и не раз они угрожали Епископу, что примут в отношении его самые крутые меры, если он будет затрагивать в своих проповедях большевиков и критиковать их действия»¹¹. Осуждали в своих проповедях насилие и грабежи, развязанные новой властью, и настоятели белгородских церквей, в том числе о. Порфирий (Амфитеатров), о. Яков (Тимофеев) и другие. Опасаясь нравственного влияния священников на паству, большевики стремились контролировать содержание проповедей. В этой связи они всячески поощряли любую негативную информацию о служителях церкви. Участились случаи доносов на духовенство, в том числе ложных и непроверенных. Так, о. Димитрий (Софронов) спросил престарелую женщину, мешавшую богослужению посторонними разговорами: «нет ли у тебя, бабушка, больших грехов?», на что та дала отрицательный ответ и ушла. Позже оказалось, что два её сына были большевиками и сам вопрос священника она поняла как «нет ли у тебя, бабушка, большевиков?». В итоге о. Димитрий был арестован, избит плетью, три месяца просидел в тюрьме и лишь накануне прихода денкинцев был освобожден из-под стражи¹². Священник одной из церквей Белгородского уезда о. Василий (Фирсов) был вынужден бежать от преследования большевиков. Он поселился в Белгороде, где по доносу в «несочувствии» к советской власти был арестован и заключен в тюрьму на три месяца.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 74.

⁹ Там же. Л. 32-35.

¹⁰ Там же. Л. 32-35.

¹¹ Там же. Л. 32-35.

¹² Там же. Л. 14-15.

За полгода вторичного пребывания большевиков в Белгороде¹³ в разное время по различным поводам кроме уже упомянутых епископа Никодима и о. Порфирия, о. Якова, о. Димитрия и о. Василия арестовывались: настоятель белгородского мужского монастыря о. Митрофан, казначей монастыря о. Даниил, ризничий монастыря о. Неофит, благочинный монастыря о. Серафим, священник с. Старое Городище о. Николай (Попов), священник с. Пристени о. Михаил (Ковалевский), священник белгородского женского монастыря о. Николай (Васютин), бывший законоучитель духовного училища о. Владимир (Лимаров), псаломщики кладбищенской Николаевской церкви Дмитрий Вахнин и Петропавловской церкви Никанор Уколов¹⁴. При приближении добровольческой армии Деникина в заложники были взяты и отправлены в Курск белгородские священники о. Петр (Сионский), о. Василий (Солодовников), иеромонахи Серафим (Кретов), Лаврентий (Грек)¹⁵ и Дорофей (Зумков). Позднее о. Петр, о. Василий и иеромонах Серафим были расстреляны в Курске в числе прочих белгородских заложников¹⁶.

Террор осуществлялся не только в Белгороде. В сл. Томаровке Белгородского уезда был убит о. Александр (Солнцев), в с. Мясоедово – протоиерей Константин (Ничкевич), в с. Крюково – о. Владимир (Касьянов). В Грайворонском уезде были убиты протоиерей Феодор (Андриевский) и о. Виталий (Крутиков), а на всех священников Бутовской волости наложена контрибуция. В Корочанском уезде убит благочинный 7 округа протоиерей Иоанн (Авдиев)¹⁷. В том же Корочанском уезде с осени 1918 г. по весну 1919 г. включительно арестовывались священники сел Лески, Призначного, Радьковки, Холодного и ряда других¹⁸. Из Старого Оскола в заложники были взяты о. Василий (Иванов) и диакон Георгий Оболенский¹⁹. В Щигровском уезде священнослужителей заключали в тюрьму за оглашение послания патриарха Тихона, выпуская их за выкуп от 500 до 1 000 рублей. Были арестованы и отправлены в тюрьму о. Родионов из с. Красного, о. Мальцев из с. Гремячки, о. Мячин из с. Богородицкого. Щигровский протоиерей о. Иоанн (Васильев) арестовывался четырежды и вместе с диаконом Черняевым был послан на уборку улиц. В качестве заложника из с. Николаевка того же уезда был взят о. Арбузов²⁰. В Обояни протоиерей соборной церкви Четвериков избежал расстрела, так как сумел скрыться²¹. Террор коснулся не только священнослужителей, но и рядовых верующих. В с. Подгородище Тимского уезда волостной сход отверг требование властей обратить имущество церкви в народное достояние, после чего было арестовано 18 человек (включая священника). Все арестованные были избиты и доставлены в волостной центр, где их подвергли издевательствам и насмешкам. После этого церковный староста, псаломщик и три крестьянина, выступавшие на сходе, были выведены в поле за церковь и днем публично расстреляны²².

Всего за несколько месяцев (осень 1918 – лето 1919 гг.) по неполным данным на территории Курской губернии было убито около 20 священнослужителей²³. При этом наибольшую известность приобрел факт расправы над белгородским епископом Никодимом (Кононовым), а также начальницей белгородской женской гимназии Марией Дмитриевной Кияновской (женой законоучителя мужской гимназии

¹³ В ходе наступления войск генерала А.И. Деникина на Москву летом 1919 г. Добровольческая армия 11 июня освободила Новый Оскол, 24 июня Белгород, 7 августа Грайворон, 19 августа Обоянь и 20 сентября – Курск. В конце ноября – начале декабря эти территории вновь были заняты Красной армией.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Лл. 74-75.

¹⁵ Возможное прочтение фамилии – Вик.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 113.

¹⁷ Там же. Л. 21, 114.

¹⁸ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 699. Л. 152.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 114.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 183. Лл. 20-28.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 182. Лл. 33-40.

²² ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 185. Л. 24.

²³ Там же. Л. 25.

о. Василия) и протоиереем белгородского Успенско-Николаевского собора о. Порфирием (Амфитеатровым) в декабре 1918 г. – январе 1919 г.

В настоящее время в исторической и церковно-краеведческой литературе существует несколько версий расстрела белгородского епископа Никодима (Кононова) и исследователи не пришли к единому мнению по отдельным эпизодам его гибели. Автор статьи на основе изученных архивных документов считает необходимым внести ряд уточнений в существующие версии.

25 декабря 1918 г.²⁴ по ст.ст. в час дня в мужском монастыре белгородский комендант С.А. Саенко арестовал еп. Никодима. В четыре часа того же дня он привез его обратно, пообедал вместе с ним и ушел. Вечером владыка отслужил всенощную и в конце богослужения произнес проповедь, где в очередной раз критиковал большевиков. Присутствовавший инкогнито на богослужении С.А. Саенко послал в пономарню двух солдат, которые передали ризничему монастыря иеромонаху Неофиту требование к епископу выйти из алтаря и явиться для допроса в ЧК²⁵. Епископ подчинился и был уведен теми же солдатами. К 9-ти часам утра следующего (26 декабря по ст.ст.) дня он был приведен начальником тюрьмы Воликом и секретарем ЧК Шапиро в арестный дом, где его заключили в камеру. К этому времени новость об аресте епископа стала известна верующим. У женского монастыря, где в то утро должен был служить владыка, начал собираться народ. Верующие надеялись, что если они попросят за епископа «всем миром», то его отпустят. Преподавательницы женской гимназии убедили свою начальницу Марию Дмитриевну Кияновскую выступить в качестве «представителя от народа» с просьбой о помиловании епископа. Кияновская и часть верующих направились к зданию ревкома, остальная, значительно большая часть собравшихся, двинулась к арестному дому²⁶. Увидев перед зданием ревкома протестующих, председатель исполкома Л.А. Меранвиль и С.А. Саенко вызвали солдат и не выходили к людям до их прибытия. Солдаты прибыли, здание было оцеплено, на толпу нацелили пулеметы. Появились Меранвиль и Саенко. Кияновская просила освободить епископа, но ее не только не слушали, но и обвинили в контрреволюционных настроениях. По свидетельству очевидцев, Саенко кричал: «Явная преступница! За буржуя стоишь!»²⁷. В толпе появились агенты ЧК, которые арестовали Кияновскую, священника Преображенской церкви о. Владимира (Лимарева) и ряд других лиц.

На другом конце города толпа жителей в несколько сотен человек подошла к арестному дому, требуя отпустить епископа. Явился начальник тюрьмы Волик и, стреляя из револьвера, пытался разогнать толпу. Люди расходиться отказывались и настаивали на освобождении епископа. Тогда Волик вызвал несколько десятков вооруженных солдат и, продолжая стрелять в воздух, разогнал толпу при их помощи. Разогнав протестующих, большевики продолжили аресты священников и монашествующих. По указанию Меранвиля в мужской монастырь явились С.А. Саенко и В.А. Саенко. Обвинив монахов в провоцировании народного волнения, комендант приказал начальнику милиции арестовать настоятеля о. Митрофана, казначея о. Даниила, благочинного о. Серафима и ризничего о. Неофита, после чего тот отвел их в комендатуру. Там их снова встретил С.А. Саенко со словами: «Через вас попов да монахов вся революция пропала, я вас всех перережу или постреляю»²⁸. В 5 часов ве-

²⁴ Утверждение ряда авторов, что еп. Никодим был арестован в ночь на 1 января 1918 г. противоречит хронологии событий – владыка был арестован после освобождения Белгорода от немецко-гайдамацких войск и своей поездки в Киев, что произошло в 1918 г. Таким образом, датой гибели еп. Никодима следует считать ночь с 26 на 27-е декабря 1918 г. по старому стилю, что по новому стилю – ночь с 7 на 8-е января (второй день праздника Рождества Христова) 1919 г.

²⁵ Белгородская ЧК занимала угловое здание бывш. Самойлова (аптека Когана и офицерский клуб) на перекрестке Старо-Московской и императора Николая улиц. Сейчас на этом месте стоит здание областного статистического бюро и переговорного пункта.

²⁶ Арестный дом – тюрьма предварительного заключения, располагалась в г. Белгороде неподалеку от городской земской больницы.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 14-15.

²⁸ Там же. Л. 30-31.

чера в комендатуру был приведен и о. Порфирий (Амфитеатров). Мария Дмитриевна Кияновская была выведена на пожарный двор, где С.А. Саенко лично ее застрелил. Труп учительницы раздели и ограбили, отобрав все украшения и личные вещи. В 9 часов вечера в арестный дом прибыли секретарь ЧК Шапиро с начальником тюрьмы Воликом и под конвоем увели еп. Никодима в ЧК. Для того, чтобы изменить внешность архиерея, у него отобрали монашеское одеяние и епископский крест, остригли ему бороду, переодели в длиннополую светлую солдатскую шинель и студенческую фуражку. В этом виде его привезли ночью в тюрьму²⁹, где В.А. Саенко, М.А. Васильев и С. Набоков тремя залпами расстреляли владыку около тюремной кухни и там же закопали. Таким образом, к утру 27-го декабря 1918 г. (по ст.ст.) епископ Никодим и Мария Кияновская были расстреляны, а руководство монастыря и благочинный о. Порфирий – арестованы.

Арест белгородского благочинного протоиерея Успенско-Николаевского собора о. Порфирия (Амфитеатрова) был обусловлен не столько волнениями жителей (в связи с арестом еп. Никодима), сколько личной позицией священника. В своих проповедях он открыто порицал политику насилия и грабежей, вызывая нарастающее раздражение большевиков в свой адрес. Непосредственной причиной для ареста послужило противодействие о. Порфирия реализации в Белгороде советского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. В декабре 1918 г. председатель уездного исполкома Л.А. Меранвиль собрал учительский персонал города и объявил об упразднении преподавания в учебных заведениях Закона Божия. Присутствующий на собрании о. Порфирий выступил с речью и спросил у Меранвиля, на каком основании православная религия стала вдруг гонимой, почему в учебных заведениях Закон Божий заменяют танцами, а по городу развешиваются плакаты, где в самых грубых красках выставляются «царь, поп и кулак». Меранвиль ответил, что «на такие вопросы ответ дается у стенки»³⁰.

Через несколько дней последовал арест протоиерея, который сначала содержался в здании уездной ЧК, а потом был переведен в арестный дом. Там его посетил секретарь ЧК Шапиро и пригрозил расстрелом. Священник начал усиленно молиться, исповедовался у заключенного в той же камере о. Якова (Тимофеева) и стал спокойно ожидать казни. Единственное, что беспокоило протоиерея, по его же признанию, так это судьба его семьи, остающейся без кормильца. Вечером о. Порфирий был на санях увезен в тюрьму в сопровождении большевика-матроса. Там его привели на хозяйственный двор тюрьмы, заставили раздеться и поставили у края предварительно приготовленной ямы. По свидетельству документов, пока о. Порфирий раздевался, матрос обратился к нему с вопросом «Ты веруешь в Бога?», после чего, разразившись матерной бранью, ударил протоиерея ногой. Расстрельная команда под командованием матроса состояла из пришедших вместе с ним солдат и тюремной охраны. Присутствовавший при расстреле сотрудник тюрьмы впоследствии вспоминал: «Священник, стоя лицом к стрелявшим в него, усиленно молился Богу и непрерывно крестился. Первым залпом священник был ранен, но не упал. Продолжая стоять, он не переставал молиться. После второго залпа, священник застонал, вскрикнул «Господи» и снова перекрестился. Последовал третий залп, а за ним четвертый, после которого священник зашатался и со стоном свалился в яму»³¹.

Опасаясь нового всплеска волнений среди верующих, белгородские большевики пытались скрыть от них расстрел еп. Никодима и о. Порфирия. Жителям было объявлено, что епископ и священник увезены в Харьков. Только по прошествии полутора месяцев в харьковской газете «Известия временного рабоче-крестьянского правительства Украины и Харьковского Совета Рабочих депутатов» за № 54 от 26 февраля 1919 г. была опубликована телеграмма из Белгорода, где сообщалось: «Местные попы во гла-

²⁹ Здание старой белгородской тюрьмы сейчас занимает городской следственный изолятор.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 43.

³¹ Там же. Л. 8-10.

ве с архиереем Никодимом повели среди крестьян злостную агитацию против советской власти. Уличенные в черносотенной агитации, архиерей Никодим и один из попов были по приказу Военно-Революционного Комитета разстреляны»³². В конце февраля 1919 г. тело еп. Никодима по приказу белгородского комиссара внутренних дел Ф.Я. Славгородского было перенесено и зарыто в общей могиле с северной стороны ограды городского кладбища. Холм над этой могилой всю весну и лето был украшен жителями цветами. После вступления летом 1919 г. Добровольческой армии в Белгород могила была вскрыта. Останки еп. Никодима были торжественно перезахоронены с северной стороны Свято-Троицкого собора мужского монастыря³³.

Анализ представленного в статье материала позволяет сделать следующие выводы. Политика органов советской власти на местах формировалась руководством советской республики. Однако, при отсутствии контроля за действиями непосредственных исполнителей на местах, эта политика скатывалась в правовой беспредел и приобретала особо жестокие формы. Установление советской власти в уездах Курской губернии ознаменовалось началом массовых реквизиций, арестов, взятия заложников и расстрелов. Всего на территории Курской губернии было убито около 20 наиболее уважаемых среди верующих священнослужителей. Самыми известными жертвами террора стали белгородские епископ Никодим (Кононов) и протоиерей о. Порфирий (Амфитеатров). Поводом для их ареста и расстрела стало принципиальное неприятие и осуждение ими проводимой большевиками политики грабежа и насилия. Учитывая большой нравственный авторитет священнослужителей среди населения, большевики применили к ним все формы террора, устранив тем самым остальных.

REALIZATION OF THE POLICY OF RED TERROR IN RELATION TO ORTHODOX CLERGY AND BELIEVERS IN DISTRICTS OF KURSK PROVINCE IN 1918–1919

P.Yu. SUBBOTIN

Belgorod State University

e-mail: subbotin@bsu.edu.ru

The author gives periodization of red terror in the city of Belgorod of Kursk province. The basic state structures which were carrying out terror, as well as the main forms and methods of intimidation of the civil population are analyzed. Repressive measures concerning clergy and believers, churches, monasteries and spiritual educational institutions are described. New materials on arrest and execution of the Belgorod bishop Nikodim (Kononov) and district archpriest Porfiriy (Amfiteatrov) are presented.

Key words: red terror, civil war, reprisals, requisitions, expropriation, Russian Orthodox church, extraordinary commission.

³² Поповская агитация // Известия временного рабоче-крестьянского правительства Украины и Харьковского Совета Рабочих депутатов. 1919. 26 февраля. № 54.

³³ Круленков А.Н. Белгородский некрополь // Подъем. 2003. № 2.

УДК 94(47).084.3

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ВОРОНЕЖСКОЙ И КУРСКОЙ ГУБЕРНИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ (1918–1920 ГГ.)

Г.А. ЯМПОЛЬСКАЯ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: muk kkm@belgts.ru*

В статье на архивных материалах дана характеристика военно-политической обстановки, в условиях которой осуществлялась экономическая политика большевиков, показаны силовые методы управления хозяйственной деятельностью на территории Воронежской и Курской губерний в годы гражданской войны. Материал позволяет проследить формирование системы хозяйственного управления чрезвычайными силовыми структурами.

Ключевые слова: экономическая политика, силовые методы, чрезвычайные органы хозяйственного управления, РВС, ЧОН, ревкомы.

С ноября 1917 г. в связи с угрозой со стороны антибольшевистских военных формирований и реальной возможностью германской интервенции, военное положение на территории Воронежской и Курской губерний вводилось неоднократно. Большевицкая власть была вынуждена бороться за свое существование, опираясь на чрезвычайные силовые органы, применяя крайне жесткие методы управления по отношению к мирному населению Центрального Черноземья. При введении военного положения власть советами на местах оперативно передавалась чрезвычайным структурам – революционным комитетам (ревкомам)¹. На протяжении всего исследуемого периода ревкомы сосредотачивали в своих руках всю власть и действовали чрезвычайными, как правило, военно-репрессивными методами. Их власть распространялась на все сферы жизни общества, в том числе экономическую, от которой в первую очередь зависело состояние армии. Члены революционных комитетов не избирались, а назначались из представителей партийных и советских органов, а также профсоюзных организаций. По статусу ревкомы подразделялись на центральные, губернские, уездные, волостные и даже сельские. По мере стабилизации военной ситуации в регионах, ревкомы проводили подготовительную работу по выборам в советы, а затем передавали все полномочия исполнительным комитетам местных советов. Например, Курский губревком в циркулярном письме, разосланном уездным ревкомам, сообщал, что на 17 января 1919 г. назначен общегубернский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В связи с этим всем местным ревкомам в уездах и волостях губернии предписывалось провести свои съезды советов, которые «изберут представителей рабочих и беднейших крестьян на губернский съезд». К циркулярному письму прилагалась «Инструкция о выборах в сельские Советы и на волостные съезды Советов», где подробно рассматривались вопросы формирования и работы избирательных комиссий и механизм выборов в сельские советы².

После установления контроля советской власти пусть даже над небольшой территорией любой из Черноземных губерний (иногда включавшей всего 2-3 уезда), на ней начинали действовать уездные и волостные исполкомы местных советов. Однако обстановка, в связи с выступлениями белых армий, менялась стремительно, и в случае

¹ Например, в октябре 1918 г. власть к ревкомам перешла в Валуйках, в ноябре – в Острогожске, Алексеевке, Бирюче Воронежской губернии, в декабре 1918 и январе 1919 г. – в Грайвороне и Новом Осколе. – См.: Комаров А. Революционное движение. Хроника 1918. Воронеж, 1930. С. 145 – 159; Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 – Март 1919 г.: Сб. док. и матер. Белгород, 1967. С. 323 – 367.

² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 2, 2 об.

военной опасности власть вновь переходила к революционным комитетам. К осени 1919 г. появилась возможность «узаконить» революционные комитеты и упорядочить их деятельность. Этому способствовала не только остановка продвижения войск Деникина через территорию Центрального Черноземья на Москву, но, прежде всего, завершение формирования общегосударственной системы чрезвычайных органов – Совета Рабоче-Крестьянской обороны, Реввоенсовета, Ревтрибунала, ВЧК и т.п.

24 октября 1919 г. ВЦИК РСФСР утвердил «Положение о революционных комитетах», согласно которому ревкомы создавали революционные военные советы армии (РВС), при участии местных органов власти (3 – 5 чел.) на территории, освобожденной от неприятеля, в прифронтной полосе и в тылу для организации обороны и поддержания «революционного порядка». Эти чрезвычайные органы власти организовывались по тому же принципу, что и в 1917 г., однако теперь по отдельным фронтам были разработаны специальные, соответствующие складывающейся ситуации инструкции. Так «Инструкция революционным комитетам, организованным в сфере командования Южного фронта»³ предписывала РВС армий организовать революционные комитеты только «в губернских городах и особо важных уездных и уловых пунктах»⁴. В Инструкции определялись основные задачи ревкома, включавшие оказание помощи в осуществлении мобилизации граждан в Красную Армию; снабжение армии продовольствием, одеждой, снаряжением, топливом; обеспечение «революционного порядка»; организацию перехода власти к местным Советам⁵. Помимо этого, ревкомы наделялись правом надзора не только «за всеми военными», но и за «гражданскими учреждениями» данной территории, что фактически означало их контроль и активное вмешательство в осуществление хозяйственной деятельности, находившейся в ведении местных советов⁶.

Организация советской власти на прифронтных территориях Курской и Воронежской губерний проходила под жестким контролем ревкомитета Южного фронта. Все уездные революционные комитеты обязаны были еженедельно информировать о ситуации и результатах своей работы губернские ревкомы, а губревкомы, в свою очередь, передавали все сведения в особый контролирующий орган РВС – Инспекцию революционного комитета Южного фронта⁷.

Согласно Положению о ревкомах от 24 октября 1919 г. и на основании «Инструкции революционным комитетам, организованным в сфере командования Южного фронта», 19 ноября 1919 г. был образован Курский губернский ревкомитет. Он подчинялся непосредственно Реввоенсовету Южного фронта и просуществовал до 10 января 1920 г., вплоть до созыва общегубернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Воронежский губревком был создан 25 октября 1919 г. и упразднен 26 января 1920 г. в связи с избранием на VII съезде Советов нового состава губисполкома.

Механизм установления большевистской власти после освобождения территории Курской губернии от белогвардейцев возможно проследить на примере сохранившихся документов Грайворонского уездного революционного комитета. Приказом революционного комитета все распоряжения деникинской власти аннулировались и объявлялись вне закона. Вступали в силу все изданные ко времени освобождения территории уезда декреты и постановления ВЦИК и СНК РСФСР. Населению запрещалась порубка лесов и расхищение собственности из бывших частновладельческих имений. Запрещались самовольные реквизиции у населения продовольствия и

³ Южный фронт имел задачей охрану демаркационной линии между советской Россией и оккупированной германскими войсками Украиной. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 677.

⁴ ГАКО. Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 5. Л. 165.

⁵ Там же.

⁶ ГАКО. Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 5. Л. 165 об.

⁷ Там же. Л. 167.

имущества со стороны красноармейцев⁸. Устанавливался «твердый революционный порядок»: «Все лица, замеченные в бандитизме и грабежах мирных жителей, будут расстреливаться на месте»⁹. Уездный ревком обязывал все волостные ревкомы провести регистрацию лиц «помещичьего и буржуазно-кулацкого происхождения»¹⁰.

Одним из серьезных препятствий для «установления порядка» в Курской губернии (также как и по всему Черноземью) в условиях «сухого закона», не отмененного большевиками, являлось повальное изготовление, хранение и продажа на местах спиртных напитков. В этой связи в особом приказе Грайворонского ревкома за № 4 от 23 декабря 1919 г. говорилось: «В уезде наблюдается... среди граждан в самой широкой степени до сих пор... почти повальное пьянство и при этом установлено, что главным злом этого пьянства является... самогон»¹¹. За изготовление, продажу и распитие самогона ревкомом устанавливалось административное и уголовное наказания, вплоть до лишения свободы.

Таким образом, революционные комитеты в губерниях Центрального Черноземья создавались в связи с введением военного положения. Они выполняли функции законодательной и исполнительной власти на местах, и вплоть до передачи власти местным советам решали не только военно-политические, но и важнейшие экономические, административно-хозяйственные вопросы.

Революционные комитеты на местах опирались в своей работе на силу действующей армии, но с окончанием военных действий и передачей власти советам она уже не могла выступать гарантом поддержки советской власти в регионах. Для этой цели необходимо было использовать альтернативные силовые структуры, том числе такие репрессивно-карательные органы, как чрезвычайные комиссии (ЧК), милицию, войска внутренней охраны (ВОХР), части особого назначения (ЧОН), войска внутренней службы (ВУНУС), продармии и продотряды, которые были включены в состав войск внутренней охраны РСФСР (ВОХР).

С середины 1918 г. в губерниях и уездах Черноземья стали создаваться чрезвычайные комиссии, которые согласно Постановлению ВЦИК РСФСР от 28 октября 1918 г. получили право создавать собственные вооруженные отряды. Воронежский губисполком на основании декрета СНК от 3 июня 1918 г. организовал губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступностью¹². В Курской губернии губЧК была образована 5 июня 1918 г.¹³. Практически все партийные и органы советской власти на местах, стремясь «обрести реальную силу» или вооружали весь личный состав винтовками, револьверами и даже пулеметами, как это было, например, в Алексеевском уезде, или создавали в своих структурах специальные вооруженные отряды¹⁴. Жесткие методы руководства центра поддерживали на местах. Так, участники V Новохоперского уездного съезда Советов Воронежской губернии, который состоялся 20 августа 1918 г., поддержали политику СНК и ВЦИК об установлении продовольственной диктатуры и сформулировали призыв к беспощадному террору не только по отношению «к угнетателям-империалистам всего света, но и ко всем внутренним врагам рабоче-крестьянской власти»¹⁵.

5 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет о красном терроре. В нем говорилось, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора яв-

⁸ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 65. Оп. 1. Д. 36. Л. 56.

⁹ Там же. Л. 55.

¹⁰ Там же. Л. 55 – 55 об.

¹¹ Там же. Л. 58.

¹² Очерки истории Воронежской области. Т. 2. Эпоха социализма. Воронеж, 1967. С. 44.

¹³ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 23. Л. 36.

¹⁴ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 394.

ляется прямой необходимостью»¹⁶. Этот декрет напрямую затрагивал экономические отношения в государстве, поскольку основные конфликты между советской властью и населением возникали из-за недовольства, вызванного политикой ликвидации частной собственности, в том числе национализацией, конфискациями, реквизициями, «уплотнениями» жилплощади и пр. На местах выход декрета о национализации земли и лозунг «экспроприации экспроприаторов» вызвал одобрение в основном у части городских рабочих и «сельских пролетариев». Например, в резолюции общего собрания членов Старобезгинского волостного и сельских комитетов бедноты Коротоякского уезда Воронежской губернии «О защите Советской власти и борьбе с кулаками, спекулянтами и всеми эксплуататорами чужого труда» от 10 октября 1918 г. единодушно говорилось о необходимости «отвечать врагам Красным террором, в чем и подписываемся»¹⁷.

Красный террор способствовал нарастанию крайней степени ожесточения во взаимоотношениях между разными социальными слоями российского общества, и особенно ярко эта тенденция проявлялась в регионах. Автор исследования разделяет точку зрения Ю.А. Полякова о том, что с конца 1917 г. в ходе «красногвардейской атаки на капитал» арсенал гражданской войны «пополняется еще одной формой борьбы – взаимным террором, который становится все более беспощадным, достигнув апогея к осени 1918 г.»¹⁸.

В период действия военного положения в Черноземье карательные функции «красного террора» выполняли революционные комитеты. Специальная инструкция ревкомам, организованным командованием Южного фронта, нацеливала их на быстрые и решительные действия против «контрреволюционных форм проявления недовольства населения»¹⁹. Вместе с тем, советская власть была заинтересована в «закреплении симпатий местного населения»²⁰. В связи с этим обстоятельством в примечании к названному документу вынужденно оговаривалось: «Бесцельного террора, не вызванного обстоятельствами и крайне серьезной необходимостью Ревком допускать не должен»²¹.

Обстановка в Курской и Воронежской губерниях была особенно напряженной, поскольку на их территориях разворачивались широкомасштабные военные действия, а также потому, что в этом важнейшем зернопроизводящем районе Центральной России в наибольшей степени болезненно шли мероприятия по установлению продовольственной диктатуры. Например, в Курской губернии в апреле-мае 1919 г. еженедельно вспыхивали выступления населения в какой-либо волости, а иногда – сразу в нескольких волостях²².

В Воронежской губернии обстановка также была крайне нестабильной. Достаточно обратиться к оперативно-политическим сводкам губернского военного комиссара за 1919 г. В январе 1919 г. в с. Уразово Валуйского уезда бесчинствовали банды, называвшие себя сахаровцами. Местная милиция и вооруженные отряды губернского и уездного исполкомов советов не могли справиться с вооруженными бандитами. В результате в уезд был вызван 1-й Воронежский чрезвычайный полк, который быстро прекратил бесчинства, уничтожив основной состав банды²³.

¹⁶ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 291 – 292.

¹⁷ Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг.: Сб. док. и матер. Воронеж, 1957. С. 401.

¹⁸ Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 50.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 5. Л. 165 об.

²⁰ Там же. Л. 166.

²¹ Там же. Л. 165 об.

²² 11 апреля 1919 г. в Рысиковской и Спасской волостях; 16 апреля – в Старковской волости; 28 апреля – в Муравлевской волости Курского уезда; в апреле – в Знаменской волости Старооскольского уезда и в Старом Осколе; в мае – в Троицкой, Стрелецкой и Рождественской волостях Курского уезда. – См.: ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 23. Л. 41.

²³ Воронежская беднота. 1919. 30 января.

В марте 1919 г. в Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии из-за недовольства населения «чрезвычайным продовольственным» налогом и многочисленными хлебными реквизициями вспыхнуло восстание. Оно проходило под лозунгом «Бей коммунистов» и было направлено против коммунистических ячеек и продотрядов. В телеграмме военного комиссара Воронежской губернии, адресованной уездным военкомам, исполкомам местных советов, а также губвоенкомам Курска и Орла сообщалось, что «вся Воронежская губерния объявлена на военном положении... В уезды посланы карательные отряды с целью раз и навсегда отбить охоту к подобным выступлениям»²⁴. Вместе с тем, в сводке Воронежской губЧК за август 1919 г. отмечалось, что среди служащих учреждений города Воронежа вспыхнуло «недовольство советской властью, которое проявляется довольно ярко»²⁵.

Опасения властей вызывали не только недовольные крестьяне и служащие, то есть «непролетарские» слои населения, но и опора большевиков – рабочий класс губернии. С этой целью в Алексеевском уезде Воронежской губернии уездный партийный комитет поручил комиссару труда и руководителям профсоюзных организаций «проверить политическую физиономию членов заводских комитетов всего уезда»²⁶. То есть политика большевиков вызывала недовольство не только у крестьян, но и рабочих, поскольку они, как правило, были тесно связаны с сельским хозяйством и местным крестьянством. Следовательно, их интересы были ущемлены продовольственной разверсткой и низкой зарплатой на госпредприятиях региона.

Наряду с продотрядами, революционными комитетами, отрядами особого назначения, активную работу по стабилизации политической обстановки, которая непосредственно влияла на экономическое состояние региона, вели губернские структуры ЧК. В свою очередь, от экономической политики советской власти в решающей степени зависела политическая ситуация в Черноземье. Насколько действенной и результативной была работа местных чрезвычайных комиссий возможно судить по показателям за 1918/19 г., представленным в сводках Курской губЧК. За неполный хозяйственный год на территории Курской губернии органами ЧК «было реквизировано товаров у разных спекулянтов, мародеров и контрреволюционеров на сумму 129486 рублей, конфисковано товаров на 1356413 рублей. Произведено 3200 обысков, арестовано за контрреволюционную деятельность и агитацию – 1977 человек, за спекуляцию – 1570 человек, за пьянство и самогоноварение – 152 человека». Кроме того, во исполнение декрета о красном терроре в губернии «было арестовано 247 бывших офицеров, 163 представителя крупной буржуазии (купцов и помещиков), 67 представителей духовенства». В качестве наказания губЧК приговорила «226 человек к общественным работам, 336 человек – к заключению в тюрьму, 89 человек – к расстрелу, 1850 человек – к различным штрафам. Дела более тысячи подозреваемых после проведения предварительного следствия были переданы на рассмотрение в ревтрибунал, народный суд и в центральные органы ВЧК»²⁷.

Практически неограниченная власть, данная местным чекистам и руководителям других силовых структур в рамках политики «красного террора», порождала противоправные действия в их среде: пьянство среди комиссаров и командиров; выдачу незаконных ордеров и пропусков, самочинные и бессмысленные обыски, реквизиции, аресты и т.п.²⁸ Особенно часто эти явления наблюдались на уровне уездных ЧК. Например, на общем собрании Корочанской организации РКП(б) Курской губернии в декабре 1918 г. рассматривался вопрос о хищении при обыске одним из чекистов 4000 рублей. Вскрылись также факты превышения своих полномочий со стороны этих органов, и по выражению одного из докладчиков «ЧК превратилась в какой-

²⁴ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 17.

²⁵ Там же. Л. 129.

²⁶ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

²⁷ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 23. Л. 43.

²⁸ Там же. Л. 36.

то застенков»²⁹. Учитывая эти обстоятельства, в январе 1919 г. уездные ЧК, а также должности волостных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией были упразднены. Их функции перешли в ведение губернских чрезвычайных комиссий, что должно было упорядочить деятельность и усилить контроль за деятельностью этих структур со стороны губернского центра³⁰. Ситуацию прокомментировал орган Воронежского губисполкома газета «Воронежская беднота». В статье «Нет уездных чрезвычайок» говорилось о том, что недовольство советской властью зачастую провоцировали сотрудники этих органов: «Так советская власть поступает со своими органами: она создает их, пока они ей нужны и ликвидирует их, когда надобность в них миновала»³¹.

Следует заметить, что в данном случае более правильным является употребление термина не «ликвидировать», а «реорганизовать», поскольку речь шла не о ликвидации, а о серьезных изменениях в структуре региональных ЧК. Например, на территории Курской губернии все военизированные отряды, которые существовали при уездных ЧК и входили в состав губернского батальона чекистов, в 1919 г. были в полном составе отправлены на фронт, а вместо них сформирован новый батальон в количестве 600 солдат, включивший 250 добровольцев. Безусловно, такой шаг позволил губернскому органу избавиться от разношерстной, мало дисциплинированной вооруженной силы. Кроме того, Курская губерния была разделена на 8 участков, в каждом из которых работали главные инспекторы губЧК, в уездах губернии работу проводили от 2 до 5 ее агентов³².

Таким образом, реорганизация структуры губЧК способствовала усилению «центрального» контроля за деятельностью «местных чрезвычайок», повышению эффективности их работы, поскольку партия большевиков стремилась укрепить и объединить под своим руководством все репрессивные органы на местах, опираясь в решении этой задачи прежде всего на ЧК. В приказе Наркомвоендела и председателя ВЧК Ф. Дзержинского, а также начальника войск внутренней охраны (ВОХР) К. Волобуева, адресованном всем губЧК и губкомам РКП(б) в первой половине 1919 г. говорилось: «В целях наиболее тесного контакта в работе между войсками ВОХР и ГубЧК, а также для постоянной связи между собой, настоящим Военный Совет ВОХРА и Президиум ВЧК постановили: начальники бригад и начальники секторов по месту своего расположения вводятся в соответствующую Коллегию ГубЧК на правах членов Коллегии»³³.

Нестабильная обстановка в марте 1919 г. в Курской губернии вызвала необходимость организовать роту особого назначения при губернском военном комиссариате для подавления выступлений недовольных продразверсткой крестьян. Следует заметить, что в распоряжении губпродкома уже имелся активно действующий реквизиционный отряд³⁴. В апреле 1919 г. Курский губком РКП(б) принял решение о создании при губЧК роты особого назначения из коммунистов в количестве 500 человек. Для реализации этого решения президиум губкома обратился к укомам и горкомам партии о предоставлении в распоряжение губЧК не менее, чем по 40 человек от каждой организации³⁵.

Однако, по мере стабилизации положения на фронтах гражданской войны, многочисленные вооруженные отряды в провинции стали мешать политике Центра, который стремился выстроить жесткую вертикаль власти. Для упорядочения деятельности таких военизированных формирований весной 1919 г. был создан специ-

²⁹ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

³⁰ Там же. Д. 23. Л. 3.

³¹ Воронежская беднота. 1919. 26 января.

³² ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 23. Л. 39.

³³ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 3.

³⁴ Там же. Д. 21. Л. 27.

³⁵ ГАОПИКО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

альный Всероссийский орган – Комиссия по организации отрядов особого назначения, которая контролировала их деятельность на уровне государства. 14 мая 1919 г. Комиссия под грифом «секретно» разослала во все губкомы РКП(б) «Инструкции по формированию отрядов особого назначения», в которых конкретизировалась цель создания таких отрядов – они «должны быть готовы во всякий момент дать вооруженный отпор всякому контрреволюционному выступлению» на местах³⁶.

Отряды особого назначения просуществовали в таком виде вплоть до весны 1921 г., когда разразившийся в стране политический кризис и события в Кронштадте заставили большевистское руководство реорганизовать эту структуру. 25 марта 1921 г. приказом Главного начальника Всеобуча РСФСР за № 92/у под грифом «совершенно секретно» объявлялось о немедленном проведении в жизнь Положения о реорганизации отрядов особого назначения», утвержденного оргбюро ЦК РКП (б) 24 марта 1921 г.³⁷ В ходе реформы вместо отрядов особого назначения создавались части особого назначения. 26 августа 1921 г. ЦК РКП (б) утвердил «Положение о частях особого назначения (ЧОН) РСФСР». В нем говорилось, что членами новых формирований могут исключительно члены партии и комсомола и что «ЧОН существует на основании постановления Центрального комитета РКП (б) как боевая сила пролетарской революции»³⁸. Роты ЧОН формировались на базе уездных партийных организаций, взводы – на базе волостных, звенья ЧОН – на базе сельских партячеек. За формированием частей особого назначения пристально следил ЦК РКП(б). Главной задачей, которую выполняли ЧОН в регионах, была борьба с контрреволюцией. Причем, даже рядовые бойцы ЧОН «должны были хорошо разбираться в характере контрреволюционных выступлений, уметь отличить идейного врага Советской власти от того, кто выступил против нее несознательно»³⁹.

Таким образом, чрезвычайные карательные органы власти, вооруженные формирования и отдельные отряды, которые возникали в период укрепления большевистской власти в губерниях Центрального Черноземья, являвшихся в исследуемый период линией Южного фронта и территорией прифронтовой его полосы, выполняли не только функции установления и защиты советской власти, но и разнообразные охранные функции при решении административно-хозяйственных задач на местах. С прекращением боевых действий в 1921 г. отряды ЧОН стали выполнять функции внутренней охраны. Части особого назначения являлись неотъемлемой частью чрезвычайного силового аппарата советского государства, которым руководила коммунистическая партия.

Резюмируя представленный в статье материал, следует сделать вывод о том, что использование органами местной власти силовых методов хозяйственного управления административно-хозяйственной жизнью на территории Курской и Воронежской губерний, в исследуемый период в определяющей степени было обусловлено сложившейся военно-политической обстановкой гражданской войны. Следует также учитывать, что крайне непопулярная среди большинства крестьян продовольственная политика могла быть осуществлена в аграрном Черноземье только с помощью вооруженной силы, карательно-репрессивными методами. Это способствовало складыванию в Черноземном Центре РСФСР системы чрезвычайных органов и силовых структур, непосредственно участвующих в осуществлении экономической политики местных советов.

³⁶ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 106.

³⁷ Там же. Д. 440. Л. 3.

³⁸ На территории Воронежской губернии активно действовал батальон и тринадцать рот, отнесенные к ЧОН. – См.: Литвинов Р.Н. Отряды ЧОН. Очерки истории воронежских частей особого назначения. Воронеж, 1968. С. 1 – 11.

³⁹ Там же. С. 16.

EXTRAORDINARY BODIES OF VORONEZH AND KURSK PROVINCES DURING THE WAR – METHODS OF GOVERNMENT OF ECONOMIC ACTIVITY (1918–1920)

G.A. YAMPOLSKAYA

Belgorod State University

e-mail: muk kkm@belgtts.ru

On the basis of archival materials, the author gives the characteristics of military and political situation when economic politics of the Bolsheviks was made as well as demonstrates the power methods of governing the economic activity in Voronezh and Kursk provinces during the civil war. The paper allows to retrace the formation of the economic activity by extraordinary power bodies.

Key words: economic politics, power methods, extraordinary bodies of economic activities, Revolutionary Committee.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

М.А. ДЕНИСОВА

*Курский
государственный
университет*

e-mail: mashadenisova@yandex.ru

Развитие быта и семьи определяется как естественными, так и социальными факторами, как самим техническим прогрессом, так и социально-экономическим строем. Поэтому в данной области жизни проявляются такие явления, как индустриализация, урбанизация, вовлечение женщин в процесс общественного производства, а так же национальные традиции страны.

Ключевые слова: семья, частная жизнь, брак, развод, аборт, 1920-е гг., Курская губерния.

В предреволюционной России личная жизнь складывалась под влиянием христианско-патриархальной традиции. Эти положения казались незыблемыми, на них опиралась патриархальная крестьянская семья, на которой, в свою очередь, был построен не только сельский мир, но все русское общество даже на рубеже XIX – XX вв. В начале XX в. в России наметились тенденции снижения рождаемости, ослабления экономических связей между супругами, усиления самостоятельности женщин. В крупных городах зарождалась новая «буржуазная городская семья», хотя процесс этот развивался медленно.

Семья в 1920-е годы представляла собой институт, с одной стороны, унаследовавший прежний авторитарно-патриархальный стиль внутрисемейных отношений, а с другой, представляла собой стремительно модернизирующийся институт. Советская социальная политика в отношении института семьи, как отмечал С.В. Дармодехин, «...всегда была ограниченной, не носила системного характера, отождествлялась с социальной политикой. Институциональные интересы семьи в государственной деятельности специально не выделялись и не учитывались»¹ Однако, отсутствие системной, целостной и целенаправленной семейной политики отнюдь не означает существование намеренных и ненамеренных воздействий на семью со стороны государства. Семейная политика советского государства строилась на основе идеологии равенства (классового и полового) и отрицания буржуазных форм брака и семьи. Советская политика в отношении семьи была сосредоточена на вопросах регуляции брачно-семейных отношений работающих женщин и на вопросах охраны и материальной поддержки материнства и детства.

Первые декреты советской власти формально разрешали многие проблемы. 19 декабря 1917 г. был принят декрет «О расторжении брака»², 18 декабря – декрет «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния»³. Основные принципы советской политики в области брачно-семейных отношений были закреплены в Кодексе 1918 г. об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекуном праве⁴. Кодекс зафиксировал следующие важные принципы построения

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 236.

² Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 «О расторжении брака». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawmix.ru/docs_cccp.php?id=8230

³ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawmix.ru/docs_cccp.php?id=8234

⁴ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекуном праве. Принят ВЦИК 16.09.1918 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawmix.ru/docs_cccp.php?id=8059

семьи в новом обществе: добровольность брака; свобода брака и развода, который проводился через суд по объявлению одного из супруга и через специально созданные органы записи актов гражданского состояния (ЗАГСы) – по обоюдной просьбе; гражданский характер брака и развода. Только брак, зарегистрированный в ЗАГСе, порождал права и обязанности супругов.

Практические реалии семейной жизни в 20-е годы были не столь радужные и однозначные, так как существовали значительные расхождения между революционными риториками о равенстве женщин и мужчин и их воплощением. Реалии семейных практик и в городе, и в деревне были связаны с нищенским существованием разведенных матерей и их несовершеннолетними детьми. При упрощении процедуры развода, неразвитости социальных служб и отсутствии обязательной и фиксированной поддержки со стороны государства, женщины, особенно с несовершеннолетними детьми, были экономически зависимы от своих мужей. В случае развода очень сильно ущемлялись интересы неработающих женщин, так как они, не имея собственного дохода и имущества, они не имели права и на часть семейного имущества, заработанного мужем в браке. Согласно Кодексу 1918 года брак не создавал общности имущества супругов. Это норма права приводила к большой экономической зависимости женщин (особенно женщин с детьми) от мужей, так как подавляющее большинство женщин в 20-е годы – не работало и не имело собственных доходов.

Ситуация изменилась в 1926 г. когда был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке⁵, который фактически исходил из тех же принципов. Его главное отличие от законодательства 1918 г. состояло в том, что незарегистрированные, фактические браки приравнивались по вытекающим из них правовым обязанностям супругов к зарегистрированным бракам. При этом Кодекс ставил под защиту закона не всякое сожителство, а лишь такие фактические браки, существование которых могло быть доказано перед судом. Кроме того, изменился режим раздельности супружеского имущества режимом его общности. В результате, супруги, не имевшие самостоятельного дохода, получали права на часть имущества семьи. Эти весьма прогрессивные положения, носившие, по сути дела, буржуазно-демократический характер, уничтожили остатки феодальных черт российской семьи и могли обеспечить определенную степень свободы частной жизни. Нормой становились гражданский брак, развод, возможность создания семьи без разрешения родителей и опекунов. Однако уже в Кодексе 1918 г. был ощутим идеологический подтекст нормативных актов новой власти. Ведь большевики, по словам В.И. Ленина, стремились противопоставить «мещански-интеллигентски-крестьянский пошлый грязный брак без любви – пролетарскому гражданскому браку с любовью»⁶.

Отделив церковь от государства, советские властные структуры тем самым установили контроль над брачно-семейными отношениями, вопросами рождения и смерти и, в конечном, итоге стали диктовать свои нормы регулирования частной жизни. Официально венчание запрещено не было. Человеку, пожелавшему вступить в брак, предстоял выбор не только своего будущего супруга, но и формы заключения брачного союза. Уже весной 1924 г. ЦК ВЛКСМ отмечал огромные, а главное, как тогда казалось, устойчивые сдвиги в быту: «Октябрины вместо крестин, гражданские похороны и свадьбы, введение новой обрядовости вместо религиозной стали в рабочей среде массовым явлением»⁷. В изменившейся социокультурной обстановке появились факты одновременной регистрации и венчания.

В губернии за пять лет 1920 – 1924 гг. ежегодно происходил рост количества заключенных браков, так в 1920 году было заключено 18 026 браков, а в 1924 году 33 461

⁵ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 года «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawmix.ru/docs_cccp.php?id=7400

⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, М., 1973. Т. 49. С. 56.

⁷ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920-30 годы. СПб., 1999. С. 269.

брак. Среднее количество заключенных браков за 5 лет составило 34 300 браков, что составляет 11,90 браков на одну тысячу населения. Количество заключенных браков на 1 тыс. человек или общий коэффициент заключения брака по отдельным годам различен. Особенно резко выделяется 1920 год, давший всего 55,9 % среднего за 5 лет количества заключенных браков. Прекращение гражданской войны, несомненно, сказалось на повышении количества зарегистрированных браков в последующие годы⁸. Возвращение красноармейцев повлияло на повышении количества зарегистрированных браков в 1922 году. С 1923 г. количество заключенных браков начало понижаться, оставаясь в 1924 году все же выше среднего на 40,92 %. Высокое количество заключенных браков в 1924 году дает основание предполагать, что помимо прекращения войны на количество заключенных браков влияли и другие причины. Громадное влияние оказала Октябрьская революция, в корне изменившая семейно-бытовые и имущественные отношения. Не могла не повлиять на повышение количества заключенных браков и замена старого церковного брака гражданским браком.

Наибольшее число браков в Курской губернии заключалось зимой, так в 1924 году зимой в городах было зарегистрировано браков – 34,66 % от общего количества зарегистрированных браков в 1924 году, весной – 17,47 %, летом – 18,46 %, осенью – 29,41 %. И это вполне понятно, ибо заключение брака в сельской действительности по установившимся обычаям связаны со значительными затратами, как денежными, так и натуральными (угощения, приданное и пр.). Следовательно, в экономическом отношении наиболее благоприятным временем для заключения брака должна была бы являться осень, когда население располагает наибольшими материальными возможностями. Если главная масса браков заключается зимой (январь, февраль), то на это имеются, конечно, свои причины. Прежде всего, экономически население слабо и потому стремится объединить расходы на зимние праздники с расходами на брак. Кроме того, зимой пути сообщения значительно лучше, чем осенью и, следовательно, общение доступнее и легче и, наконец, зимой сельское население наиболее свободно от работы. Помимо хозяйственно-бытовых условий на количество заключенных браков по времени их заключения громадное влияние оказывают религиозно-бытовые условия. Об этом мы можем судить по незначительному числу браков в декабре, марте, июне, июле и августе, т.е. в месяцах с постами.

Число браков, заключенных весной и летом (1923 – 1924 г.), по отдельным уездам незначительно различается. Более значительные колебания наблюдаются в зимних браках, например, от 38,92 % (Белгородский уезд) до 53,14 % (Рыльский уезд) в 1923 г. и от 54,21 % (Белгородский уезд) до 63,3 % (Рыльский уезд) в 1924 г. от общего количества зарегистрированных браков в указанный период времени⁹.

Рассматривая число браков отдельно по городам и уездам, видим, что в городах распределение браков по месяцам и временам года иное, чем в сельских местностях: здесь влияние экономических и религиозно-бытовых условий значительно слабее. В городах браки почти равномерно распределяются по временам года.

В начале 20-х годов в брак вступали главным образом лица, не успевшие пожениться перед войной, а также молодежь, чей возраст был 20 – 24 года и пришелся на военное время. Позже, в середине 20-х годов, к многочисленным группам желающих завести семью присоединилось подросшее новое поколение. Например, возрастная группа мужчин до 19 лет в городах выражается незначительным процентом: в 1923 – 2,85 % и в 1924 г. – 2,95 %. Возрастная группа 20-24 лет в сельских местностях выше на 30 % чем в городах. Возрастная группа 25-29 лет в городах держится почти на одном уровне с группой 20-24, превышая ее всего на 1,13 %, а в сельских местностях, по сравнению с городами, уменьшается больше, чем в два раза, по сравнению же со своей группой 20-24 лет уменьшается почти в 3 раза. Во всех остальных возрастных

⁸ Статистический сборник по Курской губернии: Выпуск 1. Естественное движение населения. Курск, 1926. С. 5.

⁹ Там же. С. 10.

группах процент в городах выше, чем в сельских местностях. Возрастная группировка женщин почти аналогична¹⁰.

Любопытно, что оправданием свободных, ни к чему не обязывающих связей для части молодых людей явилось нормативное властное суждение – советское брачно-семейное законодательство, облегчившее и демократизировавшее процедуру развода. В то же время сами факты расторжения брака все же не превратились в норму повседневной жизни, если судить по количеству разводов в составе городского населения. В городе Курске за 1921 год было зарегистрировано 951 брак, в то же время за этот же период расторгнуто 16 браков¹¹. Во второй половине 1920-х г. партийные публицисты стали активнее призывать к контролю над частной жизнью. Превалирующей становилась мысль о том, что новый человек – это, прежде всего передовой общественник, для которого интересы коллектива всегда должны быть выше личных, а семья, уже, если она появилась, должны быть политической ячейкой общества.

В дореволюционное время расторжение брака было связано с большими трудностями. Поэтому разводы наблюдались как редкие случаи, и являлись сенсацией долго занимавшей умы обывателей. Октябрьская революция заменой старого церковного брака гражданским браком внесла коренные изменения в семейно-бытовой уклад. Супруги получили возможность свободно изменять свои взаимоотношения. Это отразилось на количестве разводов. Наибольшее число разводов на 1 тыс. заключенных браков приходится на города и наименьшее – на сельские поселения. В 1924 г. число разводов увеличилось по всем категориям поселений по сравнению с 1922 – 1923 гг.¹² Резко выраженных особенностей в распределении разводов по месяцам и временам года между отдельными категориями поселений не отмечается. Но все же в сельских местностях наблюдается наибольшая равномерность распределения разводов по месяцам и временам года и большая связь числа разводов с числом браков, например разводов, так же как и браков, падает больше на зиму, чем на остальное время.

В 1925 году органы ЗАГС г. Курска получили право на заключение досрочных браков. Подобные браки разрешались лицам крестьянского происхождения при условии, если один из будущих супругов являлся единственным работоспособным членом в хозяйстве. В этом случае возраст жениха должен быть не менее 17,5 лет, а невесты – 15,5 лет¹³.

Подводя итоги рассмотрения семейных отношений среди горожан российской провинции, отметим неоднозначные процессы, происходившие в 1920-е гг. Наблюдалась дестабилизация института семьи в городах, что соответствовало и общероссийской тенденции. Был ослаблен институт брака за счет правовой полноценности незарегистрированного сожительства. Дестабилизация семейных отношений, тяжелые условия жизни и отход от традиционной потребности в многодетности приводили к широкой востребованности аборт. Так же как и в брачно-семейных отношениях, большевики попытались изменить дореволюционные традиции по вопросам производства аборта. Так 18 ноября 1920 г. совместным постановлением наркоматов юстиции и здравоохранения аборты в советской России были легализованы¹⁴. Желавшим предоставлялась возможность сделать операцию по искусственному прерыванию беременности в специальном медицинском учреждении независимо от того, угрожает или нет дальнейшее вынашивание плода здоровью женщины. На первых порах аборт производился бесплатно.

¹⁰ Статистический сборник по Курской губернии: Выпуск 1. Естественное движение населения. Курск, 1926. С. 12.

¹¹ ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 992. Л. 15.

¹² Статистический сборник по Курской губернии: Выпуск 1. Естественное движение населения. Курск, 1926. С. 26.

¹³ Курская правда. 1925. 24 марта.

¹⁴ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920-30 годы. СПб., 1999. С. 273.

Советская республика стала первой в мире страной разрешившей производить аборт. Однако никакого отношения к процессу расширения сфер частной жизни декрет о свободе аборт не имел. Операция по прерыванию беременности в медицинских и правовых документах начала 1920-х гг. квалифицировалась как «социальное зло», социальная аномалия. Аборт даже в начале 1920-х гг. никем из официальных лиц в советской России не рассматривался как медико-юридическая норма, обеспечивающая право женщины решать самостоятельно данный вопрос. В 1924 г. вышло постановление о формировании абортных комиссий. Они регулировали очередь на производство операции по искусственному прерыванию беременности. В 1925 г. в крупных городах на 1 тыс. человек приходилось примерно 6 случаев искусственного прерывания беременности – цифра не очень большая¹⁵.

Губздравом отмечен за конец 1924 года – начало 1925 года непрерывный рост аборт среди населения г. Курска. Так, например, в октябре 1924 г. было произведено – 24 аборта, в ноябре 1924 г. – 30, в декабре 1924 г. – 50, в январе 1925 г. – 61, в феврале 1925 г. – 71, в марте 1925 г. – 86 абортов. Самый большой процент абортов приходится на домашних хозяек (50 %), потом служащих учреждений (12 %) и работниц на предприятиях (10 %), по возрасту самый большой процент (50 %), являются женщины от 22 до 29 лет¹⁶. Лишь одна из трех желающих избавиться от беременности работниц обращалась к врачам. При этом основным мотивом аборта была материальная нужда. Искусственное прерывание беременности в советской России проводилось без наркотоза. Вопреки прогнозам коммунистических теоретиков, по мере построения нового общества и создания образцовой семьи количество абортов не уменьшалось, а росло.

В 1926 г. были полностью запрещены аборты впервые забеременевших женщин, а также делавших эту операцию менее полугода назад. Широкое распространение получила практика самоабортов. После принятия закона о запрете абортов количество случаев смерти женщин от сепсиса возросло в четыре раза. К счастью, бывали случаи, когда самоаборты заканчивались удачно, и женщина, вовремя попав в больницу, оставалась жива и относительно здорова. Но закон был безжалостен – установленный факт самоаборта мгновенно фиксировался, и дело передавалось в суд. Так, например, семья Уколовых занималась производством абортов, как своим односельчанам, так и крестьянам из соседних деревень. Среди пациенток Уколовых зарегистрировано 3 смертельных случая. Обычно в таких случаях трупы погибших от заражения крови вывозились Василием Уколовым за околицу и погребались в укромных уголках, а иногда и просто сбрасывались на проезжей дороге, как это было с трупом Евдокии Козуевой, погибшей от аборта, произведенного ей Уколовыми в 1927 году. Суд приговорил эту семью к заключению¹⁷. На спиртоводочном заводе (ул. Халтурина № 4) 29 января 1929 года в 4 часа дня было слушание показательного процесса дела М.И. Малеевой, обвиняемой в производстве аборта без медицинской подготовки¹⁸.

Новые тенденции в отношении к семье, в целом были подхвачены горожанами. Но, имея в своем составе подавляющее большинство выходцев из деревень, значительная доля населения города все же сохраняла многие традиционные взгляды на воспитание детей. В семьях сохранялась высокая социальная ценность «второго поколения», пожилых членов семьи, которые несли на себе функции по надзору за детьми, а иногда по их воспитанию.

¹⁵ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920-30 годы. СПб., 1999. С. 275.

¹⁶ Курская правда. 1925. 24 мая.

¹⁷ Курская правда. 1929. 19 ноября.

¹⁸ Курская правда. 1929. 9 января.

FORMATION OF THE SOVIET FAMILY IN 1920S (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE)

M.A. DENISOVA

Kursk State University

e-mail: mashadenisova@yandex.ru

In this article, the question of formation of the Soviet family is considered. Development of the life and family is defined by both natural and social factors, and by technical progress. Therefore, in the given area of life there were such tendencies, as industrialization, urbanization, involving women in the process of social production, and national traditions of the country were present as well.

Key words: family, private life, marriage, divorce, abortion, 1920s, Kursk province.

ОЧАГИ БЫТОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА И МЕТОДИКА РАБОТЫ ФОЛЬКЛОРИСТА-ФРОНТОВИКА

Л.Н. ПУШКАРЕВ

*Институт
российской истории РАН*

e-mail: pushkarev@mail.ru

В статье представлены результаты записей бывшего солдата Великой Отечественной войны, фольклориста, ушедшего на фронт с третьего курса Московского педагогического института им. К. Либкнехта (после войны – Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина). В статье-воспоминании фронтовика рассказано о методах его работы по сбору устного народного творчества в сложных фронтовых условиях. Эти материалы характеризуют образ мыслей, духовные установки, менталитет, облик бойца Советской армии в годы войны, дополняя другие источники.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронт, госпиталь, фронтовой боевой листок, фольклор, народная песня, частушка, сказка.

Фронтовой фольклор – неизбежный спутник всех войн. Сбор фронтовых песен, пословиц, сказок, сказаний и прочих произведений устного народного творчества проводился фольклористами, конечно, не в боевых условиях. В большинстве случаев это происходило, когда части стояли во фронтовой полосе, бойцы находились в госпитале, во время возвращения их с фронта на побывку домой после госпитализации или демобилизации. Сведения об устном народном творчестве доходили до ученых-фольклористов из действующей армии преимущественно через «вторых лиц» – информаторов, но бывали неполными, отрывочными.

В моей биографии фольклориста выдался счастливый случай. К тому времени, когда я оказался в боевой обстановке на подступах фашистов к Москве, мой студенческий наставник, известный фольклорист В.И. Чичеров уже обучил меня основным приемам записи фольклорного произведения. Он же снабдил меня, как уходящего на фронт солдата, как он предполагал, будущего ученого-фольклориста добротными тетрадами и карандашами – в то время все это было дефицитом. Вооруженный этими наставлениями и «орудиями труда», я начал свои первые записи.

В течение трех с половиной лет я наблюдал бытование фольклора прежде всего в своей воинской части в различных условиях ее боевой жизни – при формировании, на учебе, при выполнении боевых заданий. Произведения устного народного творчества собирал в госпиталях и на контрольно-пропускных пунктах (КПП – зимой их обычно именовали «контрольные обогревательные пункты»). Случались записи на пешем марше, в железнодорожных воинских эшелонах и непосредственно, хотя и крайне редко – в боевой обстановке. В результате мною был собран (а впоследствии тщательно обработан) уникальный свод фронтовых записей и наблюдений, уже в основном введенный автором в научный оборот¹.

Методика сбора фольклорных произведений применялась мною самая различная – в зависимости от условий записи и форм бытования. Я уже знал, что на одно из первых мест следует поставить запись именно во время исполнения песни, сказки, частушки или чего-то другого. Еще будучи студентом, я сумел освоить униграфию (один

¹ Пушкарев Л.Н. Из наблюдений над творчеством фронтовиков (Репертуары и вопросы бытования) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 6. С. 527-540; его же. Из воспоминаний фольклориста-фронтовика // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 325-343; его же. По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.

из ранних видов стенографирования), и это очень пригодилось. Самое главное тогда в военной практике фольклориста было расшифровать наскоро сделанную запись и переписать текст в тетрадь, пока в памяти сохранялась прослушанная сказка, песня или другое произведение народного творчества. Случалось, что я не мог качественно расшифровать запись и обращался за помощью к исполнителю. Как правило, они охотно помогали мне в этом, хотя и были случаи отказа в повторном исполнении. Так, один из сказочников – Васильев на просьбу повторить мне его сказку, которую я не успел записать, ответил мне: «Я тебе не Шухрезада, а ты – не султан!»

Сбор фронтового фольклора привел к выводу, что он будет более плодотворен, если фольклорист сам служит в армии, воюет и вместе с бойцами переносит тяготы фронтового быта, и вообще, если он становится «своим человеком» среди «носителей фронтового фольклора», и лучше, чтобы и вообще не выделялся из среды, подчеркивая свою «ученость». Тогда он может получить более искренние, непосредственные записи, наблюдать рождение народного творчества в различных условиях военных будней. Вначале певцы и «частушечники» всегда стесняются, пока не привыкнут исполнять свои произведения, не обращая ни на кого внимания.

За исключением исполнения маршевых и походных песен (они, хотя тоже входили во фронтовой фольклор, но составляли всего лишь незначительную его часть), устное народное творчество бытовало на фронте главным образом во внебоевое время. Этим временем было выполнение определенных заданий («нарядов» – на военном языке): работа на кухне, строительство оборонительных сооружений, ремонт и уход за техникой и т.д. Но мною были отмечены и случаи проявления народного творчества, «фольклорных произведений» при выполнении боевых заданий: например, в условиях военной специальности нашей части – отдельного батальона химической защиты – это была постановка дымовых завес под огнем противника. Фольклор активно присутствовал в распространенных на фронте концертах художественной самодеятельности, как специально организуемых, так и на стихийно возникших во время фронтового затишья. Все это были, говоря языком фольклористов, «очаги бытования» фронтового устного народного творчества. На некоторых из них остановлюсь подробнее.

Однажды я случайно узнал, что один из солдат в нашей части Н.С. Игнатов рассказывает сказки во время нарядов на кухню. Я обратился к командованию за разрешением быть вместе с кухонным нарядом специально для записи этих сказок. Обычно это происходило глубокой ночью, так как к утру, к приходу повара, требовалось успеть начистить овощей. За сказкой работа спорилась, а я получал возможность делать полноценные записи. Бывало время работы на кухне, бойцы распевали и песни, в том числе сочиненные ими самими или перефразирующие уже известные. Они тоже становились моим достоянием.

Еще в самом начале службы я был назначен комсоргом батальона и «отвечал» за самодеятельность в части. Такая работа давала мне возможность чаще общаться с носителями фольклора, ближе знакомиться с репертуаром песенников и частушечников, записывать их тексты, выяснять их биографии, род занятий до фронта. Из этих записей теперь можно знать года рождения наиболее активной массы бойцов (в основном – 1918-1923 гг.), географию мест их проживания до войны: центральная Россия, Украина, Север страны, западные области, Поволжье, Молдавия и т.д.

Наиболее плодотворными были «очаги бытования» фронтового фольклора во время боевых затиший. Например, при медленном продвижении во фронтовой полосе железнодорожного эшелона, на его остановках – на станциях и полустанках, нередко и в чистом поле. Двери теплушек раскрывались, появлялся откуда-то гармонист, усаживался, свесив ноги обычно в дверях вагона. Бойцы высыпали на перрон, если погода позволяла, многие закуривали, садясь ближе к гармонисту. Как правило, начиналось обычно с песен, а затем фронтовой народ заводил частушки. Бывало, что в сельской местности к эшелону сбегались люди, местная молодежь, преимущественно, девушки. Я оказывался в самой гуще народа. Тогда частушки сыпались как из ро-

га изобилия – только успевай записывать! Поезд отправлялся в путь и бойцы с расширенным репертуаром ехали дальше, неся незатейливые внешне произведения устного народного творчества другим людям по пути движения эшелона. Народ глаголет свое мудрое слово, что, кстати и подразумевает значение термина фольклор. Одна беда: зафиксировать имя исполнителя не всегда удавалось, и записи оказывались паспортизованы не полностью.

Столь же «концентрированным» очагом бытования фронтового фольклора были контрольно-пропускные пункты (КПП) на автомобильных дорогах. Обычно это была вырытая близ перекрестка дорог землянка, где дежурили и жили девушки-регулировщицы. Они дожидались попутных машин с солдатами и офицерами, посланными по каким-нибудь делам за пределы части. Иногда нужно было задержать по разным причинам. В землянке день и ночь гудела печка-буржуйка, сделанная обычно из железной бочки. Здесь группы бойцов коротали время и тоже нередко за небольшими рассказами и сказками. Песни здесь почему-то пелись редко (наверное они требовали большего времени для общения – спевок, а посетители КПП были люди случайные и, хотя и задерживались, но на короткий срок). Правда, в одной из таких землянок под Смоленском у регулировщицы оказалась гитара, и там я услышал «Синий платочек», «Землянку», «Огонек» и общевойсковые авторские песни.

Распространенным «очагом» бытования народного творчества становился госпиталь, особенно – «полевые лечебницы», госпитали для легко раненых. Бойцы находились там более или менее длительное время, и в палатах выздоравливающих записывать фольклор можно было, как правило, долго. Народное творчество включало «госпитальные варианты» знакомых песен. Они отражали острую для раненых тему – возвращение домой, встречи с оставленной возлюбленной или женой. Среди этих песен преобладали темы об оставленных «на гражданке» девушках. Воспевали тех, кто верно ждал солдата. В госпиталях часто возникали состязания частушечников из числа выздоравливающих бойцов, медсестер и санитарок. Эти импровизированные концерты не только давали живой интересный материал для копилки фронтового фольклора. Они имели и лечебное значение, снимая душевное напряжение бойцов после трудного боя, ранений, отвлекая от грустных размышлений о падших товарищах и дальнейшей своей судьбе.

Госпитальный фольклор был весьма специфичным по своему содержанию и идейной направленности. В нем, конечно, преобладали мотивы грусти, тоски по дому и семье, ожидания возможной встречи с близкими бывших бойцов, ставших инвалидами. Поэтому только по госпитальному фольклору нельзя составить верного представления о фронтовом фольклоре в целом, хотя, как мне представляется, что именно в госпиталях и делались многие опубликованные к настоящему дню записи фронтовых песен и других форм народного творчества. Любопытно свойство человеческой природы: после возвращения из госпиталя в часть на фронт или в тыл многие варианты госпитальных песен забывались, и репертуар того же исполнителя существенно менялся.

Заметным «очагом» бытования фронтового фольклора были запасные полки, где формировались воинские части перед отправкой бойцов на передовую. Правда, пребывание в них было кратковременным, сложившегося репертуара там не было, но зато носители народного творчества имели возможность обновить свой репертуар. Сюда, как правило, стекались бойцы из разных частей, с различных фронтов с разным уровнем образования и культуры. Именно из запасных полков поступали в части новые песни и необычные варианты уже известных произведений. Вести записи в запасном полку было нелегко, с трудом у бойцов удавалось достичь нужной откровенности и доверчивости, так как времени для этого было недостаточно, и записи оказывались поспешными.

Важное место во фронтовом фольклоре занимали варианты устного народного творчества, полученные собирателем в письменном виде. Нередко, как это не покажется странным сегодняшнему поколению, привыкшего видеть солдата на фронте

только с винтовкой, некоторые фронтовики вели небольшие песенники-дневники и тщательно сберегали их. В них они заносили наиболее любимившиеся им произведения как авторского (нередко измененного ими самими), так и устного народного творчества. Часто в таких памятных книжечках записывались общевойсковые, а также гражданские, еще довоенные песни. Встречались в них и переделки (варианты) песен из кинофильмов. Это тоже может представлять большой интерес для историков Великой Отечественной войны. Ведь бойцы получали новые тексты песен в письмах из тыла от домашних, а также и от своих боевых друзей-соратников с других фронтов. Особенно участились такого рода записи песен, частушек «на память» в конце войны, а также в период демобилизаций.

Обращая внимание историков на самодеятельность в действующей армии, нужно подчеркнуть здесь роль не профессиональных артистов, выступавших на фронтовых концертах, а самостоятельное поэтическое и музыкальное творчество рядовых бойцов, сержантов и офицеров. Внутри-ротная и внутри-батальонная самодеятельность развивалась и питалась из трех связанных между собой, перетекавших из одного источника в другой: столетиями существовавшего неиссякаемого родника прошлого устного народного творчества, произведений профессиональных поэтов и композиторов и самодеятельного репертуара бойцов 1941-1945 гг. – порою несовершенного в художественном отношении, но зато очень искреннего и непосредственного.

От участников художественной самодеятельности я записал много песен и частушек. Интересно провести их сравнение во времени. Две из них, были записанные мною зимой 1941 г., когда гитлеровские войска подошли вплотную к Москве И тогда вера в победу не покидала народ:

Черна туча, черна туча,
Туча с Запада идет.
Наша армия могуча
Черну тучу разобьет!

К Новому 1942 г. уже все изменилось и тут же появилась частушка:

Как на улице туман,
Полное затмение.
Глянул Гитлер на Москву
И лишился зрения.

А конце войны в 1945 г. появилась широко известная в том же ритме исполнялась другая частушка:

С гор потоки, с гор потоки,
С гор хрустальная вода.
Разгромили мы фашистов –
Не вернутся никогда!

Конечно, по своему художественному уровню фронтовой фольклор был неоднороден. Встречались и громко звучащие, но беспомощные с художественной точки зрения четверостишья, состоявшие порой из слов лозунгов, пропагандировавшихся партийными органами и часто имевшими мало общего с подлинным народным творчеством. Очень часто на фронте распевали песни советских поэтов и композиторов 1920-1930-х гг., ставшие подлинно народным достоянием. Пользовались заслуженной популярностью и песни малоизвестных, а то и безымянных поэтов, сумевших затронуть самые глубинные струны души фронтовиков. Они перефразировались, переиначивались в связи с жизненными реалиями. Приведу пример лишь с одной такой песней. Ее принес в нашу часть Николай Сгиталов, а услышал он ее осенью

1941 г. под г. Ефремовым Тульской обл., где в это время служил раньше. Песня с разными вариантами была весьма характерная для первых месяцев войны:

Милая, не плачь, не надо,
Грустных писем мне не шли.
Знаю я, что ты не рада
Без любимого вдали.
 Верь, что время быстро пролетит.
 Разгромим врагов своей страны,
 До ворот Берлина полк дойдет,
 Ну, а там – конец войны!
Загорелый, утомленный
С автоматом на плечах,
В гимнастерке запыленной
И в походных сапогах
 Милый твой по улице пройдет,
 Там, где не был он уже давно,
 В сумерках твой старый дом найдет,
 Постучит в твоё окно...
Если ж, он землю обнимая,
Ляжет с пулей в груди,
Ты о нем поплачь, родная,
Но домой его не жди.
 Пусть другой вернется из огня,
 Снимет с плеч походные ремни –
 Ты его, родная, как меня,
 Крепко, нежно обними...
Милая, не плачь, не надо
Грустных песен мне не шли.
Знаю я, что ты не рада
Без любимого вдали....

В песне много наивного, но она характерна для переживаний бойца в те первые месяцы войны. Масса солдат, как и весь советский народ, верившая пропаганде, что война не может быть затяжной благодаря силе нашего оружия, наивно повторяла, что «время быстро пролетит». Единственного, что сбылось, это полный разгром фашизма и то, что, как было сказано в песне – «До ворот Берлина полк дойдет». Но кто же мог даже подумать в июне 1941 г., что впереди 1418 тяжелых дней войны! Любопытная деталь, требующая раздумий при обращении к военному устному народному творчеству: в песне демобилизованный возвращается с оружием! («С автоматом на плечах»). Таких деталей можно найти немало в устном народном творчестве, которое помогает понять то, что бывает скрыто в других источниках и отражает народное сознание, не обработанное «специалистами».

Мне уже приходилось сообщать о бытовании фронтового фольклора в письменной форме². Не останавливаясь подробно на этом важном вопросе, подчеркну лишь необходимость тщательного просмотра исследователями-фольклористами, да и историками, учеными других дисциплин всевозможных транспарантов, плакатов, указателей, досок объявлений, боевых листовок и прочего письменного, чудом сохранившегося в музеях, в домашних архивах и, наверное в Народном архиве в Москве. Это может быть целый пласт народного творчества 1941-1945 гг. Там можно обнару-

² Пушкарев Л.Н. Письменная форма бытования фронтового фольклора // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 25-35; его же. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109-121.

жить записи частушек, песен, метких изречений, пословиц, призывов и т.д. Все они представляют собой прекрасный источник для изучения менталитета и облика защитника Родины, его исконного творчества.

Во время Великой Отечественной войны бойцы постоянно ощущали нехватку бумаги на фронте. Нередко фронтовые газеты и боевые листки после их прочтения тут же использовались на папиросы-самокрутки. Но многие солдаты пользовались малейшей возможностью выразить свое отношение к войне на дорожных указателях, стенках вагонов, на бортовых поверхностях боевых машин и других транспортных средств, даже на стенах уцелевших или полуразрушенных после бомбежек зданий.

Приведу в качестве примера «боевой листок» с пометками откликов бойцов на происходившие боевые операции. Во время одной из постановок дымовых завес – в данном случае при форсировании реки пехотинцами, мне, по поручению парторга части, пришлось тянуть между вырытыми бойцами окопчиками-ячейками для дымовиков телефонный шнур, к которому был прикреплен боевой листок с единственной статьей-призывом комсорга роты И.М. Голуба. Передергивая шнур, бойцы протаскивали листок от ячейки к ячейке, передавая его друг другу, попутно заполняя его и с лица, и с оборота своими репликами и оценками. Когда после форсирования реки дымовая завеса была ликвидирована, в моих руках оказался лист бумаги, буквально испещренный пометами бойцов. Там были и призывы, и обязательства, и незамысловатые частушки, рожденные прямо на поле боя.

Вот он этот исторический документ, который начинался в ту эпоху, когда наша армия вступила в Европу. Он начинался с традиционных слов: «Смерть немецким оккупантам!» Далее указывалось, что боевой листок издан подразделением капитана Чумарина и начинался текст листка с призыва: «Обеспечим успех пехоты!» Сам же текст в был таким: «Товарищи! Перед нами поставлена боевая и ответственная задача – прикрыть дымзавесой скрытое накопление наших войск и обеспечить быстрый выход их на форсирование реки. Бойцы, от нашей с Вами аккуратности и точности зависит жизнь наших братьев-пехотинцев и успех боевой операции. Комсомольцы, будьте в первых рядах, личным примером покажите образец внимательности и точности в выполнении боевого задания. Боевые друзья! Мы вступили с Вами в Европу, перешли Вислу, перед нами – Балтика. Сбросим фашистов в море! Смерть немецким оккупантам. Комсорг Иван Голуб».

На обороте боевого листка были пометы: «Фрицам, братцы, стало кисло: позади осталась Висла. Семенов»; «Обязуюсь по-комсомольски выполнить боевое задание. Сержант Головченко. Призываю на соревнование второе отделение»; «За нами дело не станет. Устроим фашистам горе, искупаем их в море! Даниелян»; «Третье отделение к выполнению боевого задания готово. Сержант Козьмин»; «Помоги фашисту в «горе», опрокинь фашиста в море!»; «Ковальчук, подбрось парочку наших шашек, у меня одни американские, боюсь, не отсырели ли. Минаев»; «Мыкола, що ж ты, сучий сын, не мог поглубже ячейку вырыть? Голова же видна, тю, скаженный»; «Принимайся, братцы, за работу, обеспечим дорогу для пехоты! (Здесь же рисунок от руки: боец роет окоп и зажигает дымовую шашку)»; «Стихи писать все горазды, посмотрим, как дымить будете. А я не подведу. Ефрейтор Клименков»; «Роту я не подведу, а фашистам на беду запущу-ка я завесу аж от речки и до лесу»; «Не жалей, ребята, пота, приближается пехота!»; «И что это за стихоплет! Завесу не запускают, а ставят! Надо так: Я ребят не подведу, всем фашистам на беду как поставим мы завесу от дороги и до лесу!»; «Ура, ребята! Пехота пошла! Сергейчук»; «Дымим, братцы, дымим! Передай дальше! Николаев»; «Уж ты, Коля-Николай, дыми, дыми, не зевай. Сашка (шашка Л.П.) зажжется – Николай смеется! Покровский Александр»; «У Покровского у Сашки загорелися три шашки, и от Сашкиной заботы расчихалась пехота»; «Ребят, напротив меня реку уже форсировали, а у вас? Зелепух»; «Коля Зелепух от радости припух!»; «Туши шашки, готовь котелки, повар едет!»; «Мы дымили-дыманули, немцы глазом морганули, и прикроет наша рота путь для матушки-пехоты. Семчук»; «Выполнил задание, затем и досвидания. Иващенко»; «Голуб, ты

куда смотришь, гляди, что с боевым листком сделали?»; «Ребята, отбой, пошли домой!». Именно этот боевой листок и открыл мне глаза на важность сбора фольклора в его письменной форме бытования. Я, к сожалению, только тогда стал собирать надписи на танках («Бьем фашистов в хвост и спину, злобный враг бежит к Берлину!»), на транспарантах («Скоро, скоро Троица, скоро лес покроется, скоро Гитлера убьют, сердце успокоится!») на стенках вагонов (на поезде с демобилизованными воинами: «До свиданья, за граница, мне давно Россия снится!») и т.д.

Обращает на себя внимание важность подобного типа источников для раскрытия настроения и человеческих переживаний солдата в одном из миллионных эпизодов войны. В самом начале записи боевого листка отражают готовность солдат к выполнению боевого задания, повторяют боевой приказ, затем – подчеркивают уверенность в победе наших войск. Но вот река форсирована, дымовая завеса не нужна, напряжение в батальоне спало, и посыпались уже раскованные шуточки – прибауточки, частушки... Как жаль, что боевые листки в массе своей почти не дошли до нас! Какой это превосходный источник для характеристики менталитета бойцов во время боя! Надписи на обороте боевого листка до сих пор обжигают душу, многое говорят о боевом духе фронтовиков, их бесстрашии, о любви к Родине, о верности долгу. Намного больше, чем казенные пропагандистские словеса, которым бывала наполнена литература с безмерным прославлением Сталина.

Нередко мои фронтовые товарищи задавали мне вопрос – а не напрасный ли это труд – фронтовые записи фольклора? «Вот завтра тебя убьют – и что будет с ними?». Конечно, и такой вариант был более чем реален. Друзьям-фронтовикам я отвечал словами Л.Н. Толстого: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет!» Поэтому я старался не хранить при себе эти записи, а при первом же удобном случае отсылал их моим институтским преподавателям – В.И. Чичерову и В.Д. Кузьминой. Они сберегли их и торжественно вручили мне после моей демобилизации.

Конечно, немало из моих фронтовых записей устного народного творчества безвозвратно погибло при бомбежках наших позиций, во время моей контузии. Но все же я уцелел в военной круговерти и сохранил в памяти те военные пути-дороги, на которых состоялись встречи с талантливыми певцами и мудрыми сказочниками, бесшабашными частушечниками, да и просто умудренными жизнью и большим житейским опытом русскими людьми, знавшими цену острому словцу, мудрой пословице, звонкой прибаутке и задушевной песне.

FOLKLORE USAGE AND TECHNIQUES OF FOLKLORIST FROM THE FRONT-LINE

L.N. PUSHKAREV

*Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences*

e-mail: pushkarev@mail.ru

Author presents in the article the records of the Great Patriotic War soldier, who went to the front as a volunteer. Before the war began he was a student at the Moscow pedagogical institute n.a. Karl Libkneht (after the war – Moscow state pedagogical institute n.a. V.I. Lenin). The author explains in his article-memoir his method of collecting the folklore in the troublesome front-line conditions. Supplementing other sources, these materials characterize the way of thinking, spiritual demands, mentality and the moral make-up of a soldier – fighter of the Soviet army during the war years.

Key words: Great Patriotic War, front, hospital, front-line paper, folklore, folk-song, couplet, fairy tale.

О СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ УЧАСТНИКАХ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ И ИХ ВООРУЖЕНИИ

С.Я. БЕРЕЗИН¹⁾
Е.И. НАРОЖНЫЙ²⁾

*Армавирский государственный
педагогический университет*

¹⁾ e-mail: zai_ein@mail.ru

²⁾ e-mail: cai_arm@mail.ru

Вынесенная в заглавие тема не только нова, но и актуальна. Рассматриваемая книга не только позволила массовому читателю представить себе северокавказских участников Куликовской битвы, сражавшихся против русских дружинников на стороне Мамаю, но и судить об их комплексе вооружения. Вместе с тем возникает вопрос о степени достоверности предложенной реконструкции, который и рассматривается в данной статье.

Ключевые слова: Куликовская битва, участники, Северный Кавказ, версия, реальность.

Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва: 1380 год. Серия: «Военный музей». М.: Издательский центр «Экспринт». 2001. 84 с.

Выход в свет хорошо иллюстрированной и красочно оформленной книги – «Куликовская битва. 1380 год», стал заметным событием не только в дальнейшем изучении истории этого сражения. Ее авторы попытались представить массовому читателю противников русских дружинников, сражавшихся против них на стороне Мамаю. Среди них упоминаются и выходцы с территории Северного Кавказа, а на отдельной таблице демонстрируется набор предметов их защитного и наступательного вооружения (Рис. 1). Для удобства мы воспроизводим этот рисунок, поскольку показанные на нем образцы вооружения, на наш взгляд, вызывают потребность в некоторых комментариях. Впрочем, некоторых уточнений требует и вопрос о конкретном, северокавказском «представительстве» в составе наемного воинства Мамаю.

Русские источники, сообщая о политической ситуации внутри Золотой Орды перед Куликовской битвой, сообщали, что в результате мятежа Мамаю Золотая Орда распалась на две части, границей между которыми была река Волга. «Районы между Волгой и Доном, Северный Кавказ, Причерноморские степи и Крым находились под властью Мамаю»¹. Уже на этом основании можно предполагать о достоверности сведений источников, повествовавших о таком участии в Куликовском сражении некоторых северокавказских отрядов, выступивших на стороне военных сил Мамаю. В частности, источник свидетельствовал: наряду с призванными под его знамена «силою лядскою и половецкою», Мамаю «понаймывал рати Бессермены и Армении, и Фрязи, Черкесы, и Ясы и Буртасы»². Этот лаконичный перечень хорошо известен специалистам и привлекал к себе внимание уже не один раз³. Одной из последних по времени

¹ Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 190-191.

² ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Определенные затруднения здесь вызывает лишь отождествление летописных «лядов» (С. 79), под которыми летописец подразумевал, скорее всего, литовцев или поляков.

³ О половцах на Северном Кавказе см.: Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. Т. 2. С. 120-223; Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставропольской возвышенности (по археологическим данным) // Материалы по изучению истории Ставропольского края. Вып. II. Ставрополь, 1964. С. 164-195; Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецкое и золотоордынское время. Донецк, 2003. Т. 3. С. 245-274; Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005. С. 68-120; Нарожный Е.И. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения // Средневековая археология Евразийских степей: Материалы Учредительного съезда международного Конгресса. Казань, 2007. Т. I. С. 204-212.

попыток конкретной идентификации перечисленных в источнике этнонимов является версия В.Л. Егорова, на которой, также, следует остановиться вновь, т.к. предложенное им еще в 1980 году отождествление, на наш взгляд, нуждается в уточнениях.

В.Л. Егоров пишет: «Кто в этом списке понимается под бессерменами, трудно сказать, ибо в летописях этим термином обозначаются мусульмане вообще. Однако не исключено, что летописное указание может относиться и к мусульманским отрядам, завербованным в Азербайджане, связи которого с Золотой Ордой имели давний характер. Такой же отряд наемников был приглашен и из Армении. В среде армянских феодалов, видимо, было довольно широко распространено наемничество. ... Под именем летописных фрязей фигурируют отряды из итальянских городов-колоний южного берега Крыма и Таны в устье Дона. ... Жившие на Северном Кавказе черкесы и ясы (осетины), а также средневековые буртасы находились в полной вассальной зависимости от правителей Золотой Орды, т.к. районы их расселения составляли часть территории этого государства»⁴.

Ныне можно предложить и несколько иной вариант отождествления. Впрочем, определенные сомнения вызывает и тезис о «вассальной зависимости» от Мамаю значительной части населения, упоминаемых летописью и которые, на что следует обратить внимание особо, не были просто мобилизованы, а Мамаю вынужден был их «понаймовать», т.е., нанять и, вероятно, на основе материального вознаграждения за эту военную услугу.

В первую очередь, источник указывает на приход к Мамаю отрядов, состоявших из «лядов» (литовцы или, скорее всего, поляки – ?) и половцев. Северный Кавказ, включая и его северо-западные районы, а также территории вплоть до нижнего течения Дона, действительно, еще с «домонгольского» времени являлись зоной половецких кочевий. Не очень существенно изменился ареал половецких территорий и внутри Золотой Орды⁵. Следует согласиться с В.Л. Егоровым и в том, что под «бессерменами» русская летопись могла подразумевать не столько конкретную этнокультурную группу, сколько, конфессиональную специфику этих отрядов, состоявших, скорее всего, мусульман. Однако, вряд ли, такие отряды были обязательно с территории современного Азербайджана. Наиболее вероятнее полагать, что речь идет о разнотнических группах кочевников-мусульман с южного берега Крыма, или же, что более вероятно, с территории Приазовья, где ныне известны мусульманские захоронения кочевников середины-второй половины XIV века⁶.

Достаточно сложно определить происхождение отрядов Мамаю, состоявших из «армени» – армян летописного перечня. Однако, вряд ли, это были отряды наемников, пришедших к Мамаю, якобы, с территории исторической Армении. Более реально обратить внимание на то, что, согласно итальянским документальным источникам этого времени, представители армянской диаспоры достаточно заметно присутствовали в торговых факториях Приазовья и Причерноморья. Источники сохранили сведения не только об армянских купцах и торговцах Приазовья и Причерноморья, но и упоминали о неких «казаках» – армянах, известных наряду с «казаками из Самастро», «казаками» – мингрелами, авасгами и выходцами из Лигурии, которые находились в итальянских торговых факториях Причерноморья на военной службе, будучи нанятыми за плату, для охраны таких факторий⁷.

⁴ Егоров В.Л. Золотая Орда... С. 190-191.

⁵ Минаева Т.М. К вопросу о половцах... С. 179-182; Нарожный Е.И. Средневековые кочевники... С. 109-120; Нарожный Е.И. О половецких изваяниях... С. 272-274; Нарожный Е.И. Этнокультурный состав... С. 210-212.

⁶ Чхайдзе В.Н. Кочевнические погребения из раскопок Старотиторского курганного могильника на Таманском полуострове // Археологический журнал. Армавир. 2008. № II. С. 70-80.

⁷ Карпов С.П. Итальянские морские Республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 50-90 и сл.

Несколько необычно воспринимаются сведения о «казаках» итальянских документов вообще, впрочем, как и о «казаках»-кавказцах, принимаемых за плату для охраны факторий. Однако если следовать наблюдениям одного из лидеров французской "Школы анналов" – Ф. Броделя, итальянские морские Республики (Генуя, Венеция, Флоренция) в этот период находились на стадии активного развития в них ранних, протокапиталистических отношений⁸. Тогда, вполне реально допускать, что аналогичная система взаимоотношений была привнесена итальянцами из их метрополий и на территорию Приазовья – Причерноморья, где она успешно развивалась внутри факторий⁹. По всей вероятности, это и объясняет феномен наемничества, активно развивавшийся не только внутри итальянских факторий, но и за их пределами. На этом фоне допустимо предположить, что большинство из упоминаемых русской летописью наемников Мамаю – такие же «казаки», оказавшиеся у Мамаю не в силу их зависимости от него, а из-за предложенной им оплаты военной услуги.

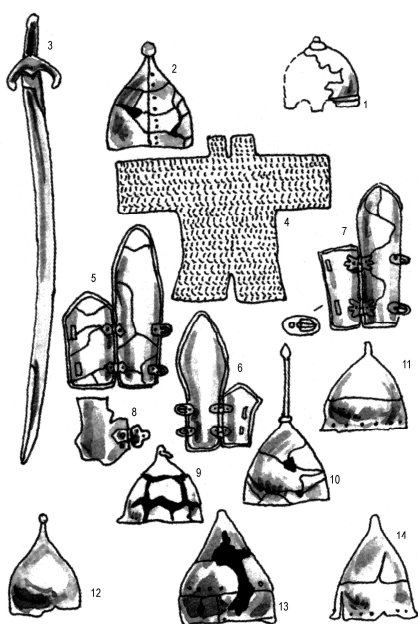

Рис. 1. Предметы вооружения северокавказских участников Куликовской битвы 1380 года (по: Шербаков А., Дзысь И. Куликовская битва: 1380 год. Серия: «Военный музей». М.: Издательский центр «Экспринт». 2001. С. 24)

На Северном Кавказе ныне известны и находки отдельных надгробных камней с армянской эпитафикой – хачкаров. Один такой хачкар, случайно обнаруженный в окрестностях современного г. Темрюка на Тамани¹⁰. Второй надгробный камень был найден на территории золотоордынского города Маджара (современный город Буденновск на Ставрополье)¹¹. Известно и о существовании на р. Белой (Краснодарский край) армяно-григорианской церкви св. Георгия, построенной и функционировавшей в XIII – XIV вв.¹² Есть и многочисленные сведения об армянских обитателях золотоордынского времени в Крыму и в бассейне Ниж-

⁸ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1992. С. 3-48 и сл.

⁹ Нарожный Е.И. Средневековые европейские цивилизации и их приазово-причерноморская ойкумена в 13–14 вв. // Античные цивилизации и варварский мир (Материалы 7-го международного археологического семинара; Краснодар, 8-11 июня 1999 года.). Краснодар, 2000. С. 113-115.

¹⁰ Волков И.В. Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 72-73.

¹¹ Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах. Армавир – М., 1996. С. 213-214.

¹² Пьянков А.В. О церкви св. Георгия, построенного армянским зодчим в XII. в. на р. Белой // Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 99-107; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации "области Кремух" и о Белореченских курганах // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 124-149.

него Дона. Итальянские письменные источники конкретными этнонимами называют и «новые» группы «нелатинян», сформировавшихся внутри итальянских факторий Причерноморья, на основе брачных связей, например, матерей-армянок и их мужей-итальянцев, черкесов и т.д.¹³

Таким образом, есть все основания для того, чтобы воинские отряды, целиком состоявшие из «Армени», можно было сопоставлять с представителями армянских диаспор, обитавших на территории Северо-Западного Кавказа, Нижнего Дона или Крыма, но, отнюдь, как пришедших для найма из Армении.

В отношении «фрязей» того же источника, следует согласиться с В.Л. Егоровым в предлагаемой им идентификации последних с и европейски (итальянскими) обитателями торговых факторий, но не только с южного берега Крыма, а скорее всего, из Приазовья и Восточного Причерноморья. «Черкесы» летописи – это адыгоязычные обитатели Северо-Западного Кавказа. Несколько сложнее кажется нам проблема идентификации "асов" того же источника. Действительно, разноязыкая письменная традиция эпохи средневековья, упоминает этнонимы "асы" и "аланы", как названия разных средневековых этносов; в других же случаях эти же этнонимы весьма часто рассматриваются как разные названия одного и того же этноса, ныне сопоставляемого с средневековыми предками современных осетин Северного Кавказа¹⁴.

Вместе с тем, византийские авторы, к примеру, хорошо знавшие алан Центрального Предкавказья и сообщавшие о том, что они были "покорены татаро-монголами" уже в первой половине XIII века, неустанно указывают на перманентные миграции алан, шедшие от Главного Кавказского хребта в сторону Черного и Азовского морей¹⁵. По поводу этого процесса, как считается, на одном из соборов в Константинополе (1276 г.) специально разбирался вопрос о "депопуляции и дезурбанизации" в Алании¹⁶. В любом случае, именно в Причерноморье «асов» знают и более поздние источники, среди которых – персидские авторы, описывавшие маршруты передвижений здесь войск эмира Тимура через полтора десятилетия после Куликовской битвы¹⁷. Любопытно, что эти «асы» занимали целые «области», а управляли ими люди с явной тюркской ономастикой¹⁸. Аланские погребальные комплексы XIV века ныне упоминаются некоторыми исследователями и в районе современного Сочи, например, среди погребенных могильника «Садовые культуры»¹⁹. Следовательно, «асов» русских летописей, которые приняли участие в сражении 1380 года на стороне войск Мамаю, можно «выводить» не столько с территории центральных районов Северного Кавказа, сколько с территории Северо-Западного Кавказа.

Что же касается «буртасов» летописи, то под этим этнонимом, как справедливо отметил В.Л. Егоров, традиционно воспринимают население среднего течения Дона²⁰.

¹³ Еманов А.Г. Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII-XV вв.) // Из истории Византии и византиеведения. Л., 1991. С. 107-119.

¹⁴ Егоров В.Л. Золотая Орда... С. 190-191.

¹⁵ Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 129 и сл.

¹⁶ Малахов С.Н. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII-XVI вв. // Аланы, Западная Европа и Византия (ALANICA-1). Владикавказ, 1992. С. 190.

¹⁷ Нарожный Е.И. О движении войск Тимура с Нижней Кубани (Историко-археологические ориентиры) // Первая Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю.Н. Воронова: «Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия». Мат-лы конференции. Сухум, 2006. С. 257-261.

¹⁸ Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. 4. С. 105-127.

¹⁹ Овчинникова В.Б. Итоги полевых исследований Лоовской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997. С. 10-45.

²⁰ Егоров В.Л. Золотая Орда... С. 190-191; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асско-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. С. 4-12 и сл.

Таким образом, если следовать предложенным отождествлениям, можно предполагать: в составе войск Мамая, помимо подвластных ему кочевников, были и отряды наемников с территории Северо-Западного Кавказа и Дона, в числе которых вошли причерноморские аланы, армяне из прибрежных факторий, черкесы, какие-то группы кочевников-мусульман и буртасы с территории Среднего Подонья. Если брать за основу предлагаемую идентификацию, можно считать, что и комплекс их вооружения должен быть самым разнообразным. Однако в силу отсутствия конкретных и общепринятых представлений о воинском арсенале за исключением аланов и черкесов²¹, тех же армян и буртасов сегодня вряд ли возможно предложить хоть какие-то обобщения на этот счет или же конкретно представлять комплекс традиционного вооружения того или иного, северокавказского участника Куликовской битвы. Тем не менее, А. Щербаков и И. Дзысь, хотя бы в общих чертах, такой комплекс вооружения представили широкому кругу читателей их книги²², и нам остается лишь прокомментировать предметы комплекса вооружения северокавказских участников Куликовской битвы, представленных указанными авторами (см. рис. 1).

А. Щербаков и И. Дзысь, публикуя данный рисунок (на стр.24), далеко не всегда указывают на то, откуда конкретно, те или иные предметы защитного и наступательного вооружения «северокавказских участников Куликовской битвы» происходят. Тем самым, заинтересованный читатель лишается возможности реально проверить предложенное отождествление. Между тем, значительная часть изображенных на том рисунке предметов вооружения вполне узнаваема и сопоставима с конкретными публикациями, из которых она и попала на страницы рассматриваемой книги. Это и позволяет нам комментировать опубликованный А. Щербаковым и И. Дзысем комплекс вооружения северокавказских участников Куликовской битвы.

Железный и сильно фрагментированный шлем (см. рис. 1, 1), достоверно связан с разрушенным позднекочевническим захоронением у сел. Новотерское (Наурский район современной Чечни); впервые он был введен в научный оборот Д.Ю. Чахкиевым²³, а затем, с некоторыми уточнениями, М.В. Гореликом²⁴. Д.Ю. Чахкиев расценивал весь погребальный комплекс, включая и этот шлем, как половецкий; М.В. Горелик отнес интересующий нас шлем к числу сугубо "монгольских"²⁵. Да и само погребение, имевшее северную ориентировку, вкупе с другими предметами его погребального инвентаря ныне трактуется "монгольским" и отнесено ко времени не ранее конца XIII – начала XIV века²⁶. Другими словами, этот тип шлемов, имевших к тому же оригинальное бронзовое наведшие, аналогичное навершиям, встреченным еще на трех «монгольских» шлемах с территории Восточной Европы²⁷, бытовал, как минимум, за 50-100 лет до Куликовской битвы. Возможность использования такого типа боевых наголовий северокавказскими участниками сражения на Куликовом поле слишком маловероятна.

²¹ Горелик М.В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV "Крупновские чтения"). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 136-140; Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 293-300.

²² Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва: 1380 год. Серия: «Военный музей». М., 2001. С. 24.

²³ Чахкиев Д.Ю. Богатое погребение воина-кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 90-134.

²⁴ Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 130-180.

²⁵ Там же.

²⁶ Нарожный Е.И. Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого-историческое исследование). Автореф. дис... к.и.н. Воронеж, 1998. С. 3-6.

²⁷ Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Том 1. Материалы семинара. М.: ГИМ, 2008. С. 47-60.

Если обратить внимание на рисунок второго шлема (см. рис. 1, 2), сабли (см. рис. 1, 3), кольчужной рубахи (см. рис. 1, 4), пары наручей-«базубандов» (см. рис. 1, 5, 7), то и они достоверно идентифицируются с разрушенным комплексом погребения ингушского воина, исследованного в окрестностях горно-ингушского сел. Верхний Алкун. Весь комплекс был полностью опубликован в 1990 году²⁸. Нет смысла комментировать весь набор предметов вооружения из этого захоронения, поскольку в нем, кроме оружия, была и пара серебряных монет, в свое время определенных проф. МГУ Г.А. Федоровым-Давыдовым. Монеты биты в Хаджи-Тархане от имени Пулад-хане в самом начале XV века, т.е., через четверть века после Куликовской битвы. К тому же, предков ингушей среди участников Куликовской битвы, русская летопись не упоминает, да и не могла указать в принципе: зона традиционного обитания средневековых ингушей, считается, в состав Золотой Орды никогда не входила²⁹. Да и все предметы вооружения, происходящие из захоронения ингушского воина у сел. Верхний Алкун, являлось, скорее всего, «трофейным» по происхождению. Но и сами «трофеи» вряд ли имели какое-либо отношение к современникам событий на Куликовом поле, поскольку могли попасть в распоряжение горцев лишь в самом начале XV столетия, когда на Северо-Восточном Кавказе уже господствовали кочевые орды, ставшие основой будущего Астраханского ханства, либо же, Большой Орды.

В той же самой публикации А. Щербакова и И. Дзыся приводится еще один целый (см. рис. 1, 6) и второй, фрагментированный, наручи (см. рис. 1, 8). Первый образец связан с горно-ингушскими древностями, также относимыми к посткуликовскому времени. Фрагментированный наруч происходит из раскопок С.Ц. Умарова, исследовавшего поселение конца XIV- начала XV вв. в высокогорной Чечне, близ средневекового сел. Цеча-Ахк³⁰. Остальные шлемы также легко идентифицируются. Все они (см. рис. 1, 9-14) – из погребальных комплексов высокогорья Ингушетии, датированы посткуликовским временем.

Таким образом, установив по свидетельствам письменных источников реальный состав северокавказских участников битвы на Куликовом поле, нанятых за плату Мамаем, мы можем констатировать достаточно широкое участие северокавказцев на его стороне не только с территории Северо-Западного Кавказа, но и из Крыма, а также Нижнего Дона. Довольно «пестрый» этнокультурный состав этой части участников сражения предполагает и возможность использования ими самых разнообразных образцов вооружения. Попытка А. Щербакова и И. Дзыся опереться на известные им образцы защитного и наступательного вооружения только с территории Северо-Восточного Кавказа, вряд ли позволяет судить о том, как были экипированы северокавказские участники сражения. Опора на археологические материалы, происходящие только из высокогорной Ингушетии, к тому же, как считается ныне, не входившей в состав Золотой Орды, лишь отчасти может сориентировать заинтересованного читателя книги, ибо все предметы вооружения оттуда ныне связываются с заимствованиями, полученными горцами, причем, разными путями, из золотоордынской среды задолго до Куликова поля. Другие же, оказались в горах значительно позднее этого события, но, в любом случае, такие образцы вооружения могут иллюстрировать специфику золотоордынского комплекса вооружения, а не комплекс вооружения северокавказских участников Куликовской битвы.

Вместе с тем, в последние десятилетия заметно активизировался интерес специалистов к археологическим материалам, связанным с комплексом вооружения тех или иных обитателей Северного Кавказа. Возможно, что дальнейшая и целеустрем-

²⁸ Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина нач. XV в. из с. Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 129-140; Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.2. Армавир, 2003. С. 116-153.

²⁹ Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Грозный, 1982. С. 56-78.

³⁰ Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного... С. 152. Рис. 10,2.

ленная работа в этом направлении позволит более конкретно вести речь о комплексе вооружения тех или иных выходцев с Северного Кавказа, включая и тех из них, которые в 1380 году в составе воинских подразделений Мамай, действительно могли участвовать в сражении на Куликовом поле.

ABOUT NORTHERN CAUCASIAN PARTICIPANTS OF KULIKOVSKAYA BATTLE AND THEIR ARMAMENTS

S.Ya. BEREZIN¹⁾
E.I. NAROZHNYI²⁾

*Armavir State
Pedagogical University*

¹⁾ e-mail: zai_ein@mail.ru

²⁾ e-mail: cai_arm@mail.ru

The subject submitted as the title is not only new, but actual as well. The examined book not only made it possible for the general reader to realize the enumeration of North Caucasian participants in Kulikovskaya battle who fought against Russian combatants on the side of Mamay, but also to judge the complex of their armaments – all this arouses certain resonance. At the same time there arises a question concerning the degree of reliability of the suggested reconstruction, which the authors of the above-mentioned article are trying to clear out.

Key words: Kulikovskaya battle, participants, Northern Caucasus, version, reality.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.01

НЕОСИСТЕМНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: ПОЗДНИЙ СИСТЕМНЫЙ СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ

М.М. СМЕРНОВ

*Научно-исследовательский
центр Московского
городского университета
управления
Правительства Москвы*

e-mail: Mm-vol@ya.ru

Статья посвящена анализу поздней версии системной структурно-функциональной теории (1990 г.). Она стала развитием одной из основополагающих теорий мировой политологии 50-60-х годов прошлого века. Автор исследует процессы формирования системных и процессуальных функций в политической системе, а так же влияния этих функций на политическую культуру социума.

Ключевые слова: политическая система, системные теории, структурный функционализм, политический анализ, политическая культура, социализация, политический контент.

Структурно-функциональное направление в политической науке появилось в США после Второй мировой войны и постепенно стало одним из основных трендов мировой политологии. Действительно, системный структурный функционализм дает теоретико-методологическую основу для разработки оригинальных методик прикладных политических исследований, которые, базируясь на системном понимании природы социально-политических событий, могут обрести большее прогностическое значение.

Изложенные в 50-60 годы прошлого века Габриэлем Алмондом и другими классиками структурного функционализма системные концепции много критиковались в мировой политической науке с самых разных парадигмальных позиций – от марксизма-ленинизма до конфликтных теорий. Однако, основной объем критики и комментариев пришелся на 60-80 годы, был еще всплеск в отечественной литературе в начале 90-х, потом тематика политической культуры стала уходить на второй план. Еще раз обратим внимание, что и отечественная и зарубежная политическая наука обсуждала и критиковала именно классический системный структурный функционализм. Но ведь есть еще и поздняя версия этой политологической теории, опубликованная уже после – в начале 90-х годов.

Нам представляется целесообразным обратить внимание на эту, оставшуюся без должного внимания, позднюю версию теории Г. Алмонда и разработать дальше теорию системного структурного функционализма в направлении качественного анализа политических процессов, изучения тех аспектов социально-политической жизни, которые оставались «за кадром» при исследованиях в традиционных парадигмах институционализма (сдержек и противовесов), экономического детерминизма и классовой борьбы.

Следует еще раз признать, что именно феномены, на которые обращено внимание в теориях структурного функционализма – ценностно-чувственные отношения граждан к политике – и обуславливают специфику социально-политической жизни нации. Важно, что теории структурного функционализма не просто констатировали наличие этого культурно-психологического аспекта, но попытались создать стройную научную схему их исследования, опираясь при этом на методологию структурного функционализма. Теоретики структурно-функционального направления перешли от общеинтуитивных суждений о восприятии гражданами политики к конкретному анализу отношений к отдельным элементам, структурам и функциям политической системы.

Так Алмонд, выделив три уровня элементов и функций политической системы (уровни собственно системы, процесса и осуществления политических решений) и функции «на входе» и «на выходе», создал методологическую основу для анализа любой политической системы. Например, тоталитарная политическая система будет характеризоваться пассивным отношением (речь идет о существе, а не о форме – формально это может быть активное политическое участие, как, например, в выборах в советские времена) к функциям «на входе» системы и «сакральным» отношением к процессуальным функциям (формирование политических линий групп интересов, непосредственно подготовка и принятие политических решений – *policy making*, и т.д.). А в демократической политической системе «западного образца», напротив, присутствует активное отношение к функциям «на входе» системы и рационально-критическое отношение к процессуальным функциям.

Описывая системные функции, классическая теория системного структурного функционализма первостепенное значение придает функции социализации. Социализация – это многогранный перманентный процесс включения взрослеющего ребенка в общественно-политическую жизнь, или, используя термин Аристотеля, процесс делания обществом из ребенка «политического животного». Этот процесс, который и определяет качество исходного материала политической системы – людей (акторов, граждан), происходит в некоей атмосфере принятых в обществе норм и моделей социально-политического поведения. Именно эта атмосфера, по мнению Габриэля Алмонда, и определяет качество политической системы, накладывая свой специфический («фирменный») отпечаток на системные функции, функции процесса *policy making* (принятия политических решений) и осуществления власти (администрирования).

По аналогии с парсоновской функцией поддержания образцов поведения, Алмонд сформулировал функции политической социализации и рекрутирования, определив их как «процесс вхождения в политическую культуру», приводящий к формированию взглядов, ценностных стандартов и убеждений в отношении политической системы. Социализация происходит через институты общества (по алмондовской терминологии – «агенты социализации»), к которым относятся семья, школа, церковь, социетальные объединения, осуществляющие до-политическую («общую») социализацию, давая вступающему в жизнь человеку первичное представление о власти и процессах принятия решений. Вслед за Парсонсом, Алмонд говорит о такой переменной как дихотомия аффективной нейтральности, которая играет особую роль в политической социализации, так как предполагает усвоение определенных норм (например, лояльности по отношению к существующей системе – аффективный аспект), а так же оценочных навыков результатов деятельности системы без предварительных предположений (аффективная нейтральность). В то же время, политическая социализация может быть универсальной или партикулярной – индивид одновременно выступает во множестве ролей, каждая из которых накладывает на ее исполнителя определенные требования. В примитивных политических системах социализация носит, как правило, диффузивный характер, а тоталитарные системы – пример крайне жестко определенных социально-политических ролей и режима их восприятия.

Попытки всестороннего объяснения логики социально-политического процесса в категориях системных теорий вызывали критику тех ученых и практиков, которые мыслят в рамках иных парадигм. В основном эта критика сводится к двум направлениям: 1) обвинениям в недостаточной прикладной и прогностической ценности системного структурного функционализма, и 2) упреками в апологетике стабильности системы как высшей ценности, а, следовательно, в консерватизме.

Однако, системный структурный функционализм, во-первых, формулирует теоретико-философский взгляд на политическую систему и потому некорректно ожидать от этой теории прямой прикладной эффективности. Системный структурный функционализм создает теоретико-методологическую основу для прикладных исследований, а сами эти исследования дело политологов. Во-вторых, с нашей точки зрения, консерватизм Г. Алмонда, С. Вербы, Т. Парсонса, Э. Шилза и др. носит конструктивный характер, так как предполагает развитие, совершенствование системы и закрепление результатов этого движения вперед. И в этом плане политическая философия структурного функционализма является развитием классических идей консерватизма Э. Бёрка, Г. Гегеля, А. Токвиля и их последователей, а так же перекликается с современными консервативными теориями Р. Даля, С. Липсета, Д. Белла и других. Современные исследователи (в том числе и отечественные) существенно дополнили классические системные теории и увязали их с современными цифровыми методами исследований (например, теория политического контента).

Для нас важно отметить, что теория системного структурного функционализма дает теоретико-методологический ключ к пониманию внутренней логики социально-политических явлений и процессов, скрытой от других, более «приземленных» и прикладных подходов. Для иллюстрации этого хотелось бы воспроизвести рассуждения Г. Алмонда из его поздней книги «Разделенная дисциплина» (1990 год).

В разделе «Теория рационального выбора и социальная наука» Алмонд polemизирует с представителями теории рационального выбора (А. Даунс, У. Райкер, Дж. Бьюкенен), которые выступили с критикой системных теорий. Теория рационального выбора представляет собой классический пример попытки философского обоснования прагматизма в политической науке. Признавая прикладную продуктивность теорий рационального выбора (в организации политических кампаний, организации государственных структур в развивающихся странах)¹, Алмонд отмечает, что эти теории игнорируют культурно-ценностные и психологические аспекты политического процесса, и, поэтому, упускают его существенную детерминанту. Так, называя критерием развития страны ее экономический рост (что само по себе возражений не вызывает), они подходят к проблеме чисто экономически, не замечая таких факторов, как, например, этическое отношение нации к экономике, которое является глубинной детерминантой экономического развития².

Действительно, новейшая история показала, что экономические преобразования, идущие по одному и тому же рыночному сценарию, в одних странах приводят к экономическому «чуду», а в других – к экономическому кризису. Вывод об этической и психологической детерминанте напрашивается сам собой – и его сделал еще Макс Вебер в «Протестантской этике». Алмонд развивает эту логику, и надо сказать, что в критике теорий рационального выбора с этих позиций он не одинок: аналогичные точки зрения высказывают Л. Пай³ и Р. Инглхарт⁴.

Значение теории политической культуры для понимания политического процесса отмечают многие современные отечественные и зарубежные ученые. Так, О. Шабров отмечает, что если сущность человека – это культура, то сущностью чело-

¹ Almond G. A discipline devided. SAGE Publication Inc, Cal., 1990. P. 134.

² Ibid. P. 134-135.

³ Pye L. The mandarin and cadre. Mich. Univers. Press, Ann Arbor, Mich., 1987.

⁴ Inglehart R. The renaissance of political culture / American Political Science Review. 1988. 82(4). P. 1203-1230.

века в той его части, которой он включен в политический процесс, – человека политического, или *homo politicus*, – является политической культурой. А характер политической системы во многом определяется политическим поведением и политической культурой основной массы членов общества. При этом массовая политическая культура способна устанавливать собственные границы демократическим преобразованиям и развитию самоуправления. От нее же будет зависеть и экстракционная возможность конкретной политической системы: попытки извлечь из гражданского общества то, чего там нет, наивны и не так уж безвредны. Они требуют «выкручивания рук» и неизбежно завершаются диктатурой авторитарного режима⁵.

Если же говорить о возможности прикладного применения системного структурного функционализма, то прежде всего необходимо отметить, что как методологический подход, данная теория (особенно в ее модернизированном виде) имеет опосредованное прикладное значение – через те методики конкретных политических исследований, которые основаны на философии данного подхода. Примеры таких исследований приводит, в частности, Алмонд в «Разделенной дисциплине», где содержатся отдельные главы по таким проблемам, как формирование и внутренняя иерархия корпораций (в том числе и политических), борьба и баланс интересов внутри них и т.д.⁶; социально-политическое развитие стран «третьего мира»⁷; международная политика и международные отношения⁸.

Будучи творческим развитием предыдущих теорий политического психоанализа, влияния национального характера и менталитета на политическое поведение, теории системного анализа рассматривают общество как совокупность взаимосвязанных элементов, находящуюся в определенном окружении. Имея универсальное и междисциплинарное методологическое значение, теории системного анализа оказали воздействие на формирование и других научных парадигм, например, в области политической мысли современные конфликтные теории заимствовали системный подход к рассмотрению общественных явлений, а у теории плюрализма – органистический взгляд на политический процесс.

В ходе социализации, которая рассматривается нами как важнейшая системная функция, происходит формирование политических ориентаций населения, тех когнитивных, чувственных и оценочных восприятий политической жизни, которые, в конечном счете, детерминируют качество политической системы. Следующий этап формирования качества политической системы – то, что Алмонд называет процессуальными функциями. Используя терминологию и логику Алмонда их можно разделить на процессуальные функции непосредственно «делания политики» (принятия политических решений); «входные» процессуальные функции артикуляции интересов и формирования заинтересованных групп давления; и «выходные» процессуальные функции направления политических решений административному звену.

К «входной» части процессуальных функций мы отнесли функции артикуляции и объединения интересов. Функция артикуляции интересов, собственно говоря, означает начальный этап участия людей в политике, поскольку, функции социализации, рекрутирования и коммуникации, хотя и определяют качество отношения к политике, не включают в себя участие в политике. Важнейшую роль в реализации функций коммуникации и артикуляции играют средства массовой информации. Причем в современную цифровую постиндустриальную эпоху их роль возросла как количественно, так и качественно. С развитием «всемирной паутины» и локальных компьютерных сетей накопление как текстовых, так и нетекстовых материалов о социально-политической действительности происходит лавинообразно. Во многом по

⁵ Шабров О.Ф. Эффективность политического управления (системно-кибернетический подход). М.1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: sabrov.info/dis_doc.htm

⁶ Almond G. A. Op. cit. P.173-188.

⁷ Ibid. P.219-262.

⁸ Ibid. P.263-289.

этой причине осмысление контента затруднено, а следовательно и осуществление коммуникативной и артикуляционной функции политической системы делается более сложным. Другая трудность, согласно теории политического контента, состоит в том, что с появлением мультимедийных средств, способных воздействовать на чувства человека, углубляется зависимость языковой информации от внеязыкового контента: все большее количество сведений транслируется с помощью знаков, передаваемых без помощи текста⁹.

В процессе реализации функций коммуникации и артикуляции интересов информационное пространство вообще и политический контент в частности являются полем фактов, на котором происходят столкновения частных интересов и мнений, что приводит к появлению разнообразных интерпретаций этих фактов. В этой связи весьма важным представляется создание аналитического механизма, который на основе рассмотрения частных интерпретаций, опубликованных в открытой прессе, позволил бы создать с заданной точностью общую картину социально-политической реальности, по возможности вскрыв движущие мотивы элиты, а также факты, которые элита пытается скрыть от общественности. Накопление и уточнение сведений даст возможность шаг за шагом приблизиться к постижению истинного положения дел.

В ходе артикуляции интересов и их последующего объединения происходит политическая самоидентификация людей и формирование групп, обладающих политическим корпоративным интересом. Дальше происходит реализация этого корпоративного интереса в «продавливание» нужных политических решений, влияние на расстановку кадров в непосредственно-властном эшелоне политической элиты и т.д. («входная» функция системы).

Этапы непосредственно «делания политики» (policy making) и осуществления политических решений «на выходе» в меньшей степени зависят от политической культуры нации, хотя и должны ее учитывать. На этих этапах большую роль играет то, как властвующая элита понимает и интерпретирует политические ориентации населения, чем собственно воздействие этих ориентаций через интериоризованные черты менталитета членов элиты.

При поверхностном подходе к исследованию политической системы привлекают внимание и кажутся наиболее важными, обычно, непосредственно политические функции административного управления, регулирования общественной жизни и распределения ценностей. Теория системного структурного функционализма же уделяет этой группе функций меньшее внимание, так как, согласно ей, для качества системы и внутренней логики ее стратегического развития эти внешне наиболее заметные функции имеют менее выраженное значение по сравнению с иными функциями.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

- поздний системный структурный функционализм начала 90-х преодолел многие недостатки классических системных теорий и концепции политической культуры, а так же конструктивно учел (и даже отчасти включил в себя) критику конкурирующих парадигмальных концепций;

- в этой связи, а так же в связи с открывающимися новыми инструментариями обработки информации эпохи Интернета и методологиями анализа и моделирования (например, теория политического контента) представляется целесообразным и перспективным в гносеологическом и прикладном планах дальнейшее развитие теории системного структурно-функционального анализа.

⁹ Яковлев И.Г. Семантика политического контента (социологический аспект). М., 2005.

NEOSYSTEM POLITICAL SCIENCE: LATE SYSTEM STRUCTURAL FUNCTIONALISM

M.M. SMIRNOV

*Research Centre
of the Moscow City University
of Management
of the Government of Moscow*

e-mail: Mm-vol@ya.ru

The article is devoted to analysis of the late version of the system structurally functional theory (1990). It became development of one of basic theories of world political science in 50-60 years of the last century. The author investigates processes of formation of the system and process functions in political system, as well as influences of these functions on political culture of the society.

Key words: political system, system theories, structural functionalism, political analysis, political culture, socialisation, political content.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРИЙ)

Д.С. КОКОРХОЕВА

*Ингушский
государственный
университет*

e-mail: dugurhan@mail.ru

В статье проведен сравнительный анализ современных теорий институтов политической власти. Выявлены возможности нормативного, социологического и исторического институционализма в изучении политической власти современной России.

Ключевые слова: институт политической власти, теории политических институтов, сравнительный анализ.

Исследования институтов власти относятся к приоритетным направлениям современной политической науки. Не претендуя на исчерпывающее исследование институционального подхода на теоретико-методологическом уровне, мы проведем сравнение теорий политических институтов власти, созданных в современной мировой политологии.

Цель статьи – выявить эвристические возможности основных теорий институтов власти применительно к анализу современной политической системы России.

Первоначальный (классический) институционализм применял описательно-индуктивный подход к правовым нормам, формализованной структуре и задачам системы государственной власти. Основное внимание в общей совокупности институтов политики уделялось государственным органам власти, их правовому статусу и официальным целям деятельности. Таковы работы В. Вильсона, К. Фридриха, Дж. Брайса, Т. Коула, М. Вебера¹. Например, М. Вебер считал институты общественными учреждениями, обладающими рациональными установлениями, на которые обязан ориентироваться любой индивид в обществе. Институт обладает аппаратом принуждения, обеспечивает посредством принудительных санкций поведение людей в соответствии с общественно принятыми нормами. М. Вебер различал институты как рациональные и формализованные объединения, а также союзы (семью, патриархальное политическое сообщество, религиозную общину)². Вплоть до 1980-х гг. институты расценивались в мировой политической науке как формализованные состояния объектов, законы или производные от них распределения компетенций, методы властвования³.

В середине 1980-х гг. складывается обновлённый институционализм (неоинституционализм). Он отличается от классического институционализма по целому ряду важнейших аспектов⁴. Источником воспроизводства институтов признаётся легитимность в массовом сознании, а не правовые нормы. Когнитивной основой политического порядка считается не обязательства, а привычки и практические действия. Формальная структура общества рассматривается как символически обусловленная, а не юридически заданная. Акцент смещается от анализа организаций к исследованию сообществ и пространств (полей). Особенности неоинституционализма проявляются в том, что политические институты трактуются в свете взаимодействия формальных

¹ Friedrich C.J/ Constitutional Government and Democracy: Theory and Practice in Europe and America. Boston, 1950; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Политическая наука: новые направления/ Под ред. Х.-Д. Клингеманна, Р. Гудина. М., 1999.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.536-537.

³ Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006. С.8-9.

⁴ Peters G. Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism». L.; N.Y., 1999; Политическая наука: Новые направления...С. 43.

норм и неформальных правил игры. В центре внимания оказываются социокультурные ценности символы, стереотипы и процедуры, воздействующие на структурирование макрополитики⁵.

Неоинституциональный подход предполагает расширительное определение институтов как «правил игры» в обществе, т.е. ограничительных рамок, которые организуют взаимоотношения между людьми и группами, задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия⁶. В 1984 г. Дж. Марч и Й. Олсен дали определение институтов, общее для всех вариантов неоинституционализма: «Институт есть относительно устойчивый набор правил и организованных практик, воплощённый в структурах значений и ресурсов, которые являются инвариантными по отношению к индивидам и устойчивыми перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, и перед меняющимися внешними условиями»⁷. Основными единицами анализа в данном подходе признаются «правила, порядки, нормы и значения «института», а не микрорациональные индивиды и не макросоциальные силы»⁸. При этом учитывается ведущий параметр институтов – их способность изменяться во времени под воздействием внутренних характеристик, а также внешних условий и факторов общественной среды.

Усилия неоинституционалистов сосредоточены на объяснении вопросов: каким образом возникают и развиваются политические институты; какое воздействие они оказывают на политическое поведение индивидов и групп, на процесс принятия властных решений; под влиянием каких факторов институты изменяются. Вместе с тем, эксперты осознают, что институтам присущ определённый консерватизм, т.е. они «сопротивляются» возможным изменениям и обеспечивают тем самым преемственность общественных структур и норм.

Неоинституционалисты, в отличие от представителей классического институционализма, изучают не только государственные органы власти и нормы законодательства. Их интересуют все государственные и социетальные институты⁹, которые формируют способы выражения политическими акторами своих интересов и структурирования их отношений по поводу власти с другими группами; правила конкуренции на выборах; структура партийных систем; отношения между органами государственной власти; экономические акторы- предпринимательские объединения и профсоюзы¹⁰.

Операциональными категориями анализа политических систем, кроме институтов, признаются в неоинституционализме акторы, ресурсы и стратегии (см. работы Ф. Шмиттера и Г.О'Доннелла, А. Степана, Х. Линца о переходах от авторитаризма к демократии)¹¹. Эти категории позволяют выявить динамику политических институтов, их позиционирование в пространстве власти и влияния.

Акторы определяются как те субъекты политической деятельности и политического процесса, которые обладают достаточным потенциалом влияния на принятие властных решений, способны к осознанному целеполаганию и конструированию стратегий своего действия. Следовательно, акторы – это только высокостатусная часть «игроков» в политическом пространстве.

⁵ Патрушев С.В. Указ. соч. С. 15-16.

⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

⁷ The Oxford Handbook of Political Institutions/ Ed. by R.A.W.Rhodes, S.A.Burder, B.A. Rockman. Oxford, 2006. P. 3.

⁸ Op.cit. P. 16.

⁹ March J.G., Olsen J.P. The New Institutional ism: Organizational Factors in Political Life// American Political Science Review. Washington, 1984. Vol. 78.

¹⁰ Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis/ Ed. by S. Steinmo et al. Cambridge, 1992. P. 2.

¹¹ Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy / Ed.by G. O'Donnell, Ph. Schmitter, J.Whitehead. Vol.1-4. Baltimore; London, 1986.

Ресурсы определяются в качестве всех материальных и духовных благ, которые имеют ценность (могут активироваться) в конкуренции за политическое влияние и власть. Ресурсы обычно классифицируются на экономические, организационные, социальные, политические, правовые, информационные.

Стратегии политического действия в неоинституционализме определяются как формы взаимодействия акторов политики, обуславливающие характер действий акторов по отношению к своим контрагентам¹². Совокупность стратегий зависит и от состава акторов, и от их ресурсной базы, и от параметров институтов политической власти¹³.

Неоинституциональный подход даёт возможность выявить реальные, а не только формально-правовые аспекты политического процесса; установить долгосрочные и ситуационные факторы конструирования системы органов власти. При этом неформальные политические институты и практики рассматриваются в качестве закономерных проявлений политики, а не своего рода девиаций – «отступлений от нормы».

Вместе с тем, неоинституционализм не является однородным теоретико-методологическим подходом к анализу политики. Уже на стадии своего формирования (1980-х гг.) данный подход разделился на самостоятельные школы (виды). Чаще всего, к ним относят нормативный подход (Дж. Марч, Й. Олсен)¹⁴, исторический институционализм (П. Холл, Т. Скокпол, С. Steinmo, К. Телен и др.)¹⁵, институционализм рационального выбора (Э. Остром, К. Шепсл)¹⁶, социологический институционализм (Ф. Селзник, П. Димаджо, У. Пауэлл)¹⁷. Указываются также более поздние по формированию школы неоинституционализма: конструктивистский, дискурсивный (концептуальный), структурный, сетевой, когнитивный¹⁸.

Не претендуя на специализированный детальный анализ основных школ неоинституционализма, ограничимся их краткой характеристикой в аспекте нашей темы.

Нормативный неоинституционализм (Дж. Марч, Й. Олсен) сосредотачивает внимание на способности политических учреждений вырабатывать нормы и ценности. Сквозь их призму объясняются политические процессы различных уровней. Нормативисты полагают, что институт – это реализованная в повседневной практике норма поведения, ставшая типичной и устойчивой (рутинной). Любая норма зарождается в качестве неформальной и локальной, а затем проходит проверку на прочность в ходе процесса институционализации.

Дж. Марч и Й. Олсен рассматривают институт как сравнительно устойчивую совокупность правил и организованных практик, укоренённых в структурах значений

¹² Sartiori G. The Theory of Democracy Revisted. Vol.1. The Contemporary Debate. Chatam, 1987. P. 224.

¹³ Россия регионов: трансформация политических режимов/ Общ. ред. В. Гельман, С. Рьженков, М. Бри. М., 2000. С. 29-30.

¹⁴ March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions.- N.Y.,1989; March J.G., Olsen J.P. Institutional Perspectives on Political Institutions // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 1996. Vol. 9. № 3.

¹⁵ Hall P., Taylor R. The Potential of Historical Institutionalism// Political Studies. 1998. Vol. 46; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979; Steinmo S. et al (eds). Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis. Cambridge, 1992; Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics// Annual Review of Political Science. 1999. Vol. 2.

¹⁶ Ostrom E. Rational Choise Theory and Institutional Analysis: Toward Complementarity// American Political Science Review. 1991. Vol. 85; Shepsel K. A. Studying Institutions: Some lessons from the Rational Choise Approach// Journal of Theoretical Politics. 1989. Vol.1. № 2.

¹⁷ Selznick P. Foundations of the Theory of Organizations// American Sociological Review. Menasha, 1948. Vol. 13. № 1. P. 25-35; idem. Leadership in Administration: A Sociological Interpretation. N.Y., 1957; The New Institutionalism in Organizational Analysis/ Ed. by P. Di Maggio, W.W. Powell. Chicago; London, 1991.

¹⁸ The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis/ Ed. by J.L. Campbell, O.K. Pedersen. Princeton, 2001; Schmidt V.A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. Palo Alto, 2008. Vol. 11. P. 303-326.

и ресурсах¹⁹. Они относительно инвариантны при смене индивидов. Сравнительно устойчивы к особым предпочтениям и ожиданиям акторов, к изменяющимся внешним обстоятельствам. Конститутивные правила и практики предписывают поведение субъектов. Структуры значений, выраженные в идентичностях и предметах, объясняют, оправдывают и легитимируют коды поведения. Структуры ресурсов создают возможности для действий.

По выводам нормативистов, политические институты носят эндогенный и социально-конструируемый характер. Тем самым, Дж. Марч и Й. Олсен достигли нового синтеза структурно-функционального и социокультурного аспектов анализа. Институты зависят от истории и культуры, «укоренены» в них, поскольку строятся вокруг осмысления цели жизни и векторов её развития.

Теории рационального выбора в неоинституционализме (Э. Остром, К. Шепсл, Д. Норт) иначе, нежели нормативизм, объясняют институционализацию. Для них в центре внимания – рациональный индивид, способный выбрать наилучший для себя сценарий (стратегию) активности, исходя их личных предпочтений и расчёта баланса издержек и прибыли. Институты являются в этом контексте правилами взаимодействия индивидов, «договорённостями», которые снижают уровень неопределённости и транзакционные издержки. Д. Норт определял институты как «правила игры», т.е. «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми...Институты включают в себя все формы ограничений, чтобы придать определённую структуру человеческим взаимоотношениям»²⁰. То есть, институты считаются внешними ограничителями поведения индивидов, регулятивными правилами. Вместе с тем, теории рационального выбора признают «спонтанно возникающие институты» – традиции, обычаи, привычки и др.²¹

Институционализм рационального выбора неоднороден. По мнению К. Шепсла, в его рамках выделяются подходы Э.Даунса и Р. Калверта²². В первом из них институты трактуются как внешние ограничители или установленные извне «правила игры», определяющие предпочтения и действия акторов политики. В подходе же Р. Калверта институты считаются непосредственным результатом, плодом взаимодействия акторов политики. Правила возникают в процессе, а не извне него. Их эффективность обеспечивается установками активности и ценностями в большей степени, чем правовым принуждением.

По признанию теоретиков рационального выбора (К. Шепсл), данный подход наиболее эффективен в изучении устойчивых во времени, высокоструктурированных институтов. Это вызвано наличием достаточно чётких институциональных правил и процедур (выборы, назначение госслужащих), позволяющих доказательно установить мотивы, цели, результаты действий акторов политики²³.

С точки зрения К. Шепсла, институциональный порядок – это эквilibrium рациональных предпочтений и стратегий акторов в итоге их взаимодействия²⁴. Институционализация политического порядка трактуется в качестве результата взаимодействий между рациональными акторами. Это следствие определённого соотношения (эквilibrium) ресурсов и возможностей, которыми акторы обладают (Н. Шёффилд)²⁵.

¹⁹ Патрушев С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. 2009. № 3. С. 11-12.

²⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17-18.

²¹ Там же. С. 56.

²² The Oxford Handbook of Political Institutions/ Ed. by R.A.W.Rhodes, S.A.Burder, B.A. Rockman. Oxford, 2006. P. 24.

²³ The Oxford Handbook... P. 28.

²⁴ Shepsle K. Institutional Equilibrium and Equilibrium Institutions // Political Science: The Science of Politics / Ed. by H. Weisberg. N.Y., 1986.

²⁵ Schofield N. Modeling Political Order in Representative Democracies // Political Order/ Ed.by I. Shapiro, R. Hardin. N.Y., 1996. P. 86-110.

Исторический неинституционализм (П. Холл, С. Стеинмо, К. Телен) определяет институты как формальные и неформальные процедуры, нормы и соглашения, глубоко укоренённые в организационной структуре политической системы. Первоначальный выбор оказывает глубокое определяющее воздействие на все последующие политические решения. Институт воспринимается, скорее, как обеспечивающий долгосрочную преемственность, а не реформы и инновации. По мнению Э. Сандерса, данная научная традиция основана уже в работах Дж. Локка, А. де Токвиля, М. Вебера, В. Вильсона и других классических теоретиков политической науки²⁶. Она концентрирует внимание на том, каковы трансформации либо постоянные черты «институционального дизайна» во времени. Центральными категориями исторического институционализма считаются власть и политические интересы; отношения между политикой, государством и обществом. Репрезентации интересов формируются коллективными акторами и институтами, которые несут «следы» своей истории.

Организации и институты в историческом подходе считаются первичными по отношению к акторам политики (Э. Нордлингер, Т. Скокпол, А. Степан, Ч. Тилли, П. Холл и др.)²⁷. Данный подход желает выявить институциональные действия акторов: интересы организаций, идеологические и ценностные ориентации на уровне социальных групп и обществ. Поведение осмысливается в качестве итога традиций, формируемой социализацией и обучением. Основными темами исторического неинституционализма являются: анализ государства и степени его автономии от общества; исследования бюрократии, социальных групп и групп интересов в связи с политическими изменениями; выявление базовых элементов институтов (рутин, правил, норм, ценностей и идей).

Однако исторический институционализм, как признают его сторонники²⁸, неоднороден. Внутри него выделяется три течения, по-разному объясняющие «источники» формирования институционального строя и акторов, играющих инициативную роль.

Первое течение (К. Оррен, С. Скворонек)²⁹ расценивает формирование и изменения политических институтов как процесс, идущий «сверху вниз». Соответственно, основное внимание уделяется действиям элит, лидеров, групп интересов, которые не только сами принимают властные решения и создают структуры власти, но и производят идеи, определяющие поведение всех остальных участников политики.

Второе течение (Т. Скокпол, Э. Клеменс)³⁰ интерпретирует динамику политических институтов как процесс, направленный «снизу вверх». Его создали, в основном, социологи-специалисты по общественным движениям и их воздействию на государственную политику.

Третье течение исторического институционализма расценивает динамику институтов в качестве итога взаимодействий институтов государства и социальных агентов (В. Меркель, Н. Круассан)³¹.

Исторический неинституционализм дает возможность учесть роль «траектории предшествующего развития», установить баланс формальной и неформальной институционализации органов власти. Данный подход рассматривает институты как формальные и неформальные процедуры, нормы и соглашения, определяющие принятые в обществе практики политического действия.

²⁶ The Oxford Handbook... P. 40.

²⁷ Nordlinger E.A. On the Autonomy of the Democratic State. Cambridge, 1981; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979; Stepan A. State and Society. Princeton, 1978; Tilley Ch.(ed). The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975; Hall P.A. (ed.) The Political Power of Economic Ideas. Princeton, 1989.

²⁸ The Oxford Handbook... P.40.

²⁹ Skowronek S., Orren K. Beyond the Iconography of Order: Notes for a «New Institutionalism» // The Dynamics of American Politics: Approaches and Interpretations. Boulder, 1994.

³⁰ Skocpol T. States and Social Revolutions...

³¹ Меркель В., Круасан Н. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 6-17; № 2. С. 20-30.

Социологический подход в неоинституционализме связан с акцентом на самоорганизацию общественных структур, норм и практик. В центре внимания находятся проблемы агрегации и артикуляции групповых социальных интересов, их выражения «на языке» наиболее распространенных ценностей и ориентаций массового сознания. Так, У.Р. Скотт выделял три «столпа» институтов, причем подходит к теме с позиций синтеза измерений: «Институты состоят из когнитивных, нормативных и регулятивных структур и деятельности, которые производят стабильность и придают значимость социальному поведению»³². Авторы данного направления (Э. Иммергут, Ф. Селзник) ставят в центр внимания достижение легитимности институтов в динамичной общественной среде³³. Они сходятся в том, что политические предпочтения выражаются агрегированными, а не атомизированными институтами. Коллективные решения не являются простой суммой индивидуальных решений. Они формируются под организационным давлением. Институты влияют на направление агрегирования интересов так же, как и индивиды, социальные группы.

Основы социологического подхода в институционализме заложил еще М. Вебер. Он доказывал, что причина институционализации (появления формальной структуры) связана с легитимностью³⁴. Такие формальные структуры включают в себя рациональные институциональные правила, стремятся соответствовать им. В развитие веберовской традиции П. Димаджио и У. Пауэлл создали концепцию организационного изоморфизма. Они полагали, что организации соперничают не только за ресурсы и клиентов (как в бизнесе), но также за политическую власть, легитимность и социальное соответствие. Механизмами институционального изоморфизма выступают: 1) принудительный изоморфизм, связанный с политическим влиянием и легитимностью, давлением иных организаций, со стандартами, процедурами и законами; 2) имитационный изоморфизм обусловлен стандартными ответами на неопределенность, стремлением заимствовать модели иных организаций и технологии, противоречивыми целями, неустойчивой общественной средой; 3) нормативный изоморфизм вызван профессионализацией. По доводам Ч. Перу, социологическая теория организации предполагает, что ограниченная рациональность и бюрократическая иерархия образуют механизмы господства³⁵. Т.е., акторы не знают своих рациональных (истинных) интересов; они когнитивно зависимы. Ограниченность времени и сведений вынуждают акторов руководствоваться процедурами, рутинными и процессуальными сценариями.

Вместе с тем очевидно, что один и тот же политический институт в различных социокультурных контекстах будет иметь качественно разный смысл (например, президентство в Швейцарии и в странах Тропической Африки). Следовательно, налицо проблема соответствия институтов социокультурной системе общества. Особенно остро данная проблема стоит в ситуациях неорганичного, навязанного «импорта» институтов³⁶. Современные нормы и учреждения могут переосмысливаться в традиционалистском и даже архаичном целеполагании властных акторов. Эта гипотеза важна для понимания политической институционализации системы власти в Российской Федерации.

Сопоставляемые версии неоинституционализма (нормативная, рационального выбора, историческая и социологическая организационная) не исчерпывают все множество эвристически продуктивных. Так, дискурсивный институционализм

³² Scott W.R. *Institutions and Organizations: Foundations for Organizational Science*. Thousand Oaks, 1995. P. 33.

³³ Immergut E. *The Theoretical Core of the New institutionalism* // *Politics and Society*. Los Altos, 1998. № 1. P. 5-34.

³⁴ Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // *Политическая наука: Новые направления*. М., 1999. С. 160.

³⁵ Perrow Ch. *Complex Organizations A Critical Essay*. 3 ed. N.Y., 1986.

³⁶ *The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions* / Ed. by M.de Jong, K. Lahenis, V.Mammadouh. Kluwer Academic Publ., 2002. P. 26-27.

(В. Шмидт) осмысливает изменения политического порядка «изнутри». Он объясняет, как идеи акторов политического взаимодействия перестраивают их выбор и направления активности³⁷.

Данный подход называют также конструктивистским. По мнению его сторонников, институты неэффективны имманентно; они сами являются объектами непредсказуемой политической конкуренции. Как обобщает идеи конструктивистов К.Хей, поведение людей вызвано не материалистическими интересами, а нормативными ориентациями, необъясняемыми рационально. Для конструктивистов наиболее важны «когнитивные фильтры», через которые акторы воспринимают информацию о реальности, выстраивая на её основе свои стратегии действия; «их представления о том, что является осуществимым, легитимным, возможным или желательным, сформированы и институциональной средой, в которой они находятся, и бытующими в политическом сообществе парадигмами и мировоззрением»³⁸.

П.В. Панов полагает, что для конструктивистов правила и нормы, «смыслы» существуют не объективно, а только в политических практиках³⁹. В итоге регулярно повторяющихся взаимодействий субъективные представления, смыслы и значения становятся коллективными, рождают общие смыслы и значения. По мнению П.В. Панова, необходимо разграничивать институциональные практики и культурные основания политики, т.к. они автономны друг от друга. Смыслы, посредством которых люди интерпретируют свой опыт и направляют свои действия, служат надинституциональными «когнитивными схемами» порядка (К. Гирц, Ш. Эйзенштадт)⁴⁰.

Наконец, сетевой институционализм считает базовыми компонентами исследования сложные взаимоотношения между индивидами, группами и организациями. Как полагает К. Анселл, сети их взаимоотношений создают институты. Они выступают как ограничители личного поведения, а также в качестве ресурсных сетей (обеспечивают своих участников материальными средствами влияния, информацией и поддержкой). Сетевой анализ даёт возможность объяснить, как распределение власти и влияния, итоги политических действий обусловлены типом отношений между группами интересов, общественными объединениями и органами государственной власти.

При всех противоречиях институционалисты едины в базовых утверждениях: институты определяют политическое развитие; они обеспечивают регулярность и предсказуемость поведения; институты определяют выбор альтернатив политических проектов; институты создаются индивидами, но на них интерактивно влияет общество.

Разрыв между индивидуальным поведением и политическими институтами рождает спор: что первично, актор либо структуры? Дж. Коулмен предложил преодолеть этот спор с помощью категории «институциональный дизайн»⁴¹. Тем самым, возможно перейти от описания индивидуальных политических действий к осмыслению динамики макрополитического процесса на уровне всего общества. В итоге взаимодействий индивидов и групп образуются институты государственной власти. Они составляют сложноорганизованную иерархическую систему, способную к саморегуляции и саморазвитию. В политических системах нетоталитарного типа важна роль также негосударственных институтов политики, деятельно влияющих на выбор базовых «правил игры»⁴².

Перейдём от сравнительного анализа концепций институтов к осмыслению институциональной динамики, т.е., политической институционализации. Базовое

³⁷ Schmidt V.A. From Historical Institutionalism to Discursive Institutionalism. Chicago, 2008.

³⁸ The Oxford Handbook... P. 184.

³⁹ Панов П.В. Институциональный порядок: подходы к осмыслению и исследованию // Политическая наука. 2009. № 3. С. 36.

⁴⁰ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004; Eisenstadt S. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden; Boston, 2003.

⁴¹ Coleman J. The Foundations of Social Theory. Cambridge; London, 1990.

⁴² Патрушев С.В. Институционализм в политической науке. С. 32.

определение политической институционализации обосновал С. Хантингтон: «Процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость»⁴³. Причём уровень институционализации различен. Для того, чтобы его считать высоким, формы поведения людей в обществе должны обрести устойчивость, воспроизводимость и значимость.

В последующих научных дискуссиях было предложено разграничивать уровни процесса: институционализацию политического порядка общества в целом, а также – политических институтов по отдельности.

С. Хантингтон разработал базовую классификацию типов процесса на основе двух критериев: соотношения уровня развития политических институтов и политического участия. Если полития носит устойчивый демократический характер, то институционализация ведёт к: рационализации авторитета; массовому конвенциональному участию в политике; дифференциации политики в автономную сферу общества⁴⁴. Если полития авторитарна, то власть становится ценностно иррациональной; участие в политике в политике неконвенционально; сферы общественной жизни разграничиваются слабо.

Другие аналитики, в частности, Г. Бен-Дор усложнили типологию политических порядков⁴⁵. Она предполагала следующие сочетания. Низкая политическая институционализация возможна либо при слабом политическом участии (в традиционном обществе), либо при высоком участии (в ситуации переходного, модернизирующегося общества). Высокая институционализация тоже дуальна. Слабое политическое участие создаёт «переинституционализацию», когда высокоорганизованные учреждения и нормы «засушивают» независимую активность. Высокое политическое участие, напротив, характерно для консолидированной демократии.

Предложенные типологии требуют операционализации. Следует учитывать также то, что в недемократических сообществах уровень массовости политического участия не характеризует стадии институционализации.

С. Хантингтон разработал несколько шкал, позволяющих измерять степень институционализации политического порядка:

- шкалу «адаптивность – ригидность»;
- шкалу «сложность – простота»;
- шкалу «автономность – зависимость»;
- шкалу «сплочённость – раздробленность»⁴⁶.

Перечисленные измерения носят структурный и, в меньшей степени, функциональный характер. Но они недостаточно конкретны для прикладного анализа институционализации, измерения «силы» и социокультурного содержания институтов. Скорее, модель С. Хантингтона позволяет рассмотреть последовательные стадии политических изменений: формирование, развитие, деинституционализацию и реинституционализацию.

С точки зрения социологического подхода, институционализация свидетельствует об устойчивости, повторяемости, рутинности политических практик. Категорию института можно выразить в качестве устойчивых политических моделей (образцов, паттернов) социального взаимодействия и поведения.⁴⁷

Политическая институционализация власти в России имеет все черты «незападного политического процесса», определение которого дал Л. Пай⁴⁸. Среди этих черт – невыраженность границ между сферами общественной жизни; раскол в обществе в понимании базовых целей и средств политики; преобладание элит и клик в реальном при-

⁴³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 32.

⁴⁴ Там же. С. 52-53.

⁴⁵ Ben-Dor G. Institutionalization Political Development: A Conceptual and Theoretical Analysis // Comparative Studies in Society and History. Cambridge, 1975. Vol. 17. № 3. P. 315-316.

⁴⁶ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. С. 34-37.

⁴⁷ Панов П.В. Институциональный порядок. С. 34-35.

⁴⁸ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.

нятии решений; разрыв между словами и действиями политических акторов; резкие различия в политических ориентациях сегментов общества (поколений, страт, этносов и т.д.); символизм и эмоциональность в восприятии политики и т.д.

Таким образом, «сила» и влияние политических институтов объясняется степенью их корреляций с принятыми в обществе традициями. В особенности данная корреляция важна для обществ традиционного и архаического типа, регулирующих политические институты, прежде всего, моральными и религиозными нормами. Такие общества социоцентричны, отвергают ускоренные инновации либерального типа. Для них особенно актуальна проблема «неорганичного импорта» институтов, ведущая к отторжению или выхолащиванию исходной (заимствованной) модели правовой государственности⁴⁹.

Властные отношения пронизывают институты (формальные и неформальные), нормы, виды деятельности, ценности и ориентации политической культуры. Политическая власть сочетает в себе основные компоненты (по А.И.Амелину): 1) ось представительства интересов; 2) институциональная ось; 3) ось политической деятельности акторов; 4) ось методов принятия решений⁵⁰.

Эффективное существование власти означает, что она обеспечивает горизонтальную и вертикальную интеграцию элитных группировок. Причем политические элиты не сводятся к правящим слоям госслужащих, а означают всю совокупность высокостатусных групп общества, которые реально влияют на принятие политических решений и участвуют в распределении ресурсов власти. В России особенно велика роль неформальных обменов ресурсами, административного предпринимательства, «сетей» негласных отношений между госаппаратом и бизнес-слоями⁵¹.

Политическое властвование в России предполагает:

- 1) институты публичной власти (законодательные, исполнительные и судебные органы, принципы их строения и деятельности, совещательные структуры взаимодействия с элитными группировками;
- 2) систему формальных и неформальных взаимодействий акторов политики;
- 3) набор средств и приемов, технологий политического управления.

Система органов власти проходит институционализацию, т.е. закрепляет повседневные неформальные практики отношений в виде устойчивых институтов⁵². Политические системы рассматриваются в единстве их статичных (структурно-функциональных) и динамических (процессуальных) проявлений. Именно неинституционализм смягчает противоречие между нормативно-правовым и политико-культурным исследованием. Он «высвечивает» обратные связи между политическими институтами и интересами субъектов политики.

Политическая институционализация может быть определена как закономерный процесс изменений политической системы, путём которого организация и процедуры деятельности становятся устойчивыми, ценностно легитимными в обществе. Институционализация системы органов власти относится к уровню институционализации политического порядка в целом, а не отдельных структур со специализированными функциями. Типология политической институционализации системы органов власти даётся по сочетанию критериев: уровня политического участия и степени модернизированности общества, меры интеграции общества, степени адаптивности норм и ценностей политической культуры.

⁴⁹ Нанаева Б.Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. Ростов н/Д., 2009. С. 98-174, 247-266.

⁵⁰ Амелин А.И. Многомерная модель политической власти // Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 48-58.

⁵¹ Кордонский С.Г. Рынки власти. М., 1999; Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Полис. 1993. № 1. С. 52.

⁵² Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 6-17; № 2. С. 20-30.

Институционализация системы органов власти в Российской Федерации может быть по перечисленным критериям отнесена к типу с преобладанием неформальных традиционных норм, мобилизованным политическим участием, многосоставным характером общественных структур, низкой интегрированностью общества.

За период 1990-2009 гг. политические институты России изменялись не только вследствие динамики социальной и этноконфессиональной структуры общества, но и под влиянием внешних импульсов политических систем более высокого уровня: глобального постиндустриального сообщества, Европейского Союза. В итоге формальные институты власти адаптировались к неформальным нормам и практикам общества, что обеспечивает относительно высокую выживаемость политического порядка.

CONTEMPORARY STUDIES OF POLITICAL POWER INSTITUTES (COMPARATIVE THEORETICAL ANALYSIS)

D.S. KOKORKHOEVA

Ingush State University

e-mail: dugurhan@mail.ru

The article deals with comparative analysis of contemporary theories of political power institutes. Possibilities of normative, sociological and historical institutionalism regarding research of political power of modern Russia are determined.

Key words: political power institute, theories of political institutes, comparative analysis.

УДК 323(470+571)

КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.А. ВАРФОЛОМЕЕВ*Тулский
государственный
университет**e-mail:
max-varfolomeev@yandex.ru*

В статье акцентируется внимание на общественном согласии, которое является основой адаптивности, реактивности, устойчивости политической системы, ее способности к сохранению суверенитета, территориальной целостности и развитию системы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, консолидация общества, общественное согласие, национальные интересы, Российская Федерация.

Исследования процессов обеспечения национальной безопасности составляют существенный сегмент работ, написанных зарубежными и отечественными учеными. Многообразие трактовок, подходов и методологических принципов, применяемых при изучении проблемы безопасности в рамках разных научных направлений, с одной стороны, позволяет разработать междисциплинарный инструментарий исследования, с другой – способствует локализации анализируемых вопросов в зависимости от конкретной отрасли знания. Проблемы военной, международной, экономической, информационной безопасности стали доминантной темой современных разработок. При этом нивелируется политологическое содержание категории «национальная безопасность», размываются ее рамки.

Синтез теорий политических систем (Г. Алмонд, К. Дойч, Д. Истон, Т. Парсонс) и политической культуры (Г. Алмонд, С. Верба, У. Розенбаум, П. Шаран), социальных (М. Арчер, П. Бергер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Т. Лукман) и политических изменений (Р. Арон, Р. Даль, С. Липсет, С. Хантингтон), модернизации (С. Блэк, М. Леви, А. Турен, Ш. Эйзенштадт) и демократической консолидации (А. Валенсуэла, Х. Линц, А. Степан, А. Шедлер) позволяет выработать методологические принципы анализа внутриполитических аспектов национальной безопасности. В свою очередь теории геополитики (Х. Маккиндер, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, К. Шмит, Й. Галлунг, С. Коэн), глобалистики (Р. Робертсон, У. Бек, Г. Терборн, Д. Стиглиц), международных отношений (Г. Моргентау, Р. Кохейт, Б. Рассет, С. Краснер), мир-систем (И. Валлерстайн, А. Франк, К. Поланьи), региональной безопасности (Р. Аллисон, Ш. Гарнет, Р. Ульман, Б. Хеттне) дают возможность охарактеризовать внешнеполитические аспекты национальной безопасности.

С точки зрения политической науки, процесс обеспечения национальной безопасности, в первую очередь, связан с функциональными характеристиками политической системы общества (ПСО). Ее адаптивность, реактивность, устойчивость и способность к модернизации являются основой для преодоления внутренних рисков. Поддержание геополитического статуса, сохранение суверенитета, интеграция в процесс формирования международной системы безопасности образуют систему базовых факторов, ограничивающих воздействие на ПСО внешних угроз.

Такое понимание рассматриваемой категории соответствует Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ 12 мая 2009 г., в которой национальная безопасность трактуется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Кроме этого, в документе отмечается, что базовым параметром процесса обеспечения на-

циональной безопасности является общественное согласие на основе общих ценностей – свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма.

В отечественной политической науке продолжается поиск подходов к анализу консолидационных процессов на постсоветском пространстве. Дифференцированные позиции ученых относительно источников и уровней, характера и стадийности консолидационных процессов в России объединяет понимание того, что интеграция общества обусловлена развитием ряда других процессов. Один из подходов, который условно можно назвать «поведенческим» (Д.В. Гончаров) исследует нормативный консенсус как «необходимое условие функционирования политической системы, которая на современном этапе развития все больше опирается на механизмы соревновательной мобилизации, открывающей гражданам доступ к новым формам социализации, новым структурам статусов и ролей»¹. Применяя данный подход к анализу обеспечения национальной безопасности в современной России, можно отметить складывание модели нормативного консенсуса особого типа, характерной для обществ, в которых нормативная структура только формируется или претерпела дезинтеграцию. В этой модели процесс коммуникации между обществом и властью посредством политической мобилизации в большей степени подвержен влиянию ситуационных факторов.

Сторонники так называемого «идеологического» подхода (В.Н. Кузнецов, М.А. Нугаев, Р.М. Нугаев, М.Ю. Попов)² рассматривают в качестве важнейшего фактора консолидации общества формирование идеологии, представляющей собой относительно устойчивую артикулированную совокупность понятий и принятых личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей и интересов. Исходя из этого, отсутствие государственной объединительной идеологии воспринимается как реальная угроза обострения социального напряжения в российском обществе, увеличения вероятности отхода власти от демократических преобразований.

В рамках «социологического» подхода центральным является понятие солидаризации, под которым понимается объединение граждан на основе общенациональных интересов. Выделяя типы консолидации в трансформирующейся России, В.А. Ядов³ указывает на преобладание так называемой «негативной» («оборонительной», направленной против кого-то) над «конструктивно-наступательной» (мотивирующей стремлением общими усилиями выйти из кризисного состояния) солидаризацией.

Необходимо подчеркнуть, что обозначенный подход основывается на представлении о дифференцированности консолидации власти и консолидации общества. И если первый уровень консолидации в России был связан с формированием вертикали власти, обеспечением устойчивого политического большинства, созданием партии власти, то второй – с унификацией мировоззренческих установок и норм политического поведения. Исходя из этого, по мнению Н.М. Великой, можно говорить «о достижении российским обществом этапа консолидации-адаптации, выражающейся в массовом осознании невозможности реставрации прежней политической системы. Вместе с тем, консолидация носит смешанный, негативно-позитивный характер, так как стабилизация отношения к новым институтам не подкрепляется процессами социальной интеграции. Поэтому реализация следующих этапов консолида-

¹ Гончаров Д.В. Политическая мобилизация // Полис. 1995. № 6. С. 129-137.

² См.: Кузнецов В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 3 (13). С. 7-47; Нугаев Р.М. Общественная идеология как фактор становления гражданского общества // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 120-129; Попов М.Ю. Социализация личности в условиях деидеологизации: в поиске идеологии консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 6. С. 63-78.

³ Ядов В.А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 94.

ции общества (консолидация-идентификация, консолидация-трансформация) является затруднительной⁴».

Представляет интерес «элитистский» или «технологический» подход, авторы которого исследуют процесс консолидации как результат использования правящими элитами определенных политических технологий (В.К. Левашов, А.А. Яковлев)⁵. При этом в качестве основных механизмов консолидации выделяются: высокий уровень доверия к Президенту, функционирование партии власти, компромисс социальных и либеральных консерваторов, деятельность государственной бюрократии.

Существенный вклад в анализ внутриэлитной консолидации внесли работы О.В. Гаман-Голутвиной⁶, раскрывающие особенности механизма обмена ресурсами, при котором внутриэлитная консолидация обеспечивается взаимной поддержкой региональных элит и партии власти.

В основе подхода предложенного Е.А. Агеевой, лежит комплексное и процессное понимание консолидации, предполагающее достижение определенности политического режима, легитимности власти, адаптивности политической системы к изменениям внутри и вне нее. К политическим мероприятиям, создающим условия для необратимости демократических преобразований, исследователь относит: налаживание партнерских отношений между основными политическими субъектами, межэтническое согласие, децентрализацию власти с одновременным повышением доверия между уровнями и ветвями власти, превращение государства в гаранта демократического обновления, установление плюрализма суждений⁷. Согласно основных положений данного подхода, все процессы по поводу получения, удержания и использования власти должны быть системным образом институционализированы (структурированы). Консолидация в этом случае осуществляется посредством совместных усилий государства, политических партий, общественных объединений, по поводу принятия и реализации демократических правил. Правил, которые способны консолидировать общество и обеспечивать безопасность государства.

Проблема обеспечения национальной безопасности остаётся актуальной на всех этапах развития человечества. В разрешение данной проблемы важную роль играет деятельность многочисленных субъектов политической системы, формирующих и создающих общую стратегию, противодействующую угрозам в различных сферах жизнедеятельности человека: политической, экономической, социальной, информационной, духовной и других сферах, обеспечивающих защиту национальных интересов и потребностей общества, государства. Здесь национальная безопасность выступает объединяет все виды безопасности в том числе и в области отношений между акторами мирового сообщества.

Критерием оценки обеспечения национальной безопасности является её способность противопоставить новым видам угроз.

Общеизвестно, что существующая система национальной безопасности в Российской Федерации, разграничила степень участия каждого субъекта, определила их значимость и важность в деятельности по устранению угроз для личности, общества, государства. Общее руководство за состоянием и уровнем обеспечения национальной безопасности в российском государстве осуществляет Совет безопасности РФ во главе с Президентом РФ, состав которого сформирован из представителей государственных

⁴ Великая Н.М. Проблемы консолидации общества и власти // Социс. 2005. № 5. С. 60-71.

⁵ См.: Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социс. 2004. № 7. С. 27-45; Яковлев А.А. О несостоявшейся модернизации и социальной базе реформ в России // Вопросы статистики. 2003. № 4. С. 36-38.

⁶ См.: Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // Полис. 2004. № 2. С. 6-19; Она же. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (II) // Полис. 2004. № 3. С. 22-31.

⁷ См.: Агеева Е.А. Консолидация общества как политический феномен // Политика и политология: актуальный ракурс / Под общ. ред. И.А. Батаниной, М.Ю. Мизулина. Москва – Тула. 2005. С. 11.

органов власти, силовых структур, в т. ч. представителей такого вида общественных объединений как политические партии.

К основным видам деятельности политических партий в области обеспечения национальной безопасности следует отнести меры по подготовке и рекрутированию кадрового потенциала во властные структуры государства, силовые субъекты, т.е. представительной функции, создание современной нормативно-правовой базы, долгосрочное программное обеспечение развития общества, государства и как следствие, совершенствование системы национальной безопасности Российской Федерации. Партии добившиеся наибольшего представительства в государственных структурах власти, имеют особую возможность реализовать свою политическую программу в виде стратегии развития, концепций, доктрин и т. д., а «партия не имеющая своей программы и идеологии, не является полноценной политической партией, поскольку лишена всякого политического смысла»⁸ и не способна представлять интересы граждан, общества, государства. Изложенные позиции в программах, документах партий, в своей совокупности определяют широкий спектр их политического поведения по отношению к вопросам обеспечения национальной безопасности, в том числе обеспечения консолидации общества.

Использование наиболее широкого понимания процесса консолидации для анализа обеспечения национальной безопасности в современной России позволяет выявить несоответствие многих из параметров ее развития условиям и механизмам системы многоуровневой интеграции (консолидация режима, внутриэлитная консолидация, консолидация общества и т.д.). Очевидно, что Россия находится только в начале пути к многоуровневой консолидации. Поиск способов ее осуществления на данный момент делает необходимым применение разных подходов: «элитистского» (показатель – интегративные возможности партии власти), «социологического» (показатель – особенности консолидации-адаптации общества), «идеологического» (показатель – идеологическое обеспечение Президентом режимной консолидации) и «поведенческого» (показатель – состояние нормативного консенсуса по поводу основных демократических правил и процедур)⁹. Опираясь на основные положения этих подходов и следует анализировать внутриполитические аспекты национальной безопасности.

Таким образом, обеспечение внутриполитической безопасности современной России требует повышения консолидационного потенциала элит и интегративного качества общества, что создаст благоприятные условия и для решения ряда внешнеполитических проблем. Общество, достигшее достаточной консолидации, сможет успешно аккумулировать усилия по поддержанию внутреннего и внешнего суверенитета, территориальной целостности и устойчивого развития системы обеспечения национальной безопасности.

CONSOLIDATION OF SOCIETY AS A FACTOR OF THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIAN FEDERATION

M.A. VARFOLOMEEV

Tula State University

e-mail:

max-varfolomeev@yandex.ru

The author pays attention to public consent, which is the basis of adaptability, reactance, stability of the political system, its abilities to maintenance of the sovereignty, territorial integrity and development of the system of national security in the Russian Federation.

Key words: national security, consolidation of society, public consent, national interests, Russian Federation.

⁸ Ханов Г., Чижов Д. Некоторые подходы к построению имиджевой стратегии политических партий в новых условиях партийной и избирательной системы // *Война по правилам и без ...* Технология изготовления предвыборных миражей. М., 2007. С. 157-158.

⁹ См.: Бродовская Е.В. Козволюция институциональных и социокультурных составляющих трансформационного процесса. Тула, 2009. С. 160.

УДК 323.212; 351/354; 352.075 (470.325)

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ*

Е.В. РЕУТОВ¹⁾**Р.А. БРУСЕНСКАЯ²⁾***Белгородский
государственный
университет*¹⁾ e-mail: reutovevg@mail.ru²⁾ e-mail: rim_san@mail.ru

В статье выявляются основные механизмы обратной связи в пространстве регионального и муниципального управления. Рассматриваются основные тенденции в ее динамике, обусловленные развитием информационно-коммуникативных технологий и изменением нормативно-правовой базы. На основании анализа содержания веб-сайтов субъектов федерации и муниципальных образований даются практические рекомендации в целях корректировки механизмов регионального и муниципального управления в сфере организации обратной связи.

Ключевые слова: региональное и муниципальное управление, обратная связь, информационно-коммуникативные технологии.

Стратегическое управление развитием территорий предполагает комплексный учет актуальных и потенциальных потребностей и интересов основных социальных акторов, к которым относятся, прежде всего, различные социальные группы, корпорации, организации. Соответственно, для принятия эффективных управленческих решений, за которыми не последует их отторжение либо саботаж, требуется развитие механизмов обратной связи.

Между тем, формирование данных механизмов в настоящее время является не только одной из наиболее актуальных, но и одной из сложных проблем трансформации системы административно-политического управления. Проблематика открытости, прозрачности власти, хотя и постулировалась в качестве одной из целей административной реформы, длительное время не трансформировалась в действующие институты. Так, законопроект об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов МСУ был одобрен Правительством РФ еще в середине 2005 года. Однако соответствующий закон был принят лишь в 2009 году и вступил в действие 1 января 2010 года. Данным Законом фактически впервые в отечественном законодательстве было закреплено право граждан не только «получать достоверную информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», но и «не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, доступ к которой не ограничен», а также «обжаловать в установленном порядке акты и (или) действия (бездействие) государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и установленный порядок его реализации»¹.

Немаловажное значение для формирования механизмов обратной связи имеет также предусмотренное Законом обеспечение присутствия граждан, представителей организаций и общественных объединений на заседаниях коллегиальных государственных органов и коллегиальных органов местного самоуправления².

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Федерального агентства по образованию по реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. №1173.

¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lenizdat.ru/cgi-bin/redirect?l=ru&b=1&i=1071604>.

² См.: Там же.

Принятие и вступление в силу данного закона формирует важнейшие институциональные предпосылки открытости регионального и муниципального управления и инкорпорированию общественного мнения в практику управления и принятия решений. Тем не менее, как и в любом другом случае, принятие данного закона не является автоматической предпосылкой развития обратной связи между управленческими структурами и сообществом. Не говоря о недостаточном уровне гражданской активности населения, следует указать на некоторые потенциальные проблемы в реализации отдельных положений указанного закона. Так, в частности, запросы граждан могут остаться без ответа в случае ограниченного доступа к запрашиваемой информации. Соответственно, проблемы в разграничении открытой информации и информации ограниченного доступа могут послужить барьером в информировании граждан. Не вполне четко прописанные критерии, в соответствии с которыми информация предоставляется бесплатно, а также сам факт коммерциализации информационного обмена могут негативно повлиять на функционирование каналов обратной связи.

Процедура обеспечения присутствия граждан на заседаниях коллегиальных государственных органов и коллегиальных органов местного самоуправления требует также дальнейшего нормативного оформления.

Тем не менее, в процессе реализации Закона могут быть минимизированы разрывы в политическом пространстве региона, уменьшена социальная дистанция между властью и сообществом. В долгосрочной перспективе данная практика может способствовать рационализации политического участия. Институционализированное «общественное мнение» может способствовать восполнению дефицита самоорганизации в российском обществе и организации государственно-гражданского дискурса по общезначимым проблемам. От неразвитости последнего, по мнению Е.В. Горбачевой, «страдают и система государственного управления, лишаясь гибкости и адаптивности, и пространство самоорганизации, развитие и укрепление которого напрямую зависит от воспитания в россиянах культуры политического участия. Отчуждение граждан от власти как результат неразвитости государственно-гражданского дискурса делает проблематичным их эффективное участие в процессах управления»³.

Роль общественного мнения в обществе заключается в реализации им своего рода «социальной власти» – власти, которая детерминирует поведение субъектов социального взаимодействия. Реакция населения на те или иные события социальной жизни предстает постоянно действующим фактором⁴.

Однако строительство институциональных оснований инкорпорации общественного мнения в практику функционирования региональной и местной власти возможно не только посредством оформления процедуры запросов граждан, но и использования механизмов региональных референдумов и введения социологических опросов в практику разработки социальных проектов и принятия управленческих решений.

Региональные референдумы могут инициироваться по тем проблемам, которые затрагивают интересы большинства населения, либо тем, в которых заложен значительный потенциал конфликта между управленческими решениями региональной и местной власти, с одной стороны, и ценностями и интересами регионального сообщества, с другой. В целях реализации региональными и местными референдумами функции легитимации политических решений региональной и местной власти следует законодательно расширить круг вопросов, по которым могут быть инициированы референдумы, и перечень вопросов, по которым региональная и местная власть обязана проводить референдум.

³ Горбачева Е.В. Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 18-19.

⁴ См.: Галимова М.А. Общественное мнение и власть: социально-философский анализ взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 12.

Институционализация социологических опросов населения по проблематике принимаемых региональной властью решений также является достаточно эффективным механизмом включения общественности в процессы коммуникации с властью и минимизации разрывов в социальном пространстве. Однако, по сравнению с референдумами, проведение опросов менее затратно, и, что не менее важно, позволяет включить в процессы коммуникации пассивные сегменты общественности. Причем, разработка инструментария и техники проведения опросов потребует привлечения научного сообщества, тем самым способствуя увеличению их функции в создании «политической формулы» и корректировке механизмов реализации власти.

Инкорпорированию общественного мнения в практику принятия решений могут способствовать технологии «электронного правительства» (хотя сами по себе они намного шире и не сводятся к тому, что граждане могут в режиме on-line давать оценку власти или ее решениям). Повышение уровня «электронного» участия граждан в политической коммуникации, в принципе, может существенно снизить социальную апатию населения и увеличить объем социального капитала, являющиеся существенными предпосылками легитимации. С точки зрения Ю.В. Ирхина, электронное правительство позволяет обеспечить три существенных компонента легитимации управления: публичность, участие и онлайн-транзакции⁵. Особенно важное значение в контексте легитимации управления имеет участие. «Электронное участие» предполагает: электронное информирование граждан правительством со своего веб-сайта относительно программ, бюджетов, законов и всего, что имеет ключевое значение для общества; электронные консультации. Причем, посетители правительственного веб-сайта могут выбирать тему общественной политики для онлайн-обсуждения; электронное принятие решений с участием граждан страны, при этом правительство обеспечивает обратную связь по результатам решения конкретных проблем.

Однако для внедрения «электронной демократии», как и для обычной, также должны наличествовать определенные предпосылки – хотя бы определенный уровень гражданского участия и самоорганизации населения, не говоря уже о его информационной компетентности. Абсентеизм в физическом пространстве не превратится в свою противоположность в пространстве виртуальном. Поэтому стратегии по формированию «электронного правительства» очень часто имеют не столько функциональный, сколько имиджевый эффект. Хотя в контексте легитимации не стоит недооценивать и такой результат – «восприятие населением государства как прозрачного и подотчетного является таким же важным результатом, как и реальная подотчетность»⁶.

Воплощением признания роли ИКТ в системе государственного управления в России стала Федеральная целевая программа «Электронная Россия», принятая в 2002 году. Ее целью является «создание условий для развития демократии, повышение эффективности функционирования экономики, государственного управления и местного самоуправления за счет внедрения и массового распространения информационных и коммуникационных технологий, обеспечения прав на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, расширения подготовки специалистов по информационным и коммуникационным технологиям и квалифицированных пользователей»⁷. То есть, основная цель Программы – повышение эффективности государственного управления за счет внедрения информационных технологий.

⁵ См.: Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2006. №1. С. 73-82.

⁶ Солодов В. Электронная бюрократия: постбюрократия или сверхбюрократия? // Власть. 2007. №4. С. 41.

⁷ О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)»: постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 531.

Реализация ФЦП «Электронная Россия» должна осуществляться в три этапа:

1. Внедрение и использование ИКТ для расширения доступа к правительственной информации;
2. Расширение гражданского участия в государственном управлении посредством создания различных форумов, обеспечения возможности двусторонней связи органов власти с гражданами;
3. Предоставление государственных услуг в режиме он-лайн.

Одним из компонентов реализации Программы на первом этапе должно стать создание официальных сайтов каждого органа власти на федеральном и региональном уровне, а также органов местного самоуправления и наполнение их информационным содержанием.

В июле 2006 г. в рамках федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)» и Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003 – 2005 годы) Правительство РФ утвердило «Концепцию региональной информатизации до 2010 года». Эта концепция, в частности, предусматривает создание в каждом регионе собственного «электронного правительства» и введение стандартов региональной информатизации. В соответствии с Концепцией, одним из приоритетных направлений государственной поддержки региональной информатизации является реализация проектов, направленных на развитие инфраструктуры, обеспечивающей доступ граждан и организаций к информации о деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Введение в эксплуатацию региональных информационных систем предусматривается на третьем этапе реализации данной Концепции в 2010 году⁸.

Между тем, анализ основных принципов функциональных подсистем и элементов инфраструктуры электронного правительства региона, зафиксированных в Приложении к данной Концепции, показывает, что элементы публичности и особенно интерактивный компонент технологии «электронного правительства» минимальны. Приоритетными же компонентами являются: создание информационно-аналитической подсистемы органов власти, в том числе, баз данных; информационная безопасность; объединение региональных и муниципальных информационных структур в региональную информационную систему; интеграция региональных информационных систем в вертикальную (с федеральными органами) и горизонтальную (с другими регионами) коммуникации⁹. Следовательно, и в регионах больше всего озабочены созданием информационно-технологической инфраструктуры (веб-сайтов органов государственной и муниципальной власти) и мероприятиями по повышению эффективности деятельности органов власти, имеющими экономический эффект (прежде всего, регулированием системы закупок для государственных и муниципальных нужд, электронного документооборота в налоговой сфере и т.п.).

То есть внедрение технологий «электронного правительства» парадоксальным образом может стать дополнительным фактором отчуждения от власти большинства населения, не владеющего информационными технологиями и не имеющего открытого или постоянного доступа к информационно-коммуникационным системам. Анализ экспертами первого и второго этапов реализации ФЦП «Электронная Россия» (2002-2004 гг.) показал, что Программа не только не облегчила жизнь россиян, но, наоборот, усложнила: чем больше становится компьютеров в органах власти, чем больше сохраняется в них информации о гражданах и их бизнесе, тем больше органы власти требуют у граждан эту же информацию на бумаге с подписью и печатью¹⁰.

⁸ См.: Концепция региональной информатизации до 2010 года. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2006 г. №1024-р // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regions.e-rus.ru/site.shtml?id=86>

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Саратовское облправительство готовится стать электронным // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://government.e-rus.ru/site.shtml?id=83&n_id=9855

Разработанная и принятая в Белгородской области в сентябре 2008 года целевая программа «Открытая власть» предназначена для организации «открытого, публичного диалога между властью и обществом с использованием каналов массовых коммуникаций». Также ее целью является «развитие институтов гражданского общества Белгородской области»¹¹. Однако анализ ее содержания показывает, что основные акценты Программы расставлены на деятельности средств массовой информации, призванных обеспечивать «информирование населения о готовящихся и принимаемых решениях на всех уровнях власти». Так, из 22 индикаторов оценки эффективности реализации мероприятий Программы 17 имеют непосредственное отношение к функционированию СМИ. В то же время иные механизмы формирования системы открытости власти, в частности, касающиеся инициативного доступа граждан к информации о деятельности государственных и муниципальных органов, в качестве таких индикаторов не представлены. Хотя в числе мероприятий Программы следует отметить потенциальную значимость для формирования каналов обратной связи создания единой базы данных – Информационного центра и реализацию проекта «Диалог с властью»¹².

Проведенное в июле 2009 г. исследование Интернет-ресурсов региональных органов власти субъектов Центрального федерального округа отразило определенную позитивную динамику в сфере электронных коммуникаций «власть – население». Те или иные формы электронных интеракций (не считая наличие электронных адресов различных подразделений) зафиксированы на 15 веб-сайтах из 17. Прежде всего, это Интернет-приемные. Онлайн-мониторинг общественного мнения по актуальным проблемам регионального развития проводится по-прежнему в 4 регионах. Получила развитие такая функция, как «Вопрос Губернатору и Правительству» или «Диалог власти и населения» – 3 региона (Владимирская, Костромская, Тамбовская области). Новыми формами Интернет-коммуникаций стали форумы для обсуждения частных и общественных проблем, организованные на веб-сайтах 3 регионов (Владимирская, Костромская и Ивановская области); онлайн-приемы граждан (Московская область). Обсуждение проектов нормативных актов предусматривает веб-сайт Администрации Тамбовской области.

Однако если на региональном уровне информационно-коммуникативные технологии позволяют организовать, хотя и с определенными ограничениями, электронные коммуникации власти и граждан, на муниципальном уровне электронная инфраструктура остается достаточно неразвитой. Для органов местного самоуправления Белгородской области проблема создания и эффективного функционирования официальных сайтов до сих пор остается нерешенной. Основная причина формирования и функционирования информационного пространства муниципальных образований в Белгородской области заключается в противоречии между обязательным наличием официального сайта у каждого муниципального района и отсутствием четко обозначенной стратегии создания информационной базы Белгородской области.

В целях исследования степени сформированности Интернет-пространства муниципального управления нами были изучены официальные сайты муниципальных образований Белгородской области. Следует отметить тот факт, что из 22 муниципальных образований только 19 создали свои сайты. Для оценки содержания веб-сайтов муниципальных образований нами были разработан ряд критериев.

Для того, чтобы осуществлять функции представления (презентации) муниципального образования, информирования и обратной связи, официальный веб-сайт должен включать следующие содержательные компоненты или опции:

¹¹ Постановление Правительства Белгородской области от 15 сентября 2008 г. №226-пп «Об утверждении Программы "Открытая власть"» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ukaz.ru/tif.php?Image=10280>

¹² См.: Там же.

1. Сведения о муниципальном образовании (название, символика, достопримечательности, история);
2. Структура местной администрации;
3. Основные нормативно-правовые акты (обязательный минимум – устав муниципального образования);
4. Новости;
5. Правила размещения муниципального заказа;
6. Информация о публичных слушаниях;
7. Информация о районной прессе;
8. Ежедневное обновление;
9. План мероприятий.

В качестве дополнительного критерия следует выделить наличие интернет-приемной. Однако именно данный компонент остается наиболее проблемным. Отчасти причина этого заключается в том, что уровень информационной развитости и культуры населения в большинстве муниципальных образований области остается недостаточно высоким. Но, следует отметить, отсутствие возможности онлайн-коммуникаций еще в большей степени консервирует отсталость информационно-коммуникативной культуры.

Анализ структуры и содержания официальных веб-сайтов муниципальных образований Белгородской области показывает следующее.

Сайт Белгородского района отвечает практически всем выделенным критериям, кроме размещения нормативно-правовых актов. Также можно отметить один плюс – размещение графика приема граждан и информации о муниципальной службе и кадровом резерве.

На сайте Алексеевского района из официальной информации представлены новости, герб, карты города, района и области, история и информация о городе. Также размещены нормативные документы. Далее идут, новинки кино, обои и заставки. Несомненным плюсом является наличие форума, на котором жители обсуждают проблемы города Алексеевки и района в целом.

Сайт Волоконовского района больше напоминает информационно-развлекательный портал, нежели сайт муниципального образования. Официальная информация представлена новостями, а далее идут флеш-игры, гороскоп, анекдоты, фото-приколы и т.п.

Сайты Грайворонского, Яковлевского и Старооскольского районов полностью соответствует обозначенным критериям.

На веб-сайтах Краснояружского, Ракитянского, Шебекинского и Корочанского районов не представлены нормативные документы. В остальных сайтах соответствуют обозначенным критериям.

Необходимо добавить, что нами были изучены официальные веб-сайты городских округов – Белгородского, Губкинского и Старооскольского. В основном сайты данных муниципальных образований соответствуют предложенным критериям и могут выступать в качестве примера при разработке сайтов для муниципальных районов.

Однако, следует отметить, что у сайта Губкинского городского округа недостаточно удобная система навигации и отсутствуют нормативные акты.

На веб-сайте Старооскольского городского округа не представлены сведения о муниципальном заказе.

Одно из предназначений создания веб-сайтов муниципальных образований – налаживание оперативного и беспрепятственного обмена информацией между населением и органами власти. Представляется, что одним из главных составляющих сайтов должно стать наличие интернет-приемных или так называемых гостевых книг. Обязательным условием для использования данного ресурса является информирование жителей о возможности подобного выражения своих проблем и мнений. Для реализации этой функции на веб-сайте города Белгород был создан форум.

Таким образом, на основании изучения официальных веб-сайтов муниципальных районов Белгородской области можно сделать вывод о том, что в регионе не существует единой выработанной стратегии создания официальных сайтов муниципальных образований и нет четко обозначенных критериев для их оценки. Официальный сайт муниципального образования, прежде всего, должен содержать информацию нормативного, а не развлекательного характера и способствовать налаживанию обратной связи между органами местного самоуправления и населением муниципального образования.

В целях корректировки реализации такого важнейшего компонента регионального и муниципального управления, как обратная связь и онлайн-коммуникации, мы считаем возможным сформулировать следующие практические рекомендации органам регионального и муниципального управления Белгородской области.

В целях формирования социально эффективных форм «электронного правительства» Концепция региональной информатизации должна предусмотреть минимальные требования к типовому проекту официального веб-сайта органов исполнительной и законодательной власти регионов, который бы включал: возможность обращения с вопросами и жалобами (при этом срок ответа целесообразно сократить до 15 дней); возможность обращения с предложениями и замечаниями в адрес органов власти с обязательным их размещением на портале; проведение Интернет-опросов по наиболее значимым проблемам и законопроектам с введением порядка учета мнения граждан, а также для оценки социальной эффективности деятельности конкретных властных структур.

На официальных веб-сайтах органов регионального управления целесообразно организовать Интернет-трансляции заседаний коллегиальных органов исполнительной власти и региональных законодательных собраний. С одной стороны, это будет способствовать прозрачности административно-политического управления, его методов и процедур, с другой – послужит фактором, мобилизующим имиджевые и коммуникативные характеристики субъектов регионального и муниципального управления.

Необходимо законодательно закрепить обязательность создания и функционирования официальных веб-сайтов муниципальных районов. Основные содержательные и функциональные компоненты веб-сайтов должны получить нормативное закрепление и служить критериями для их оценки в процессе мониторинга.

В результате реализации указанных мер процесс стратегического управления в регионе получит дополнительные легитимирующие его обоснования, а также приобретет возможности оперативной коррекции в соответствии с интересами основных социальных акторов регионального пространства.

MECHANISMS OF FORMATION OF FEEDBACK IN REGIONAL AND MUNICIPAL MANAGEMENT

E.V. REUTOV¹⁾

R.A. BRUSENSKAYA²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: reutovevg@mail.ru

²⁾ e-mail: rim_san@mail.ru

The article deals with the basic feedback mechanisms in the area of regional and municipal management. The basic tendencies in its dynamics, caused by development of information-communicative technologies and change of its standard-legal base are considered. On the basis of the analysis of the maintenance of web sites of subjects of federation and municipal unions practical recommendations with a view of updating of mechanisms of regional and municipal management in sphere of the organization of feedback are made.

Key words: regional and municipal management, feedback, information-communicative technologies.

СПЕЦИФИКА МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СФЕРАХ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

С.В. ПУШКИН

*Ставропольский
государственный
университет*

e-mail: aspirant87@rambler.ru

Показана специфика муниципальной политики Ставропольского края в различных социальных сферах. Делается вывод о необходимости поиска новых форм стимулирования активности гражданского общества, элементом которого являются муниципальные образования.

Ключевые слова: муниципальная политика, Северо-Кавказский Федеральный округ, Ставропольский край, экономическая сфера, социальная сфера, политическая сфера.

В узком смысле муниципальная политика – это система взаимоувязанных целей муниципальной деятельности и механизмов их реализации¹; муниципальная политика – приведение в жизнь решений муниципальных властей². В широком смысле муниципальная политика – это искусство управления муниципальным образованием, ведение муниципальных дел, содержание деятельности муниципальных органов власти. Всякие элементы муниципального управления приобретают политический характер, если затрагивают интересы социальных групп, классов, широких слоев населения³; муниципальная политика – система целей муниципальной деятельности и способов их достижения на основе властных полномочий, закрепленных за органами местного самоуправления⁴.

Либеральные теоретики основное внимание уделяют выборам, политическому участию в местных органах власти, конкуренции между партиями, политическому руководству и осуществлению власти на местах, оценивая каждый из этих пунктов, прежде всего, с точки зрения таких ценностей, как общественный интерес, доступность и подотчетность, а также эффективность исполнительной и административной деятельности⁵. Однако и здесь следует делать выбор между альтернативными решениями в пользу той или иной программы или защиты определенных интересов⁶. В зависимости от выбора направления специфика муниципальной политики выражается в различных социальных сферах:

– экономической (стабилизация экономического положения; использование местных и региональных ресурсов; формирование в муниципальном образовании механизма саморазвития; формирование рыночной инфраструктуры; создание системы финансово-экономических мер; оказание поддержки предприятиям; развитие малого предпринимательства);

– социальной (улучшение состояния окружающей среды; удержание на социально безопасном уровне безработицы; поддержка населения живущего ниже уровня прожиточного минимума);

¹ Система муниципального управления: Учебник для вузов. Издание 3, дополненное и переработанное / Под ред. В. Б. Зотова. СПб., 2008. С. 94.

² Избиратель.ру. Онлайн журнал о выборах. Словарь терминов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izbiratel.ru/tesaurus/204/4544/>

³ Васильев А.А. Муниципальное управление: Конспект лекций. Изд. 3-е, испр. и доп. Н. Новгород, 2004. С. 86.

⁴ Система муниципального управления: Учебник для вузов. / Под редакцией В. Б. Зотова. СПб., 2005. С. 489.

⁵ Русский гуманитарный интернет-университет. Словари и справочники // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/content.aspx?dictid=45&wordid=192616>

⁶ Велинг Х.Г. Муниципальная политика // Региональное управление: зарубежный опыт. М., 1994. С. 52.

– политической (реализация прав и свобод гражданина и человека на территории муниципального образования; соответствие принимаемых решений важнейшим интересам населения, тенденциям социально-экономического развития и морально-психологической ситуации в муниципальном образовании; реализация отработанных демократических процедур участия населения в управленческом процессе; учет общественного мнения)⁷.

Проблеме **стабилизации экономического положения** в Ставропольском крае уделяется большое внимание. Так Совет по вопросам местного самоуправления при председателе Государственной Думы Ставропольского края В.А. Коваленко, принял решение о том, чтобы рекомендовать Государственной Думе Ставропольского края обратиться к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с просьбой инициировать рассмотрение в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации вопросов, направленных на минимизацию проявлений финансово-экономического кризиса, в части: разработки правовых механизмов; принятия мер, направленных на приостановление роста тарифов на энергоносители; оказания финансовой помощи образовательным учреждениям среднего профессионального образования в целях подготовки специалистов по рабочим специальностям, организации популяризации рабочих профессий и недопущения увеличения числа безработных⁸.

Политика **формирования и использования местных и региональных ресурсов** в Ставропольском крае основывается на принципах: самостоятельности местных финансов; государственной финансовой поддержки; гласности формирования и использования финансовых ресурсов.

Органы местного самоуправления Ставропольского края, с учетом имеющихся финансовых возможностей (исключая средства, передаваемые в порядке оказания финансовой помощи), вправе увеличивать социальные нормы, нормативы минимальной бюджетной обеспеченности. Также органы местного самоуправления при формировании местных бюджетов обязаны руководствоваться государственными минимальными социальными стандартами, социальными нормами, нормативами минимальной бюджетной обеспеченности. В качестве составной части местных бюджетов могут быть предусмотрены сметы расходов отдельных населенных пунктов и территорий, не являющихся муниципальными образованиями.

Укрепление финансовых основ местных бюджетов, закрепление в действующем законодательстве механизмов обеспечения устойчивых, стабильных источников пополнения в местный бюджет⁹ – первоочередные меры **формирования в муниципальном образовании механизма саморазвития**. Саморазвитие муниципального образования, синтезирующееся в самокупаемости, самофинансировании и самоуправлении, предполагает эффективное использование всех ресурсов территории, включая природные, материальные, интеллектуальные, трудовые, информационные, выступающие базовыми источниками ее финансовых ресурсов. Максимальное расширение экономических связей с другими территориями – один из решающих факторов саморазвития. Его основной целью является «выравнивание» социально-экономических условий территории с более развитыми регионами при ис-

⁷ Муниципальное управление: Метод. указ. / Сост.: И.В. Гиясова, О.Н. Кожухина. Тамбов, 2006. С. 5.

⁸ Решение Совета по вопросам местного самоуправления при председателе Государственной Думы Ставропольского края «О принимаемых органами государственной власти Ставропольского края антикризисных мерах, направленных на стабилизацию экономики, и взаимодействии органов государственной власти Ставропольского края и органов местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края в целях преодоления финансово-экономического кризиса» от 20 марта 2009 года №5 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dumask.ru/org/smest/activity/14173/>

⁹ Мокрый В.С. Проблемы реформирования межбюджетных отношений как основа местного самоуправления // Финансы. 2001. №1. С. 9.

пользовании для этой цели, прежде всего, собственных источников и скрытых резервов, а не трансфертов и дотаций из федерального и регионального центров¹⁰.

Одной из особенностей современного этапа развития страны является повышение роли и **совершенствование рыночной инфраструктуры**¹¹. Влияние муниципальной политики должно распространяться на основные элементы инфраструктуры современного рынка которыми являются: биржи (товарные, сырьевые, фондовые, валютные), их организационно оформленное посредничество; аукционы, ярмарки и другие формы организационного не биржевого посредничества; кредитная система и коммерческие банки; эмиссионная система и эмиссионные банки; система регулирования занятости населения и центры государственного и негосударственного содействия занятости (биржи труда)¹². Одним из главных стратегических направлений развития рыночной инфраструктуры муниципалитета можно считать обеспечение стабильного повышения материального благосостояния населения, условий для всестороннего развития людей.

Реализация финансово-экономических мер в период кризиса является адекватной реакцией местных органов власти Ставропольского края, политика которых направлена на реализацию плана антикризисных мер. Сущность данного плана заключается в поддержке краевых производителей, осуществлении поддержки малого и среднего предпринимательства, обеспечении функционирования системы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере инновационной деятельности, проведении мониторинга рынка труда и осуществлении социальной поддержки граждан, разработке мер по обеспечению оптимизации бюджетных расходов¹³.

Вопрос **поддержки предприятий**, а также **развитие малого предпринимательства** достаточно детально регламентирован на законодательном уровне. Правительством Ставропольского края проводится системная работа в области имущественной поддержки, налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства, укрепления системы подготовки кадров, развития инновационного малого и среднего бизнеса.

На основании мониторинга, проведенного в апреле 2009 года общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», Ставропольский край занимает первое место среди субъектов Российской Федерации по качеству критериев реализации Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Постановлением Правительства Ставропольского края от 11 сентября 2008 г. № 142-п создан координационный совет по развитию малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае, заседания которого проводятся регулярно. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 15 мая 2008 года № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности»¹⁴ в октябре 2008 года при Прокуратуре

¹⁰ Максимов А.В. Управление финансами муниципальных образований в современной России (Теория и практика): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Ростов н/Д. С. 8.

¹¹ Экономическая теория / Под ред. В.С. Яковлева. М., 2007. С. 271.

¹² Куликов Н.М. Основы экономической теории. М., 2006. С. 318.

¹³ Министерство экономического развития Ставропольского края. План антикризисных мер // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stavinvest.ru/?__=582

¹⁴ Указ Президента РФ «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» от 15 мая 2008 №797 // Российская газета. №105. 17.05.2008.

Ставропольского края создан общественный совет по соблюдению прав субъектов предпринимательской деятельности¹⁵.

Формируя и реализуя местную экономическую политику, муниципальное образование должно выполнять несколько актуальных задач: насыщать экономическую среду информацией, что способствует более рациональному планированию деятельности частных компаний; задавать допустимые параметры частного интереса и средств его достижения; определять цели социально-экономического развития муниципального образования и непосредственно регулировать хозяйственные пропорции в местной экономике; быть гарантом стабильности в сфере экономической политики. Для решения данных задач муниципальные органы власти должны обладать определенным инструментарием влияния на экономику и системой институтов власти, способных их применять через соответствующие формы воздействия. Необходимо также четкое определение меры ответственности данных институтов и их возможностей.

Для осуществления муниципальной политики в сфере социальной поддержки населения, в муниципальных образованиях создаются различные учреждения социального обслуживания, а в структуре местных администраций – органы (отделы, комитеты, департаменты) социальной защиты.

Социальное обслуживание малоимущих граждан в Ставропольском крае сегодня осуществляет целая система учреждений. О значимости муниципальной политики в сфере оказания социальной помощи свидетельствует то, что в Ставропольском крае принят и с 1 января 2008 года вступил в силу закон от 19 ноября 2007 года № 56-кз «О государственной социальной помощи населению в Ставропольском крае». Он предусматривает оказание государственной социальной помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, среднедушевой доход которых по независящим от них причинам ниже величины прожиточного минимума, установленного в Ставропольском крае¹⁶. На смену категорийному должен прийти адресный подход (о чём неоднократно упоминал президент Российской Федерации – Д.А. Медведев) в оказании государственной социальной поддержки жителей края.

В вопросе **занятости населения** следует отметить, что около 70% реально безработных не обращаются (и никогда не обратятся) в ГСЗН, по причине низкой эффективности ее работы, а занимаются поиском работы сами, через родственников, друзей, знакомых или прибегают к услугам кадровых агентств, негосударственных бюро и фирм. Однако есть надежда, что рынок труда Ставропольского края будет меняться, приобретая все более «реальное лицо», стирая грань между официальной и реальной картиной¹⁷.

Труднее всего найти работу дипломированным юристам и экономистам. А официально заявленные вакансии чаще всего предназначены имеющим стаж и опыт работы слесарям, строителям, сварщикам. Муниципалитетам необходимо разрабатывать долгосрочные программы по привлечению и занятости населения.

Необходимо стимулирование целостного развития местного сообщества соответствующего муниципального образования, обеспечивающего создание благоприятных условий жизнедеятельности населения.

Муниципальная политика в политической сфере находит своё выражение в **реализации прав и свобод человека и гражданина на территории муници-**

¹⁵ Официальный информационный Интернет-портал органов государственной власти Ставропольского края // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stavregion.ru/economy/maloe_predprinimatelstvo/krizis/

¹⁶ Закон Ставропольского края «О государственной социальной помощи населению в Ставропольском крае» от 19.11.2007 № 56-кз (ред. от 12.03.2009) // «Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края». 15.12.2007. № 33. ст. 6853.

¹⁷ Эшроков В.М. Региональные трансформации в занятости населения Ставропольского края при переходе к рынку // Успехи современного естествознания. 2007. №12. С. 396.

пального образования. Муниципалитетам необходимо провести резкое разграничение в вопросе различия «прав человека» и «прав гражданина», для того, чтобы пределы реализации права устанавливались при наличии определённого статуса – человек или гражданин.

Принятие муниципалитетами политических решений – основной элемент преобразования политических требований различных групп и граждан в приемлемые для всего общества средства и методы регулирования социальных отношений в интересах населения, проживающего на территории муниципального образования.

Регулирование муниципальными властями политики, направленной на стабилизацию морально-психологической ситуации в Ставропольском крае играет немаловажную роль. В Ставропольском крае накоплен существенный политико-управленческий опыт в сфере этнических и этноконфессиональных отношений, миграции, формирования национально-культурных институтов гражданского общества. Зачастую механизмы влияния на политический процесс утрачивает именно гражданское общество, что грозит развитием конфликта между обществом и муниципалитетом, снижением политической активности и гражданского участия населения в управлении государством, бесконтрольностью органов и структур власти.

Выражение **участия населения в управленческом процессе** в форме прямого волеизъявления граждан можно разделить на три группы. Во-первых, референдум, выборы, общие собрания населения, характеризующие императивную функцию непосредственной демократии. Во-вторых, митинги, шествия, демонстрации, пикетирования как инструмент сопоставления воли народа и формируемого им органа власти, выполняющего регулятивную функцию. В-третьих, народная инициатива, деятельность политических партий, отзыв выборного народного представителя, сочетающие обе эти функции народного волеизъявления¹⁸.

Спецификой Северо-Кавказского федерального округа является реализация форм казачьего самоуправления, широко распространенных в Ставропольском крае и ряде северокавказских республик. Согласно принятой 3 июля 2008 г. «Концепции государственной политики в отношении российского казачества», одним из основных принципов данной политики является взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления с казачьими обществами¹⁹. Следовательно, разнообразие форм прямого волеизъявления граждан при участии населения в управленческом процессе должно не только организовывать власть и управление на местах, но и содействовать непосредственному включению населения в процесс развития территории его проживания, обеспечивать общественную поддержку осуществляемых в стране социально-экономических и политических преобразований.

Одним из основных принципов построения муниципальной политики в Ставропольском крае является **учёт общественного мнения**²⁰. Низкий статус учёта общественного мнения в России объясняется не только его незрелостью, но и неразвитостью институтов гражданского общества. Действенно-практический характер общественного мнения проявляется, как правило, не сам по себе. Для своего выражения он требует определенных организационных форм – институтов и организаций, которые, опираясь на поддержку общественного мнения способны вести длительный и регулярный диалог с властью или бизнес-структурами. Вне этих форм сила давле-

¹⁸ Народовластие в России – очерк истории и современного состояния / Под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 1997. С. 65-66.

¹⁹ Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества от 3 июля 2008. Официальный сайт президента России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tours.kremlin.ru/text/docs/2008/07/203446.shtml>

²⁰ Закон Ставропольского края «О территориальном общественном самоуправлении в Ставропольском крае» от 31.12.1996 № 44-кз // Режим доступа: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/list_statutes/printable.php?do4=card&id4=47e9edd9-45fa-437d-969f-95f65c89707c

ния общественного мнения может проявиться в основном лишь в отдельных спонтанных акциях протеста (забастовки, митинги и др.)²¹.

Таким образом, муниципальная политика в политической сфере в основном направлена на управление муниципальными и общественными делами, но она также включает деятельность по формированию политического сознания людей, политическую пропаганду и агитацию, политическую организацию. Общая цель муниципальной политики, проводимой в Ставропольском крае, – повышение уровня и качества жизни населения муниципального образования, расширение возможности народо-власти и укрепления публичной власти, что способствует повышению ее эффективности. Для развития муниципального образования необходимо глубокое и всестороннее изучение специфики муниципальной политики в крае, что будет способствовать дальнейшей разработке научно обоснованных системных решений, созданию эффективного механизма управления.

SPECIFICITY OF THE MUNICIPAL POLICY IN VARIOUS SOCIAL SPHERES (ON THE EXAMPLE OF STAVROPOL TERRITORY)

S.V. PUSHKIN

Stavropol State University

e-mail: aspirant87@rambler.ru

Specificity of a municipal policy of Stavropol Territory in various social spheres is shown. The conclusion is about necessity of search of new forms of activity stimulation of the civil society of which municipal unions became an element.

Key words: municipal policy, the North Caucasian Federal District, Stavropol Territory, economic sphere, social sphere, political sphere.

²¹ Комаровский В. С. Государственная Служба и СМИ. Воронеж, 2003. С. 107.

УДК 327.5

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.Г. КАЛЮЖНЫЙ*Сызранское высшее военное
авиационное училище летчиков
(военный институт)**e-mail: vadim.kalyuzhnyy@bk.ru*

Статья посвящена исследованию проблемы становления и эволюции геополитических процессов способствующих реализации различных парадигм мироустройства. Затрагиваются вопросы трансформации механизмов развития и функционирования мирового порядка. Автор анализирует проблему определения геополитической модели будущего.

Ключевые слова: мировой порядок, геополитическое противоборство, многополярный мир.

Нарастающие процессы глобализации все более отчетливо выявляют фундаментальные императивы при выработке такой модели мироустройства, геополитическая конфигурация которой была бы устойчивой, стабильной, надежной, интегрирующей как национально-государственные, так и транснациональные интересы.

В настоящее время существует достаточно большое количество концептуально оформленных вариантов трансформации миропорядка, в которых авторы на основе анализа тенденций прошлого тенденции осуществляют среднесрочные и даже долгосрочные прогнозы (перспективы) развития человеческого общества. В действительности же, все они, так или иначе, существуют и развиваются в рамках двух базовых дихотомийных направлений. Первое, основывается на классических геополитических стереотипах глобального господства, осуществляющееся из одного центра силы, под эгидой внешнеполитической доктрины США (концепции: «конца истории» Ф. Фукуяма, «глобального хаоса» Д. Мирсхаймера, «униполярной интеграции» Ч. Краутхаммера, А. Страуса, «многоуровневой взаимозависимости» – Д. Най, «военно-силового доминирования» – Г. Моргентау, К. Райс, «единственной сверхдержавы» – Зб. Бжезинский). Второе направление ориентирует социум на новые геополитические модели, в которых сделан акцент на геополитический плюрализм, является, по своей сути, альтернативой униполярной гегемонии США (концепции: «национально-религиозного фундаментализма» – А. Глюксман, «экологического фатализма» – П. Галуа, «транснационального корпоративного монизма» – Б. Варюсфель, «цивилизационного плюрализма» – С. Хантингтон, «регионального детерминизма» – Г. Киссенджер, Э. Рубинштейн, «многополярного конструктивизма» – Е. Примаков, «полицентрического «сетевого» мира» – Д. Розенау).

Особенности геополитической структуры мира в XXI в. Изучение и анализ поведения геополитических акторов их действий и взаимодействий в реализации своих глобальных геостратегических интересов предполагает учет следующих обстоятельств:

во-первых, стремление Соединенных Штатов Америки, опираясь на свою экономическую, политическую и военную мощь, сохранить и по возможности укрепить свое единоличное доминирование в мире;

во-вторых, глобализацию и унификацию мировой экономики, которые сопровождаются потерей или ослаблением суверенитета национальных государств, а также появлением на политической арене новых акторов в лице различного рода неправительственных организаций, транснациональных корпораций, полукриминальных сетевых структур и т.д.;

в-третьих, поиск целым рядом государств, своего геополитического кода развития, социокультурной и цивилизационной идентичности и привлекательности, базирующиеся на возврате утраченных культурных традиций, устоев, исторических святынь и т.д.;

в-четвертых, все более усиливающееся социальное неравенство в мире, ведущее к росту недовольства и возмущения бедного большинства мирового сообщества, способное пошатнуть выстроенную Западом иерархию «золотого ядра» и периферии;
в-пятых, активизацию международного терроризма;
в-шестых, истощение сырьевых ресурсов и ухудшение состояния окружающей среды.

Несомненно, в современных переходных условиях многие центры силы стремятся упрочить свое положение за счет ослабевшей России, активно проникая в традиционно контролируемые ею геополитические зоны (политика США в Восточной Европе, пантюркистские призывы в Средней Азии, конфликты на Кавказе, ярко выраженные антироссийские действия японского парламента и т.д.). Становится очевидным: вытеснение Российской Федерации из мировой политики идет полным ходом. Подобными действиями, потенциальные геополитические противники России, в новом создающемся конструкте миропорядка, обеспечивают в первую очередь свои геополитические интересы. Можно согласиться с мнением И.Ф. Кефели, что «...в настоящее время для России крайне необходима новая стратегия геополитического развития, определяющая ее национальные интересы, цели и задачи, включая определение ее места в мире, союзников и противников как минимум на ближайшие 35-50 лет»¹.

Начиная со второй половины 20-го столетия в различных дискуссиях политических аналитиков (в первую очередь стран Запада) при исследовании процессов трансформации мирового порядка на передний план выходят три идеи.

Первая. Утверждение о капиталистической сущности современного мирового порядка. Так как существовавшая после Второй мировой войны борьба двух идеологических систем, завершилась победой Запада, а мировая социалистическая система и мировое коммунистическое движение потерпели крушение, капитализм (воплощенный прежде всего в рыночных отношениях) объявлен безальтернативной экономической основой современного мирового порядка, под знамена которого сегодня встали практически все независимые государства.

Вторая. Утверждение о либеральной природе политических ценностей, лежащих в основе современного миропорядка, и либеральном характере социально-политических ориентаций, определяющих поведение, как большинства суверенных государств (союзов государств), так и других (ТНК, МПО, МНПО, сетевых структур и т.д.).

Третья. Утверждение о «полярности» современного мирового социума. Сегодня специалисты, в основном, говорят о трех возможных геополитических сценариях будущего: униполярном (гомогенном), биполярном, полицентричном (гетерогенном) мире. Остановимся подробнее на этой идее полярности.

Униполярная модель. Ее становление апологеты США обосновывают тем, что Америка решительно превосходит все другие страны, доминирует в социально-экономической, общественно-политической, культурно-идеологической и военной сферах. ВВП США в кризисный 2009 г. составил 14,26 трлн. дол. (для сравнения: у Японии – 4,35 трлн. дол., Германии – 3,00 трлн. дол., России – 0,854 трлн. дол.)², военный бюджет США (3-3,5 % от ВВП) превышает военные расходы всего остального мира. Это определяет лидирующие позиции США в мире, хотя страна и имеет рекордный дефицит государственного бюджета в текущем 2009-2010 финансовом году – 1,56 трлн. долл.

В целом, немногие страны в мировой истории удовлетворяли требованиям мирового гегемона. В Европе Нового времени около 1500 г. геополитическим доминантом (гегемоном) была Португалия, полустолетием позже – Испания, примерно в 1620 г. – Нидерланды, Франция в 1690 и 1810 годах, Британия и царская Россия делили лавры гегемона с 1815 по 1913 годы, в последующем Германия дважды пыталась

¹ См.: Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. М., 2008. С. 132-136.

² См.: Мир в 2009 году. Лондон. Экономические публикации. С. 97-110.

стать мировым «жандармом», но безуспешно. Во второй половине XX столетия эту нишу уверенно занимали СССР и США, поделившие мир на две противоположные мировые идеологически разобобщенные системы. После распада СССР единственным гегемоном и мировым геополитическим доминантом стали Соединенные Штаты Америки.

Адепты однополярного мира утверждают, что сегодня государство-гегемон имеет возможность доминировать в межгосударственной системе без угрозы превращения его в империю. Более того, оно, по их суждениям, распространяет либеральные идеи, которые широко воспринимаются всем мировым сообществом (или его большей частью)³.

Полицентричная модель. Следующий сценарий развития мира, альтернативен униполярному варианту. Такие ученые как С. Коэн, Р. Кляйн, А. Богданов и другие, лидеры ряда государств доказывают, что обеспечение структурно стабильного мирового устройства, достигается в целом только за счет его гетерогенности и сбалансированности.

Их аргументы сводятся к следующему:

- полицентрическая конфигурация модели миропорядка в состоянии обеспечить стабильность и устойчивость мира благодаря тому, что геополитические регионы, в пределах которых находятся мировые центры силы, способны к установлению равновесия и сбалансированному развитию всей мировой геополитической системы;
- центры силы, представленные крупными державами, обладают значительными объемами потенциальной энергии, находясь в состоянии глобального взаимодействия, распространяют свое влияние далеко за пределы собственных границ. Так геополитическая система обретает предсказуемость и прогнозируемость развития, а значит, способность обеспечить глобальную безопасность.

Даже критические умы в США приходят к выводу о том, что «если ни мировое правительство, ни возглавляемая Америкой система обеспечения безопасности не способны дать достойные гарантии, тогда международный мир должен стать предметом совместной ответственности небольшой группы государств, каждое из которых возьмет на себя обязательства поддерживать мир в подведомственном регионе»⁴. Видный американский политолог представитель теории неореализма К. Уолтс пишет, «всем, кроме жертв близорукости, на горизонте видна многополярность... Более слабые государства системы будут стремиться восстановить баланс, повернуть систему к биполярности и многополярности»⁵.

Следует подчеркнуть, Российская Федерация твердо стоит на позиции построения полицентричного (гетерогенного) мира, о чем говорят последние документы федерального значения, принятые и утвержденные нашим политическим руководством. Так, в Концепции геополитического развития страны на период до 2050 г. сказано, что геополитические интересы России состоят в формировании многополюсного мира, а в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. прямо говорится о превращении России в мировую державу, деятельность которой будет направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира⁶.

Биполярная модель. Есть ряд ученых (К. Алдред, К. Уолтс, О. Арин, У. Кристофер и др.), которые не согласны с утверждениями о многополярной стабильности и устойчивости, считая гетерогенную структуру отношений с множеством центров силы как раз самой неустойчивой, хаотической системой «борьбы всех против всех». Это аргументируется тем, что из-за асинхронного развития государств,

³ См.: Kissinger H. Diplomacy. New York, 2004. P. 21.

⁴ См.: Santis De H. M. An American Strategy for the Next Century // World Policy Journal. Winter 2006. P. 49.

⁵ См.: Waltz K. Evaluating Theories // American Political Science Review. December 2007. P. 915-916.

⁶ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.scrf.gov.ru/documents/99.html

между ними возникает неравенство, вследствие чего работает «закон силы»: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего передел сфер мирового влияния. На протяжении истории полицентризм подразумевал скорее войну, чем мирное сосуществование примерно равных по могуществу государств. К контраргументам данного тезиса можно отнести то, что к мировым войнам приводит не многополярное балансирование, а скорее неумение и нежелание определенных сил играть по правилам.

Формирование биполярной геополитической структуры мира часто обосновывается действием основного закона геополитики, связанного с неизбежным противостоянием морских (талассократических) и континентальных (теллурукратических) государств, объединенных в два геополитических блока, между которыми разворачивается непримиримая борьба за влияние на мировой арене.

Кеннет Уолтс, в своей работе «Теория международной политики» видел значение биполярности в том, что она минимизирует неопределенность, так как число участников конфронтации в этой модели резко ограничено. Схожей точки зрения придерживается О.А. Арин подчеркивая неумолимую последовательность в смене фаз цикла развития международных отношений: «...в XXI веке нынешний однополярный мир сменится многополярностью, которая затем трансформируется в биполярность»⁷.

Действительно, с точки зрения задачи сохранения и поддержания международной стабильности биполярная модель мирового устройства представляется наиболее приемлемой. Однако с точки зрения интересов России эта модель не выглядит столь привлекательной. Полицентричная (гетерогенная) модель в наибольшей степени отвечает интересам нашего государства, хотя и усложняет несколько задачу поддержания стабильности на планете.

Именно к такой модели, модели полицентризма, в настоящее время и движется человечество, на что имеется целый ряд объективно обозначенных причин. В основе современной многополярности, идущей на смену геополитическому противостоянию Восток – Запад, лежит, прежде всего, распадение мира на соперничающие зоны внутренней экономической интеграции: Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), зона «большой китайской экономики», Европейский Союз, Российская Федерация с зоной СНГ, Япония и группа стран АСЕАН, торговый блок Южной Америки (МЕРКОСУР)⁸.

Представляется, что в формировании модели многополярного мира участвуют не только экономические, но и другие факторы, когда, например, каждая глобальная зона экономики составляет свою этнокультурную общность. Разрушение биполярной модели мироустройства вызывает, вопреки ожиданиям западных аналитиков, не стремление к единому центру (полюсу), а как раз наоборот – активное возвращение к собственным цивилизационным корням. В последнее время по всему миру отчетливо проявляется тенденция к созданию геополитических ареалов, в основе которых лежит этнокультурный, цивилизационный признак.

Полицентризм становится реальностью современной мировой системы. Углубляется объединение Европы на основе Маастрихтского договора, подписанного в 1992 г., растет влияние исламской цивилизации, на основе созданной в 1997 г. «исламской восьмерки» (D-8), происходит усиление и отдельных государств – в основном таких, которые сами по себе есть целые цивилизации или их крупнейшие представители. В первую очередь это относится к Китаю, Японии. Растет значение Индии. Все серьезнее заявляет о себе Бразилия.

⁷ См.: Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М., 2004. С 217.

⁸ См.: Неклесса А.И. Механика глобальной трансформации / Научный Совет РАН «История мировой культуры». Вып. 5. М., 2006.

Подчеркну еще раз – полицентричная, гетерогенно развивающаяся геополитическая модель мироустройства сегодня, в наибольшей степени соответствует интересам России. Именно складывающаяся многополярность должна определять геополитическую стратегию нашего государства. Одни политологи называют оптимальную стратегию России «стратегией балансирующей равноудаленности», другие – «стратегией равноприближенности», что сути дела не меняет. И та, и другая стратегии предполагают, что наилучшей политикой для России будет поддержание динамичного равновесия между основными центрами мировой силы, в отношениях с которыми, нам следует перейти к прагматичной, спокойной и взвешенной политике балансирования, сохраняя по возможности со всеми ровные, партнерские отношения. При этом необходимо четко разграничить сферы жизненно важных интересов и договориться о взаимном невмешательстве в эти сферы. Определить зоны взаимодействия по стратегическим вопросам, представляющим долгосрочный взаимный интерес.

В целом политика России должна быть нацелена на упрочение многополюсной структуры мира, на противодействие формированию однополярности, поддерживая стремление Германии, Франции, Японии и других стран освободиться из-под опеки США, стать самостоятельными полюсами влияния, контролирующими цивилизационно близкие регионы.

Итак, идеи полицентризма являются не выражением переходного состояния в мировой политике, а определяющей структурной оптимой мирового порядка, фундаментом архитектуры глобальной и всеобщей безопасности на земле, базирующейся на геополитических законах и принципах теории геополитики. От того, насколько консолидировано, слаженно и обдуманно мировое сообщество будет использовать имеющийся у нее на вооружении потенциал развития, будет зависеть и облик нашей планеты, обеспечивающий общее и одинаково приемлемое для всех будущее, облик будущего, который у П. Дракера получил название «нового общества», у Ж.-Ф. Лиотара – «постсовременного», у Д. Габора – «зрелого».

THE MULTIPOLAR WORLD: REALITY AND PROSPECTS

V.G. KALYUZHNYI

*Syzran High Military Aviation
School of Pilots (Military
Institute)*

e-mail: vadim.kalyuzhnyy@bk.ru

Article is devoted to problems of formation and evolution of the geopolitical processes contributing to the realization of various paradigms of world order. It touches upon issues of transformation mechanisms of development and functioning of the world system. The author analyzes the problem of determining of geopolitical model of the future.

Key words: world order, geopolitical antagonism, multipolar world.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абакумов А.А.** – аспирант кафедры всеобщей истории Педагогического института Южного федерального университета
- Адамов М.А.** – аспирант кафедры истории Отечества Курского государственного университета
- Антонов Е.А.** – профессор кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук
- Березин С.Я.** – аспирант Армавирского государственного педагогического университета
- Бессуднова М.Б.** – доцент кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета, кандидат исторических наук
- Бросова Н.З.** – профессор кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук
- Брусенская Р.А.** – студентка Института государственного и муниципального управления Белгородского государственного университета
- Варфоломеев М.А.** – аспирант кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета
- Василенко В.В.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Денисова М.А.** – аспирант кафедры истории России Курского государственного университета
- Дудка А.И.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Ещенко Ю.Г.** – аспирант кафедры всеобщей истории Астраханского государственного университета
- Зайцева И.В.** – аспирантка кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Зиливинская Э.Д.** – старший научных сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, кандидат исторических наук
- Иваницкая Я.Ю.** – аспирантка кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Ильина К.А.** – аспирантка кафедры отечественной истории исторического факультета Казанского государственного университета
- Кайль А.В.** – ассистент кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета
- Калюжный В.Г.** – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сызранского высшего военного авиационного училища летчиков, кандидат политических наук, доцент

-
- Кидяров А.Е.** – аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова
- Клышнюк Н.А.** – студент социально-теологического факультета Белгородского государственного университета
- Кокорхоева Д.С.** – доцент кафедры всеобщей истории Ингушского государственного университета, кандидат исторических наук
- Кузьмичев А.В.** – ассистент кафедры музеологии и краеведения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
- Литич В.В.** – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Белгородского государственного университета, доктор филологических наук
- Морозов В.В.** – аспирант кафедры историографии и источниковедения исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Нарожный Е.И.** – директор Центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент
- Прокопенко С.Н.** – старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Пушкарев Л.Н.** – ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН, доктор исторических наук
- Пушкин С.В.** – аспирант кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета
- Реутов Е.В.** – доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент
- Рылов В.Ю.** – доцент кафедры новейшей истории Отечества и историографии исторического факультета Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук
- Сафронов О.С.** – доцент Военного авиационного инженерного университета, г. Воронеж, кандидат исторических наук
- Сбитнева Ю.Н.** – магистрант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Сергиенко М.А.** – старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук
- Смирнов М.М.** – начальник отдела стратегического планирования и развития Научно-исследовательского центра Московского городского университета управления Правительства Москвы, кандидат философских наук
- Сорокина И.А.** – заведующая музейной группой Института археологии РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

-
- Страхов А.М.** – профессор кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук
- Строгецкий В.М.** – заведующий кафедрой культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета, доктор исторических наук, профессор
- Субботин П.Ю.** – ассистент кафедры документоведения Белгородского государственного университета
- Фомичев Н.Н.** – магистрант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета
- Чередниченко А.Г.** – доцент кафедры теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного университета, кандидат философских наук
- Шенцов М.Е.** – студент социально-теологического факультета Белгородского государственного университета
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета, доктор философских наук
- Щендрыгин А.Н.** – аспирант кафедры теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного университета
- Ямпольская Г.А.** – аспирант кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в 2-х экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<i>на русском и английском языках</i>
	}	<i>на русском языке</i>

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.

-
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
 6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
 7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
 8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

**КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹**

А. В. ИВАНОВ¹⁾

Л. Н. ПЕТРОВ²⁾

*¹⁾ Департамент экономического
развития Белгородской
области*

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: bor@bsu.edu.ru

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

**KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY**

A. V. IVANOV¹⁾

L. N. PETROV²⁾

*¹⁾ Department of Economic
Development, Belgorod Region*

²⁾ Belgorod State University

e-mail: bo@bsu.edu.ru

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Key words: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

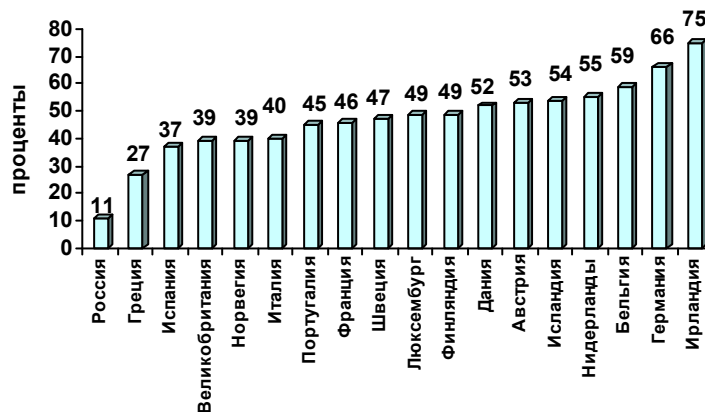

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

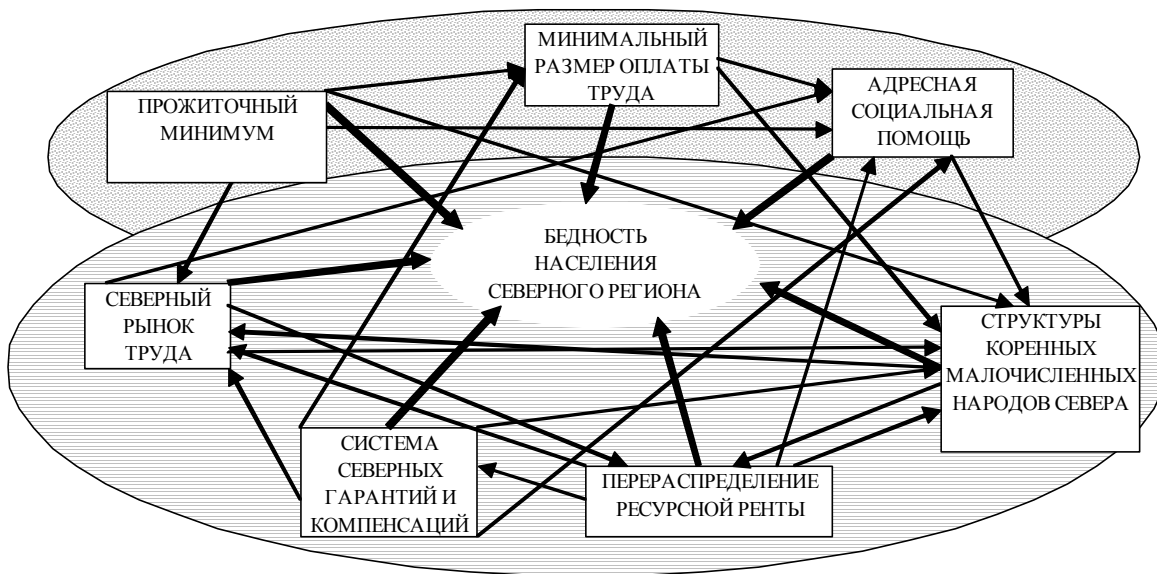

Рис 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.